

**ВІЙСЬКОВИЙ
ПОЛОН
ТА
ІНТЕРНУВАННЯ
1939–1956**

ДЕРЖАВНА МІЖВІДОМЧА КОМІСІЯ У СПРАВАХ УВІЧНЕННЯ ПАМ'ЯТІ
ЖЕРТВ ВІЙНИ ТА ПОЛІТИЧНИХ РЕПРЕСІЙ
ПРИ КАБІНЕТІ МІНІСТРІВ УКРАЇНИ
ОБ'ЄДНАННЯ «САКСОНСЬКІ МЕМОРАЛИ»
У ПАМ'ЯТЬ ЖЕРТВАМ ПОЛІТИЧНОГО ТЕРОРУ
ДЕРЖАВНИЙ КОМІТЕТ АРХІВІВ УКРАЇНИ
АКАДЕМІЯ УПРАВЛІННЯ
МІНІСТЕРСТВА ВНУТРІШНІХ СПРАВ УКРАЇНИ
СЛУЖБА ПОШУКУ НІМЕЦЬКОГО ЧЕРВОНОГО ХРЕСТА
СЛУЖБА БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ
НАРОДНИЙ СОЮЗ НІМЕЧЧИНИ ЗА ДОГЛЯДОМ
ЗА ВІЙСЬКОВИМИ МОГИЛАМИ

*XXI століття:
Пошук шляхів примирення біля могил полеглих*

ВІЙСЬКОВИЙ ПОЛОН ТА ІНТЕРНУВАННЯ 1939–1956 ПОГЛЯД ЧЕРЕЗ 60 РОКІВ

*Матеріали міжнародної наукової конференції
2–4 червня 2006 року*

Київ
2008

УДК 94(100)(06)“1939/1956”
ББК 63.3(0)я43
В42

Редакційна колегія:

доктор *Ульріх АУСТЕРМЮЛЛЕ* (ФРН)
професор *Геннадій БОРЯК* (Україна)
доктор *Ларс ВЕСТЕРЛУНД* (Фінляндська Республіка)
член-кореспондент Академії будівництва України
Віталій КАЗАКЕВИЧ
доктор *Владимир Коротаєв* (Російська Федерація)
доктор *Клаус-Дітер МЮЛЛЕР* (ФРН)
доктор *Александр Харитонов* (ФРН)
професор *Йожеф ХОЛЛО* (Угорська Республіка)
професор *Анатолій ЧАЙКОВСЬКИЙ* (Україна)
професор *Володимир ШЕВЧЕНКО* (Україна)

Відповідальний науковий редактор
доктор історичних наук, професор,
заслужений працівник освіти України
Анатолій ЧАЙКОВСЬКИЙ

Військовий полон та інтернування. 1939–1956. Погляд через 60 років /
В42 **Матеріали міжнародної наукової конференції 2–4 червня 2006 р. — К.: Парламентське вид-во, 2008. — С. 336.**
ISBN 978-966-611-596-9.

Початок спільній німецько-українській розробці проблеми «Радянські й німецькі військовополонені та інтерновані» покладено у 2004 р., підписанням угоди між Державним комітетом архівів України й Об'єднанням «Саксонські меморіали» у пам'ять жертвам політичного терору (ФРН).

До пропонованого читачеві збірника включено доповіді та повідомлення, які були виголошені на міжнародній науково-практичній конференції «Військовий полон та інтернування. 1939–1956. Погляд через 60 років», що відбулася у Києві 2–4 червня 2006 р. Висвітлюються проблеми військового полону розглядуваного періоду, а також деякі його аспекти часів Першої світової війни. Вміщено документальні розповіді, видруковані у різний час у газеті «Сільські вісті».

Матеріали збірника стануть важливим підґрунтям для подальших досліджень цієї проблеми істориками, політологами, а також будуть корисні усім, хто цікавиться непростю і нерідко суперечливою історією Другої світової війни.

УДК 94(100)(06)“1939/1956”

ББК 63.3(0)я43

ISBN 978-966-611-596-9

ЗМІСТ

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ	6
Учасникам Міжнародної наукової конференції	8
ДО ЧИТАЧА	9

І. ДОПОВІДІ І ПОВІДОМЛЕННЯ

<i>Клаус-Дитер Мюллер</i> Советские и немецкие военнопленные и интернированные (Научно-исследовательский проект)	13
<i>Ларс Вестерлунд</i> Советские военнопленные и интернированные в Финляндии (1939–1944 гг.)	24
<i>Дмитрий Фролов</i> Советские и финские военнопленные (1939–1944 гг.) Сравнительный анализ	33
<i>Сергей Чувашин, Сергей Ильенков</i> Советские военнопленные по документам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации	46
<i>Сергей Богунов</i> Использование труда советских военнопленных на территории Украины в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)	53
<i>Володимир Шевченко</i> Фашистський окупаційний режим в Україні та доля військовополонених (1939–1944 рр.)	67
<i>Вернер Буш</i> Лагерь советских военнопленных 326 Зенне	71
<i>Фаина Винокурова</i> Судьбы советских и немецких военнопленных по документам фондов Государственного архива Винницкой области	75

<i>Євген Лисенко</i> Соціальне становище радянських військовополонених у роки Другої світової війни	86
<i>Сергей Богунов</i> Советские военнопленные и пропагандистская деятельность Имперского министерства по делам оккупированных Восточных областей	96
<i>Александр Харитонов</i> Лагерь Цайтхайн в свете новых документов	105
<i>Леонила Некрасова</i> Военнопленные лагеря Ламбиновице	115
<i>Елена Мельник, Ирина Христенко</i> Обработка документов и формирование автоматизированных баз данных в отношении судебных советских военнопленных из Украины	121
<i>Владимир Кортаев</i> Система лагерей ГУПВИ НКВД (МВД) СССР и немецкие военнопленные (1941–1956 гг.)	143
<i>Александр Потыльчак</i> Лагеря для военнопленных в системе советского военного плена на территории Украины в 1939–1954 гг.	154
<i>Анатолий Чайковский</i> Трудовое использование военнопленных и интернированных в Украине (1944–1953 гг.)	166
<i>Хансйорг Кальцик, Ульрих Аустермюлле</i> Судьбы немецких военнопленных и интернированных	178
<i>Анатолий Шарков</i> Немецкие военнопленные в Беларуси	186
<i>Андреас Хильгер</i> Судебные процессы по делу военнослужащих вермахта в Украине	206
<i>Йозеф Холло, Андор Биро</i> Венгерские военнослужащие в советском плену. Результаты, проблемы и перспективы исследования	218
<i>Сергей Чайковский</i> Нормативно-правовые и организационные вопросы агентурно-оперативной работы среди военнопленных и интернированных (1939–1953 гг.)	224

<i>Діана Алексеева-Процюк</i> Організація роботи й утримання військовополонених та інтернованих на відбудові об'єктів столиці України (1945–1950 рр.)	255
<i>Виктор Карпов</i> Особенности пребывания японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.)	260
<i>Олексій Калюк</i> Правові засади організації та діяльність конвойних військ НКВС (МВС) у 1945–1953 рр.	271
<i>Валентина Курило</i> Правовий статус іноземних військовополонених на території України (1917 р. – квітень 1918 р.)	279
<i>Шрадер Ханс-Ульрих</i> Результаты работы Народного союза Германии в Украине за последние 12 лет	286

II. ДОКУМЕНТАЛЬНІ СТАТТІ ТА НАРИСИ

<i>Анатолій Чайковський</i> Трагедія полону	293
<i>Людмила Шмиг</i> У кожного полеглого є ім'я	297
<i>Зенон Михклик</i> Не пропав безвісти, а загинув	308
<i>Катерина Ковальчук</i> Якби ж не війна	311
<i>Микола Ничепоренко</i> «А ви не бачили нашого батька?»	313
<i>Олександр Небагатов</i> «Це ж мій рід, моє правікове коріння»	317
<i>Володимир Журавель</i> Долі, обпалені війною	320
<i>Олександр Небагатов</i> Остання фотокартка з війни	325
<i>Катерина Ковальчук</i> Таємниця двох фотокарток	328
ПІСЛЯМОВА	331

СПИСОК ОСНОВНЫХ СКОРОЧЕНЬ

ГБ	— Государственная безопасность
ГКО	— Государственный комитет обороны
ГлавПУ РККА	— Главное политическое управление Красной Армии
ГОКО	— см. ГКО
ГУ	— Главное управление
ГУВВ	— Главное управление внутренних войск
ГУГБ	— Главное управление государственной безопасности
ГУКВ	— Главное управление конвойных войск
ГУЛАГ	— Главное управление лагерей
ГУПВИ	— Главное управление по делам военнопленных и интернированных
КВ	— конвойные войска
МВД	— Министерство внутренних дел (СССР)
МВС	— Міністерство внутрішніх справ (СРСР)
МГБ	— Министерство государственной безопасности (СССР)
МБД	— Міністерство державної безпеки (СРСР)
МО	— Министерство обороны
Наркомвнудел	— Народный комиссариат внутренних дел (СССР)
НК	— Народный комиссариат
НКВД	— см. Наркомвнудел
НКВС	— Народний комісаріат внутрішніх справ (СРСР)
НКГБ	— Народный комиссариат государственной безопасности (СССР)
НКДБ	— Народний комісаріат державної безпеки (СРСР)
НКО	— Народный комиссариат обороны
ОГПУ	— Объединенное главное политическое управление
ОКВ	— Верховное командование вооруженными силами Германии
ОКХ	— Главное командование сухопутными силами Германии
ОО	— Особый отдел
ОПВ	— отдел по делам военнопленных
ОПВИ	— отдел по делам военнопленных и интернированных

ОРБ	— отдельный рабочий батальон
ПФЛ	— проверочно-фильтрационный лагерь
РБ	— рабочий батальон
РСХА	— Главное управление имперской безопасности (Германия)
СД	— служба безопасности (Германия)
Сигуранца	— тайная политическая полиция (Румыния)
СМЕРШ	— (смерть шпионам) разведывательный и контрразведывательный орган Красной Армии
СНО	— Союз немецких офицеров
с/о	— секретный осведомитель
СНК	— Совет Народных Комиссаров СССР
СПВ	— сборный пункт военнопленных
СС	— охранные отряды и войска (Германия)
ССИ	— румынские разведывательные органы
УКВ	— Управление конвойных войск
УМВД	— Управление МВД (областное, краевое)
УНКВД	— Управление НКВД (областное, краевое)
УПВ	— Управление по делам военнопленных
УПВИ	— Управление по делам военнопленных и интернированных

**Учасникам
Міжнародної наукової конференції**

*XXI СТОЛІТТЯ:
ПОШУК ШЛЯХІВ ПРИМИРЕННЯ
БІЛЯ МОГИЛ ПОЛЕГЛИХ*

**ВІЙСЬКОВИЙ ПОЛОН ТА ІНТЕРНУВАННЯ
1939–1956
ПОГЛЯД ЧЕРЕЗ 60 РОКІВ**

Шановні пані та панове!

Щиро вітаю учасників Міжнародної наукової конференції на гостинній українській землі.

Подібний форум відбувається у Києві втретє, що має велике символічне та практичне значення для нашої держави.

Український народ зазнав величезних втрат у світових війнах минулого сторіччя. 60 років минуло відтоді, як закінчилась остання з них, але і сьогодні існує чимало білих плям в історії того періоду.

Питання увічнення пам'яті жертв воєн має велике значення як на загальнодержавному, так і на міжнародному рівні. Україна докладає всіх зусиль для вшанування полеглих на війні співвітчизників, а також похованих на її території громадян інших держав.

Переконаний, Міжнародна конференція за участі представників країн Європи — учасників тих трагічних подій — поглибить наші відносини з питань увічнення пам'яті загиблих, дасть можливість обмінятися цінним досвідом у цій сфері.

Бажаю успіхів у Вашій благородній справі, здоров'я, щастя, миру і злагоди. Нехай війна ніколи не торкнеться Вас, Ваших рідних та близьких.

Прем'єр-міністр України

Ю. І. Єхануров

2 червня 2006 р.

ДО ЧИТАЧА

Людина на війні — не вичерпана у своєму трагізмі сторінка світової історії і, без сумніву, вона заслуговує всебічного і неупередженого дослідження. Тому головною темою та особливим предметом пропонованої збірки матеріалів Міжнародної наукової конференції «Військовий полон та інтернування. 1939–1956. Погляд через 60 років» є доля тих, хто опинився за колючим дротом.

Реалії розвитку людської цивілізації засвідчили: будь-які революції та війни, навіть ті, що за своїм характером є визвольними й справедливими, стають великим випробуванням та лихом для цілих народів. Проливається кров, гине величезна кількість людей, непоправних морально-психологічних травм зазнає переважна частина суспільства, страждає економічний розвиток держави.

Однією з драматичних сторінок цих подій є полон та його різновид — інтернування. Під час Другої світової війни така доля спіткала десятки мільйонів людей. Трагізм полягав у тому, що в силу різних причин та обставин їм довелося пройти шляхом небачених випробувань, жорстокості, приниження, голоду, хвороб та смерті. Як наслідок, число тих, хто не повернувся до рідної домівки, від загальної кількості полонених і інтернованих, сягає понад 50 відсотків. Не менш болючим є й те, що навіть після завершення війни сотні тисяч її бранців ще тривалі роки продовжували залишатись у неволі.

Минуло понад 60 років по закінченню найбільшої за масштабами і жертвами у світовій історії катастрофи — Другої світової війни. Прийдешні покоління поволі забувають не тільки події і факти, пов'язані із цією планетарною трагедією, але, на жаль, і її уроки. Як і раніше, з боку провідних світових держав прослідковується політика силового вирішення нагальних питань. При цьому досить часто застосовується зброя. Лише це дає підстави стверджувати: існує реальна небезпека самознищення людства. Земній цивілізації смертельну загрозу несуть такі суспільно-політичні, соціально-економічні та природні явища і катаклізми, як терор, безальтернативне зменшення природних енергоресурсів, глобальне потепління і, як наслідок, невідворотні екологічні процеси, поява нових невиліковних недугів. Можна лише шкодувати, що зі свого минулого людство мало що взяло для майбутнього.

Проведення протягом останніх років в Україні під загальною назвою «XXI століття: пошук шляхів примирення біля могил полеглих» третьої Міжнародної конференції з проблем військового полону й інтернування — це спроба привернути увагу громадськості до цих питань не лише з точки зору їх наукового пізнання, а й намагання якимось чином застерегти від можливостей повторення нової глобальної катастрофи, наслідки якої передбачити нескладно.

Під час висвітлення проблем полону й інтернування в усіх їхніх проявах вчені, на наше переконання, шляхом пропаганди мирного співіснування міжнародної спільноти повинні мати на меті запобігання новим воєнним зіткненням, особливо подібним до того, що трапилося у першій половині XX століття. Водночас необхідно формувати й зміцнювати культуру миру, взаємоповагу і взаємопорозуміння між народами, зокрема й між колишніми воєнними супротивниками.

З набутого у ході проведення наукових заходів досвіду впливає й інший, не менш важливий, морально-етичний аспект — це надати сім'ям і родичам колишніх військовополонених та інтернованих, особливо тих, хто не повернувся до домашнього вогнища, будь-яку, навіть незначну інформацію стосовно долі дорогих їм людей.

Збірник складається з двох частин: виголошених на конференції доповідей і повідомлень та документальних розповідей, підготовлених і видрукованих у різний час у газеті «Сільські вісті». Хочеться вірити, що вміщені у ньому матеріали будуть цікавими і повчальними не лише для фахівців, а й для широкого читачького загалу.

Професор А. Чайковський

I.
ДОПОВІДІ
І ПОВІДОМЛЕННЯ

СОВЕТСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ

(Научно-исследовательский проект)

КЛАУС-ДИТЕР МЮЛЛЕР

Документационный центр
Объединения «Саксонские мемориалы»,
ФРГ

В докладе хотелось бы обратить ваше внимание на научно-исследовательский проект, работа над которым началась более шести лет назад в виде двустороннего германо-российского проекта под названием «Советские офицеры, умершие в немецком плену в 1941–1945 гг.». С тех пор этот проект получил огромное развитие, стал поистине крупным и многосторонним. Расширился круг исследуемых вопросов: добавились списки умерших советских военнопленных рядового и сержантского составов, затем информация о судьбах советских военнопленных, а в настоящее время также ведутся работы и по немецким военнопленным и интернированным. Стал шире и круг государств (Украина, Беларусь) и, прежде всего, архивных служб и учреждений, участвующих в проекте.

Осуществление проекта такого масштаба зависит от наличия определенных предпосылок: открытия архивов Восточной Европы после окончания холодной войны, преодоления разделения Германии, а также от достижения независимости бывшими советскими республиками. Кроме того, необходимо было пробудить соответствующее «общественное сознание» для того, чтобы заняться этой десятилетиями «забытой» и табуизированной группой жертв Второй мировой войны, какой являются советские военнопленные.

Для интенсификации сотрудничества также необходимо было создать соответствующую договорно-правовую основу и заручиться политической поддержкой правительств Германии, России, Беларуси и Украины.

Под руководством Объединения «Саксонские мемориалы» объединился и ряд немецких научных и мемориальных учреждений, архивов, чтобы совместно с партнерами в Восточной Европе обрабатывать взаимно интересующие научные и гуманитарные вопросы военного плена. Проект поддерживают государственные и военные архивы, архивы служб безопасности и министерств внутренних дел Российской Федерации, Украины и Беларуси.

Со стороны Украины, которая с 2004 г. принимает участие в проекте, с нами сотрудничают: Государственный комитет архивов, архивная служба СБУ, Архив высших органов власти и управления, Государственный городской архив г. Киева, а также ряд ученых-историков.

До открытия восточноевропейских архивов трудно было найти ответы на многие вопросы. В то время как немецкие документы, по крайней мере с начала 80-х гг., позволили воссоздать реальную картину мучений и смерти советских военнопленных с точки зрения немецких приказов и отчетов (речь идет о так называемых «преступных приказах») и таким образом обеспечить этой группе жертв достойное место в культурной памяти Федеративной Республики Германия, без доступа к советским документам невозможно было ответить на целый ряд важнейших вопросов, а именно:

— Существовала ли полная и повсеместная регистрация и документация советских военнопленных как необходимая предпосылка для того, чтобы сегодня исследовать конкретные судьбы?

— Какие военнопленные действительно были захоронены в массовых могилах при крупных шталагах и на сотнях коммунальных кладбищ в Германии?

— Возможно ли будет в интересах родных бывших военнопленных определить точные места их смерти и захоронения?

— При каких обстоятельствах советские военнопленные сдались в плен, случалось ли сотрудничество с немецкой стороной?

— Какое общее число военнопленных окажется реальным? Может быть, нам придется опровергнуть общепринятое мнение?

— Какое место занимает массовая гибель советских военнопленных в историографии преступлений нацизма в диапазоне от геноцида до неизбежной трагедии?

В отношении немецких военнопленных на начальном этапе проекта в центре внимания стояли следующие вопросы:

— Возможно ли будет на основе доступных теперь архивных документов выяснить дальнейшие судьбы людей, считавшихся до сих пор пропавшими без вести?

— Что представляет собой советский плен по сравнению с немецким — в диапазоне от заведомо допущенной смерти до неизбежных обстоятельств?

— Покажут ли источники постсоветских архивов иную картину военного плена, отличающуюся от той, о которой говорят многотысячные опросы и воспоминания людей, вернувшихся из этого плена, и которые составляли основу для публикаций комиссии Машке, в течение долгого времени доминировавшие в историографии военного плена?

Разрешите остановиться подробнее на двух избранных аспектах наших работ. Первый — это результаты работ по советским военнопленным на сегодняшний день.

Основой для выяснения судеб являются документы, которые отдел по вопросам военного плена немецкого вермахта составлял на советских военнопленных в период 1941–1945 гг. Большая часть этих материалов в 1945 г. попала в руки западных союзников. Американцы передали те из них, которые касались советских военнопленных, Красной армии. В Германии они долгое время считались пропавшими.

Главным предметом работы по этой части проекта является дигитализация имеющихся на хранении в постсоветских архивах карточек с информацией о советских военнопленных в руках Германии, а также занесение этой информации в соответствующие электронные базы данных.

Указанные материалы справочной службы вермахта (ВАСт) в основном охватывают следующие типы документов:

— **Персональная карточка I** со всеми важными личными данными пленного, по его военной службе и плену. Это — данные о переводе в тот или иной лагерь, о трудовом использовании, о болезнях, наказаниях, нередко и о смерти или освобождении из плена. Во многих случаях имеются фотографии.

— **Персональная карточка II** с подробной информацией о трудовом использовании и зарплате.

— **Зеленая карточка**, которая заполнялась самим военнопленным и которая использовалась для сообщения каждого отдельного перевода в другой лагерь справочной службе вермахта (ВАСт).

— **Лазаретная карточка**, которая заводилась в случае пребывания военнопленного в госпитале и которая наряду с личными данными служила для записи данных о болезнях, сроках лечения, а также — при необходимости — о причинах смерти и местонахождении могилы. Нередко к ней подшиты и соответствующие больничные листы.

— **Извещение о смерти и могильная карточка**, на которых указаны дата, место и причина смерти, а также кладбище и место захоронения.

Эти документы заводились и заполнялись ответственным для данного пленного шталагом и в случае освобождения из плена или смерти передавались в справочную службу вермахта (ВАСт).

Кроме того, сохранились отдельные учетные списки, извещения об убытии в случае смерти военнопленного, а также списки, которые немецкие коммунальные органы в 1945 г. по приказу союзников должны были составить на иностранцев (военнопленных и насильственно вывезенных на работу) и передать их союзникам. Имеется и целый ряд списков по кладбищам. Эти различные виды документов сегодня хранятся

не централизованно, а разбросаны по многочисленным архивам Германии и соседних государств.

В гуманитарном плане задача прежде всего состоит в том, чтобы выяснить судьбы советских солдат, попавших в немецкий плен, которые во многих случаях для родственников до сих пор считались без вести пропавшими и место захоронения которых, казалось бы, неизвестно. Систематический ввод личностной информации в базу данных ныне — по истечении более 60 лет с конца войны — во многих случаях все же позволяет выяснить индивидуальную судьбу человека. И вчера, в частности, опять целый ряд семей получил соответствующую информацию о своих близких.

Таким образом, умершие выхватываются из анонимной массовой судьбы, что позволяет нам сегодня вернуть им их биографию, лицо и достоинство в виде мемориалов в Германии или на бывших оккупированных территориях.

Теперь захоронены уже не тысячи неизвестных солдат, а тысячи конкретных лиц. Свидетельством новых возможностей, которые открываются благодаря этой работе, является ряд Книг памяти, которые уже вышли в свет, как, например, Книга памяти Хаммельбург (Бавария) или Цайтхайн (Саксония).

Учет картотечных фондов и прочих документов с персональными данными преследует и ряд научно-исследовательских целей:

- основанный на анализе индивидуальных судеб подсчет количества военнопленных, умерших среди них, причин их смерти, заведомо убитых, а также определение количества смертных случаев за тот или иной период, сроков и мест трудового использования;
- определение точных чисел по отдельным лагерям военнопленных или концентрационным лагерям;
- подтвержденная эмпирическим анализом типизация путей передвижения военнопленных в ходе Второй мировой войны;
- решение проблемы коллаборационизма;
- более точные знания о претворении в жизнь приказов, об условиях жизни и труда в лагерях;
- решение проблемы фильтрации и репатриации;
- углубление знаний об объемах, распределении и содержании архивных фондов (в тесном сотрудничестве с архивами).

Чего мы добились за прошедшие семь лет?

Первый этап проекта, исследование и выяснение судеб умерших в плену советских офицеров, имел характер пилотного проекта, был завершен через два года, в 2001 г. С 2002 г. началась обработка гораздо более объемных фондов по пленным рядового и сержантского состава. На февраль 2006 г. рабочими группами в России, Беларуси и Украине

дигитализированы около миллиона документов на 350 тыс. человек и заведены на них соответствующие записи в базе данных. С каждым годом этот фонд растет примерно на 120 тыс. человек. Поскольку каждая запись в базе данных охватывает до 30 категорий информации, массив данных теперь уже насчитывает около 20–30 млн единиц.

В Украине с середины прошлого года обработкой данных заняты две рабочие группы — в архиве СБУ и в Архиве высших органов власти и управления. Немецкой стороне уже передана база данных на несколько тысяч человек.

С другой стороны, Государственный комитет архивов Украины за последние годы передал немецкой стороне обширные списки содержания архивных фондов. По мере возможностей и наличия финансовых средств эти фонды будут обработаны в ближайшие годы.

Мы исходим из того, что в целом удастся выявить и проанализировать материалы фильтрационных дел на более чем 100 тыс. украинцев в рядах Красной армии. Вообще мы рассчитываем найти материалы из России, Украины и Беларуси примерно на один миллион человек.

Каковы научные результаты работы и какие имеются возможности для выяснения судеб военнопленных?

1. Количество военнопленных для обеих воюющих сторон было не просто числом, но также и выражением силы и преимущества над другой стороной. До начала проекта десятилетиями количественные данные основывались лишь на подсчетах советствующих генеральных штабов (на базе справок о потерях частей Красной армии и справок о взятиях в плен частей вермахта). Эти числа никогда даже приблизительно не сходились. Более того, указанное количество военнопленных всегда зависело и от определения таковых и от точных временных границ подсчета. Поэтому и в исторической науке отдельные подсчеты сильно отличаются друг от друга.

2. Нами было установлено, что шталаги на территории немецкого рейха регистрировали советских военнопленных тщательно и полностью. Таким образом, принципиально возможно выяснить судьбы вплоть до 1,5 млн военнопленных, в том числе около 400 тыс. умерших, если только будут найдены соответствующие документы.

Доказано, например, что в шталаге Цайтхайн захоронено около 25 тыс. советских военнопленных (судьбы 15 тыс. из них уже стали известны), в Берген-Бельзене — 19 тыс., а в Зенне — около 16 тыс.

3. Большинство советских военнопленных (от 2,5 до 3,5 млн) однако не было доставлено до территории рейха. Они либо были освобождены уже вскоре после взятия в плен, либо остались там до освобождения. Но огромное количество из них, видимо, умерло или было убито на оккупированных территориях, значительная часть из них скорее всего

во время длительных маршей в лагерь еще до всякой регистрации. Поэтому оккупированные территории представляют наибольшую проблему для научных исследований. Насколько возможно будет выяснить судьбы этого контингента, покажет будущее.

По предварительным итогам, десятки тысяч военнопленных были зарегистрированы в пересыльных лагерях, а также в шталагах на оккупированных территориях. Но на них до сих пор найдено гораздо меньше карточек, чем на военнопленных, находившихся на территории рейха.

Отдельные дулаги и шталаги, однако, и в этой области уже на осень 1941 г. регистрировали десятки тысяч военнопленных.

4. Найденные карточки и документы позволяют на более широкой эмпирической базе, чем это было возможно до сих пор, сделать выводы об общем уровне смертности, о причинах смерти, о протекании процесса массовой гибели, а также о месте и роли отдельных лагерей в лагерной системе (взаимосвязь, трудовые команды, учреждения гестапо, осуществление приказа о комиссарах, управление биржей труда). В этом отношении, например, имеется достаточный материал по лагерю Зенне/Штукенброк из Государственного архива Российской Федерации, который позволяет реконструировать точную загруженность лагеря, правила организации охраны, а также особые происшествия, такие как совершенные против советских военнопленных зверства, побёги, сопротивление и отказ от работы, питание и медицинское обслуживание.

Несмотря на принципиально бесспорные нарушения норм международного права в обращении с советскими военнопленными, все же найдены некоторые документы, подтверждающие, что немецкая администрация лагеря в отдельных случаях, как, например, в Линкунене, делала все от нее зависящее, чтобы облегчить участь вверенных им советских военнопленных.

5. База данных как инструмент анализа дает нам невиданные до сих пор возможности выяснения судеб. С одной стороны, она позволяет отнести различные карточки, которые до сих пор числились за разными людьми, к одному и тому же человеку. Это важно для архивов: и здесь ведь проект помогает вести электронный учет фондов. Таким образом, теперь архиву легче ответить на запросы, в отношении которых пока исходили из того, что нет данных просто-напросто потому, что, как пишет Казакова (которая работает в проекте со стороны Беларуси), «данные алфавитной учетной картотеки не соответствовали действительности».

С другой стороны, как считает Казакова, теперь стало возможно дополнить источники «собственными логическими соображениями», если, например, из сравнения номера военнопленного с похожими номерами других можно сделать вывод о дате прибытия в лагерь.

6. Кроме того, можно выяснить место захоронения человека, если сравнить номер опознавательной марки на могиле неизвестного солдата (это, например, имеет место во Фрайберге в Саксонии) с записью в базе данных под этим номером, где указаны фамилия, имя и некоторые биографические данные этого конкретного человека. Уже пробное сверение имеющейся на могильных камнях информации (фамилия и дата смерти или же «неизвестный солдат» и номер опознавательной марки) с нашей базой данных позволило выяснить судьбы 14 человек. Например: На одном из могильных камней обнаружена надпись: «Неизвестный советский солдат 36732». На основе этого числа, которое оказалось номером опознавательной марки, выяснилось, что это была могила некоего Якова Рожкова, родившегося 25 ноября 1910 г., попавшего в плен 24 сентября 1941 г. и умершего 25 сентября 1942 г. Под этим номером он был зарегистрирован в лагере 304 (IV Н) в Цайтхайне, куда он попал 8 августа 1942 г. 23 сентября его перевели в трудовую команду в г. Зайфен, где он уже через два дня умер, возможно вследствие несчастного случая, хотя в списке указана дизентерия как причина смерти. В списке захороненных в районе Фрайберга советских военнопленных числятся 6 человек, захороненных в Зайфене, один из них на местном кладбище и пятеро недалеко от бывшего лагеря военнопленных «Веттинская высота». Из другого, составленного после войны, списка вытекает, что Рожков 17 октября 1945 г. окончательно был перезахоронен на мемориальном кладбище г. Фрайберга.

7. Сравнение проанализированных до сих пор источников показывает, что уже на основе этих около 300 тыс. индивидуальных судеб можно сделать репрезентативные выводы, например, по поводу процентного соотношения потерь Красной армии по годам рождения, воинским званиям, национальностям и т. д.

а) Анализ даты пленения и года смерти в основном подтверждает полученные до сих пор результаты. Две трети всех военнопленных попали в плен в 1941 г., одна четверть — в 1942 г. и по 5 процентов — в 1943 и 1944 гг. Наибольшее количество смертных случаев приходится на 1942 г. Это было вызвано суровой зимой 1941 г. с ее массовыми эпидемиями и совершенно неудовлетворительными условиями этапирования, размещения и питания военнопленных. Начиная с 1942 г., количество умерших всегда превосходило число заново поступающих военнопленных. Только в 1943 г. абсолютное количество смертных случаев заметно снизилось, так как труд военнопленных стал больше цениться и соответственно питание стало лучше.

б) Доля смертности у офицерского и рядового состава была разной (у офицеров ниже).

Перейдем вкратце ко второй части проекта. Об этом я скажу всего несколько слов, так как представители Службы розыска Германского

Красного Креста на этом останутся более подробно. Об общих целях мы уже говорили. В отношении решения гуманитарных вопросов речь идет прежде всего:

— об обработке личных дел немецких военнопленных и интернированных, а также

— о выявлении списков умерших и мест их захоронений.

Что касается научных вопросов, речь идет:

— о реконструкции советской системы военного плена, прежде всего о создании обзорных списков лагерей, рабочих батальонов, госпиталей и кладбищ. До открытия российских архивов в начале 90-х гг. знания о лагерной системе ГУПВИ СССР базировались лишь на результатах исследований Службы розыска Германского Красного Креста, полученных путем ширококомасштабного опроса возвращенцев из плена. Эти результаты вошли в упомянутые выше публикации Комиссии Машке. Так, например, Бёме указывает 216 управлений лагерей, 2454 лагеря, 166 рабочих батальонов, 159 спецгоспиталей и 2159 мест, где трудились военнопленные. Но систематического обзора обо всех фронтовых и стационарных лагерях, спецгоспиталях и рабочих батальонах на основе документов самого ГУПВИ до сих пор нет. В рамках кооперационного проекта с РГВА разрабатывается справочник по фондам архива ГУПВИ. Он предусматривает краткий обзор:

— дислокации, загруженности и истории каждого лагеря;

— изменений реальных жизненных условий на основе периодов выживания;

— конкретной истории каждого лагеря;

— выявления действительного количества военнопленных, как умерших так и выживших.

Промежуточный анализ обнаруженных данных показал, что наибольшее количество смертных случаев, очевидно, приходится на 1945 г. и что, как и в случае советских военнопленных, шансы на выживание у немецких пленников начального периода войны (до Сталинграда) были наиболее низкие. Кроме того, пленные Сталинграда в среднем умирали быстрее, чем до сих пор предполагалось.

Центральной задачей проектных работ является крупномасштабная дигитализация примерно 2 млн личных дел ГУПВИ, хранящихся в РГВА в г. Москве. Подробнее об этом говорить будет Владимир Коротаев. Анализ этих документов позволит нам впервые получить широкий обзор самых разных аспектов пребывания военнопленных в системе ГУПВИ, в том числе и информацию о болезнях, смерти и захоронении военнопленных.

Этот массив документов состоит из примерно 1,7 млн дел военнопленных и 300 тыс. дел немецких гражданских лиц, в том числе граждан восточноевропейских стран немецкой национальности, депортированных

из рейха в конце войны немцев, приговоренных немецких граждан и депортированных заключенных спецлагерей. В рамках работы над проектом – по поручению Германского Красного Креста и Объединения «Саксонские мемориалы» – до сих пор было дигитализировано и занесено в базу данных около 450 тыс. дел общим объемом в 2 млн листов.

Как используются эти документы:

– В гуманитарных целях службами розыска (Германского Красного Креста, Немецкой службы [ВАСт], Федерального архива; Объединения жертв войны, прочих заинтересованных лиц) для выяснения судеб сотен тысяч считающихся без вести пропавшими людей. Часть этих дел относится и к бежавшим из плена и не «изъятым», т. е. пойманым бывшим военнопленным. Надо исходить из того, что многие из них до сих пор в Службе розыска Германского Красного Креста считаются без вести пропавшими. Обнаруженные в делах личные документы военнопленных (письма, дневники, фотографии) тоже дигитализируются, так как они имеют особое значение для родственников.

– Впервые документально подтверждаются места и причины смерти военнопленных.

– Снимаются копии с обнаруженных документов для передачи их родственникам умерших бывших военнопленных.

– Историческая наука использует материалы этих документов для дальнейшей разработки вопросов пребывания немцев в советском плену.

Таким образом, эти документы имеют не только огромное гуманитарное значение для бывших военнопленных и их родственников. Они представляют собой новый, широкий дополнительный базис для работы служб розыска. Одновременно они обладают и существенным значением для исторической науки, ибо документы содержат множество различной информации:

1) на «обычных» военнопленных (около 98 % от общего числа) – анкету со всеми основными персональными данными, служба в вермахте, участие в войне, пленение, пребывание в лагерях для военнопленных, трудовые команды, личные заявления, переписка, в случае болезни подробное описание протекания болезни, извещения о смерти или же об освобождении из плена;

2) на приговоренных военнопленных (около 32 тыс. лиц) – ордер на арест, протоколы обыска, допросов, судебный приговор, фотография приговоренного и, кроме этого, все указанные в п. 1 документы.

В 2003–2004 гг. исследовательский проект вступил в основной этап учета источников и занесения информации в базы данных.

Предложены первые научные результаты, подтверждающие поставленные гипотезы. Таким образом, мы сегодня можем исходить из того,

что действительно с самого начала — и видимо не только на территории рейха, но и на востоке — советские военнопленные были полностью зарегистрированы. Мы знаем, сколько советских военнопленных было на территории рейха и сколько из них умерло. Для многих лагерей выявлены достоверные минимальные числа, для ряда лагерей мы уже располагаем эмпирически подтвержденным описанием истории лагеря. Тем не менее, остаются пробелы, восполнить которые следовало бы в ближайшие годы. Это касается, прежде всего, обращения с советскими военнопленными на оккупированных восточных территориях, а также истории находившихся там лагерей. Архивы Восточной Европы располагают огромным количеством материалов по этим вопросам, которые следовало бы обработать.

Источниковая база для немецких военнопленных и интернированных тоже значительно расширилась с 2004 г. Последовательно идет дигитализация личных дел военнопленных, обработка записей баз данных региональных архивов, анализ многочисленных уголовных дел немецких военнопленных и гражданских лиц. Ведется подготовка к обработке кладбищенских книг и к созданию справочника по лагерям немецких военнопленных.

С другой стороны возросли скептические мнения в отношении до сих пор считавшихся достоверными чисел. Анализ немецких и советских документов по отдельным лагерям военнопленных дает повод для предельной осторожности как раз в названии чисел, пока не обработано гораздо большее количество документов с персональными данными, в то время как в отношении общей характеристики войны, оценки поведения немецкой и советской сторон, целей, преследованных высшими политическими кругами в этой войне вряд ли возникнут новые моменты. Что же касается истории отдельных мест, оценки поступков отдельных лиц, от этих исследований вполне можно ожидать основы для переоценки тех или иных фактов.

Взаимные встречи, обсуждения опыта в работе над проектом, совместный поиск новых решений и проведение научно-практических конференций способствовали открытию новых познаний и тем самым преодолению хотя бы части разделяющих нас в прошлом аспектов.

Историю и исторические события следует рассматривать не изолировано, а в контексте ситуации их возникновения, целей всех действующих лиц. Невозможно и неправильно с исторической точки зрения рассматривать советскую политику в отношении немецких военнопленных и меры (в том числе и репрессивные), принятые СССР в послевоенный период, в отрыве от предшествующей им немецкой политики оккупации и уничтожения. Также неверно было бы объяснять все советские мероприятия в отношении немецких военнопленных, а также

советскую послевоенную политику в советской оккупационной зоне (ГДР) только лишь Второй мировой войной и совершенными немцами зверствами против советских народов. Ведь Советский Союз как победитель в этой войне, несмотря на то, что эта победа стоила ему огромного количества жертв, все же представлял собой тоталитарное государство со своими собственными, прежде всего идеологически обоснованными, целями.

В своем предисловии к книге «Во имя живых» бывший государственный министр Кристина Вайс констатировала от имени федерального правительства Германии: «Куда идет общество, в котором человеческое достоинство попирается ногами, немцы узнали на собственном опыте. В траншеях, в концлагерях, в газовых камерах — достоинство всегда умирало первым. Многомиллионное лишение достоинства, миллионы жертв. Среди них и те неисчислимыe военнопленные из Советского Союза, судьбу которых только сейчас стало возможным исследовать. [...] Исследование их судьбы — одна из немногих возможностей вернуть жертвам хотя бы часть их достоинства».

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ (1939–1944 гг.)

ЛАРС ВЕСТЕРЛУНД

Национальный архив Финляндской Республики

В докладе рассматриваются три аспекта: во-первых, представлен научный проект — судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии в 1939–1944 гг.; во-вторых, изложены основные сведения о судьбе советских военнопленных в Финляндии, их количестве и значении; в-третьих, дано объяснение условий содержания украинских военнопленных в Финляндии во время войн между Финляндией и Советским Союзом.

В 2003 г. финская журналистка Элина Сана опубликовала книгу «*Luovutetut*» (переданные), в которой первой из писателей-документалистов обратила внимание на то, как Финляндия, участвующая в войне на стороне Германии в 1941–1944 гг., передавала ей военнопленных и гражданских лиц. Среди переданных было, например, несколько десятков евреев. Её книга привлекла международное внимание и, как следствие, «*Simon Wiesenthal Center*» из Иерусалимского отдела попросил президента Финляндии предоставить отчёт по этому вопросу. Правительство Финляндии решило заказать доклад о смертях советских военнопленных и о передаче после войны людей из Германии в Советский Союз.

В 2004 г., после того как парламент ассигновал деньги, Национальный архив Финляндии создал научный проект. Научный штат проекта состоит из руководителя, четырёх научных сотрудников и нескольких помощников. Весной 2008 г. проект закончится, таким образом, примерно половина времени, отпущенного на исследование, уже прошла. После завершения проекта будут опубликованы несколько научных докладов на финском языке и сборник научных трудов на английском языке.

Массовая гибель советских военнопленных и интернированных гражданских лиц

В 1941–1944 гг. в финских лагерях было зарегистрировано примерно 64 тыс. советских военнопленных. Из них погибли примерно 18 600 чел. Это составляет 29 % от общего числа находившихся в лагерях и в международном масштабе является средней величиной потерь.

Финские оккупанты заключили в западных частях Советской Карелии примерно 25 тыс. гражданских лиц в концлагеря и лагеря для перемещенных лиц. Из них погибли, насколько известно, примерно 4600 человек, в основном старики и дети. Смертность была около 18%.

Научный проект пытается выяснить и объяснить структуру и причины этой массовой гибели. Для этого имеются хорошие возможности, поскольку сохранилось много архивных материалов военного времени.

Советские военнопленные, переданные в Германию

Финские и немецкие военные занимались, в какой-то мере, обменом пленными. Финляндия передала Советскому Союзу в основном представителей национальных меньшинств и в обмен на это получила от немцев финно-угров. В 1941–1944 гг. финны передали немецким военным примерно 2800 советских военнопленных. Часть из них могла перейти добровольно, чтобы присоединиться к специальным воинским частям. Самыми большими группами военнопленных были: выходцы из Прибалтики — 600 человек, кавказцы — 500 человек, русские — 500 человек и 160 этнических немцев.

Как известно, контрольным центром генерального штаба Финляндии или контрразведкой передано немецким военным 524 военнопленных (19% от всех переданных). Предположительно, большая часть этой группы была передана без их согласия. Среди тех, кого передали, были, по меньшей мере, 44 еврейских военнопленных, но основанием для их передачи были не этнические, а, как мне кажется, другие мотивы.

Немцы передали финнам 1418 финно-угров, 13 русских и 750 представителей других национальностей — всего 2181 советского военнопленного.

Военнопленные и гражданские лица, переданные и возвращённые Советскому Союзу

Сразу после войны Финляндия возвратила Советскому Союзу 42 тыс. советских военнопленных, которые остались в живых, а также примерно 55 тыс. гражданских лиц — ингерманландцев, пришедших в Финляндию во время войны добровольно и при содействии немцев. Ингерманландцы считались гражданами Советского Союза. До войны они жили под Ленинградом и оказались в оккупации, когда германские войска заняли западные части Советского Союза. Кроме того, Финляндия передала Советскому Союзу примерно 2500 немецких военнопленных, которые оказались в руках финнов в конце лета, осенью и в начале зимы 1944 г., когда разразилась война между Германией и Финляндией. Большинство военнопленных, находившихся в Финляндии, возвращались в Советский Союз добровольно. Среди возвращённых были, однако, несколько тысяч человек, которым пришлось возвращаться не по своей воле. Во время войны в состав финской

армии входили воинские части из финно-угрских военнопленных, которые были гражданами Советского Союза. Спорным был вопрос о гражданстве у эстонских военнопленных, и они хотели возвращаться меньше всех. Финно-угрские воинские части состояли в основном из восточных карелов, ингерманландцев и эстонцев. По мнению Советского Союза, они были коллаборационистами. Поэтому Советский Союз старался расследовать их деяния в Финляндии и осудить за измену Родине.

Рассмотрим некоторые основные сведения, касающиеся военнопленных и военных действий в Финляндии. Сначала мне бы хотелось привести несколько фактов для того, чтобы правильно понять масштабы военных действий в Финляндии. Следует заметить, что численность населения в Финляндии была невелика — примерно 3,7 млн человек. Количество мобилизованных достигало в финской армии 550 тыс. Кроме них, в Финляндии было в 1940–1944 гг. около 200 тыс. немецких военных, поскольку Финляндия сотрудничала с Германией.

Военнопленные в Зимней войне и Войне-продолжении

В Зимней войне погибло примерно 26 500 финнов и почти в пять раз больше советских военных, то есть примерно 130 тыс. человек. Финляндия защищалась упорно и вначале успешно, но потом потерпела поражение. В суровых зимних условиях количество военнопленных, взятых финнами, было невелико, всего лишь 5500–6000. При этом смертность военнопленных, оказавшихся в лагерях, была незначительной — всего лишь 127 человек, то есть погибло примерно 2 % от общего числа военнопленных.

Более значительные потери понесли стороны в ходе Войны-продолжения: погибло примерно 67 тыс. финских и как минимум 250 тыс. советских военных. И это при том, что финский фронт не был основным театром военных действий, поскольку, по российским официальным данным, в Великой Отечественной войне погибло и пропало без вести всего 8,7 млн советских солдат. Таким образом, потери, понесенные финской армией, составляют всего лишь 2,9 % от всех потерь советской армии. Причём реально эта доля может оказаться ещё меньше, потому что во Второй мировой войне на самом деле погибло более 10 млн советских военных.

Весной и летом 1941 г. финские войска взяли в плен 56 тыс. советских военных. В последующие годы войны взяли всего лишь несколько тысяч военнопленных. Таким образом, общее количество военнопленных, зарегистрированных в лагерях, было примерно 64 тыс. человек. Это 1,2 % из всех 5,5 млн советских военнопленных, которых взяли немцы и их союзники. Те 2800 советских военнопленных, которых Финляндия передала Германии, составляют очень незначительную часть.

Военнопленные, возвращённые Советскому Союзу и интернированные

В 1941–1945 гг. немецкие войска взяли в плен примерно 8,35 млн советских военных и гражданских лиц. Из них около 5,5 млн осталось в живых. Приблизительно 3 млн из них попали в руки Советской армии и 2,5 с лишним миллиона — в руки западных союзников. Они же классифицировали их как военнопленных (Prisoners of War), капитулировавших (Surrendered Enemy Personnel) или безоружных лиц (Displaced Persons). На совещании в Москве в 1944 г. и на конференции в Ялте в 1945 г. было принято решение, что этих людей нужно вернуть Советскому Союзу. В соответствии с этим западные союзники вернули свыше 2 млн человек.

В сентябре 1944 г. Финляндия возвратила Советскому Союзу почти всех пленных. Кроме того, были возвращены многие другие граждане Советского Союза. Этого требовал договор перемирия, заключенный в Москве 4 сентября 1944 г. Финляндия вернула осенью 1944 г. и в начале 1945 г. более 100 тыс. человек. Это составляет менее 5% от общего числа людей, возвращенных Советскому Союзу.

В XX ст. в Финляндии украинские военнопленные и интернированные находились четыре раза.

Война 1918 года

Во время Первой мировой войны Финляндия входила в состав Российской империи и количество военных царской армии, которые находились в Финляндии, достигало 100 тыс. человек. Вероятно, что среди них было несколько тысяч украинцев. В ходе Февральской революции 1917 г. в Хельсинки был организован украинский военный комитет, а в демонстрациях участвовали и военные-украинцы с украинскими флагами.

После Октябрьской революции 1917 г. новое правительство России демобилизовало царские войска, находившиеся в Финляндии, но в начале 1918 г. финские отряды сопротивления разоружили примерно 7 тыс. российских военных. Среди них было несколько сотен украинцев. Их посадили в лагерь и выслали из страны через несколько месяцев. При взятии Выборга, весной 1918 г., белые убили по крайней мере четырех украинцев.

Восстание в Кронштадте в 1921 году

После поражения восстания зимой 1921 г., около 6400 восставших попытались найти убежище в Финляндии, откуда их интернировали. Часть из них были украинцы, например, председатель революционного комитета Степан Петриченко — военный моряк. 3100 беглецов из Кронштадта через несколько месяцев добровольно вернулись в Россию. Часть украинцев осталась в Финляндии. Из них примерно

60 человек основали в 1936 г. объединение «Украинская громада в Финляндии».

Зимняя война 1939–1940 годов

Во время Зимней войны финские войска взяли в плен 1525 военных украинцев. Это составляет 29 % от числа всех советских военнопленных. Объяснением того, что украинцев было так много, может служить тот факт, что 44-я дивизия Советской армии, состоящая из украинцев, практически полностью попала в плен в самом начале 1940 г. на дороге Рате в Суомусалми. Тысячи солдат из этой дивизии погибли или попали в плен.

В самом начале 1940 г. среди небольшой группы финнов возникла идея объединить военнопленных-украинцев для дальнейшего использования их против Советской армии. В частности, поддерживали подобные идеи полковник финской армии Рагнар Нордстрем и бывший финский посол в Украине Герман Гуммерус. Проживающий в эмиграции бывший министр иностранных дел Временного правительства Александр Шульгин прибыл из Парижа в Финляндию для того, чтобы взять на себя подготовку этого дела и посетить лагеря для военнопленных.

Предполагалось, что украинский националист, писатель и журналист Юрий Городянин-Лисовский мог бы приехать в Финляндию для оказания помощи в этом вопросе. Генеральный штаб Финляндии не дал положительного ответа на этот вопрос. Причиной являлось то, что украинские круги, имеющие влияние во Франции, планировали создать костяк будущей украинской армии на территории Финляндии. К ним могли бы присоединиться на добровольной основе из Франции, Соединенных Штатов Америки и Канады. По мнению финского главнокомандующего, в таком проекте не было целесообразности, поскольку генеральный штаб Финляндии сосредоточился на том, чтобы не допустить непосредственного вторжения Советского Союза на свою территорию и неспособен был решать никакие другие задачи.

Несколько десятков проживающих в Финляндии украинцев все же принимали участие в Зимней войне по своему желанию.

Война-продолжение 1941–1944 годов

Мы не располагаем точными данными о количестве военнопленных украинцев, захваченных в ходе Войны-продолжения. По нашим предварительным данным, их число могло бы быть 6100 человек. Таким образом, их доля составляет менее одной десятой от числа всех военнопленных.

В лагерях для пленных украинцев содержали отдельно, что дает основания предполагать, что с ними обращались лучше, чем с остальными советскими заключенными славянского происхождения. Большая часть из них в Финляндии вызывала сочувствие. У финских должностных лиц,

работавших в лагерях, сложилось впечатление, что из всех военнопленных славянского происхождения украинцы меньше других поддерживали советский строй. Некоторые пожелания украинских заключенных выглядели даже утопично, если судить об этом по заявлению группы лиц из лагеря на Мичуринском озере. Они хотели, чтобы их освободили. Они утверждали, что не воевали против финской армии, а просто перешли линию фронта. Кроме того, они просили дать им теплую одежду, хорошее питание, работу в сельском хозяйстве или в промышленности, финское гражданство и даже просили перевезти членов их семей в Финляндию. Аналогичные пожелания прослеживаются и в других документах военнопленных-украинцев.

Когда финские войска захватили Восточную Карелию, они обнаружили в одной из деревень около ста украинских крестьян, которых советские власти переселили в этот район. Им было разрешено остаться, позволено поселиться в нескольких опустевших деревнях и даже воспользоваться сельскохозяйственными инструментами, хотя финны интернировали $\frac{2}{3}$ славянского гражданского населения с захваченных территорий.

Наблюдалось также проявление внимания к различным нуждам военнопленных-украинцев путем обеспечения их необходимым количеством продовольствия и одежды. В 1942 г. была сформирована Финская комиссия по делам украинских военнопленных, которая издавала газету «Украинец в Финляндии» на украинском языке. Председателем комиссии работал прибывший первый раз в Финляндию осенью 1941 г. украинский националист, журналист и писатель Богдан Кентршинский. Он также возглавил в Финляндии издательство, публикующее литературу об Украине на финском и немецком языках. В 1942 г. в Хельсинки было основано Украинское информационное общество (Ukrainische Informationsbüro für Finnland und Skandinavien), которое работало в Финляндии и Скандинавии.

Несформированный украинский батальон

Б. Кентршинский встречался в лагерях с военнопленными-украинцами и предлагал осенью 1941 г. перевести их в один лагерь и создать добровольческий легион. На основании документов Карельского НКВД на рубеже 1941–1942 гг. был сформирован офицерский состав украинского батальона в лагере в Кокемяки.

Была мысль отправить этот батальон сражаться против советских партизан на Украину. В тот период немцы разрешили формировать украинские военные подразделения на Украине. В составе этих подразделений к лету 1942 г. насчитывалось 180 тыс. человек. В Финляндии, однако, батальон так и не был сформирован, а идеи об его создании были потихоньку забыты.

До своего приезда в Финляндию Б. Кентршинский, возможно, работал в министерстве пропаганды в Германии, но его отношение к немцам заметно охладело, когда стало ясно, что последние не хотят поддерживать украинских стремлений. В 1943 г. Б. Кентршинский покинул Финляндию.

Передача военнопленных-украинцев Германии

Весной 1942 г. финский генеральный штаб планировал передать Германии около 4 тыс. военнопленных украинцев и кавказцев. Но эти планы не были претворены в жизнь до конца, поскольку несколько военнопленных-украинцев попросили разрешения главнокомандующего Густава Маннергейма осенью 1942 г. отправиться на гражданскую службу на Украину, если немцы дадут на это свое согласие.

Всего Финляндия отправила в Германию 161 украинца из Советского Союза: 15 человек в 1941 г., 88 — в 1942, 56 — в 1943 и двоих — в 1944 г. Изю всех военнопленных-украинцев, доля переданных составила 2,7%. Большая часть из них отправилась, скорее всего, добровольно. По данным контрольного центра генерального штаба, 68 советских украинцев, из которых 18 были политруками и два комиссарами штаба, передали помимо их воли. В состав переданных входило 52 офицера. В целом желающих сотрудничать с немцами среди военнопленных офицеров было очень мало. Так, к 1943 году 111 офицеров ответили, что не желают находиться в подчинении у немцев. В марте 1943 г. генеральный штаб прекратил передачу военнопленных-украинцев Германии.

По просьбе немцев финские военные представители передали в начале 1942 г. немцам 79 военнопленных-украинцев для работ по расширению аэропорта в Пори. По окончании работ немцы вернули военнопленных финнам. Это явление может быть охарактеризовано как «заем», а не как постоянная передача военнопленных.

В начале 1944 г. немцы попросили отправить из Финляндии в Остландию для военного обучения 500–800 военнопленных-украинцев. Этому все-таки военные представители воспротивились, поскольку все военнопленные предназначались для собственных рабочих нужд.

Смертность среди военнопленных-украинцев

Среди военнопленных-украинцев в Финляндии были как те, кто поддерживал советский строй, так и те, кто были его противниками. Этим объясняется относительно высокая смертность среди этой категории военнопленных. Среди них умерло 1350 человек или 22% от общего числа военнопленных. Эти цифры сопоставимы с количеством умерших русских — 32% от общего числа военнопленных и белорусов — 34%, соответственно. Смертность среди евреев-военнопленных достигала 19%. На основании этих данных можно сделать вывод, что положение военнопленных-украинцев было лучше, чем положение

других военнопленных-славян, хотя смертность среди них оставалась достаточно высокой.

Это объясняется тем, что придерживающиеся националистических взглядов военнопленные-украинцы оказались в лучшем положении по сравнению с военнопленными других славянских национальностей. В лучших условиях также находились поляки-военнопленные.

С другой стороны, доля расстрелянных заключенных военных-украинцев, на основании предварительных данных, составляла примерно 12%, а доля самих заключенных военных-украинцев порядка 9% от всех советских заключенных. Это наглядно свидетельствует о том, что среди военнопленных-украинцев встречалось гораздо больше несговорчивых людей.

Украинцы, взятые в плен немецкими подразделениями в Финляндии

Находящиеся в Финляндии немецкие военные подразделения взяли в плен на севере очень небольшое количество советских военнослужащих. Кроме того, немцы привезли в Финляндию порядка двух тысяч советских военнопленных. В их число входили и украинцы, о количестве которых точных данных нет. В лагере в Лапландии украинцы даже работали, начиная с 1942 г., охранниками и надзирателями. У этих украинцев была немецкая униформа без знаков отличия, но на рукаве они носили повязку, на которой было написано «Hilfswachmann». Военнопленные-украинцы на службе у немцев работали без охраны. У них была зеленая повязка, на которой читалось «Ukrainer».

Цель научного проекта «Судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии в 1939–1955 гг.» исследовать белые пятна военной истории — судьбы погибших военнопленных, а также тех, кто оказался в Германии как добровольно, так и против своей воли, и тех, кто был передан Советскому Союзу. Нас также интересуют случаи жестокого обращения с военнопленными и интернированными, в которых обвиняются финские военные представители. Поскольку численность финской армии, участвовавшей во Второй мировой войне, была невелика, масштаб военных преступлений в Финляндии и на тех территориях, которые ею были захвачены в ходе войны, представляется сравнительно небольшим.

У финских военных представителей не было намерения убивать военных заключенных. Массовая смертность в лагерях с декабря 1941 по сентябрь 1942 г. была вызвана тем, что $\frac{3}{4}$ умерших погибли от болезней, инфекционных заболеваний и недоедания. Это произошло главным образом потому, что к заключенным относились без должного внимания и плохо контролировали ситуацию. Около 900 военнопленных было расстреляно в дисциплинарных целях, из мести или за различные преступления.

Из переданных Германии военнопленных $\frac{4}{5}$ было передано добровольно, но около 500 было передано против их воли. Пока мы не располагаем сведениями о судьбах этих людей в Германии и оккупированных ею территориях.

Большая часть из военнопленных и гражданских лиц-ингерманландцев сразу же после окончания войны добровольно вернулась в Советский Союз. Большая часть из тех, кто сотрудничал с финскими властями, а их число исчисляется тысячами, были возвращены насильно. Несколько сотен из них нашло убежище в Швеции, а несколько десятков осталось в Финляндии. Нам предстоит еще исследовать судьбы тех, кто вернулся против своей воли. На данном этапе исследования мы не располагаем для этого достаточными материалами.

Военнопленные-украинцы интуитивно чувствовали с самого начала Зимней войны и Войны-продолжения, что финские тюремщики готовы относиться к ним лучше, чем к русским военнопленным. По этой причине они высказывали идеи, которые, как они думали, должны были найти отклик у финнов. Они подчеркивали свое нежелание сражаться против финнов, утверждали, что переходили добровольно на их сторону и сообщали, что они готовы бороться против советской власти. В конце концов только очень небольшое их число было готово вступить в украинское военное подразделение в составе немецкой армии. Более чем 95% военнопленных-украинцев из двух возможных вариантов выбирали жалкие условия лагерей, в которых у них были сравнительно сносные условия по сравнению с другими военнопленными славянского происхождения. Военнопленные-украинцы хотели бы вернуться на Украину для созидательного труда, и у них вызывало разочарование то, что финны не хотели предоставить им лучшее и более свободное существование.

СОВЕТСКИЕ И ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1939–1944 гг. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

Хельсинкский университет,
Финляндская Республика

Почти вся история человечества — это история войн. Войн разных: больших и малых, справедливых и несправедливых. Но военная история — это не только дипломатические отношения и боевые операции, победы и поражения, полководцы и герои. Это еще и история военного плена. Плен — неизбежный и постоянный спутник любой войны. Все государства, ведущие боевые действия, рано или поздно в большей или меньшей степени сталкиваются с проблемой захвата, содержания и возвращения военнопленных. Не было исключением и Советское государство. За время своего существования СССР два раза вел войны со своим северным соседом — Финляндией. Можно и нужно дискутировать по вопросу о том, как называть эти войны, спорить, кто победил в них, — у каждой из сторон есть свои доводы, аргументы за и против.

Зимняя война. Историческая справка

Советско-германский пакт о ненападении и секретные протоколы, подписанные в Москве в августе–сентябре 1939 г., серьезным образом изменили геополитическую обстановку в Европе и явились решающими факторами в подготовке СССР к войне против Финляндии. В соответствии с этими документами Финляндия, Эстония, Латвия и Литва входили в сферу территориальных интересов Советского Союза.

В ответ на предложение СССР заключить договор о взаимопомощи и передать ему в аренду часть полуострова Ханко и острова в Финском заливе, взамен на большую территорию в Карелии, финское правительство ответило отказом, так как данный шаг мог угрожать территориальной целостности и безопасности страны. Длившиеся в течение 1938–1939 гг. советско-финляндские переговоры закончились безрезультатно.

В этих условиях СССР приступил к планированию боевых операций с целью разгрома Финляндии и установления в ней просоветского правительства. На границе была развернута группировка войск, насчитывавшая более 425 тыс. человек, свыше 1,5 тыс. танков, около 2,4 тыс.

самолетов и 2,7 тыс. орудий. Сухопутные войска поддерживались Балтийским и Северным флотами.

Им противостояла хорошо обученная, но слабо вооруженная армия Финляндии: около 320 тыс. человек при 500 орудиях, 10 танках и 114 самолетов.

30 ноября 1939 г. после артподготовки советские войска перешли линию госграницы Финляндии. Ход боевых действий в Финляндии можно условно разделить на два этапа: первый с 30 ноября 1939 по 10 февраля 1940, второй — с 11 февраля 1940 по 13 марта 1940 года.

Первый этап характеризовался ожесточенными боями на Карельском перешейке. Советские войска прорвали сильноукрепленную оперативную зону заграждений и к 12 декабря 1939 г. вышли к основной оборонительной полосе линии Маннергейма, но с ходу прорвать ее не смогли. Наступление было приостановлено. РККА получила подкрепления, увеличив свою группировку до 1,5 млн человек, 3,5 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков и 3 тыс. самолетов. К этому времени, призвав резервистов и получив вооружение из Англии, Франции, США, Швеции и ряда других стран, Финляндия увеличила свою армию до 600 тыс. человек, 600 орудий и 350 самолетов. В страну прибывали иностранные добровольцы из скандинавских и европейских стран.

Второй этап войны начался 11 февраля 1940 г., когда советские войска после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление. После боев части РККА прорвали основную полосу линии Маннергейма и повели наступление на двух направлениях: на Выборг и Кексгольм. Полностью преодолеть все полосы обороны удалось лишь в ходе ожесточенных боев в начале марта 1940 г. Прорыв основной линии обороны нарушил всю систему обороны финской армии на Карельском перешейке.

Не имея возможности эффективно продолжать войну, Финляндия обратилась к СССР с просьбой о мире. 13 марта был подписан мирный договор, в соответствии с которым граница на Карельском перешейке была отодвинута от Ленинграда на 120–130 км. СССР получил часть территории Восточной Карелии, острова в Выборгском заливе, полуострова Рыбачий и Средний и арендовал часть полуострова Ханко, создав там военно-морскую базу. Нерешенность территориального вопроса являлась одной из причин вступления Финляндии в войну против СССР в 1941 году.

Территориальные приобретения облегчили оборону Ленинграда во время войны 1941–1945 гг. Однако в результате войны ухудшилось международное положение СССР: он был исключен из Лиги Наций, обострились взаимоотношения с Великобританией и Францией. Союзники готовили высадку экспедиционного корпуса в районе г. Петсамо и бомбардировки нефтедобывающих районов в г. Баку.

Планы не были реализованы из-за сопротивления скандинавских стран и выхода Финляндии из войны.

Война вскрыла серьезные недостатки в подготовке и организации РККА, что привело к большим потерям: свыше 130 тыс. человек безвозвратные, около 265 тыс. — санитарные, свыше 5,5 тыс. — военнопленные. Потери Финляндии: безвозвратные — около 48 тыс. человек, санитарные — 43 тыс., около 1 тыс. — военнопленные.

Война-продолжение. Историческая справка

Советско-финляндская война 1941–1944 гг., или, как ее принято называть в Финляндии, Война-продолжение — неотъемлемая составная часть Второй мировой войны, и ее причинами можно считать нерешенность территориальных вопросов между СССР и Финляндией после Зимней войны, а также военно-политическое и экономическое сближение Финляндии в 1940–1941 гг. с Германией.

Начало войны между СССР и Германией 22 июня 1941 г. серьезно осложнило взаимоотношения между Советским Союзом и Финляндией, предоставившей свои аэродромы для немецкой авиации, совершавшей авианалеты на советскую территорию. Бомбардировка советской авиацией финской территории 25 июня 1941 г. послужила формальным поводом для вступления страны в войну на стороне Германии. Начавшуюся войну можно условно разделить на три этапа.

Первый этап — июнь 1941 — зима 1942 г., когда финские войска, преодолев сопротивление частей Красной армии, освободили территории, отошедшие к СССР после Зимней войны, а затем, перейдя линию старой государственной границы, захватили часть Восточной Карелии, включая города Петрозаводск и Медвежьегорск.

Второй этап, так называемая «позиционная война», с весны 1942 по весну 1944 г. Он характеризовался вялыми позиционными боями на советско-финляндском участке фронта, формированием военной администрации Восточной Карелии. Проводившиеся советскими войсками Кестеньгская и Мурманская операции весной 1942 г. в рамках общего весеннего наступления не увенчались успехом из-за плохой материально-технической подготовки. Финским и немецким войскам, подтянув подкрепления, удалось остановить продвижение частей Красной армии. С этого момента на фронте наступило относительное затишье. «Позиционная война» характеризуется активизацией партизанского движения на территории Карелии, а с 1943 г. — переносом партизанских операций на территорию Финляндии.

Третий этап Войны-продолжения начинается весной — летом 1944 г. Ему предшествовали переговоры финской делегации в Москве по вопросу о выходе Финляндии из войны, а также жесткое давление со стороны Германии, стремившейся предотвратить сепаратный мир между

СССР и Финляндией. Поражение немецких войск под Ленинградом изменило военную обстановку на северо-западном участке советско-германского фронта. В июне 1944 г. советские войска перешли в наступление по всей линии советско-финляндского участка фронта. Операцию начинали и наносили основной удар войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке при поддержке Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. На свирско-петрозаводском направлении в наступление переходили части Карельского фронта. Советские войска превосходили силы финской армии по живой силе в 1,7 раза, по артиллерии — в 5,2, по танкам — в 7,3, по самолетам — в 7,3 раза. Несмотря на упорное сопротивление финской армии, наступление остановить не удалось.

Наступление Красной армии обострило внутривосточную обстановку в Финляндии. 1 августа президент Рюти ушел в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Новое правительство начало переговоры с СССР о выходе страны из войны. 4 сентября Финляндия объявила о прекращении боевых действий на советско-финляндском участке фронта и о разрыве отношений с Германией.

19 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией, согласно которому 10 февраля 1947 г. был подписан мирный договор между Советским Союзом и Финляндией.

А теперь вернемся назад, к теме нашей дискуссии — военнопленным. В своем выступлении я хочу рассказать о взаимоотношениях советского государства с финскими военнопленными — об условиях содержания в лагерях, о продовольственном снабжении и медицинском обслуживании в 1941–1944 гг. Но сначала — небольшая ремарка. К 1941 г. у Советского Союза уже имелся опыт содержания и репатриации на родину финских военнопленных. Напомню, что во время Зимней войны в плен попало 883 финна. Более того, в 1939 г. в соответствии с приказом наркома внутренних дел Лаврентия Берии было создано специальное Управление по делам военнопленных и интернированных, которое отвечало за прием и содержание всех военнопленных на территории СССР.

Войну 1941–1944 гг, получившую в Финляндии название «Война-продолжение», ни в Советском Союзе, ни в современной России не принято выделять в самостоятельную кампанию. Ее принято рассматривать лишь в контексте Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исторические события и явления Войны-продолжения отдалены от нас более чем на шестьдесят лет. Казалось бы, срок вполне достаточный для того, чтобы собрать информацию, получить и неспеша проанализировать все официальные документы и на этой основе представить

достоверную картину произошедшего, адекватно описать действия государственных органов, руководителей государств и рядовых граждан.

Но уже первое знакомство с документами показало, что до сих пор мы не обладаем полными знаниями о действиях властей, отвечавших за решение проблемы военнопленных; имеем довольно поверхностное представление о многих произошедших тогда событиях на фронте и в тылу, в лагерях для военнопленных, о конкретных поступках конкретных людей.

Мы сегодня, например, не знаем даже точного количества финских пленников в СССР. Данные об этом очень противоречивы. На основании моих исследований, я могу сказать с большей степенью уверенности, что во время Войны-продолжения в плен попало 3114 военнослужащих финской армии. Однако и по сей день мы не можем быть уверены, что эта цифра окончательная. А ведь за каждой цифрой скрывается личная трагедия, судьба конкретного человека. Плен — это неприятная во всех отношениях экскурсия по гостеприимной стране в период ее мирного процветания. В этой связи с большим сожалением хочется отметить, что Финляндия остается фактически единственной западноевропейской страной, в которой не был создан научный проект, финансируемый государством, и который изучал бы судьбу своих собственных граждан, попавших в плен.

На первом этапе Войны-продолжения (июнь 1941 — зима 1942) успех был на стороне финской армии. В результате наступательных операций финские войска, помимо военных трофеев, захватили также большое количество военнопленных. За первые полгода войны было взято в плен 56334 военнослужащих Красной армии. В советском плену в первый год находилось только 513 финских пленников.

Неудачи начального периода войны и оккупация части территории СССР сказались на положении иностранных, в том числе и финских, военнопленных в Советском Союзе. Некоторые лагеря были расформированы или переведены в другие области страны. К 1 августа 1941 г. в распоряжении Управления оставалось только 3 лагеря на 9 тыс. человек. В 1942 г. ситуация постепенно начинает меняться и в июле НКВД СССР издал приказ, в котором предписывалось создать еще 6 лагерей для временного содержания пленников. Для Карельского и Волховского фронтов предназначался Череповецкий лагерь в Вологодской области, а для Северо-Западного и Ленинградского фронтов — Боровичский лагерь в Ленинградской области.

Компактно содержать финских пленников в одном лагере, как во время Зимней войны, было невозможно, так как в СССР находилось огромное количество военнопленных разных национальностей. В ходе подготовки моей докторской диссертации я нашел в российских и финских

архивах данные о том, что финны прошли более чем 50 приемных пунктов, сборных и стационарных лагерей, лагерных отделений, госпиталей и т. п. Точно определить количество мест размещения финских пленных сложно. Естественно, что основную информацию по этому вопросу я черпал из отчетов лагерей НКВД, опросов в Ханко и воспоминаний самих военнопленных. Но их учет в лагерях и приемных пунктах НКВД был плохим, поэтому не все финские военнопленные попадали в списки, направляемые в Управление по делам военнопленных и интернированных.

Сами же финские военнопленные после войны во время прохождения проверки на допросах в Ханко подчас неточно и неправильно называли лагерь, где они содержались. Наиболее распространенной ошибкой было то, что финны вместо номера лагеря называли номер лагерного отделения. Кроме того, как и при записи финских имен в СССР, так и при упоминании трудных и непривычных для финнов русских географических названий вкрадывались ошибки. Так, например, в некоторых протоколах Потьма превращалась в «Botma» или «Plotma», Боровичи в «Barovets», «Barovits», «Varovits» и т. п. Подобная неверная транслитерация русских названий усложняет выяснение мест содержания и захоронения некоторых финских пленных.

На территории Советского Союза в период Войны-продолжения существовало несколько лагерей, где в разное время содержались большие группы финских военнопленных. Это Череповецкий лагерь № 158 (Вологодская область), Спасо-Заводской лагерь № 99 (Карагандинская область), Монетно-Лосиновский лагерь № 84 (Свердловская область, а с 1943 — Асбестовский лагерь), Оранский лагерь № 74 (Горьковская область), Темниковский лагерь № 58 (Мордовия, станция Потьма) и другие. В моем распоряжении имеется информация по крайней мере о 24 лагерях, где во время Войны-продолжения находились финны.

Во время Войны-продолжения, впрочем, как и в период Зимней кампании, финские пленные, как правило, размещались в уже приспособленных для этой цели местах — монастырях, трудовых и исправительных колониях НКВД и т. п. Им, в отличие от военнопленных вермахта, не приходилось строить новые лагеря при полном отсутствии готовой инфраструктуры. Впрочем, для финнов власти не выбирали подходящие природно-климатические условия содержания. Финские пленные находились в лагерях не только в северных и северо-западных районах СССР, но и в средней полосе, на юге и в Казахстане. Для сравнения отмечу, что уже с 1943 г. начался перевод военнопленных в другие лагеря, в более подходящие для их национальностей климатические условия. Например, итальянских пленных перевели из северных районов Казахстана на юг и в Узбекистан, французов отправили в Тамбов.

Несмотря на то, что Советский Союз уже имел опыт содержания военнопленных на своей территории, органы Управления по делам военнопленных на практике оказались не готовы к приему даже незначительного количества пленнх. Уже в августе 1941 г. Берия подписал приказ, в котором отмечалось плохое состояние дел в Темниковском лагере. В ходе проверки были обнаружены грубые нарушения в охране, размещении и дисциплине. В результате Темниковский и Вологодский лагеря были расформированы, а пленнх разделили на две категории: офицерский и сержантский состав направили в Елабужский лагерь НКВД (Татарстан), а рядовой состав разместили в Карагандинском трудовом лагере. Всех поступивших пленнх второй категории предписывалось направлять туда. И именно там содержалась основная масса финнов первого периода войны.

Аналогичные проверки были проведены и в других лагерях. Но несмотря на приказ Берии, спустя полгода после начала войны состояние дисциплины в некоторых лагерях продолжало оставаться неблагополучным. Так, например, после посещения лагеря для финских пленнх в местечке «Сухое»¹ (Карелия) в январе 1942 г. выяснилось, что: «...Военнопленные размещены в центре села в двух домах. Охраны, по существу, никакой нет. В ночное время в домах выделяется дежурный из самих военнопленных, который и несет охрану. Выделенный курсант спецшколы Волков для охраны и дополнительно посланный Вийри... никакой роли в охране не играют. Сами они в ночное время спят вместе с военнопленными. 15-го декабря 1941 г. ... на месте т. Волкова не было, уходил в село. Оружие — винтовка, патроны, гранаты — оставлены на временное хранение военнопленным...

...До последнего времени никакой дисциплины, по существу, не было, военнопленных можно одних было видеть в клубе и других местах без охраны».

Впрочем, как во время Зимней войны, так и во время Войны-продолжения финские пленные не допускали серьезных нарушений внутреннего распорядка в лагерях. Так, у меня есть информация только об одном побеге из лагеря, тогда как немецкие военнопленные за время войны совершили более 300 побегов. (Для сравнения, около 700 советских пленнх бежали из лагерей в Финляндии). В отчете начальнику лагеря № 158 отмечено, что в октябре 1944 г. военнопленный финской армии Vaino Henrik Rytkonen, «будучи совершенно в ненормальном состоянии, перелез через проволочное ограждение и из зоны лагеря совершил побег, но через 3 часа был задержан силами оперативной группы». Это, впрочем, не повлияло на его дальнейшую судьбу, и он вернулся на родину в 1944 г.

Естественно, что нарушений распорядка лагерной жизни и правонарушений избежать невозможно, но сводились они в основном к краже

продуктов питания и одежды, что вполне объяснимо в условиях плена. Действительно, стремление получить лишний кусок хлеба, а значит — выжить, иногда толкало пленных на такие поступки, которые они вряд ли совершили бы в нормальных условиях.

Потеря значительной территории СССР в 1941 г. и в первую очередь регионов, снабжавших страну продовольствием, привела к снижению норм питания как среди гражданского населения, так и среди пленных. Уже 6 августа 1941 г. были введены новые нормы продовольственного снабжения пленных. По сравнению с Зимней войной, количество хлеба, выдаваемого пленным, сокращалось с 800 до 400 г в сутки. Мясо из рациона исчезло совсем. На приемных пунктах были еще более низкие нормы продовольственного обеспечения военнопленных, чем в стационарных лагерях. Это объяснялось тем, что пленные на приёмных пунктах не работали и к тому же находились там совсем недолго — не более 5 дней.

О медицинском обслуживании финских военнопленных в госпиталях во время Войны-продолжения существует противоречивая информация. Многие финские пленные, побывавшие в советских госпиталях, отмечали хороший больничный уход. Так, например, рядовой Тойво Холлаппа, попавший в результате ранения в плен в декабре 1942 г., говорил, что медицинская помощь ему оказывалась такая же, как и русским раненым и больным солдатам. Аналогичное мнение высказывалось и о медицинском обслуживании в лагерных лазаретах. Капрал Лаури Юссила отмечал, что в госпитале лагеря № 158 уход за больными был очень хорошим. Больным выдавали дополнительное питание. Большое количество таких свидетельств публиковалось в газете «Sotilaan Ääni». Можно по разному относиться к публиковавшимся в ней статьям. Вполне понятно, что практически все из них были пропагандистского толка. Но все-таки какая-то доля правды в этих заметках была. Хороший уход за ранеными и больными отмечали сами бывшие финские пленные на допросах в Ханко после возвращения на родину. Так, рядовой Пентти Ала-Ниссиля показывал на допросе, что он пробыл в больнице Вологовского лагеря три недели с диагнозом «дизентерия». При этом он отмечал хороший уход и питание. И таких высказываний было немало.

Впрочем, были и другие свидетельства. Вернувшиеся из советского плена финны рассказывали, что больным в госпиталях помощи никакой не оказывали, раненые часто умирали. Правда, стоит отметить, что эти заявления, количество которых огромно, сделаны во время допросов. Следует учитывать морально-психологическое состояние самих военнопленных: многие из них старались создать о себе благоприятное впечатление и давать «нужные» показания следователям. Например, бывший военнопленный Франс Ахо на допросе в Ханко рассказывал:

«Раненых финнов разместили в трехэтажном здании больницы в Ленинграде. Медицинское обслуживание и питание было плохим. У многих были гноящиеся раны, но бинты не меняли. У многих заводились в ранах черви. Через три недели всех финнов, находящихся в той больнице, отправили в госпиталь города Гатчины. Условия там были намного лучше. Уход был лучше, а еда значительно сытнее. Но из-за скудного питания раны плохо заживали».

По всем данным Управления во время Войны-продолжения медицинская помощь финским военнопленным оказывалась наравне с ранеными солдатами Красной армии. К отрицательным моментам стоит отнести недостаточную квалификацию медицинского персонала, нехватку медикаментов и перевязочных средств, что вполне объяснимо трудностями в Советском Союзе во время Войны-продолжения. Постоянно возрастающий приток пленных, особенно начиная с 1942 г., усложнил задачи, стоявшие перед медицинскими службами приемных пунктов и лагерей. Поступавшие в лагеря военнопленные нередко были ослаблены физически. В самих же лагерях катастрофически не хватало витаминных препаратов, в первую очередь никотиновой кислоты и дрожжей для лечения пеллагры. Нередко был дефицит вакцин против дифтерии и дизентерии. С питанием военнопленных в госпиталях дело обстояло также не лучшим образом.

Все эти недостатки и тяжелый физический труд серьезно влияли на смертность финских военнопленных. По моим данным, финские пленные во время Войны-продолжения в основном умирали от дистрофии, дизентерии, пеллагры, дифтерии, то есть в основном от болезней, спровоцированных недостаточным и некачественным питанием. Таким образом, можно поставить под серьезное сомнение высказывание Владимира Галицкого, утверждавшего, что смертность финских пленных в СССР в 1941–1944 гг. не была связана с недостаточным питанием. Впрочем, и сами работники медицинского отдела УПВИ в своих отчетах отмечали, что 60 % всех смертей в лагерях УПВИ были от дистрофии.

Смертность финских военнопленных в СССР во время Войны-продолжения составила 32 % (для сравнения: в Финляндии умерло 29,1 % от общего количества советских пленных, а в Германии — 57 %). Чрезвычайно важно иметь в виду, что база данных, которую я использовал, учитывает скончавшихся в лагерях и госпиталях финских пленных, умерших от ран сразу после захвата и расстрелянных при пленении, во время транспортировки на сборные пункты. А в списки умерших советских пленных в Финляндии вошли только те, кто умер в лагерях и госпиталях на территории страны, т. е. только официально зарегистрированные пленные.

Расстрелы военнопленных наиболее характерны для лета 1944 г., т. е. наступления Красной армии. Есть и упоминания о периоде Позиционной войны 1942–1944 гг. Анализ приказов и распоряжений штаба партизанского движения Карельского фронта показывает, что во время войны партизанским отрядам поступали приказы уничтожать пленных после получения от них необходимой информации. Впрочем, такие распоряжения отдавались не всегда — часто в приказах штаба строго указывалось на необходимость захвата и, что немаловажно, доставки в тыл военнопленных финской армии. Нередко и сами партизаны нарушали отданные им распоряжения и выводили в тыл солдат финской армии, проходя с боями многие километры.

Однако и в протоколах допросов финских военнопленных можно найти данные о расстрелах советских пленных финскими солдатами в тылу Красной армии. В качестве примера приведу выдержку из протокола допроса военнопленного Вилхо Матсинена², солдата диверсионно-разведывательного батальона генерального штаба финской армии: «Поход — январь 1944 года... Если пленные будут иметь лыжи — привести их с собой, в обратном случае допросить и уничтожить на месте».

Вторая мировая война была отнюдь не малым локальным конфликтом, при котором можно было — да и то с трудом — выполнять в полном объеме требования Гаагской и Женевской конвенций. Нарушения международного права допускали все страны, вовлеченные в войну. Ни СССР, ни Финляндия, ни Германия, ни Великобритания, ни США не были исключением. Расстрелы военнопленных были, как ни цинично это звучит, довольно «обыденным явлением» во время войны. Все воюющие страны сталкивались с этим.

На основании имеющихся в моем распоряжении цифр о смертности финских пленных, я пришел к выводу, что наиболее тяжелыми для военнопленных периодами были 1942 г. и осень 1944 г. В первом случае увеличение процента смертности связано с общим ухудшением продовольственного положения в СССР и вызванного этим уменьшением пайков военнопленных. Во втором случае, т. е. осенью 1944 г., из-за переподчинения ведомств, снабжавших медикаментами Череповецкий лагерь № 158, где сконцентрировали финнов перед возвращением на родину, сложилась критическая ситуация с вакцинами и сыворотками против дизентерии и дифтерии. Учитывая, что пленные были ослаблены постоянным недоеданием, становится понятным, почему процент заболевших и умерших среди них значительно возрос. Таким образом, в Советском Союзе во время Войны-продолжения скончались, с учетом расстрелянных в момент пленения, 997 финских военнопленных.

Недостатки в медицинском обслуживании военнопленных во время Войны-продолжения учитывались руководством Управления по делам

военнопленных. По мере своих сил и возможностей санитарный отдел старался исправить сложившуюся ситуацию. Забота о здоровье пленных во многом была связана и с необходимостью использования их на физических работах. Для восстановления физического состояния и скорейшего возвращения в ряды трудоспособных в лагерях создавались специальные оздоровительные команды. Таким образом, Управление старалось прилагать максимум усилий для того, чтобы улучшить физическое состояние пленных, в том числе и финских, и не допустить высокой смертности.

Во время Войны-продолжения, в отличие от Зимней кампании, советский народ чувствовал себя жертвой агрессии со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с Германией. Более того, если во время Зимней войны симпатии Запада были на стороне Финляндии, то во время Войны-продолжения ситуация изменилась. Участие в войне на стороне Германии осложняло международное положение страны. Великобритания вступила в войну против Финляндии и даже была готова в случае необходимости применить химическое оружие против финнов. Но все равно, в советской пропаганде, направленной на все население Советского Союза, не был создан образ финна как главного врага. Да — враг, но враг второстепенный, ничем не отличающийся от итальянцев, румын или венгров. Только в Карелии и Ленинграде (т. е. в оккупированных и близких к линии фронта районах, где действовали финские войска) у населения было сформировано такое представление о финнах. Отсюда и известные нам случаи проявления жестокости к пленным. В тылу отношение к ним было более лояльным.

В отличие от СССР, где настроения родственников и друзей в тылу нередко влияли на сдачу в плен и поведение в плену, Финляндия не столкнулась с такой проблемой в больших масштабах. Конечно были и исключения — перебежчики, т. е. люди, которые имели цель, желание и вынашивали планы перехода на сторону противника. На основании всех изученных мною источников можно сделать вывод, что настроения гражданского населения и его отношение к событиям Войны-продолжения никак не влияли на решение финских солдат сдаться в плен. Ни в одном из имеющихся в моем распоряжении протоколов допросов финских военнопленных нет даже намека на то, что кто-либо из них сдался в плен под влиянием этих обстоятельств. Дезертирство — да, уклонение от службы в армии — да, но сдача в плен — нет. В этом, пожалуй, заключалось существенное различие между отношением к войне в СССР и Финляндии.

В заключение я хочу отметить ряд особенностей. Хотя во время Великой Отечественной войны финские пленные не выделялись в «специальную привилегированную группу по национальному признаку»

(по советскому законодательству ВСЕ военнопленные были равны в своих правах, несмотря на национальность), именно финны не подвергались таким притеснениям, какие были в отношении немцев.

Во-первых, в Советском Союзе не было написано ни одного стихотворения или песни, которые бы на полуофициальном уровне призывали население убивать финнов, как это было в стихотворении известного советского поэта Ильи Эренбурга «Убей немца», где говорилось, что надо уничтожать немцев везде и всегда.

Во-вторых, в отличие от немецких военнопленных, финнам не приходилось строить лагеря в открытом поле, при полном отсутствии инфраструктуры.

В-третьих, финские военнопленные НИКОГДА не были вынуждены идти пешком от железнодорожной станции до лагеря 200–250 км практически без еды, как это делали немцы. Подобные факты были настолько вопиющи и часты, что даже Лаврентий Берия был вынужден обратить на это внимание и издать соответствующий приказ, запрещающий подобные действия в отношении немцев и австрийцев.

В-четвертых, финских военнопленных не расстреливали как немцев при выводе советских войск из Эстонии в 1941 г. (наоборот, их эвакуировали в Россию) или как поляков, немцев и советских заключенных при отступлении из Западной Украины и Белоруссии. Это, по моему мнению, было связано с тем, что финских военнопленных было сравнительно мало, особенно в самом начале войны, и они представляли определенную ценность. Напомню, что в советском плену находилось около 2,5 млн немцев. Финны же занимали лишь 11 место по количеству попавших в плен (около 3-х тысяч).

И последнее, самое главное и важное, характерное только для финских военнопленных, отличие. Финские пленные содержались в лагерях Управления по делам военнопленных относительно короткое время. В отличие от немецких, австрийских, итальянских, румынских военнопленных значительная часть финнов вернулась домой уже в ноябре–декабре 1944 г., это при том, что основная масса попала в плен в период летнего наступления Красной армии 1944 г. Другие военнопленные находились в СССР вплоть до 1955 г. Это значит, Финляндия была единственной страной, в отношении которой СССР полностью придерживался положений Гаагской и Женевской конвенций в части скорейшей репатриации пленных после окончания боевых действий.

Вообще, если абстрагироваться от «большой политики» и боевых операций и взять в качестве примера финских военнопленных, то становится видно, что кампания, которую СССР вел против Финляндии, отличается от кампании против Германии. Об этом мы можем поговорить во время обсуждения.

Несмотря на все проблемы и недостатки в содержании финских плен-ных в СССР, о целенаправленной политике геноцида в отношении фин-ских военнопленных говорить нельзя. Советское государство старалось и многое сделало для того, чтобы не усугублять чрезвычайно трудное по-ложение, в которое попали военнопленные в ходе невиданной по прояв-лениям жестокости, зла и насилия Второй мировой войны.

---

¹ Этот лагерь находился в районе Беломорска. К сожалению, полной инфор-мацией об этом месте содержания, количестве, именах и фамилиях финских во-еннопленных исследователи пока не располагают. По моим данным, в нем со-держались некоторые военнопленные-перебежчики из JR21, «Pärmin osasto».

² Matsinen Vilho Vasili, родился 02.12.1922 г. в Салми, рядовой Ег. Р4. По-пал в плен 29.03.1944 г. в Суопасалми. Осужден в СССР, приговорен к 15 го-дам заключения. Вернулся в Финляндию 08.08.1955 г.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МО РФ

СЕРГЕЙ ЧУВАШИН, СЕРГЕЙ ИЛЬЕНКОВ

Центральный архив
Министерства обороны Российской Федерации

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации — хорошо известное в нашей стране и за рубежом учреждение. Десятки миллионов граждан, чья жизнь и судьба были связаны с армией, в том числе иностранные граждане обращались в архив за справками о службе, работе, наградах, по другим вопросам.

Архив был создан 2 июля, 1936 г. как Отдел архивов Народного комиссариата обороны и располагался в городе Москве. К началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в нем было сосредоточено около 200 тыс. архивных дел.

В июле 1941 г. Отдел архивов в целях обеспечения сохранности документов был эвакуирован в город Бузулук Оренбургской области. Сюда за годы войны из действующей армии поступило свыше 3 млн дел. Задача небольшого коллектива сотрудников отдела была, в основном, собрать и сохранить документы, хотя уже тогда по ним с большими трудностями приходилось выполнять различные задания и выдавать архивные справки.

С окончанием войны и передислокацией в город Подольск, расположенный на тот период в 40 километрах от Москвы, Отдел архивов НКО был переименован в Архив Министерства Вооруженных Сил СССР, а в дальнейшем — Министерства обороны СССР.

С 15 ноября 1975 г. архив получил наименование — Центральный архив Министерства обороны СССР. С мая 1992 г. архив носит свое современное наименование — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

За годы его существования на хранение поступило порядка 18 млн единиц хранения, из них около 11 млн — периода Великой Отечественной войны.

Сегодня архив представляет собой одно из крупнейших хранилищ военно-исторической документации, начиная от отдельной воинской части до генерального штаба Российской (Советской) армии с 1941 г. по настоящее время.

Документальные материалы Центрального архива освещают многие важнейшие страницы истории России (Советского Союза) и ее Вооруженных сил, являются фундаментальной базой военно-исторических исследований.

Собранные коллективом архива за семидесятилетний период его существования документальные фонды и коллекции активно используются в научных и практических целях.

Сотрудниками архива проделана огромная работа по научно-технической обработке документов, экспертизе их ценности, созданию к ним научно-справочного аппарата и обеспечению длительной сохранности документов.

Одновременно с подготовкой традиционного научно-справочного аппарата ведется работа по созданию автоматизированных информационно-поисковых систем по документам архива на базе электронно-вычислительной техники. Особенно активно эта работа проводится в последние годы.

Важнейшее место в работе архива занимает использование архивных документов, введение их в научный оборот. В читальном зале архива со времени его организации в 1947 г. работало свыше 25 тыс. исследователей из России и зарубежных стран.

На документальной базе Центрального архива разработаны и изданы военно-исторические труды по Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Материалы архива широко использованы в энциклопедических изданиях, при написании биографических очерков о полководцах и видных военачальниках, а также сценариев документальных и художественных кино- и телефильмов, при подготовке истории воинских соединений, частей и учреждений. Архив принимает активное участие в увековечивании памяти погибших воинов.

Документы Центрального архива явились основой при подготовке Всесоюзной книги Памяти, в ходе создания которой сотрудниками архива проводилась большая работа по уточнению сведений о воинах, принимавших участие в боевых действиях и не вернувшихся с полей сражений. Ежедневно, по сей день, сотрудники архива, обращаясь к документам военных лет, сталкиваются с человеческим горем, видя за лаконичными цифрами донесений и трафаретных записей людские судьбы.

Для установления сведений о каждом военнослужащем в годы Великой Отечественной войны в Центральном архиве за многие годы выработана определенная методика, существует перечень документов, по которым проводится поиск.

В Красной армии за 1941–1945 гг. соответствующими приказами и директивами были введены положения о персональном учете потерь

и погребений погибшего личного состава, ими был определен порядок применения солдатских медальонов, а с октября 1941 г. — введены красноармейские книжки.

В январе 1942 г. было сформировано Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии, в которое поступала вся информация о потерях. На основании донесений от войск была создана имеющаяся ныне на хранении в архиве картотека по учету безвозвратных потерь военнослужащих Советской (Красной) армии.

Но предельно ожесточенный характер боевых действий, катастрофические масштабы разрушений, гибель огромного количества не только военнослужащих, но и гражданских лиц не дали возможности своевременно вести учет погибших, мест захоронения, поэтому многие из них до сих пор числятся пропавшими без вести. В первую очередь это относится к начальному периоду Великой Отечественной войны, документы за который сохранились частично, а по ряду отдельных воинских соединений и частей — отсутствуют полностью.

Отличительной характеристикой Великой Отечественной войны является ужасающая по своим масштабам цифра, отражающая количество советских людей, попавших в плен к противнику и не вернувшихся из него.

Фонды Центрального архива содержат картотеку бывшей информационной службы вермахта (ВАСт), попавшие в руки Красной армии и англо-американских союзников на заключительном этапе Второй мировой войны и вывезенные Красной армией из Германии осенью 1945 г., а также регистрационные документы некоторых стационарных лагерей (шталагов) и карточки «восточных» рабочих. Данный материал представляет особый интерес в качестве источника по установлению судеб советских военнопленных, находившихся на территории третьего рейха в 1941–1945 гг.

В 1947–1948 гг. в Центральный архив поступило около 300 тыс. карточек на военнопленных из лиц рядового и сержантского состава, находившихся и умерших в плену.

Это так называемые личные карточки № 1. Они сформированы в дела по 100 штук без соблюдения каких-либо признаков систематизации: алфавита, хронологии, номеров или указания дислокации лагерей. Их форма предусматривает наличие таких сведений: фамилия, имя, дата и место рождения, вероисповедание пленного, имя отца, имя и девичья фамилия матери, гражданство, профессия, военная специальность, воинское звание, номер части на день пленения, дата пленения и состояние здоровья военнопленного на тот день (был он здоров, болен или ранен), некоторые антропометрические данные, фотокарточка, отпечаток

пальца, личный знак (номер военнопленного), перемещения по лагерям и использование на различных видах работ, знание языков, свойства характера, особые способности, поведение, данные о наказаниях, медицинских прививках и пребывании на излечении, дата, причина и место смерти военнопленного, сведения о его ближайших родственниках, в том числе фамилия, имя, место жительства.

Это наиболее полный вариант карточки. Однако такие сведения отражены далеко не во всех карточках. Кроме того, не во всех находящихся на хранении в Центральном архиве карточках четко просматривается последовательность лагерей, в которых содержался военнопленный, это вызывает трудности в установлении лагеря, в котором он умер, даже если такая информация в карточке имеется.

В 1951–1957 гг. в Центральный архив поступили данные еще почти на 200 тыс. человек. Из них сформировано 201 дело, содержащее так называемые личные карточки № 2 и № 3. Они представляют собой карточки различного цвета: зеленые — только для советских военнопленных, розовые — лазаретные. Сюда же входят извещения о потерях, извещения о смерти, извещения о захоронении, анкеты, больничные листы, еженедельные отчеты лазаретов, списки выбывших из шталагов, списки умерших, сопроводительные карты на военнопленных, перемещаемых в другие лагеря. Такие дела включают от 200 до 500 карточек и листов каждое.

Кроме того, в Центральном архиве имеются списки умерших в плену, составленные на основании немецких документов и написанные на русском языке.

В 1980 г. из Российского общества Красного Креста были переданы 4 книги умерших в шталаге 308 (Нойхаммер). В них содержатся данные на 13 тыс. 530 человек.

По мере поступления трофейных документов сведения из них сверялись с уже имеющейся картотекой учета безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Советской (Красной) армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В том случае, если военнослужащий числился пропавшим без вести, а его судьбу удавалось установить по трофейным материалам, в карточку вносились соответствующие изменения. При отсутствии в основной картотеке данных на военнослужащего трофейный документ являлся основанием для принятия на учет безвозвратных потерь умершего в немецком плену. В этом случае на него составлялась карточка соответствующего образца и включалась в картотеку.

В Центральном архиве имеется также трофейная немецкая картотека военнопленных советских офицеров, объемом 86 832 карточки, содержащихся на территории Германии (в том числе, в Восточной Пруссии).

Карточки этой картотеки предусматривают наличие более краткой информации: фамилия, имя, отчество, социодемографические данные, сведения о родственниках и их адреса, номер части на день пленения, дата и место пленения, номер лагеря, изредка имеется фото. Как в карточках на рядовой и сержантский состав, здесь также имеется не вся предусмотренная их формой информация, особенно часто отсутствуют сведения именно о судьбе военнопленного.

После поступления в архив данного комплекса документов, на их основании вносились данные в картотеки учета безвозвратных потерь, учетно-послужные карты офицеров. В дальнейшем на офицерский состав были изменены либо отменены приказы народного комиссара обороны или Главного управления кадров Красной армии об исключении из списков личного состава Красной армии. Имена многих были по-смертно реабилитированы.

При массовой гибели советских военнопленных в немецком плену, более половины из них все-таки выжили, несмотря на пережитые ими трудности и испытания.

Для их сбора, учета и организованного возвращения на Родину в 1945–1953 гг. действовали учреждения Центрального управления по делам репатриации при Совете народных комиссаров СССР. К ним относились фронтовые сборно-пересыльные пункты и лагеря для репатрируемых граждан, а также сборные пункты комендатур и транзитные лагеря для сбора и организованной отправки на Родину освобожденных военнопленных и интернированных граждан союзных государств.

Из фронтовых сборно-пересыльных пунктов находившиеся в плену военнослужащие Советской армии направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты, откуда после соответствующей проверки в течение 10–15 дней лица, не вызывающие подозрения, передавались в армейские или фронтовые запасные части, а лица, вызывающие подозрение, — в спецлагеря Народного комиссариата внутренних дел СССР.

В сборно-пересыльных пунктах фронтов и сборных пунктах комендатур на каждого бывшего военнослужащего, освобожденного из плена, оформлялась карточка, в которой отражались сведения о его фамилии, имени, отчестве, годе и месте рождения, когда и каким военкоматом он был призван в армию, партийность, национальность, наименование части, в которой он проходил службу до пленения, последняя занимаемая им должность, воинское звание, когда и где он был пленен, наименования лагерей, в которых находился в плену и чем там занимался, откуда прибыл на сборно-пересыльный пункт, когда и куда убыл.

Карточки заполнялись в двух экземплярах. Один экземпляр направлялся в отдел регистрации и учета Управления уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации в город Москву. Второй экземпляр карточки при выбытии военнослужащего из пункта пересылался по месту его дальнейшего пребывания.

В фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации указанных карточек персонального учета нет. В поступивших к нам на хранение фондах некоторых репатриационных учреждений имеются лишь частичные сведения.

Тем не менее, совокупность этих документов и немецких трофейных карточек позволила установить судьбу многих военнопленных, как погибших, так и оставшихся в живых.

Для исследования архивных материалов в Центральный архив приезжают исследователи и поисковики со всех уголков нашей страны, а также других государств.

С 1996 г. доступ к архивным документам именно данной тематики был расширен. Особенно активно выступала с инициативой их исследования немецкая сторона. Осенью 1999 г. состоялось совещание представителей земли Нижняя Саксония и других заинтересованных немецких учреждений.

После ряда организационных мероприятий в 2000 г. была создана совместная германо-российская рабочая группа. С российской стороны в ней участвовали Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» и Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, с немецкой стороны — федеральные земли Саксония, Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия, а также ряд других организаций и учреждений, в том числе Народный союз Германии по уходу за военными могилами, Немецкая служба (ВАСт) и служба розыска Германского Красного Креста.

Тогда же был подписан первый договор о сотрудничестве, и началась работа по пилотному проекту «Советские военнопленные (офицеры) в германском рейхе в 1941–1945 гг.» В 2002 г. вышло в свет мемориальное издание «Книга памяти Хаммельбург», а в 2005 г. — «Именная книга умерших советских военнопленных» (в лагере Цайтхайн).

В настоящее время в Центральном архиве, начиная с 2003 г., ведется работа над очередным проектом «Советские военнопленные (рядовой и сержантский состав) в немецких руках».

Согласно достигнутой договоренности «Электронный архив» по заказу Объединения «Саксонские мемориалы» проводит сканирование карточек, предоставляемых Центральным архивом, и формирует банк персональных данных на советских военнопленных рядового и сержантского состава Советской (Красной) армии.

Методика работы определена по взаимной договоренности. Как правило, представитель «Электронного архива» прибывает в Центральный архив со своей техникой и после завершения сканирования пятисот дел (пятидесяти тысяч персоналий) в течение 1–2 месяцев работы и проверки качества выполненной работы завершает ее до следующего этапа. Центральный архив свои обязательства по отношению к заказчику полностью выполняет.

Учитывая, что проект является гуманитарно-научным и несет не только научно-исторические аспекты, но гуманитарные цели по установлению конкретных судеб советских военнопленных и мест их захоронения, мы готовы сотрудничать столько, сколько потребуется времени для его завершения, активно поддерживать ход работы и предоставлять все необходимые архивные материалы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 гг.)

СЕРГЕЙ БОГУНОВ

Государственный архив службы безопасности Украины

В годы Второй мировой войны Украина понесла невероятные разрушения в отраслях промышленности и сельского хозяйства. Невозвратимыми были потери её жителей — как военных, участников боевых действий, так и гражданского населения, которое осталось на оккупированной территории. Масштабы человеческих потерь на украинской земле не поддаются исчислению. Местами массовой гибели военнослужащих, кроме поля боя, стали созданные гитлеровцами стационарные и транзитные лагеря для пленных.

Запрещенная для освещения в советский период проблема плена последние полтора десятилетия является объектом пристального внимания учёных на территории бывшего Советского Союза. Хотя сегодня, как это ни парадоксально, детально исследован феномен военного плена и интернирования иностранцев — поляков, немцев, венгров, румын, а не своих соотечественников, бывших советских граждан. Предметом изучения стали преимущественно режимные учреждения военного плена и различные аспекты пребывания в СССР, в том числе в Украине, военнопленных из стран фашистского блока. Опубликованные в СССР на протяжении 1950–1980 гг. фундаментальные труды с анализом побед Советского Союза на всех этапах войны дополнились научно-документальными изданиями, в которых исследуются места сосредоточения, условия содержания и использования таких военнопленных, процесс их репатриации и т. п.¹ Исключение составляет монография ученого из Израиля А. Шнеера, первая часть которой раскрывает военно-организационные, социально-политические и субъективно-психологические факторы нацистского плена². Автор сознательно не рассматривал таких тем, как использование труда советских военнопленных в немецкой экономике, их участие в движении сопротивления, репатриации. Из-за недостатка документов в книге отсутствуют подробные сведения о функционировании лагерей на территории Украины. Обращая внимание на запрет в бывшем Советском Союзе на исследование проблемы военного

плена, А. Шнеер сформулировал вопросы, которые не получили ответа ни в советской исторической науке, ни после распада СССР. Их перечень можно продолжать, и в этом ряду неизбежно возникает тема использования немцами труда военнопленных на захваченных советских территориях.

Благодаря научным публикациям известного украинского историка Второй мировой войны М. В. Ковалю³, его учеников и последователей в Украине удалось несколько сбалансировать изучение проблемы военного плена. В частности, исследованию эксплуатации трудовых ресурсов Украины гитлеровской Германией посвятил свои труды А. Потыльчак⁴. Однако, фактически, до сих пор в украинской и зарубежной историографии нет комплексного исследования проигранных Красной армией битв, обстоятельств и последствий последующего плена красноармейцев. В результате остаются неизвестными последние дни жизни многих советских военнопленных — солдат, офицеров и генералов, которых во многих случаях советское командование безосновательно считало предателями.

Вероломно напав на Советский Союз, фашистская Германия и её сателлиты в сжатые сроки оккупировали украинские земли, начали активно насаждать новый порядок и подчинять промышленные и сельскохозяйственные ресурсы потребностям вермахта. Украина превратилась в зону, в которой фашисты имели намерение уничтожить большую часть населения, остальных использовать в качестве современных рабов.

Быстрое продвижение немецких войск по территории Украины привело к ощутимым поражениям и человеческим потерям Красной армии. По данным военно-исторической службы Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, количество советских военнопленных, взятых фашистами, составляло всего 4 млн 559 тыс. человек (нацисты называли другую цифру — 5 млн 238 тыс.)⁵, причём на 1941–1942 гг. připадает приблизительно 85% пленных. Украинский историк А. Потыльчак подсчитал, что на территории Украины находилось 157 лагерей военнопленных, 22 концентрационных лагеря (из них 12 для военнопленных), 11 специальных лагерей для военных и мирного населения, 2 лагеря-лазарета, 1 сборный лагерь, 1 спецлагерь и 70 лагерей для гражданских лиц.

Потери Красной армией живой силы и техники ухудшали её боеспособность и одновременно открывали возможности для усиления гитлеровской Германии за счёт подневольного труда, промышленного и технического потенциала захваченных территорий. И всё же основная материальная база для реализации далеко идущих планов агрессора находилась в Западной Европе, поэтому, завладев после кровопролитных боёв разрушенными или демонтированными предприятиями на

захваченных советских территориях, гитлеровцы не весьма заботились об их восстановлении. Они возвращали в строй преимущественно небольшие ремонтные мастерские, портовые сооружения, аэродромы, пути сообщения.

Практически одновременно с освобождением территории Украины советские органы государственной безопасности внимательно изучали, кто и каким образом сотрудничал с фашистскими захватчиками. Часть документов периода войны и послевоенных лет, которые могут пролить свет на использование труда советских военнопленных на промышленных объектах и в сельском хозяйстве, хранится в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины и архивах временного хранения региональных органов СБ Украины. Их фронтальное исследование даёт, к сожалению, лишь фрагментарную картину этой разновидности преступной деятельности немецких фашистов в Украине в годы Второй мировой войны. Речь идёт, в частности, о документах, которые готовились к рассмотрению Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, созданной по решению правительства СССР. Документы вобрали в себя задокументированные воспоминания очевидцев, свидетелей, допросы лиц, против которых возбуждались уголовные дела.

Следует подчеркнуть, что в указанных документах вопросам преступного использования труда советских военнопленных в промышленности и сельском хозяйстве уделялось второстепенное внимание, поскольку основная цель заключалась в подготовке фактических данных о наиболее гнусных преступлениях оккупантов.

Эксплуатацией промышленности и сельского хозяйства УССР в период оккупации занимались также немецкие промышленные фирмы. Имеются некоторые свидетельства того, что новая власть пыталась налаживать производство с ввозом оборудования из Германии и созданных на то время технологий. В частности, нефтяные промыслы в районе Дрогобыча и Борислава были оснащены завезённым из Германии оборудованием⁶. По сообщению немецких властей, прозвучавшему по радиостанции Братиславы 7 июня 1942 г., из Германии в Украину завозились запасные части, топливо и тракторы⁷.

Поведение нацистов на всей оккупированной ими территории УССР было одинаковым, если не сказать шаблонным. А именно, оккупация, эксплуатация промышленных объектов и сельского хозяйства с использованием труда мирных жителей, заключённых и военнопленных, вывоз продукции, оборудования, уничтожение промышленности и сельского хозяйства перед отступлением. Специальные команды осуществляли подготовку объектов к взрывам перед оставлением территории.

В начале войны гитлеровская Германия, рассчитывая на молниеносную победу, не предусматривала интенсивной эксплуатации военнопленных и поэтому часть из них отпускалась на свободу. По разным оценкам, от 600 до 900 тыс. красноармейцев, которые попали в немецкий плен в начале войны, были отпущены по домам⁸. Офицерский состав из числа пленных или не привлекался к работам, или использовался преимущественно на территории лагерей. Практиковалось создание так называемых рабочих батальонов, в которые пленные нередко переходили, чтобы избежать лагерной жизни. Тех, кто давал согласие вступить в рабочий батальон, выделяли из общего числа военнопленных и переводили в отдельные казармы. Здесь менее суровым был режим. Батальоны под руководством немцев исполняли ремонтно-строительные работы — ремонтировали железные дороги, казармы, склады, возводили новые сооружения⁹.

С середины 1942 г. возрастает интерес гитлеровского военного командования к разработке полезных ископаемых на оккупированных территориях и использованию с этой целью дешевой рабочей силы военнопленных. Эксплуатация природных ресурсов, промышленного и сельскохозяйственного потенциалов Украины происходила во всех её регионах.

Например, на горных предприятиях Днепропетровщины на 15 октября 1942 г. (согласно немецкой статистике) работало 3,3 тыс. заключённых.

В г. Павлограде лагерь военнопленных размещался в помещении бывшего завода № 55. Под открытым небом военнопленные содержались также вблизи сёл Знаменка Ново-Московского района, Каробиновки и Дмитриевки Петропавловского района. Их использовали на ремонте железной дороги Новомосковск — Павлоград, а также благоустройстве шоссейных дорог.

В Донецкой (Сталинской) области лагерь для военнопленных действовал в Петровском районе, в с. Каменка Добропольского района и в с. Селидовка Старобешевского района. Как чернорабочих их выводили на строительство оборонных линий, добычу камня в карьере (в районе Новотроицка), сооружение шоссейных дорог.

Отступая, части Красной армии демонтировали в Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областях оборудование большинства угольных шахт и вывезли его вглубь страны. Горные выработки были взорваны и выведены из строя, поэтому гитлеровцы оказались не в состоянии восстановить большие механизированные шахты и ограничились эксплуатацией отдельных шурфов. В начале 1942 г. в Сталинской области было восстановлено 16 мелких шахт, но из-за отсутствия транспорта уголь не вывозился. К лету для пуска было подготовлено несколько капитальных шахт.

1 июля 1942 г. Гитлер подписал директиву о возобновлении добычи угля в Донецком бассейне, в которой командованию группы армий «Юг» было поручено обеспечить эти работы необходимыми специалистами и рабочей силой. Для работы в шахтах было выделено 30 тыс. военнопленных, а в августе и сентябре 1942 г. ещё по 15 тыс. Чтобы усилить использование труда военнопленных в угольной и добывающей промышленности, на шахты Донбасса планировалось направить всего 300 тыс. военнопленных и тем, кто имеет горные профессии, поручать работу по специальности¹⁰.

По данным НКВД УССР, до февраля 1943 г. оккупантами были восстановлены некоторые угольные шахты, из которых уголь вывозился в Германию. На этих шахтах работала часть бывших шахтёров и большое количество военнопленных. В августе 1943 г. нарком внутренних дел УССР С. Савченко докладывал советскому и военному руководству о том, что добыча угля на шахтах Донбасса, которые эксплуатируются оккупантами, не превышает 10–15% их довоенной мощности¹¹.

На территории Житомирской области в годы Великой Отечественной войны фашистскими оккупантами было создано 4 лагеря для советских военнопленных.

Наибольший из них — лагерь шталаг 358¹² существовал с августа 1941 по октябрь 1943 года. В нём фашисты содержали почти 100 тыс. советских военнопленных. Заключённых использовали на наиболее изнурительных работах — ремонте шоссейных и железных дорог, на лесопильном заводе, грузчиками на железнодорожной станции, строительстве. Пленные жили впроголодь, получая 200–300 граммов хлеба в сутки, в лагере была высокая смертность, а зимой 1942 г. вспыхнуло людоедство.

Всего за время немецкой оккупации в Житомирской области погибло 78 595 пленных.

На территории Запорожской области в 1941–1943 гг. немецкие фашисты имели для советских военнопленных 5 лагерей.

Наибольший лагерь находился на территории завода № 29 вблизи железнодорожной станции «Запоріжжя-11». В нём в отдельные периоды насчитывалось 25 тыс. советских военнопленных.

Пленных использовали на строительстве шоссейных дорог, ремонте плотины через р. Днепр, на лесозаводе 8-го посёлка г. Запорожья, земельных работах на Мокрянском аэродроме. Питание в лагере сводилось к 100 граммам хлеба на день и баланды с картофельной кожурой.

Баракы не обогревались. Зимой от голода, холода, сыпного тифа умирало 60–70 человек ежедневно. Пленных подвергали жестоким пыткам. Кроме того, после медицинского осмотра нередко проводился

отбор военнопленных, которых эшелонами отправляли в Германию. К весне 1942 г. в лагере осталось около 8 тыс. человек.

Лагерь военнопленных на 14-м посёлке насчитывал 500–600 человек. Работали они по 14 часов в сутки, выполняя вспомогательные работы в гараже.

Лагерь военнопленных в 6-м посёлке был одним из малочисленных — 250 человек. Размещался он в помещении музея Днепровского строительства. Пленных использовали на погрузочно-разгрузочных работах в порту им. Ленина.

Несколько десятков тысяч советских военнопленных содержались в Киеве (Дарница и территория завода «Большевик»), а также в Киевской области (железнодорожные станции Фастов и Ирпень). В лагерях службу несли немцы. Они сопровождали военнопленных к месту выполнения работ, где охрану усиливали полицейские из местных жителей. В исторической части города, на Подоле, военнопленные работали в слесарной мастерской, в Дарнице — на вагоноремонтном заводе¹³, в Ирпене — на торфоразработках¹⁴. На ремонте железнодорожных путей, как свидетельствовали после войны очевидцы, советские военнопленные работали отдельно, и гражданское население с ними не контактировало. На строительстве и ремонте станционных сооружений военнопленные работали вместе с вольнонаёмными¹⁵. Часть пленных, особенно в первые дни после взятия немцами Киева, использовалась для обслуживания водолазов, которые работали на Днепре, для уборки дворов, улиц, присмотра за лошадьми. Со временем фашистский режим становился всё более жестоким. Каждое новое известие о неудаче немецких войск на фронте приводило к усилению издевательств над советскими военнопленными и их отправке на работы, связанные с укреплением тыла.

Два лагеря — «большой» и «малый» — оккупанты создали в г. Киеве на территории завода «Большевик». «Малый» лагерь размещался в одном из заводских корпусов и насчитывал около сотни военнопленных, «большой» — намного больше¹⁶. Их использовали на тяжёлых физических работах — ручной разгрузке, сортировке и переноске повреждённых рельсов, шпал, а после их ремонта и сварки — погрузке на железнодорожные платформы. Рабочий день продолжался 9–10 часов, что при плохом питании приводило к частым заболеваниям и высокой смертности. Никакой медицинской помощи не оказывалось. Те, кому удалось выжить, рассказывали, что в день пленные получали 500 граммов хлеба, испеченного пополам с шелухой проса. На завтрак был чай без сахара, на обед — суп из крапивы или листьев свеклы, на ужин также травяной суп без жиров. Одежды не выдавали вообще, работали в той же форме, в которой были взяты в плен. Вместо обуви приспособляли деревянные

колодки. Общение военнопленных с работниками завода категорически запрещалось, об этом постоянно заботилась усиленная охрана.

Во Владимир-Волынском лагере Волынской области сначала содержались командиры Красной Армии от младшего лейтенанта до генерала. Позднее сюда направляли и сержантов. Работали заключённые в лагерных мастерских: сапожных, швейных, слесарных. Рабочее время составляло 8–11, на отдельных участках — 14–18 часов в сутки. На охрану лагеря гитлеровское командование выделило усиленную охрану — немецкий батальон.

О том, как содержались военнопленные, свидетельствуют архивные материалы Управления СБ Украины в Кировоградской области.

На её территории в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. существовало 15 лагерей советских военнопленных. Распространённым явлением было размещение лагерей на территориях машинно-тракторных станций (МТС). Один из них был создан на территории МТС в с. Павлыш. Через него, по приблизительным подсчётам, прошло 140 тыс. советских граждан, десятки тысяч которых остались на территории лагеря навсегда.

Сам лагерь представлял собой большой четырёхугольный участок поля, обнесённый в несколько рядов колючей проволокой, с пулемётными вышками по углам. Одновременно в лагере помещалось до 7 тыс. человек. Но бывали дни, когда из находящегося недалеко Кременчуга Полтавской области пригоняли по 11–17 тыс. пленных, что создавало чрезвычайное скопление людей, которых почти не кормили и не давали пить.

В конце ноября 1941 г. в этом лагере случилось трагическое событие, которое стоило жизни сотням людей. Весь день шёл проливной осенний дождь, и голодные, измученные люди, которые находились за колючей проволокой, вымокли до костей. Чтобы найти хотя бы какое-то спасение от холода, они руками разгребали грязное месиво под ногами, пытаясь добраться до сухого слоя земли и как-то согреться. После того как наступила морозная ночь, в лагере поднялись ужасные крики и немцы открыли стрельбу. Пленные в отчаянии прорвали ограждение. Их не остановил даже пулемётный огонь фашистов, и около 2 тыс. беглецов вырвались из лагеря. Во дворе МТС, на ближайших огородных участках и дорогах к сёлам Омельник, Онуфриево, а также городу Александрия было обнаружено 400 трупов советских военнопленных. После этого события режим в лагере стал ещё более жестоким, военнопленных расстреливали за незначительные проступки. Большие братские могилы на территории МТС поглотили почти 3,5 тыс. трупов.

На Луганщине военнопленных сгоняли в два лагеря. В Сватовском лагере по состоянию на сентябрь 1942 г. содержалось 150 военнопленных,

которых привлекали к ремонту дорог. В Старобельский лагерь 22 июля 1942 г. было направлено 500 военнопленных, которые под конвоем собирали горелое зерно. Потом 80 человек было взято на службу в полицию, а 300 – в Российскую освободительную армию генерала Власова.

На территории Львовской области существовало 4 лагеря для военнопленных. В начале 1941 г. на территории бывшей крепости «Цитадель» был создан лагерь шталаг 328. Режим в нём был направлен на уничтожение военнопленных. Их продовольственный рацион абсолютно не соответствовал условиям изнурительного труда, поскольку состоял утром из двух стаканов чёрного кофе, изготовленного из опилок; на обед – порция супа из овощных отходов; на ужин – тот же кофе и 250 граммов хлеба с примесями опилок. Часть военнопленных, предельно изнурённых, вынуждена была искать пищевые отходы на свалках или заниматься каннибализмом, за что их расстреливали по приказу командования лагеря.

В Николаевской области оккупантами было создано 7 лагерей. Наиболее известным является лагерь шталаг 364, в котором одновременно содержались 30 тыс. человек. Среди военнопленных фашисты проводили отбор специалистов для работы в сельском хозяйстве. В июне–июле 1942 г. в бывших совхозах Николаевской области работали около 20 тыс. военнопленных¹⁷.

Размещались лагеря для военнопленных и на Полтавщине. Сюда доставляли советских солдат и офицеров, которые попали в окружение в первые месяцы войны, когда линия советско-немецкого фронта быстро удалялась в восточные регионы СССР.

Лагерь дулаг 151¹⁸ размещался в Полтаве и вмещал 5–12 тыс. военнопленных одновременно. Их труд использовался на предприятиях города. Ежедневно от болезней и пыток погибало приблизительно 150 узников.

Массово погибали военнопленные в Кременчуге, где фашисты устроили два лагеря – шталаг 346-А и шталаг 346-Б. Место для них было выбрано не случайно – улица Ленина. Оба лагеря превратились в «фабрики смерти», где на протяжении двух лет было уничтожено, по разным данным, от 70 до 80 тыс. советских военнопленных. Физическое устранение потенциальных врагов было не единственной целью оккупантов. Как и в других лагерях, физически крепких пленных использовали на строительстве мостов, а также на предприятиях.

В Харьковской области в период оккупации существовало 10 лагерей для советских военнопленных. В большинстве это были временные лагеря, в каждом из которых находилось от 250 до 700 военнопленных. Их использовали на сельхозработах, строительстве немецких оборонных рубежей, ремонте дорог.

Наибольший на Харьковщине лагерь военнопленных был создан оккупантами осенью 1941 г. в тюрьме на Холодной горе г. Харькова. С перерывами (февраль–май 1942 г.) лагерь просуществовал до конца июля 1943 г.

В нём находилось от 50 до 70 тыс. военнопленных, которых использовали на строительстве немецких оборонных сооружений и ремонте дорог.

В период войны на территории Черниговской области было 4 известных наиболее жестокими условиями лагеря советских военнопленных. По разрозненным данным, военнопленные активно использовались оккупантами на строительстве объектов военного назначения.

В лагере на территории Черниговской городской больницы (1941 г. — сентябрь 1943 г.) одновременно содержались 600 военнослужащих. Использовались они преимущественно на строительных работах. 2 тыс. из них погибли.

Лагерь в г. Нежине возник уже в мае 1942 г. и просуществовал около одного года, после чего был эвакуирован на территорию Белоруссии. Труд военнопленных использовался на строительных работах — ремонт дорог, перегрузка строительных материалов и др.

В Конотопском лагере военнопленных рядовые красноармейцы и командиры даже в зимний период содержались под открытым небом. Всех пленных, в том числе больных, заставляли тяжело работать, несмотря на голодный паёк. Военнопленных партиями отправляли на работу в разные районы города. Ежедневно 500 пленных возили на строительство моста через р. Сейм. Одновременно их использовали также для переноски груза через реку по подвесному мосту. Лагерь разделялся на три категории. Первая — недавно взятые в плен советские военнопленные. Вторая — фильтрационный лагерь, в который пленные поступали из лагеря первой категории. Третья — «шталаг», стационарный лагерь, в который направлялись военнопленные, прошедшие фильтрацию, и их можно было использовать на работах.

В лагере, расположенном в населённом пункте Остёр, военнопленных заставляли работать на вырубке леса и его транспортировке.

Фашистскими захватчиками создавались лагеря для советских военнопленных также и в других регионах Украины. В плен попадали, как известно, в разных обстоятельствах и разными по численности группами — от единичных бойцов и командиров до десятков тысяч. В районе г. Гайсина Винницкой области находился пересылочный лагерь для военнопленных, в котором их распределяли по другим лагерям. До отправки они работали в каменном карьере и на ремонте шоссе дорог. Для выполнения сельскохозяйственных работ здесь было создано несколько бригад¹⁹. Известны факты, когда отсюда военнопленных

отправляли этапом в лагеря, расположенные вблизи г. Гайворона Николаевской области и в г. Умани Черкасской области, а также на горнодобывающие и промышленные предприятия непосредственно в Германию.

В г. Сумы в период немецкой оккупации с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. находилось несколько лагерей для военнопленных, но основным был дулаг 170, который размещался на территории Червонозоряного рафинадного завода.

Пытаясь закрепиться в Крыму и усилить снабжение своих войск на полуострове, гитлеровцы заставляли советских военнопленных расширять железнодорожные пути на станции Джанкой.

В годы войны строительными работами на территории Украины занималась немецкая военно-строительная организация «Тодт»²⁰. Она имела разветвлённую структуру, основу которой составляли строительные управления и группы. Их численность зависела от объёма и сложности выполняемых работ. По показаниям немецкого военнопленного айнзацляйтера Р. Кретцера, который на протяжении всей войны находился на руководящих должностях в «Тодте», главное строительное управление при 11-й немецкой армии насчитывало более 3200 человек²¹. Все руководящие должности занимали немецкие офицеры и инженеры, дипломированные специалисты. Деятельность организации «Тодт» на территории Украины возглавлял профессор Бругманн. Её главной функцией было восстановление и строительство железных дорог, мостов, аэродромов, дорог и сооружений военно-оборонного назначения в тылу действующих армейских группировок²².

Немецкое командование поручало исполнение военных заказов на ремонт техники, строительство и обслуживание транспортных сооружений и путей сообщения только своим работникам, мастерам и техникам. Военнопленные советские специалисты использовались под пристальным присмотром немецкой охраны, причём им отводились те участки работы, которые требовали невысокого уровня квалификации, содержали меньше военных тайн. Причиной такого отношения были, прежде всего, небезосновательные опасения саботажа, диверсий, утечки оперативной и стратегической информации. Это была одна из причин физического истребления военнопленных и использования их как вспомогательной рабочей силы. Кроме того, многих из них безнаказанно эксплуатировали на военных объектах в самой Германии и на территории оккупированных ею других стран Европы.

Попытки использовать труд военнопленных в сельском хозяйстве Украины не имели ожидаемого эффекта из-за нестабильной ситуации на фронтах и объективной невозможности добиться немедленного результата. Не удивительно, что оккупанты считали более выгодным вывозить из Украины в Германию чернозём, чем обрабатывать плодородные

поля на месте, что требовало значительного времени, соответствующей техники и орудий труда. В специальном сообщении I Управления НКВД УССР Военному совету Южного фронта о ходе весеннего сева на оккупированной территории Украины весной 1942 г. указывалось, что фашистские захватчики приняли ряд мер в надежде вырастить и собрать здесь урожай нового года. Однако недостаток сельскохозяйственного инвентаря, тракторов, посевных фондов, живой тяги, в условиях резкого недовольства основных масс населения «новыми порядками» привели к тому, что весенний сев был сорван²³. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, в «государственных хозяйствах» (бывших совхозах) немецкая власть к обработке земли привлекала военнопленных красноармейцев, которые работали под присмотром местной полиции²⁴. Так делали оккупанты в селах Харьковской области, в частности, в совхозе «Калиновка» Кегичевского района, где землю обрабатывали военнопленные²⁵.

Положение в сельском хозяйстве на захваченных территориях не улучшилось и весной 1943 г. Руководители оперативной группы НКВД УССР по Запорожской области 2 мая того же года сообщали, что для исполнения сельскохозяйственных работ оккупационная власть распределила по сёлам большое количество пленных красноармейцев, которые работали по 16–18 часов в сутки²⁶.

Использование труда советских военнопленных в сельском хозяйстве, которое оставалось на оккупированной части Украины, продолжалось и в 1944 г. Продвижение линии фронта изменяло территорию, а также формы хозяйствования. В специальном сообщении от 23 мая 1944 г., подготовленном IV Управлением НКГБ СССР для НКГБ УССР, касавшемся территории Галиции, указывалось, что вдоль однокольной линии железной дороги Сокаль–Каменка–Стромилов–Львов вместе с местным населением под охраной немцев работают военнопленные²⁷.

В целом массовое применение труда военнопленных в сёлах было проблематичным. В полевых условиях их было труднее охранять, к тому же крестьяне — преимущественно женщины, старики и дети — сами едва выживали, и у них немецкие солдаты и офицеры, при необходимости, отбирали последние съестные припасы.

Военнопленных принуждали работать, как правило, в самых тяжёлых и опасных местах. Местное гражданское население тоже выгонялось на принудительные работы, причём уклонение от них наказывалось направлением в лагерь для военнопленных и другими репрессиями вплоть до расстрела. Быть зачисленным в лагерь для военнопленных означало верную смерть. Пострадавшие таким образом гражданские лица вспоминали после войны, что военнопленные от голода и холода доходили до полного истощения и их убивали прямо во время конвоирования на работы. Безжалостно каралось любое непослушание при

проведении работ. Немецкие оккупанты в таких случаях нередко сразу вешали или расстреливали сотни людей из числа местных жителей и военнопленных.

После провала «блицкрига» в руководстве III рейха на разных уровнях появлялось понимание того, что тотальное истребление военнопленных расстрелами, голодом и холодом приводит к нарастающему сопротивлению оккупационной власти. В то же время гитлеровцы не желали нести наименьших затрат на содержание советских пленных, которые нацистской идеологией задолго до этого были отнесены к обречённой, более низкой расе. 28 февраля 1942 г. рейхсляйтер Розенберг подписал документ, в котором осуждал комендантов лагерей за то, что они запрещали местному населению передавать еду военнопленным. Наоборот, по его мнению, этим необходимо пользоваться. Хотя взгляды на условия содержания военнопленных у отдельных фашистских бонз со временем менялись, практика деятельности их подчинённых оставалась, на самом деле, неизменной, и советских военнопленных продолжали нещадно истязать и уничтожать²⁸.

Поражение под Сталинградом заставило нацистское командование пересмотреть отношение к военнопленным, которые пребывали на оккупированной советской территории. 26 апреля 1943 г. из Украинского штаба партизанского движения сообщали народному комиссару внутренних дел УССР В. Сергиенко о новой тактике использования немцами населения оккупированной территории Украины. Из-за больших потерь на Восточном фронте фашисты приступили к мобилизации людских ресурсов с целью обеспечения своего тыла и освобождения части войск для ведения боевых действий. Так, в директиве командования 79-й немецкой дивизии от 9 февраля 1943 г. прямо говорилось об использовании военнопленных для работ во втором эшелоне²⁹. Кроме того, согласно этой директиве, каждый пехотный полк должен был сформировать по одной сапёрной роте из военнопленных. Спасаясь от смерти в плену и надеясь затем перейти на сторону Красной армии или партизан, добровольцы соглашались на выдвинутые условия. Непригодных к воинской службе направляли на сельскохозяйственные работы и на обслуживание оккупационных войск. Силами военнопленных захватчики укрепляли береговую линию Днепра, а в 1944 г., когда завершалось освобождение украинских земель, фашистским оккупантам удалось даже восстановить линию защитных сооружений на западе Украины — окопы, дзоты, противотанковые рвы. Из Галиции в Германию поспешно вывозилось оборудование фабрик и заводов, уголь, нефть, а также сельскохозяйственные машины, зерно и скот.

Затяжные кровопролитные бои советских и немецких войск, во время которых города и сёла переходили из рук в руки, а всё вокруг было

разорено и уничтожено, оставляли у фашистов в стороне попытки налаживания постоянного производства на оккупированных территориях Украины. Зато красноармейцы и местное население после изгнания гитлеровцев сразу принимались за восстановление фабрик, заводов, шахт, рудников, обработку земли, ибо они не были лишними на своей территории, чужеземцами, а по праву ощущали себя освободителями, хозяевами.

В то же время факт плена или даже проживания на временно оккупированной территории стал на многие годы клеймом для миллионов советских людей, к которым партийно-государственное руководство СССР относилось предвзято, подозревая их в предательстве. Для бывших пленных — гражданских и военных — фильтрационные лагеря и многочисленные проверки навсегда вошли в жизнь. Но это уже тема отдельного разговора, стержнем которого могут быть общие характеристики тоталитарных режимов и мера их ответственности за преступления против человечества.

Важные документы, которые дали бы возможность раскрыть проблему военного плена, ныне рассредоточены между рядом архивов Украины, России, Белоруси, Польши, Германии и других стран. Из этого следует, что для её разрешения, которое имело бы и научное, и практическое значение, межведомственных усилий в рамках одного государства недостаточно. Совершенно очевидной представляется необходимость разработки международного проекта «Военный плен и интернирование в годы Второй мировой войны» для того, чтобы вынести уроки из трагедии войны, общими усилиями представителей всего мирового сообщества.

---

¹ *Галицкий В.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 9; Київський процес. Документи та матеріали. — К.: Либідь, 1995; *Карпов В.* Пленники Сталина. — К.–Львов: НАН України, 1997; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. — М.: Логос, 2000; *Сергійчук В.* Новітня каторга. Військовополонені та інтерновані Другої світової війни в УРСР. — К., 2001; *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). — К.: Парламентское изд-во, 2002.

² *Шнеер А.* Плен. — Иерусалим, 2003.

³ *Коваль М. В.* Україна у Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.): Спроба сучасного концептуального бачення. — К.: Ін-т історії України НАН України, 1994; *Його ж.* Україна: 1939–1945. Маловідомі і непрочитані сторінки історії. — К.: Вища школа, 1995.

⁴ *Потильчак О.* Експлуатація трудових ресурсів України гітлерівською Німеччиною у роки окупації. Дисертація канд. іст. наук. — К., 1999; Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). — К.: Вид-во Нац. пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова, 2004.

- ⁵ Шнеер А. Указ. труд. — С. 95.
- ⁶ Отаслевой государственный архив СБ Украины (далее — ОГА СБ Украины) — Ф. 5, д. 83 506, т. 1, л. 13.
- ⁷ Там же. — Ф. 11, д. 83 525, л. 68.
- ⁸ Лисенко О. Нерозв'язані проблеми історії Великої Вітчизняної та Другої світової воен. — Дзеркало тижня. — 2004. — 30 жовтня.
- ⁹ ОГА СБ Украины — Ф. 11, д. 49522, л. 14—14 обр. стор.
- ¹⁰ Потильчак О. Назв. праця.
- ¹¹ ОГА СБ Украины. — Ф. 5, д. 83 503, л. 268, 269.
- ¹² Stammanschaftslager (Stalag) — стационарный лагерь для рядовых и сержантов сухопутных войск.
- ¹³ ОГА СБ Украины. — Ф. 5, д. 9243, л.; Ф. 5, д. 55 939, л. 17 обр. стор.
- ¹⁴ Там же. — Ф. 6, д. 73 659 фп, л. 9 обр. стор.
- ¹⁵ Там же. — Д. 9243, м л. 24, 24 обр. стор., 25.
- ¹⁶ Там же. — Д. 25 698, л. 197—197 обр. стор.
- ¹⁷ Потильчак О. Назв. праця.
- ¹⁸ Durchgangslager (Dulag) — пересылочный лагерь.
- ¹⁹ ОГА СБ Украины. — Ф. 6, д. 72 276 фп, т. 1, л. 31; т. 2, л. 105.
- ²⁰ Organisation Todt — организация, которая получила название по имени своего руководителя Фрица Тодта.
- ²¹ ОГА СБ Украины. — Ф. 5, д. 28763, л. 26—27.
- ²² Там же. — Л. 37.
- ²³ Там же. — Ф. 11, д. 83 525, л. 62—63.
- ²⁴ Там же. — Л. 68.
- ²⁵ Там же. — Л. 69.
- ²⁶ Там же. — Л. 81.
- ²⁷ ОГА СБ Украины. — Ф. 5, д. 83 506, т. 1, л. 9—10.
- ²⁸ Преступные цели — преступные средства. — М.: Политиздат, 1968. — С. 173—174.
- ²⁹ ОГА СБ Украины. — Ф. 5, д. 83 506, т. 1, л. 158—160, 164—165.

ФАШИСТСЬКИЙ ОКУПАЦІЙНИЙ РЕЖИМ В УКРАЇНІ ТА ДОЛЯ ВІЙСЬКОВОПОЛОНЕНИХ (1939–1944 рр.)

ВОЛОДИМИР ШЕВЧЕНКО

Київський національний університет внутрішніх справ, Україна

В історії людства назавжди закарбувалися сторінки, які розповідають про найбільший воєнний катаклізм — Другу світову війну. Нав'язане агресивними фашистськими і мілітаристськими силами, що прагнули до світового панування, це велетенське збройне протистояння позначене всепланетарним розмахом, небувалими руйнуваннями, загибеллю величезної кількості людей, в т. ч. солдатів та офіцерів воюючих сторін, фізичними і моральними стражданнями мирного населення.

Складовою частиною війни був і полон. Мільйони вояків, потрапивши в німецько-румуно-угорську фашистську неволю, пройшли важкий шлях обмеження свободи, тортур, голоду, різних принижень. Для багатьох і наглої смерті.

Трагедією величезного масштабу стала доля воїнів, які опинилися у фашистському полоні.

Політичні й військові керівники країн-агресорів зламали під час Другої світової війни традиційну уяву про полон, пов'язані з нею поняття військової честі, грубо порушували відповідні міжнародні угоди, зокрема Гаазької конференції 1899 і 1907 рр., Женевські договори 1864, 1906 і 1929 рр. Усупереч положенням цих міжнародних документів про те, що військовий полон є лише тимчасовим затриманням і не може мати характеру помсти чи покарання, фашисти та їх поплічники перетворили полон на продовження війни. Як наслідок було створено безпрецедентну за жорстокістю і цинізмом технологію масового знищення, примусово-виснажливої праці, фізичного і морально-психологічного насильства як щодо полонених військовослужбовців, так і насильно захоплених осіб окупованих країн. Більше половини з них загинули від рук фашистських окупантів. Абсолютна ж більшість німців, австрійців, угорців, італійців та інших полонених повернулася з радянського полону після війни додому.

Не можуть служити виправданням фашистських злочинів посилення на те, що СРСР не взяв участі у Женевській конвенції 1929 р. про режим військовополонених. Адже Радянський Союз приєднався до

Гаазької конвенції 1907 р. про закони і звичаї сухопутної війни, в якій (ст. 4–20 додатку) регламентувалося гуманне ставлення до військовополонених. Вона була покладена в основу конвенції 1929 р., а також відповідних приписів Червоного Хреста. А уряди Чехословаччини і Польщі, в складі яких перед війною перебувала частина українських земель, схвалили вищеназвані документи.

Розпочавши ще в 1939 р. агресію в українські землі, фашисти безпрецедентно жорстоко розправлялись із захопленими вояками, які захищали рідну землю. Так, угорські фашисти, які з благословення Гітлера розпочали в березні 1939 р. війну проти Карпатської України, по-звірячому вбили більшість полонених її захисників — воїнів Карпатської Січі, в тому числі й учнів гімназії та студентів Хуста. Січовиків, які, рятуючись від знавсілілого ворога, переходили кордон Румунії, тамтешні власті передавали назад угорцям. Останні негайно розстрілювали нещасних, а тіла кидали в Тису, води якої були червоними від крові жертв фашистського режиму Горті. Уцілілих полонених, як і всіх борців з угорським окупаційним режимом, фашисти катували в 16-ти створених концтаборах, тюрмах та інших місцях ув'язнення.

Розпочавши агресію проти СРСР, Гітлер у наказі від 2 липня 1941 р. підкреслював: «Будь-яка людяність стосовно військовополонених суворо переслідується».

Чимало категорій військовослужбовців фашисти умертвляли відразу після припинення ними опору: поранених, тяжкохворих, інвалідів, політпрацівників, євреїв, втікачів з концтаборів, партизанів, підпільників тощо. В багатьох випадках фашистське командування віддавало злочинні накази: «полонених не брати». Саме так діяли командири 3-ї та 18-ї танкових дивізій Модель і Герінг. Розстріли, масові екзекуції полонених проводилися за наказами військового оперативного командування, окупаційних властей, а часто і без будь-яких наказів і офіційних рішень — за вказівками військовослужбовців діючих військ, на розсуд, а точніше внаслідок злочинного свавілля будь-якого окупанта — офіцера, солдата або чиновника місцевої фашистської адміністрації.

Тих полонених, яких не вбили відразу, окупанти нерідко використовували як «живий щит», що прикривав наступаючі війська агресорів.

Інших роздягали до спіднього, їхнє обмундирування і взуття використовували для «потреб німецької армії». Окупанти залучали військовополонених для розчищення мінних полів та інших небезпечних для життя робіт. Бранців не тільки не забезпечували, як цього вимагала ст. 7 Гаазької конвенції, харчуванням, одягом і приміщенням нарівні зі своїми військами, а годували падаллю, трупами коней, худоби, часто ж і зовсім лишали без їжі та води, тримали просто неба під дощем і снігом. За найменший непослух розстрілювали на місці, глумилися навіть над

тілами загиблих. Значна частина військовополонених гинула під час транспортування.

В Україні було створено мережу великих таборів смерті для військовополонених. Вони масово умиртвлялися прямими фізичними діями або створенням нелюдських умов існування у дулагах (пересильні табори), шталагах (для полонених рядового і сержантського складу), офлагах (офіцерські табори), у так званих «лазаретах». Десятки тисяч гинули при транспортуванні до цих таборів, в ув'язненні в чисельних тюрмах та інших місцях позбавлення волі. Масове знищення людей, в тому числі військовополонених, здійснювалось окупантами в створених в Україні 808 таборах, тюрмах, інших місцях ув'язнення, смертність в яких досягала 85%.

Найбільшими серед них були Дарницький і Сирецький табори в Києві, «Цитадель» у Львові, табори в Умані, Полтаві, Мелітополі, Донецьку, Дніпропетровську та інших містах. Тільки у «Цитаделі» загинули від голоду і хвороб майже 140 тис. людей, у Хорольських таборах понад 57 тисяч. У Кременчуці гітлерівці умиртвили голодом, тортурами, через навмисне зараження інфекційними хворобами 40 тис. солдатів і офіцерів. У Володимирі-Волинському — 25 тис. (лише за зиму 1941/42 р. — 7–8 тис.). В Артемівську, у створеному фашистами в листопаді 1941 р. таборі змучені страшним голодом полонені поїли всю траву. Щоб позбавити їх навіть цієї «поживи», гітлерівці оточили табір подвійною огорожею з колючого дроту. В Умані на невеликій ділянці у страшній тісняві і антисанітарії було зосереджено понад 70 тис. полонених. Більшість з них не одержували навіть ріденької юшки. В таборі в Раві Руській щоденний раціон складався з мерзлої картоплі, яку варили для полонених. Таке «харчування», виснажлива праця, неопалювані бараки, нелюдські покарання, зокрема у вигляді прив'язування до колючого дроту при сильних морозах, швидко призвели до загибелі майже всіх радянських військовополонених.

У «Гросс-лазареті» в м. Славуті Кам'янець-Подільської області лікарі поширювали тиф, туберкульоз, дизентерію тощо. Німецька охорона іноді вбивала нещасних задля розваги. Протягом двох років окупації м. Славута за участю німецьких лікарів Борбе, Штурма та інших медпрацівників у цьому «лазареті» знищено 150 тис. пораниених і хворих полонених офіцерів і бійців Червоної армії.

Начальник управління у справах військовополонених при ставці верховного головного командуючого генерал фон Гревенітц віддав наказ — військовополонених вбивати, використовуючи медперсонал.

У концтаборі на території Троїцької сільради Міловського району на Луганщині колгоспникам категорично заборонялося будь-чим допомагати військовополоненим. Незважаючи на це, ризикуючи життям, селяни все ж передавали знесиленим бранцям харчі, одяг і взуття.

За розпорядженням коменданта табору Ф. Пабша ослаблих від голоду і побоїв, тяжкої фізичної праці військовополонених вбивали і навіть живцем закопували в завчасно підготовлених ямах. 400 поранених було розстріляно і 300 людей спалено живцем в одному з корпусів шпиталу в Харкові у березні 1943 року.

У Маріуполі в приміщеннях учбового комбінату заводу ім. Ілліча розташовувався табір військовополонених, серед яких було багато поранених та хворих. Знаючи про співчуття населення військовополоненим, гітлерівці організували так званий комітет допомоги, куди люди зносили гроші, які потім привласнювало німецьке командування і поліція. Згодом, у лютому 1943 р., хворі й поранені військовополонені в самій білизні були вивезені 18 товарними вагонами в Старокриський тупик і там замерзли. На вагонах були намальовані череп і кістки з написом «Не підходьте, заразне!». Засобом знищення було використання в'язнів на найтяжчих, часто смертельних роботах. У таборі на станції Амвросіївка Сталінської області військовополонених, у 80% яких були обморожені руки і ноги, виганяли на будівництво залізниці. Багато загинуло в так званих тральних ротах-командах з розмінування місцевості.

За даними командуючого фашистськими тиловими військами, в Україні щодня гинуло в середньому 2,5 тис. людей. Всього протягом 1941–1945 рр. у фашистський полон, за останніми підрахунками, потрапило близько 6 млн 300 тис. радянських військовослужбовців. З них загинуло понад 4 млн 700 тис., зокрема понад 2 млн у концтаборах і тюрмах, що були розміщені окупантами в Україні.

Отже, німецько-румунсько-угорський фашистський окупаційний режим в Україні був злочинною системою, яка здійснювала комплекс антигуманних військово-терористичних, соціально-побутових, економічних, медичних, ідеологічних та інших заходів, спрямованих на тотальне знищення всього українського народу, інших людей, зарахованих агресорами до неарійців, у тому числі військовополонених. Убивства захоплених вояків в оперативних районах, зокрема як живого прикриття атакуючих фашистських військ, винищення бранців в концтаборах, тюрмах, садистські медичні експерименти, злочини стосовно поранених і хворих полонених й інвалідів війни призвели до загибелі абсолютної більшості тих, хто потрапив у фашистський полон.

ЛАГЕРЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 326 ЗЕННЕ

ВЕРНЕР БУШ

Мемориальный комплекс «Зенне», ФРГ

13 июня 1989 г. стало днём примирения на кладбище советских воинов в Штукенброке-Зенне. В рамках встречи на высшем уровне кладбище советских воинов посетила жена бывшего главы государства и генерального секретаря партии Михаила Горбачёва, Раиса Горбачёва. Её сопровождали жена бывшего федерального канцлера Гельмута Коля, Ханнелора Коль, и жена премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия, будущего федерального президента Иоганна Рау, Христина Рау.

Посещение высокопоставленных гостей обратило, хотя и временно, внимание населения на кладбище советских воинов и на находившийся недалеко бывший лагерь для военнопленных — шталаг 326. Забвение началось сразу после войны. По мнению населения, вермахт не совершал преступлений, а если какие и были, то только в отдельных случаях. От критичных замечаний населения по поводу нечеловеческого обращения с советскими военнопленными во время войны, если они вообще были, отделялись отговорками, что азиатско-большевистские «нелюди» не имеют никаких прав. Армию называли «большевистскими ордами», которые сожгут и опустошат Европу.

Шталаг 326 Зенне

10 апреля 1941 г. офицеры лагеря VI С в Батхорне получили приказ о передислокации в Линген во фронтовой стационарный лагерь № 326. Этот приказ через несколько дней был изменён, и команда была направлена на полигон в Зенне. Был распространён слух, что там будет организован шталаг для 100 тыс. сербских военнопленных.

Командующие военных округов, за несколько месяцев до нападения на Советский Союз, получили задание построить временные лагеря для ожидаемых военнопленных. Национальность будущих военнопленных не была указана. Запланированы были только забор из колючей проволоки, туалеты и водопровод. Жилые помещения не были предусмотрены.

22 июня 1941 г. для Гитлера началась собственно война, так называемая война за территорию, и мировоззренческая война против «еврейского большевизма».

Уже в начале войны с Советским Союзом германскому вермахту удалось захватить невероятное количество пленных. Данные в общем

колеблются. В то время как немецкая сторона называет 5,2–5,7 млн военнопленных, русская сторона исходит из числа 4,5 млн попавших в плен красноармейцев.

Первые эшелоны с военнопленными прибыли в лагерь в Штукенброк уже 7 июля 1941 г. Это были два эшелона с общей численностью пленных 4000 человек. Бараков или прочих помещений для жилья не существовало.

После прибытия военнопленных систематически регистрировали, выдавали регистрационные номера и отправляли сведения о военнопленных в Центральную статистическую службу вермахта в Берлине (ВАСт).

После окончания войны документы считались утерянными. Поэтому исходили из того, что вермахт не проводил достаточного учёта военнопленных. Но регистрационные документы находятся практически полностью в архивах Российской Федерации и государствах СНГ. В настоящее время проводится систематическая обработка этих документов.

Жизнь в лагере

Военнопленные жили до поздней осени 1941 г. в примитивных норах, пока не привезли отдельные части бараков, которые пленные сами должны были собирать. Гигиенические условия были ужасными. Голод и болезни определяли жизнь военнопленных. Поэтому и не удивительно, что в результате этих условий зимой 1941/42 г. в лагере началась массовая смертность военнопленных. Вторая волна массовой смертности прошла осенью — зимой 1942/43 года.

К лету 1942 г. в лагере Штукенброк было зарегистрировано около 30 тыс. военнопленных.

8 сентября 1942 г. система лагерей для военнопленных была реорганизована. Из специальных лагерей для советских военнопленных были созданы обыкновенные лагеря для военнопленных всех национальностей.

Недостаток рабочей силы в рейхе потребовал массового использования военнопленных в промышленности. К тому же для шталага 326 был определён регион, в который направлялись на работы военнопленные, находившиеся в лагере. Этим регионом была Восточная Вестфалия — Липе. По настоянию государственного объединения по добыче угля и вследствие приказа ОКВ (верховное командование вермахта), шталагу была передана функция центрального приёмочного лагеря для военнопленных, которых направляли на работу в Рурский угольный бассейн. В результате этого шталаг получил статус дулага (этапного или пересылочного лагеря). Отобранные для рабочих команд, военнопленные после регистрации, дезинфекции и медицинского обследования направлялись в шталаг VI А Хемер в Зауэрланде и оттуда на отдельные шахты. На момент освобождения американцами шталага 326, 2 апреля 1945 г., через него прошло более 280 тыс. советских военнопленных.

Оставшиеся в живых военнопленные после освобождения создали достойное место для почтения памяти своих погибших товарищей. Они поставили во главе каждой из 36-ти братских могил, расположенных рядами, каждая длиною в 112 метров, памятники метровой высоты, на которых были выгравированы надписи на русском, английском и немецком языках. В память жертв перед братскими могилами был воздвигнут десятиметровый обелиск, который напоминает о мучениях и смерти погибших товарищей.

В период между 1959 и 1964 годами кладбище было приведено в порядок и ему был придан парковый характер. По поручению руководства города Шлосс Хольге-Штукенброк за ним ведётся постоянный уход. Усилия по организации мемориала, продолжавшиеся многие десятилетия, приняли в 1994 г. конкретные формы. 21 июня 1996 г. открылся «Центр сбора и хранения информации шталаг 326 (VI К)». Через несколько дней будет праздноваться 10-летие документационного центра. Школа по подготовке кадров полиции имени Эриха Клаузенера, которая расположена на территории бывшего лагеря, предоставила в распоряжение информационного центра здание бывшей лагерной тюрьмы. Ремонт здания финансировался из средств земли Северный Рейн-Вестфалия, коммуны Шлосс Хольге-Штукенброк и фонда Северный Рейн-Вестфалия. Музей содержится на средства общества «Центр сбора и хранения информации шталаг 326 (VI К)», так как ни руководство района Гютерсло, ни правительство земли Северный Рейн-Вестфалия не желают принять на себя финансирование музея.

Работа ведётся на общественных началах. Земля Северный Рейн-Вестфалия поддерживает музей тем, что выделила полставки для педагогического работника.

Выставка

Выставка в бывшем здании лагерной тюрьмы даёт представление об условиях жизни в шталаге 326. Она освещает причины к ним приведшие, рассказывает о работе военнопленных, об отношении местного населения, свидетельствует о жизни и смерти в лагере и о создании кладбища советских военнопленных в Зенне.

Основные направления работы сотрудников информационного центра зафиксированы в уставе, в частности:

- издание информационного материала о лагере;
- научная работа по изучению судеб военнопленных и людей из бывшего Советского Союза и других стран, угнанных на принудительные работы в Германию;
- совместная работа с национальными и интернациональными информационными центрами и научными учреждениям, занимающимися изучением новейшей истории.

Следующей задачей, определённой в уставе, является проведение экскурсий для посетителей как из Германии, так и из-за рубежа. Особенно большое внимание в нашей общественной деятельности уделяется работе с группами, состоящими из школьников. При этом нельзя забывать и заботу об отдельных посетителях. Мы проводим как проектную работу в группах, так и семинары.

В течение 10 лет существования центра сбора и хранения информации были установлены хорошие контакты как с Россией, так и с другими государствами СНГ. Здесь следует упомянуть Казахстан, Беларусь, Узбекистан и Украину.

В первые четыре года своего существования центр сбора и хранения информации имел самую большую базу данных военнопленных в немецком рейхе.

По инициативе федерального правительства в 1999 г. был осуществлён проект по обработке материалов, касающихся советских офицеров. Информационный центр работал активно в этом проекте. Проект был завершён в 2002 г. В дальнейшем проект получил название: *«Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода»*. В ходе этого проекта обрабатываются данные, касающиеся нижних офицерских чинов и солдат.

Общее руководство осуществляет информационный центр Объединения «Саксонские мемориалы». Основной массив документов обрабатывается в архивах Российской Федерации и стран СНГ. Завершить проект предполагается в 2012 году.

Обработанные материалы, внесённые в базу данных, такие как персональная карточка военнопленного, регистрационная карточка о смерти, с относящимися к ним сканированными материалами, передаются участникам проекта.

Мы считаем, что к концу года мы будем располагать приблизительно 750 тыс. единиц базовых данных. Следующей задачей проекта является издание как в стране, так и за рубежом памятных книг и поисковых книг к лагерным кладбищам.

Полученная информация позволит реконструировать многие судьбы, даже 60 лет спустя после окончания войны. Значение проводимой работы можно определить по растущему количеству запросов, касающихся судеб родных, в Германском Красном Кресте, в Народном союзе по уходу за военными захоронениями, а также у нас в центре сбора и хранения информации.

Мы можем сказать, что работа ещё не завершена и должна вестись дальше.

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

ФАИНА ВИНОКУРОВА

Государственный архив Винницкой области, Украина

Следуя хронологии, источники, являющиеся базой изучения данной темы, можем подразделить на две группы. К первой относятся документы, отражающие судьбу советских военнопленных в немецком плену и датированные, главным образом, 1941–1943 гг. Впрочем, здесь встречаются источники более позднего происхождения — воспоминания, свидетельства участников или очевидцев событий, вписывающиеся в указанные выше временные рамки, — так называемые документы «устной истории». Вторая группа документов освещает пребывание бывших офицеров и солдат немецкой армии в советских лагерях для военнопленных. Эти источники отложились уже в послевоенный период. Внутри каждой из групп документальные источники можно условно обозначить как «прямые» и «косвенные».

Непосредственно участи попавших в нацистский плен красноармейских солдат и офицеров касаются учетно-фильтрационные дела бывших советских военнопленных и трофейные карточки на эту же категорию лиц. Исследована группа подобных документов в составе 284 дел из архивной коллекции ф. Р-6023 «Фильтрационные, архивно-следственные и надзорные дела, трофейные документы, переданные из ведомственного архива областного управления СБУ», то есть полностью опись 3 данной коллекции. Этот документальный массив вводится в научный оборот, так как содержит ценный малоизученный материал о судьбах людей, об отношении воюющих сторон к военнопленным в период Второй мировой войны. Кроме того, он используется при выполнении запросов граждан социально-правового характера.

Учетно-фильтрационные дела представляют собой комплекс документов: опросные листы, анкеты, переписку по поводу получения информации о жизни и деятельности военнопленных. В учетно-фильтрационных делах содержатся документы советских учреждений (органов НКВД, «Смерша», фильтрационных лагерей), иногда — союзных войск (удостоверения, справки), немецкие документы (аусвайсы, рабочие

карты и т. п.). Основным источником информации о военнопленном здесь являются протоколы допросов. Первая часть протокола допроса содержит информацию об обстоятельствах пленения, вторая включает данные о пребывании в лагерях военнопленных на оккупированных территориях СССР и рейха с подробным изложением условий содержания, круга лиц, состоящих в контакте с военнопленными, об их перемещениях и т. д.

Различные аспекты судеб советских военнопленных отражены в ряде «косвенных» документов, среди которых трофейные немецкие материалы: донесения военных чиновников охранной группы тайной полиции «ОСТ», рапорты, переписка, оформленные в немецком делопроизводстве как приложения к «Военному дневнику». Последний же является своеобразным аннотированным журналом регистрации документов, поэтому в нем отражено краткое содержание перечисленных выше источников. Из переписки с пересыльным лагерем в Виннице возможно, в частности, почерпнуть сведения о занятости пленных на строительстве объекта под условным названием «Айхенгайн», впоследствии ставки Гитлера «Вервольф», о побегах и расстрелах советских военнопленных, о фактах их сопротивления оккупационному режиму. «Косвенными» источниками данных об условиях работы советских военнопленных на строительстве ставки Гитлера, их участии в подпольно-партизанском движении, информации биографического характера о тех, кто примкнул к просоветскому антинацистскому сопротивлению, являются также документы архивной коллекции ф. П-425 «Подпольные организации, партизанские отряды периода Великой Отечественной войны на Винничине». Сведения об условиях содержания военнопленных в лагерях, об их питании, лечении, денежном вознаграждении за выполненную работу, гибели, о личных судьбах, об оказании им материальной помощи встречаются в документах Винницкой городской управы (ф. Р-1312); различных предприятий, на которых работали военнопленные, — железнодорожной станции, мясокомбината, швейной фабрики, водоканала, электростанции и т. п.; Винницкой областной комиссии по содействию в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, нанесенного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР — ЧГК (ф. Р-1683); в материалах, собранных в мемориальных коллекциях документов по истории края (ф. Р-5022), воспоминаний и свидетельств бывших узников гетто и концлагерей, остарбайтеров (ф. Р-6022), в коллекции «Винничане — участники Великой Отечественной войны» (ф. Р-5333); в документах архивных фондов личного происхождения Р-6110 (фонд бывшего майора госбезопасности

И. А. Безуглого), Р-5243 (фонд краеведа Е. В. Горб), Р-6007 (фонд почетного гражданина г. Винницы, заслуженного врача УССР С. П. Белкания, который сам был военнопленным), Р-6050 (фонд командира партизанского отряда кавалерийского соединения им. Ленина П. Т. Кугая), а также в фонде историка-архивиста Ф. А. Винокуровой (Р-6121). Наконец, источником важных, хотя и несистематизированных сведений о судьбах советских военнопленных на оккупированной территории являются печатные издания военного периода (газетно-журнальный фонд).

Если учетно-фильтрационные дела на советских военнопленных, переданные в ГАВО из ведомственного архива областного управления СБУ, касаются жителей Винницкой области, бывших в плену на территории Германии, Австрии, Польши, стран Прибалтики и возвращавшихся домой, то остальные из вышеназванных документов повествуют о судьбах людей, находившихся в плену именно на территории Винницкой области. Причем подавляющее большинство военнопленных здесь до пленения воевали в составе 6-й и 12-й армий, попавших под Уманью в окружение. О том, в каких условиях им приходилось жить, можно судить по хранящимся в ГАВО источникам.

Всего в Винницкой области было 29 лагерей для советских военнопленных: 25 в немецкой оккупационной зоне и 4 — в румынской¹ (немецкие власти отказались от устройства лагерей для военнопленных на территории Транснистрии, так как условия содержания узников, например, в Мазуровке Черневецкого района и Ивашковцах Шаргородского значительно отличались от таковых в лагерях немецкой зоны оккупации: достаточно сказать, что здесь пленные могли открыто выходить за пределы лагеря, общая трудовая повинность для них тоже не являлась обязательной: они могли, при наличии мест, выбирать трудовую деятельность по собственному усмотрению, в соответствии с квалификацией). Самыми крупными были винницкий шталаг 329 с отделением в Жмеринке, где в общей сложности были заключены более 20 тыс. красноармейских солдат и офицеров, дулаг 152 в Гайсине — здесь на строительстве дороги работало более 2 тыс. военнопленных, а также в Калиновке, Казатине, селах Стрижавке и Коло-Михайловке Винницкого района.

Так как СССР не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных, а после начала Великой Отечественной войны отказался соблюдать такие ее пункты, как обмен списками военнопленных и предоставление им возможности получать через Международный Красный Крест посылки от родных, то, попадая в плен, советские военнослужащие оказывались в совершенно бесправном положении. В 2002 г. (24 апреля) местная газета «Панорама» опубликовала воспоминания бывшего подпольщика и партизана Ивана Павлова. Он, в частности, рассказывал о том, что в лагере по ул. Чехова в Виннице уже в августе 1941 г. содержалось

более 30 тыс. пленных из-под Умани. Они были так голодны, что съели вокруг всю траву и выпили воду из луж. Еду для них готовили в железных бочках — варили свеклу с ботвой. На шестерых давали буханку хлеба с опилками, да и то не каждый день. Варева хватало не на всех, поэтому за еду шла борьба. Тогда охрана беспощадно избивала пленных. Ежедневно умирали по 50 человек...

Особо опасным немецкий плен был для коммунистов, политруков и евреев. Во время фильтрации в лагерях для военнопленных нацисты расстреливали их, чаще всего на глазах у всех остальных узников. В живых остались только те, чью партийность, комиссарскую должность или происхождение удавалось скрыть. Для евреев шанс выжить появлялся в том случае, если они внешне не походили на типичных представителей своего народа, разговаривали без характерного акцента и не имели недоброжелателей среди окружающих. Когда после 25 июля 1941 г. был издан приказ об освобождении из плена домой представителей якобы лояльных к оккупантам национальностей, то некоторые евреи и политработники, имея поддельные документы, смогли под видом украинцев изменить свой статус и выйти из лагерей. Подобное происходило далеко не часто, однако в документах ГАВО нашел отражение ряд таких случаев. Понятно, освобождение пленных происходило отнюдь не из-за гуманности, а диктовалось политическими и экономическими расчетами. Тем более, что освобожденным выдавались удостоверения с предписаниями воздержаться от враждебных действий по отношению к немецкой и союзным армиям, следовать домой кратчайшим путем, в течение 8 дней зарегистрироваться в ближайшей немецкой комендатуре, при регистрации сдать оружие и форму².

Освободившись из плена, люди оказывались перед выбором: как себя позиционировать по отношению к оккупантам. Большинство, добравшись до дому, старалось просто выжить. Некоторые из них обращались в отдел социального обеспечения городской управы с просьбой о предоставлении им материальной помощи. Довольно много бывших пленных присоединились к просоветскому подпольно-партизанскому антинацистскому движению (существовали подпольные группы, целиком состоявшие из военнопленных; здесь уместно заметить, что подпольщики из местного гражданского населения, проникнув в сталинскими установками, согласно которым попавший в немецкий плен — это чуть ли не враг, нередко с недоверием, а то и враждебностью относились к подпольщикам — военнопленным и окруженцам)³. Часть военнопленных пошла служить в полицию, а еще часть, судя по мемуарным литературным источникам, стала воевать против нацистов и против советской власти в формированиях ОУН–УПА⁴. ГАВО, к сожалению, не располагает документами, отражающими такой выбор (они хранятся в архивах

СБУ и Германии), что доказывает необходимость полного открытия архивных фондов с целью воссоздания действительной, а не мифологизированной истории Второй мировой войны, а также для получения возможности целостно воспринять судьбы участвовавших в войне людей.

Кстати, в отношении украинцев действие приказа генерал-квартирмейстера от 25.01.1941 г. было приостановлено 13 ноября 1941 г., но есть документальные подтверждения, что освобождение из плена продолжалось и в 1942 г. Как свидетельствует О. Тимановская, она в начале 1942 г., посещая в больнице им. Пирогова палату, где лежали военнопленные, увидела Алексея Матвеевича Журавлева, «страшно истощенного, больного». Тимановская назвалась его родственницей, и военнопленного разрешили забрать, «поскольку он был почти безнадежен». Показательно замечание о посещении больных военнопленных, передаче им еды, белья, теплых вещей: это доказывает, что отношение к ним со стороны оккупационных властей нельзя охарактеризовать как однозначно нетерпимое и репрессивное. В воспоминаниях Тимановской говорится о том, что помощь военнопленным не только была делом граждан-энтузиастов, но находилась в поле зрения органов городского самоуправления. Она пишет: «...однажды зимой 41–42 года, когда положение военнопленных было особенно тяжелым, Гоф В. И. предложила мне пойти вместе с ней в управу на заседание, где будет обсуждаться вопрос о помощи военнопленным. На этом заседании присутствовали представители от управы, представитель от немецкого Красного Креста и другие лица. Ввиду большой смертности среди военнопленных (причины чего очевидны: голод, изнуряющий труд, инфекции. — *Ф. В.*) было решено просить у коменданта города разрешения получить какую-то сумму в банке в фонд помощи военнопленным и выпустить воззвание к населению о пожертвованиях продуктами, бельем, одеждой»⁵. В газете «Вінницькі вісті» (ВВ), действительно публиковались материалы, касающиеся военнопленных. Так, 2 ноября 1941 г. городской староста профессор Савостиянов подписал воззвание с просьбой передавать пленным теплые пиджаки, пальто, обувь — даже изношенную, т. к. ее отремонтируют в лагерных мастерских. Далее говорилось о необходимости передавать продукты питания: овощи, муку, крупы. Прием продуктов и вещей производился ежедневно по двум адресам с утра до вечера⁶. О том, что военнопленным оказывалась помощь от населения Винницы и что положение их в лагерях было крайне тяжелым, свидетельствует краткая информация о состоянии работы в военном госпитале при психиатрической больнице, подписанная директором госпиталя Лукияненко: «Больные военнопленные, поступившие в нашу больницу, прошли тщательную санобработку: их постригли, искупали в теплых ваннах, уложили в чистые постели. Купаясь, использовали

мыло К, специально уничтожающее вшей и на длительное время предохраняющее от них тело и одежду. Каждый больной имеет отдельную кровать с матрасом, подушкой, белой простыней. Температура помещения 14–15°С, что не совсем достаточно для больного человека, поэтому следует больше позаботиться о топливе. Больные очень истощены, а это вынудило с первых дней разработать и осуществить строго выдержанный план питания: сначала больным дали только легкую еду — картофельное пюре и кашу. И только на 3–4-й день в определенном количестве разрешены сухари и хлеб. Это вызвало чрезвычайное возмущение среди голодных больных...»⁷ Можно только догадываться, каково же было так называемым «здоровым» пленным в лагере. Данная публикация помещена 18 декабря 1941 г. К этому времени уже действовал Комитет помощи военнопленным во главе с В. И. Гоф и А. С. Савостияновым, который собрал тогда для них более 10 тыс. карбованцев, осуществлял сбор продуктов по селам. Устраивались благотворительные вечеринки в пользу военнопленных. 28 июня 1942 г. в «ВВ» опубликован отчет городского старосты о том, что население города, различные учреждения, предприятия и особенно церковные общины собрали для нужд военнопленных за семь с половиной месяцев (с 1.XI.41 по 15.VI.42) 78 506 крб. 70 коп. Причем подробно описываются как источники денежных поступлений, так и статьи расходов.

Однако собранных средств, безусловно, было крайне мало, не более 4-х карбованцев на 1 пленного в городе. Вообще и в этих материалах чувствуется намерение как бы самоуспокоиться и провести политическую манипуляцию настроениями людей, сыграв на их закономерном сочувствии. Гораздо более близким к реальному положению дел представляется свидетельство очевидца об условиях содержания военнопленных в лагере во втором военном городке: «[...] Инспектор лагеря Гайн установил жестокий режим для советских военнопленных, в результате которого в лагере погибло не менее 12 тыс. человек [...] в течение полугода. Смертность среди военнопленных достигала до 100 человек в день. При лагере существовал госпиталь [...], [где] постоянно находилось до 400 больных и раненых военнопленных. Больных в госпитале кормили два раза в день капустным листом или червивым горохом, изредка выдавался хлеб из отрубей с опилками по 200 граммов. [...]»⁸ Как следует из данного свидетельства далее, медикаменты для облегчения страданий больных не использовались. «Лечением» уже было лежание.

Условия содержания и труда, «мало едящих и много работающих людей» были таковыми, что только в переведенном из Днепропетровска в Гайсин шталаге 348 за четыре месяца весны и лета 1943 г. количество пленных сократилось с 2,2 тыс. чел. до 1 тыс. А в винницком шталаге (т. е. стационарном лагере) 329 в феврале 1942 г. содержалось

13,5 тыс. чел., в июне — 15,9 тыс., в октябре — 19,4 тыс., а в декабре того же года — 6,4 тыс., в июне 1943-го — 3,6 тыс., в октябре же только 1,9 тыс. чел.⁹ Понятно, что такое уменьшение количества узников вряд ли вызвано их перевозкой. Наиболее вероятная причина этого — их гибель. По данным ЧГК (мы при этом осознаем, что цифры могут быть неточными), в лагерях по Винницкой области убито, замучено 45970 военнопленных (ф. Р-1683, дд. 5, 10, 13). Дорожное строительство, работа в карьерах, на железных дорогах, где тяжелее всего, — вот занятия для военнопленных. Красноречиво описывает условия труда советских военнопленных справка областного управления КГБ, датированная 1944 г., по вопросу строительства бывшей ставки Гитлера «Вервольф» близ г. Винницы: «В сентябре–октябре [...] 1941 года немцы на строительство пригнали большое количество советских военнопленных, число которых по мере расширения строительства увеличивалось новым составом пленных. Всего за время строительства на работах было занято около 10000 советских военнопленных (относительно количественных данных: до сих пор невозможно установить степень их достоверности. — Ф. В.). Пленные размещались в скотных дворах колхозов двух сел: Коло-Михайловки и Стрижавки. Лагери военнопленных находились под строгим наблюдением гестаповцев. Местным жителям было категорически запрещено подходить к лагерю военнопленных на близкое расстояние. Немцами было объявлено, что за вступление в разговор с советскими военнопленными или за передачу им продуктов питания, замеченные будут расстреливаться на месте. [...] Все тяжелые работы по строительству подземных и наземных сооружений ставки, также землекопные работы по строительству сверхмощных железобетонных убежищ производились советскими военнопленными. [...]

Советские военнопленные работали по 17–18 часов в сутки. От голода, болезней, систематического истребления ослабевших за время строительства ставки погибло около 2000 человек военнопленных, которых немцы сваливали в огромные силосные ямы, в селах Коло-Михайловке и Стрижавке. По сведениям местных жителей, [...] ямы за все время строительства оставались открытыми. В эти ямы немцы ежедневно сбрасывали по несколько человек погибших от болезней и расстрелянных военнопленных. [...] После окончания важнейших сооружений ставки, в апреле 1942 года, военнопленные немцами были куда-то увезены. Судьба этих военнопленных никому неизвестна [...]»¹⁰ Понятно, что они были уничтожены, так как являлись лишними свидетелями, а функцию дешевой рабочей силы они уже выполнили.

Труд военнопленных, как и евреев, оплачивался в размере 50 % от оплаты труда гражданского населения. Таким образом, остальные 50 % обогащали казну рейха. Кроме того, как справедливо отметили

Г. Боряк, М. Дубик, Н. Маковская, поступления из лагерей военнопленных денег, золота, ценных вещей и бумаг составляли отдельную категорию источников доходов главной кассы рейха. Только с августа 1941 по июль 1942 г. сюда из лагерей военнопленных по Украине поступило более 150 тыс. рублей, 543 рейхсмарки, 4780 золотых и серебряных вещей¹¹. Безусловно, в этом перечне есть ценности, награбленные у пленных, содержавшихся на территории Винницкой области.

Учетно-фильтрационные дела возвращавшихся из плена бывших советских военнопленных свидетельствуют, что для очень многих из них освобождение из плена вовсе не означало свободу. Их перемещали в советские лагеря. Здесь, на родине, у них отбирали воинские награды, сохраненные даже в немецком плену. Их обвиняли в шпионаже, сотрудничестве с гитлеровцами – стоило лишь признаться, что знаешь немецкий язык, подвергали допросам, пыткам, унижениям, приговаривали к длительным срокам уже «родных» лагерей¹². Опять к евреям было особое отношение: следователей НКВД и «Смерша» очень интересовал вопрос: «Как вы, еврей, остались живы в плену?» Во всех делах по евреям-военнопленным звучит мотив подозрения их в шпионаже¹³.

Но и посмертная судьба советских военнопленных поистине ужасает. Несоблюдение пункта Женевской конвенции об обмене воюющими сторонами списками военнопленных привело к тому, что тысячи жизней граждан бывшего СССР буквально канули в небытие. Невозможно установить место захоронения каждого из страдальцев, которых известный исследователь судеб военнопленных и остарбайтеров Павел Полян назвал «жертвами двух диктатур». В Виннице по ул. Чехова находится место захоронения умерщвленных в шталаге 329 13-ти тыс. советских военнопленных. В результате многих лет упорной работы в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации почетный поисковец Украины Дмитрий Александров смог установить фамилии только 147 из них. Соотношение, гибельное для памяти...

Что касается документальных источников о судьбах немецких военнопленных, то в ГАВО выявлено около 10 непосредственно относящихся к теме архивно-следственных дел по описи 4 архивной коллекции ф. Р-6023 «Фильтрационные, архивно-следственные и надзорные дела, трофейные документы, переданные из ведомственного архива областного управления СБУ». Весь документальный массив о них хранится в ведомственных архивах МВД и СБУ. Поэтому сведения о немецких военнопленных на территории Винницкой области весьма скудны. Из тех же, что имеются в госархиве Винницкой области, можем установить следующее: на территории второго военного городка был устроен лагерь 253 МВД для немецких военнопленных; эту категорию лиц также затронули сталинские репрессии, несмотря на иностранное поддан-

ство. Так, дело № 5647 посвящено «преступной деятельности» военнопленных лейтенантов Стефана Антона Келермана, 1910 года рождения, уроженца села Айсманбек, края Мительфранкель и Курта Адольфа Вундерлиха, 1908 года рождения, уроженца г. Данцига. Их обвинили в том, что в ноябре 1947 г. они, «находясь на излечении в центральном лазарете, [...] открыто выступили в присутствии 30 человек военнопленных против демократического строя в Германии, с клеветническими измышлениями против внешней политики Советского Союза». 30 апреля 1948 г. военный трибунал войск МВД Винницкой области на основании ст. 54–4 УК УССР приговорил их к «лишению свободы с отбыванием в ИТЛ, сроком на десять (10) лет каждого». Во время следствия военнопленные содержались в тюрьме. В кассационных жалобах Вундерлих и Келерман подчеркнули, что они в ходе следствия испытывали давление со стороны проводивших допрос сотрудников МВД и что виновными себя не признают. Из протоколов допросов обвиняемых следует, что среди пациентов лазарета разгорелась дискуссия о довоенном экономическом и политическом строе в Германии. В ходе обсуждения Вундерлих и Келерман высказывали мнение, что без восточных областей и Рура экономика Германии будет подорвана. В этом и заключалось «преступление» военнопленных, которые, как граждане своей страны, беспокоились о ее судьбе. 3 января 1949 г. военный прокурор области, руководствуясь разъяснениями военного прокурора МВД СССР, что «оснований для привлечения военнопленных за профашистскую агитацию среди своих же военнопленных не имеется», а того, что спасатель Вундерлих и артиллерист Келерман «чинили зверства и издевательства над советскими гражданами и военнопленными», установить невозможно, отменил приговор и вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении обоих обвиняемых¹⁴.

Не всем так посчастливилось. Некоторым из военнопленных немцев за подобные обвинения пришлось отбывать срок в режимных лагерях СССР. Их архивно-следственные дела переданы из ведомственного архива СБУ из-за того, что они были прекращены в связи со смертью фигурантов. Из подобных дел мы узнаем, что лагерь 253 МВД был к началу 1949 г. расформирован, а также, что среди немецких военнопленных были и те, кто сотрудничал с лагерной охраной, работниками МВД.

«Косвенными» источниками некоторых сведений о пребывании немецких военнопленных на территории Винницы являются фонды горисполкома. Здесь отложились финансовые документы и запросы об удовлетворении продовольственных потребностей военнопленных; имеется также перечень объектов, которые отстраивали после разрушения немецкие военнопленные. В основном это значимые для областного центра здания железнодорожного вокзала, научной библиотеки

им. Тимирязева, муздрамтеатра, бывшего обкома КПУ, Дома Красной Армии. Ими также был осуществлен ремонт мостовой на нынешней улице Соборной¹⁵.

Сохранилось свидетельство фельдшера Веры Калинской, работавшей в лагере для немецких военнопленных. Вера Наумовна еврейка, ее родные были расстреляны нацистами в Уланове Хмельникского района. Показательно, что она пытается объективно рассказать о привычках, поведении недавних врагов, нормально воспринимает необходимость оказывать им помощь: «В 1946–1947 гг. я служила военфельдшером в Винницком лагере для немецких военнопленных. Располагался он на территории 2 военного городка. Пленные восстанавливали здания [...] вокзала, театра, Дома Красной Армии. Я часто выезжала на эти объекты, оказывала пленным медпомощь. Представьте, какие чувства я испытывала к немцам после гибели моей семьи... Но должна признать, что в лагере это были очень организованные и чистоплотные люди. Котелки для еды всегда начищены до блеска, каждый уголок земли на территории лагеря засажен овощами, за которыми они тщательно ухаживали. Начальником лагеря был полковник Александров. Работала я под началом лагерного врача, винничанки Туни Гельфонд. Были медики и среди пленных немцев: Курт Лекер, родом из Эрфурта, профессор Фольмер. [...]»¹⁶

Известно место захоронения 90 умерших в лагере немецких военнопленных — по ул. Чехова, неподалеку от могилы погибших в шталаге № 329 советских военнопленных. Говорим о 90 так как пока обнаружено столько останков, однако их там, видимо, больше. Просто на месте захоронения еще в 70-е гг. прошлого столетия построили... гаражи.

Сейчас архивная служба области содействует поиску захоронений мирного населения, немецких, бельгийских, румынских военнослужащих и военнопленных, которые в годы Второй мировой войны пребывали на территории области. Обнаружено 50 таких захоронений. Последнее — буквально несколько дней назад, в с. Скитка Липовецкого района. Немецкие военнопленные захоронены в Ольгополе — на территории больницы, в Ивашковцах Шаргородского района и, как уже говорилось, в Виннице по ул. Чехова¹⁷. О выявлении подобных могил сразу сообщаем немецкому Народному союзу по уходу за воинскими захоронениями.

Конечно, исследования темы о судьбах военнопленных далеко не завершены и очень трудоемки. Однако речь идет не столько о научном интересе, сколько о нравственном долге.

---

¹ Довідник про табори, тюрми, гетто на окупованій території України (1941–1944) / Упоряд. М. Г. Дубик. — К., 2000. — С. 204–206.

² Государственный архив Винницкой области (далее – ГАВО). – Ф. Р-1312, оп. 1, д. 27, 29; д. 40, л. 511; д. 49, л. 26; д. 54, л. 299; д. 55, л. 29–29 об., 500, 736–736 об.

³ Там же. – Д. 111; ф. П-425, оп. 1, д. 58, л. 1–3, 7–9, 11–11 об., 17–18; д. 101, л. 156–159, 176–177, 178–184; д. 104, л. 131–138; д. 109, л. 104–106, 135; ф. Р-6110, оп. 1, д. 261, л. 1–50.

⁴ *Алетіяно-Попівський Є.* З ідеєю в серці – зі зброєю в руках: Збірка писань. – Лондон, 1980. – С. 15, 19, 161.

⁵ ГАВО. – Ф. П-425, оп. 1, д. 105, л. 1–4, 18–21 об.

⁶ Там же. – Газетно-журнальний фонд. Вінницькі вісті. – 1941. – 18 грудня.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – Ф. П-136, оп. 13, д. 96, л. 17–18.

⁹ Федеральный военный архив во Фрайбурге (Германия). – RW 6, v. 450–451.

¹⁰ ГАВО. – Ф. П-425, оп. 1, д. 110, л. 8–9.

¹¹ *Боряк Г., Дубик М., Маковська Н.* «Нацистське золото» з України: у пошуках архівних свідчень. – Вип. 1. – К., 1998. – С. 63.

¹² ГАВО. – Ф. Р-6023, оп. 1, д. 18513, л. 3–9; д. 24355, л. 2–3 об.; д. 31280, 56340, 64570; д. 31461, л. 1–6; д. 53850, л. 3–4 об.; д. 58340, л. 1–2; д. 68370, л. 12, 20; оп. 3, д. 1, 3.

¹³ Там же. – Оп. 1, д. 15897, л. 1–12.

¹⁴ Там же. – Оп. 4, д. 5647, л. 1–71.

¹⁵ Там же. – Ф. Р-151, оп. 9, д. 249, л. 6; д. 250, л. 14–15; д. 251, л. 19–21.

¹⁶ Там же. – Ф. Р-5333, оп. 5, д. 86, л. 1–11.

¹⁷ Там же. – Ф. Р-1812, оп. 17, д. 919.

СОЦІАЛЬНЕ СТАНОВИЩЕ РАДЯНСЬКИХ ВІЙСЬКОВОПОЛОНЕНИХ У РОКИ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

ЄВГЕН ЛИСЕНКО

Інститут історії України Національної Академії наук України

Історія війн засвідчує, що полон є незмінним атрибутом масштабних збройних конфліктів. Однак у різні часи і за різних обставин становище військових бранців мало свої особливості. Це обумовлювалося як наявними багатосторонніми чи двосторонніми угодами, міжнародно-правовими регулюваннями, так і волею керівництва держав, які вели війни.

Друга світова війна позначена особливо високим регістром традиційності долі військовополонених. У даній статті увага зосереджена лише довкола соціальних аспектів перебування у полоні військовослужбовців Червоної армії.

Соціальне становище військовополонених оцінюється за такими основними критеріями: характер утримання і працевикористання, медичне обслуговування і стан здоров'я, калорійність харчування, рівень трудової та соціокультурної активності, смертність.

Прикладаючи дану матрицю до радянських бранців, слід все ж окремо розглядати тих, хто переміщувався на маршрутах етапування з одного місця утримання в інше (це було звичайним явищем на початковому етапі війни і слугувало одним з чинників підвищеної смертності полонених) і тих, хто перебував у стаціонарних таборах: шталагах, офлагах.

Вже сама процедура полонення супроводжувалася не лише обов'язковим у таких випадках обшуком, а й відвертими реквізиціями особистих речей радянських військовослужбовців: годинників, фотографій, грошей, портсигарів тощо. Та особливо принизливим і дошкульним стало вилучення одягу та взуття, враховуючи, що значна маса червоноармійців потрапила в полон у другій половині 1941 р., у холодну пору й утримувалася просто неба.

Здебільшого особи, зовнішній вигляд яких давав гітлерівцям підстави вважати їх євреями, розстрілювалися на місці затримання. Ті євреї, які з різних причин залишалися живими, потрапляли до числа особливо дискримінованої касти, що охоплювала представників азійських народів. Колишній військовополонений Ф. Худяков згадував, що в першу чергу німці зняли з бранців шинелі. «Зняли й чоботи, а брюки, білизну — якщо мали підозру, що ти єврей, узбек, казах. Через три-чотири дні в одній

білизні залишилися тільки полонені неросіяни, вони і тримались окремо, тулячись один до одного від холоду»¹. Як бачимо, навіть за таких умов нацисти втілювали принцип сегрегації за національною ознакою, що сприяло створенню неформальних соціальних груп серед полонених, які відрізнялися за своїм статусом і ставленням від інших.

Незрідка реквізиції набували форм шантажу, погроз смертю. Той самий Ф. Худяков занотував кілька таких випадків. У таборі поблизу с. Сулимівка (тоді — Яготинський район Київської обл.) перекладач повідомив бранцям про те, що німецький офіцер загубив годинника (до того він вже «губив» свою польову сумку) і коли за півгодини його не знайдуть, будуть розстріляні 50 осіб. Полонені розстелили біля ніг офіцера плащ-намет і зносили до нього свої годинники, аби відвернути покарання. Розправу вдалося відвернути².

Головним чинником, який визначав стан здоров'я і тривалість життя військовополонених, було харчування. Згідно зі спеціальним наказом німецького командування від 8 жовтня 1941 р. приписувалося видавати в розрахунку на одного полоненого протягом 28 днів 9 кг хліба, 800 г м'яса, 250 г жирів, 900 г цукру. Зайняті на другорядних роботах отримували 6 кг хліба, 440 г жирів, 600 г цукру. На розсуд лазаретного лікаря для відновлення працездатності і попередження епідемій на 6 тижнів дозволялося видавати 50 г тріски, 100 г штучного меду, а також 3,5 кг картоплі на тиждень. Насправді ж раціон військових бранців ніколи не відзначався задекларованою різноманітністю. Так, червоноармійці, які утримувалися в Янівському таборі, отримували 2 склянки ерзац-кави, 100 г хліба з домішками тирси, тарілку супу з картопляного лушпиння³.

Як правило, харчування радянських полонених покладалося на господарські команди, що мали кілька польових кухонь. Зазвичай їх не вистачало для того, щоб протягом дня нагодувати всіх, хто перебував у таборі. Траплялося, що черги на отримання їжі доводилося очікувати протягом 2–3 днів. Військовополонених годували супом з овочевих відходів, ерзац-кавою, причому ніхто не переймався якістю їжі. Інколи до місць утримання привозили напівживих, поранених чи добитих коней, корів, волів і залишали їх на поїдання здичавілим від голоду людям. У листі С. Юренка до доньки свого колишнього командира у Пінській військовій флотилії П. Дерibasова так описано табірний обмін: «Полонені влаштували табірний базар, на якому продавали одяг, взуття, тютюн, баланду, хліб. Петро Сергійович (Дерibasов. — Авт.) купив для мене один черевик і один гумовий чобіт без підошви. Я не їв шість днів хліба (видавали по шматочку, грамів 100–200) і зумів відняти довгу і теплу кавалерійську шинель»⁴.

Одним з джерел прохарчування були польові роботи: бранцям вдалося приносити до табору овочі й фрукти.

Стратегія виживання породила активний обмін, предметом якого ставали ножі, ложки, казанки, фрукти, овочі, сигарети, медикаменти, сіль, тютюн, сірники тощо. Аби легалізувати купівлю-продаж у стаціонарних таборах на території III рейху функціонувала спеціально створена як грошовий еквівалент табірна валюта⁵.

Та через тривале утримання всі ці запаси рано чи пізно вичерпувалися, і тоді люди кидалися на огорожу, охорону, вчиняли бійки за можливість отримати порцію баланди. Гітлерівці в таких випадках не відразу відкривали вогонь, а вдавалися до «дисциплінарних» заходів, усіяючи принижуючи полонених червоноармійців.

Мізерні шанси отримати якийсь наїдок полонені мали під час етапування. Мешканці населених пунктів, через які проходили колони знешчених полонених, намагалися перекинути через охорону щось їстівне. Практично завжди охоронці намагалися перешкоджати цьому. Часто вони з цією метою примушували полонених долати села й містечка бігом. Спроби вибігати з колони, щоб схопити щось на полі, як правило, закінчувалися трагічно. І лише зрідка силами організованої української громадськості вдавалося передати до місць утримання військових бранців зібрані серед населення продукти харчування.

Командування Дарницького табору дозволило двічі на тиждень передачі для полонених. По-різному діяла охорона інших таборів. Та, як правило, частина харчів «осідала» у поліцаїв і німецьких військово-службовців, які наглядали за полоненими.

Незважаючи на всі перешкоди український соціум не відвернувся від тих, хто потрапив у біду. Організаційні імпульси надходили від громадських організацій, які виникли на всій окупованій території України. Вже з перших днів німецько-радянської війни на заклик УЦК* до окружних комітетів і делегатур стали надходити тисячі пакунків, що розподілялися між таборами. особливо активно ця робота розгорнулася у західноукраїнському регіоні, який першим зіткнувся з проблемою збереження життя полонених.

Досить часто краєни збирали гроші, продукти харчування, одяг і взуття з власної ініціативи, що свідчило про високий рівень самосвідомості й суспільної самоорганізації. Ось лише кілька показових прикладів. Релігійна громада с. Борців на Львівщині під час Різдвяних свят наколядувала 747 злотих, передавши їх полоненим червоноармійцям. До фонду Українського Червоного Хреста на Станіславщині (Генеральне губернаторство), який взяв на себе турботи про військових бранців, надійшло

---

* УЦК – Український центральний комітет – громадська організація, що виникла у 1940 р. на базі комітетів допомоги й займалась, в основному, добродійною діяльністю.

12,95 зл. від о. прелата Русина, 65 зл. — від о. Григорчука з с. Раківчика, 32,5 зл. — від греко-католицької громади с. Мишин. Мешканці с. Толуків передали полоненим 137 кг сухарів, 55 сухофруктів, 40 кг квасолі, 1,5 кг ячмінної крупи, 2,5 кг гороху, 7 кг солонини, 0,5 кг смальцю, 16 сорочок⁶.

Запрошені на весілля родиною Савченків гості (с. Ясениця) зібрали для військовополонених 501 зл.⁷ 600 зл. передали з цієї ж метою учасники академії на честь О. Бесараб у с. Підпечари⁸.

Часто ініціаторами добродійних акцій виступало духовенство різних конфесій. Так, у с. Митин Ковельського повіту на Волині після Богослужіння 25 листопада 1941 р. віруючі зібрали для місцевого УЧХ 102 зл. Того ж дня у с. Терчин (поблизу Гошанського монастиря) на одному з весіль присутні зібрали 228 крб і попросили священника передати їх у комітет допомоги полоненим⁹. Церковний хор с. Рясники Гошанського району під керівництвом вчителя Ю. Сеницького зібрав для полонених 2651 крб. Молодь містечка Мізоч під час колядок зібрала полоненим 1135 крб, понад 100 буханців хліба, багато інших продуктів¹⁰. Жваву зіркову акцію провела православна громада с. Жабелівки на Вінниччині (Поділля), призначаючи допомогу не лише співвітчизникам, а й полоненим інших національностей¹¹.

На початку 1943 р. ОКВ дозволило надсилати до таборів 1 посилку вагою 250 г з непсувальних харчів – сухарів, вудженої солонини, цукру, сушених овочів та фруктів, часнику, цибулі тощо. Заборонялася передача чистого або задрукованого паперу, скла, алкоголю, будь-яких знарядь. Реферат (відділ) у справах полонених УЦК з цього приводу зазначав, що за його сприяння можна пересилати посилки вагою до 6 кг, чим широкіше скористувалась українська громадськість¹².

Коли німецьке командування санкціонувало звільнення і переведення на цивільні роботи колишніх червоноармійців, які походили з України, громадські організації, представники органів місцевого самоврядування й окремі громадяни широко залучалися до цієї справи. УЦК організував збирання запитів на полонених від їхніх родичів та оформлення необхідних для звільнення в'язнів документів. У середині липня 1943 р. його керівництво видало відозву «До відома родинам полонених українців», у якій наголошувалося: «У зв'язку з нашими заходами в справі звільнення з таборів військовополонених та переведення на цивільні роботи українців, колишніх вояків радянської армії, що походять з Генеральної Губернії, прохаємо всіх зацікавлених, які ще досі цього не зробили, переслати нам якнайшвидше наступні дані:

1. Ім'я, прізвище та звання полоненого.

2. Метрикальний витяг полоненого із зазначенням, що він є українцем (німецькою мовою).

3. Посвідка за мешкання з громадського уряду із зазначенням, що полонений не є комуністом (німецькою мовою).

4. Адреса табору, що в ньому перебуває полонений і число полоненого.

5. З якого часу остання вістка про полоненого.

Зазначаємо, що треба заподавати тільки певні дані, не сумнівні. Під певними даними розуміємо безпосередню вістку від полоненого (картка, лист). Посередковані дані можна брати під увагу тільки тоді, якщо є точна адреса табору і число полоненого. Згадані дані про полоненого слід надсилати до УЦК, Реферат Справ Полонених, Львів, Семінарська, 18»¹³.

Наприкінці жовтня з табору на вул. Керосинній у Києві гітлерівці відпускали полонених українців, які мешкали на Правобережжі по лінії Вінниця–Черкаси–Кіровоград. При цьому відпущені зобов'язувалися зареєструватися на місці прибуття протягом 8 днів.

З Дарницького табору, за клопотанням місцевих органів управління стали відпускати уродженців Лівобережжя.

Незважаючи на приписи властей звільняти тільки мешканців певних регіонів (Західної України, Правобережжя, Лівобережжя), зусилля української громадськості спрямовувалися на визволення з неволі якомога більшої кількості співвітчизників, незважаючи на їхню національність та місце проживання. Так, один із сільських старост Полтавщини зумів вивезти на підводах близько 300 радянських військовополонених, яких видавав за своїх земляків-односельців. Допомога, яку надавали «українським полоненим», насправді охоплювала значно ширше коло людей. Так, у 1942 р. до Станіслава етапували групу бранців, яких розмістили в місцевому таборі. Між ними налічувалося 180 наддніпрянців. На Різдво всі вони отримали зібрані місцевими активістами харчові передачі¹⁴. Через санітарну станцію Станіславського комітету допомоги до літа 1942 р. пройшло 3547 полонених з Наддніпрянщини та 500 переселенців¹⁵.

Миколаївський комітет допомоги, створений з ініціативи місцевого осередку ОУН, налагодив зв'язки з табором радянських військовополонених. Табірна адміністрація після надходження чергового «контингенту» офіційно надсилала списки прибулих до комітету. Їх роздруковували й вивішували біля міської управи, де завжди збирався натовп. За клопотанням комітету допомоги, родичам бранців надавали побачення. Після отримання характеристик від рідних комітет звертався до військової влади і полонених звільняли. Лише у серпні 1942 р. у такий спосіб на волю вийшло 30 осіб, незабаром — ще 40, ця робота тривала до жовтня 1943 р.¹⁶

Десятки тисяч людей з усієї України намагалися розшукати своїх чоловіків, братів, синів, які потрапили в скруту. На адресу Українського Червоного Хреста, що на громадських засадах координував цю роботу, надходило безліч листів, автори яких просили допомогти у розшуку та звільненні своїх рідних. Ось лише один такий документ:

«До Українського Червоного Хреста м. Києва
від гр. Бондур Наталії Порфирівни

Заява

...В цьому дуже прошу Червоного Хреста вернути з табору військово-полоненого мого чоловіка, котрий перебуває зараз у військово-полоненому таборі у м. Кременчуг. Додано ще такі відомості: мій чоловік був позапартійний, в органах НКВД не працював»¹⁷.

Бургомістр м. Ніжин (Чернігівщина) 18 грудня 1941 р. також звернувся на адресу УЧХ:

«У зв'язку з тим, що Ви приймаєте доручення про військовополонених, управління міста Ніжин має зібрати такі доручення та довідки від родин військовополонених, які проживають у м. Ніжині та Ніжинському районі, і надіслати до Вас через свого представника.

Ми вже приступили до збору цих довідок та грошей по 50 р. за кожного полоненого, який розшукується.

Ці гроші надійшли до Розрахункової каси міста Ніжина і мають бути передані Вам.

По деяких відомостях, 11.XII.41 р. Ви зупинили прийом, а тому просимо:

1) Повідомити нас про день поновлення Вами прийому зазначених доручень;

2) Повідомити нас про те, чи приймете Ви від нас всі доручення в кількості приблизно 300–400 штук і в разі згоди яким чином краще оформити переказ на Ваш рахунок грошей, що надійдуть до Ніжинської рахункової каси.

Нам важливо уникнути перевозки великої кількості грошей готівкою, бо це не зовсім зручно.

Бургомістр міста Ніжина Лук'янов»¹⁸.

Як бачимо, долею військовополонених опікувалися не тільки громадські організації, а й багато представників місцевої допоміжної адміністрації. Але були й такі, хто виявляв байдужість до цієї проблеми і навіть перешкоджав її розв'язанню. Так, бургомістр Білої Церкви Майківський 8 серпня 1942 р. звернувся до гебітскомісара Штельцера з листом, у якому, зокрема, зазначалося:

«За виданим Вами 3.VII-42 р. уповноваженням на ім'я нотаря Білоцерківського району п. Краєвича В. Д. організовано допомогу військовополоненим шляхом збору пожертв продуктами та грошми від населення Білоцерківської округи.

Організована допомога існує й зараз, але згідно Вашого розпорядження вона припинила збір пожертвувань.

Обслуговуючий допомогу платний штатний апарат одержує зарплату також за рахунок пожертвувань. Оскільки ця організація за джерело

існування має лише жертви від населення, а останнє, як зазначено вище, заборонено, то виникає питання про доцільність існування організації допомоги військовополоненим надалі.

...Отже просимо Вашої санкції на ліквідацію зазначеної організації». Штельцер наказав припинити збіркову діяльність комітету¹⁹.

Відпускаючи полонених додому, німецьке керівництво вважало, що це дозволить хоча б якоюсь мірою ліквідувати гострий дефіцит чоловічих робочих рук у сільському господарстві. Однак з часом воно відмовляється від цієї практики з кількох причин, серед яких однією з головних стало прагнення використати дармовий резервуар робочої сили на виробництві в рейху. Був ще один серйозний привід призупинити повернення радянських бранців додому. Так, наприкінці березня 1942 р. місцеві органи управління Великодубечанського району (Київщина) отримали відповідне розпорядження про заборону розпуску військовополонених до часу, коли будуть повністю знищені радянські партизани²⁰.

Від липня до листопада 1941 р. звільнили 317,8 тис. полонених червоноармійців. Протягом 1942–1944 рр. з полону можна було звільнити лише шляхом вербування в добровільні охоронні та інші формування, а також у поліцію. Всього до 1 травня 1944 р. з неволі визволено 823,2 тис. радянських військовополонених²¹.

Медичному обслуговуванню поранених і хворих червоноармійців німецьке командування не приділяло уваги. Першу допомогу надавали полонені військовослужбовці-медики. Однак через кілька днів перебування в таборі закінчувалися запаси медикаментів і ті, хто мав поганий стан здоров'я, залишалися напризволяще.

У деяких таборах для поранених бранців облаштовували «госпіталі» — намети з солом'яним покриттям чи сараї, в яких лікувальні процедури здійснювали військові медпрацівники.

Наслідком постійного голодування були кишково-шлункові та інфекційні захворювання. В окремих випадках спеціально створювалися умови для поширення інфекцій. Наприклад, під час епідемії у «Грослазареті» (Славута) з табору у Раві-Руській було навмисно завезено 385 хворих на тиф. Їх розподілили по 10 осіб в кожну казарму. Внаслідок цього від листопада 1941 до березня 1942 р. тиф «скосив» 5 тис. чоловік. Німецькі медики ставили нечувано жорстокі експерименти над бранцями, інфікуючи їм віруси смертельних хвороб, ставлячи експерименти із замороженням, знеболенням, дії різних медикаментів та отруту тощо²².

Ще однією проблемою для полонених, окрім харчування й одягу, стало самозабезпечення житлом. Пристосованих для концентрованого утримання величезної кількості людей приміщень не було, тому для цього використовувалися будь-які вцілілі споруди — ферми, склади, цехи і т. ін. Зазвичай же тих, хто потрапив у полон, розміщували просто

неба, огороджуючи місце дислокації табору колючим дротом. Потерпаючи від осінньої негоди і зимових холодів, люди всіма засобами (виделками, ножами, ложками) рили ями, заглиблення, з підручних матеріалів споруджували землянки і це незрідка рятувало їм життя.

Однак більш-менш придатні житлові приміщення існували тільки у стаціонарних таборах. На етапах і в місцях тимчасового утримання полонені масово гинули від переохолодження чи перегріву та зневоднення організму.

Окрім наведених вище обставин, соціальне становище радянських військовополонених визначалося особливостями працевикористання. Ще у квітні 1941 р. головне командування сухопутних військ видало директиву з використання полонених у майбутній війні на Сході. У документі, зокрема, зазначалося: «Військовополонені є цінною робочою силою»²³.

Першим досвідом широкого використання військових бранців було залучення їх до збирання врожаю влітку – восени 1941 р.

З полонених формувалися робочі команди, які ремонтували шосейні та залізничні шляхи, впорядковували аеродроми, споруджували так звану танкову дорогу «Захід», працювали в копальнях Донбасу тощо. У вересні 1941 р. в таких підрозділах налічувалося 25 тис. осіб, у червні 1942 р. — майже 60 тис.²⁴

До найбільш цинічних форм «працевикористання» військових бранців нацистами стали розмінувальні роботи. Червоноармійців змушували «тралити» мінні поля, що закінчувалося загибеллю і каліцтвом значної частини таких команд.

У вигляді робочої сили радянські військовополонені використовувалися під час масового знищення цивільного населення, зокрема в Бабьому Яру. Сюди з Дарницького табору привозили робочі команди, які закопували (а пізніше спалювали) трупи жертв нацистських розправ. Після цього приходили черги самих полонених...

Стратегія виживання полонених породила пропозицію певних умінь і навичок, а умови воєнного побуту — попит на них.

Умільці з числа полонених могли заробити якийсь шматок у охорони та офіцерів, ремонтуючи їм радіоприймачі, годинники, меблі, взуття чи надаючи інші послуги.

Крах «бліцкригу» і зміна ситуації на фронті змусила Берлін вдатися до заходів компенсувати втрату робочих рук внаслідок мобілізацій на Східний фронт. У липні 1941 р. до шталагу 326 прибула перша партія полонених з території України, у якій налічувалося 7 тис. чоловік. Через три тижні їх кількість зросла до 123 тис.²⁵

Порівняно з цивільними «остарбайтерами» військовополонені мали значно жорсткіший режим утримання, умови утримання, а також виконували найбільш важку роботу. Виснаження й упокорення працюю

часто перетворювалося на вбивство працею, адже досить довго безкоштовний резервуар робочої сили здавався невичерпним. Становище радянських полонених не йде в жодне порівняння з тими умовами, в яких перебували військові бранці інших держав. Останнім опікувалися Міжнародний Червоний Хрест та інші організації. Натомість полонені червоноармійці перебували в повній ізоляції не тільки через статус «зрадників», який вони отримали на батьківщині з «легкої» руки радянського керівництва, а в першу чергу внаслідок особливої позиції лідерів III рейху в цьому питанні.

Приплив значної кількості трудових ресурсів за рахунок залучення військовополонених Червоної армії істотно змінив соціальний склад робітників, зайнятих у ВПК та в інших секторах економіки. Однак ця ситуативна верства жодним чином не інтегрувалась у німецький соціум, як це мало місце у випадку з цивільними «остарбайтерами», що працювали в аграрній сфері. Виключні заходи ізоляції, відсутність будь-яких гарантій, в тому числі й на саме життя, мінімальна вартість утримання у поєднанні з дією пропагандистських установок про «унтерменшів» перетворювали дану соціальну групу на своєрідну касту «недоторканих», позбавлену будь-яких перспектив і сподівань на краще. Постійно перебуваючи на межі виживання, ці люди пролонгували таку звичну для античного рабства і абсолютно неприпустиму і чужорідну у середині ХХ ст. екзистенцію балансування між життям і смертю.

Не вдаючись до детального компаративного аналізу соціального статусу радянських і німецьких військовополонених, виокремимо лише один з найбільш важливих показників — смертність. Із загальної кількості зарубіжних військових бранців, які утримувалися радянськими властями, померло 15 %, тоді як радянських полонених у Німеччині — 57 %²⁶.

Так, у таборі, що розташовувався в м. Проскурові, утримувалося близько 50 тис. осіб, з яких щодня вмирало 150. У Проскурівському й Раковському таборах протягом короткого часу загинуло 25 тис. бранців²⁷. У Хорольських таборах до осені 1942 р. загинуло 57 тис. полонених, у «Грослазареті» м. Славута — 150 тис. Крім того, 45 тис. полонених червоноармійців прийняла в себе земля Сталінської області, 50 тис. — Херсонщини, 22 тис. — Одещини, 67 — Кіровоградщини, 70 тис. — Сумщини, 200 тис. — Львівщини... Цей трагічний список можна продовжити. Загалом на території України загинуло 1,8 млн з 4 млн радянських військовополонених, які не пережили війну²⁸.

На загал соціальне становище військовополонених радянських збройних сил визначалося стратегічними засадами «східної політики» III рейху, арійською теорією і нацистською ідеологією, тотальним характером німецько-радянської війни. Смерть мільйонів полонених

(а це були представники найбільш продуктивних груп чоловічої частини населення) надзвичайно негативно позначилося на демографічній, соціально-економічній та морально-психологічній ситуації в Україні.

---

¹ *Смирнов В. І.* Документальні спомини колишніх учасників оборони Києва, в'язнів фашистських таборів як історичне першоджерело (на матеріалах із фотозбірки Меморіального комплексу «Музей історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр.) – Рукопис. – С. 15.

² Там само.

³ Безсмертя. Книга Пам'яті України. – К., 2000. – С. 558.

⁴ *Смирнова В. І.* Документальні спогади... – С. 32.

⁵ *Mottnisen Н.* – S. 177.

⁶ Воля Покуття. – 18 січня. – 22 лютого.

⁷ Голос Підкарпаття. – 1942. – 14 березня.

⁸ Воля Покуття. – 1943. – 28 березня.

⁹ Волинь. – 1941. – 18 грудня.

¹⁰ Там само. – 1942. – 15 січня.

¹¹ Вінницькі вісті. – 1942. – 5 лютого.

¹² Воля Покуття. – 1943. – 18 січня.

¹³ Голос Підкарпаття. – 1943. – 18 липня.

¹⁴ Воля Покуття. – 1942. – 31 січня.

¹⁵ Голос Підкарпаття. – 1942. – 2 серпня.

¹⁶ *Горбуров Є. Г.* Рух Опору німецько-румунським загарбникам на території Миколаївщини в роки Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України.

¹⁷ Київський обласний державний архів (КОДА). – Ф. Р-2395, оп., спр. 4, арк. 1.

¹⁸ Там само. – Арк. 3.

¹⁹ Там само. – Ф. 2225, оп. 1, спр. 7.

²⁰ ЦДАВО України. – Ф. 4620, оп. 3, спр. 285.

²¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М., 1993. – С. 333.

²² Безсмертя. Книга Пам'яті України. – С. 557–558.

²³ ЦДАГО України. – Ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 143, арк. 175.

²⁴ Безсмертя. Книга Пам'яті України. – С. 205.

²⁵ Там само. – С. 206.

²⁶ *Гурки В. В., Курглов А. И.* Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 3. – С. 33; *Штрайт К.* Советские военнопленные – массовые депортации – принудительные работы // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем. – М., 1997. – С. 589.

²⁷ ЦДАВО України. – Ф. 3833, оп. 1, спр. 69, арк. 13 зв.

²⁸ Безсмертя. Книга Пам'яті України. – С. 203–205.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРСКОГО МИНИСТЕРСТВА ПО ДЕЛАМ ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

СЕРГЕЙ БОГУНОВ

Государственный архив Службы безопасности Украины

К перечню пока ещё недостаточно изученных аспектов истории Второй мировой войны, на наш взгляд, следует отнести тему использования Имперским министерством по делам оккупированных восточных областей советских военнопленных в пропагандистской деятельности.

На сегодня достаточно хорошо известно, какое значение имела пропаганда в III рейхе. Её верхушка считала, что по мере захвата вермахтом других стран следует решительно внедрять в умы покорённых народов фашистскую идеологию, вытесняя и уничтожая всё то, что не соответствовало мировоззрению руководителей нацистской Германии.

Так, ещё до нападения на Советский Союз, 12 мая 1941 г., Гитлер подписал директиву относительно обращения с политическими работниками. В ней прямо говорилось об уничтожении комиссаров и других политических работников Красной армии¹.

Альфред Розенберг в своем указе от 13 августа 1941 г. о вынесении специальными судами приговоров о смертной казни, в частности, определил: «...все лица, распространяющие враждебные немцам слухи путём ведения подстрекательской пропаганды... подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях заключению в каторжную тюрьму»².

Безжалостным уничтожением носителей иного мировоззрения нацистские вожди стремились создать идеологический вакуум, расчистить поле деятельности для ведения агитации и пропаганды в условиях отсутствия каких-либо помех во всех сферах жизнедеятельности гражданского населения, а также в местах их принудительного содержания. Это в полной мере касалось пленённых красноармейцев, часть которых планировалось использовать в качестве пропагандистов не только в лагерях для военнопленных, но и среди гражданского населения, вспомогательной полиции и в других случаях, а также в ближайшей успешной, как казалось нацистам, перспективе.

В частности, в письме Розенберга начальнику штаба ОКВ Кейтелю об обращении с советскими военнопленными от 28 февраля 1942 г.

указывалось: «Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с самого начала своего существования считало, что большое число советских военнопленных является исключительно ценным материалом для пропаганды. Они (военнопленные. — *Авт.*) должны со временем возвратиться на родину с чувством восхищения и глубокого уважения перед Германией и германскими порядками и, таким образом, стать пропагандистами в пользу Германии и национал-социализма»³.

Таким образом, фашистская пропаганда имела вполне прагматические цели. Для закрепления на захваченных территориях оккупанты стремились иметь в создаваемых ими органах управления подготовленные в профессиональном отношении и лояльные к новой власти кадры. Перед специальными командами полиции безопасности и СД при штабалагах ставилась задача политической проверки всех заключённых лагеря, выделения из них и дальнейшей обработки всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий, в управлении и хозяйственной деятельности⁴.

Изложенное выше свидетельствует о том, что в отношении советских военнопленных нацисты имели вполне откровенные и циничные планы.

Документы Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины позволяют проследить, как на практике реализовывались установки вождей III рейха по использованию советских военнопленных в пропагандистской деятельности. В них содержатся сведения об организационной структуре, методике и практике отбора, изучения, проверки, подготовки пропагандистов из числа советских гражданских лиц и военнопленных.

Данные вопросы находились в компетенции упомянутого выше Имперского министерства по делам оккупированных восточных областей, так называемого Восточного министерства.

Для содействия в реализации этих задач при отделе пропаганды «Восточного министерства» было создано специальное отделение, которое занималось координацией отбора, проверки, а затем и подготовки кадров административно-хозяйственных работников и пропагандистов из числа советских гражданских лиц и военнопленных.

Во главе отделения стояли офицеры немецкой армии. Оно, кроме указанных выше функций, осуществляло методическое обеспечение учебного процесса в школах пропагандистов, поставляло учебные пособия и литературу. Отделение занималось также финансированием, хозяйственным обеспечением и распределением пропагандистов на работу, согласно заявкам «Восточного министерства» и других министерств и ведомств Германии.

Работники отделения, участвуя в отборе кандидатов на учёбу, особое внимание обращали на наличие у военнопленных высшего или среднего

образования и специальности. Отбирались инженеры, журналисты, учителя, медики, агрономы, а также экономисты, бухгалтеры, юристы, художники и др.

Большинство отобранных кандидатов в пропагандисты свозили в расположенный на окраине польского г. Кельцы сборный лагерь, который был создан весной 1942 г. и размещался в бывших воинских казармах. Исключение касалось так называемых фольксдойчей, которых после проверки на практической работе направляли, минуя Кельцы, непосредственно в специально созданный для них лагерь. Весной 1942 г. он расположился в бывших воинских казармах, построенных на территории имения Шварцзее, неподалёку от г. Фалькенбург в Померании и, вероятно, поэтому получил название — «Шварцзее-2».

Кельцынским лагерем, как и всеми другими, в которых готовились пропагандисты, руководили немецкие военнослужащие. В разное время в нём одновременно находилось от 500 до 1500 кандидатов. От обычных лагерей для военнопленных он отличался стабильным двухразовым питанием и менее суровым режимом содержания.

Здесь военнопленные проверялись через агентуру, изучались штатными работниками лагеря, подвергались идеологической обработке и предварительной подготовке. Лиц, не внушавших доверия, отправляли в концлагеря или лагеря общего типа. Весь лагерный контингент разделялся на две группы, которые в свою очередь делились на подгруппы (роты).

В первую группу — «Кавказскую» — зачислялись армяне, грузины и азербайджанцы, которые планировались на отправку в карательные органы в случае захвата немецкими войсками Кавказа.

Во вторую группу — «Вуэтрау» — отбирались лица, предназначавшиеся для отправки на учёбу в школу пропагандистов, состоящую из трёх закрытых лагерей в населённых пунктах Цитенхорст, Вудзец и Вуэтрау. Прибывавшие из них комиссии отбирали прошедших проверку и предварительную подготовку военнопленных. Из них формировали по национальному признаку группы по 40–60 человек и увозили с собой на учёбу⁵. Учебная база под общим названием «Вуэтрау» находилась в 65-ти километрах северозападнее Берлина.

Кроме упомянутых «закрытых» лагерей и лагеря «Шварцзее-2», укомплектованных по национальному признаку, в эту группу входил также расположенный в Вуэтрау лагерь, который имел сразу несколько названий: «свободный», «особый», «сборный». Сюда свозили получивших подготовку пропагандистов для последующего распределения на работу.

В закрытом лагере Вуэтрау готовили пропагандистов из числа лиц кавказских национальностей, лагерь Цитенхорст предназначался для русских, Вудзец — для украинцев и белорусов.

В украинском блоке занятия проводились исключительно на украинском языке по 2–2,5 часа ежедневно⁶, распространялись газеты, журналы и брошюры, а также демонстрировались документальные и художественные кинофильмы.

История Украины преподавалась с использованием учебника Михаила Грушевского. Имел место случай, когда приехал полковник в штатском и прочитал лекцию на тему «Герои Крут».

Для идеологической обработки будущих пропагандистов на лекциях демагогически преподносилась идея независимости Украины, в том числе — под протекторатом Германии. Бывший слушатель школы Георгий Ветров позже вспоминал: «Говорили нам о том, что только в 1941 году Германия подала руку помощи Украине, освободила её от большевистского гнёта и что теперь при поддержке немцев украинский народ может свободно строить своё независимое государство. Преподаватели упоминали, что после прохождения курса обучения, курсанты будут направлены на практическую работу в разные районы Украины, где должны активно включаться в созидательную работу на благо украинского народа»⁷.

Гитлеровцы, как известно, ни при каких обстоятельствах не собирались предоставлять Украине независимость. В частности, Гитлер на совещании высшего политического руководства рейха 16 июля 1941 г. утверждал: «Только немцу позволено носить оружие, но не славянину, не чеху, не казаку, и не украинцу!»⁸ Гауляйтер рейхскомиссариата «Украина» Эрих Кох, возвратившись в конце августа 1942 г. из ставки фюрера, на совещании руководящего состава гражданской администрации заявил: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна быть в том, чтобы украинцы работали на Германию, а не в том, чтобы осчастливить этот народ». И далее продолжал: «...мы здесь имеем дело с народом, который является неполноценным. Поэтому о каком-либо общении с украинцами не может быть и речи»⁹.

Рассчитанная на 3–4 месяца программа обучения пропагандистов состояла из 14 тем, среди которых были критика марксизма-ленинизма, немецкая философия, Германия сегодня и новая Европа, национализм и интернационализм, еврейский вопрос и другие¹⁰.

В программу входили также специальные дисциплины по теории пропагандистской работы. Так, обучавшийся в школе Денис Сябро свидетельствовал: «...преподавали ораторское искусство и методы пропаганды... Агентов-пропагандистов воспитывали как идейных борцов за проведение планов гитлеровской Германии»¹¹.

Перед окончанием учебы выпускники, имевшие высшее и среднее образование, писали на рекомендованные темы рефераты, которые заслушивались и обсуждались на группах, затем оценивались. После экзамена

преподавателями на каждого слушателя составлялись подробные характеристики, в которых давалось заключение о целесообразности использования на практической работе¹².

Бывшие красноармейцы, окончившие обучение в закрытых лагерях и признанные пригодными для работы в системе «Восточного министерства» направлялись в «свободный» лагерь Вустрау для оформления документов и получения назначения на работу.

Этот лагерь был обособленным, состоял из 23-х одноэтажных деревянных домов барачного типа и имел ряд отличий от лагеря в Кельцах и лагерей в Цитенхорсте, Вудзеце и Вустрау. Во-первых, он находился исключительно в подчинении «Восточного министерства». Во-вторых, не был обнесен колючей проволокой: ограждение состояло только из двухметрового забора. В-третьих, в охране лагеря не принимали участие немецкие военнослужащие, службу у ворот несли сами лагерники, а выход разрешался по пропускам, которые выдавались канцелярией. В-четвёртых, на одежду уже не наносились лагерные номера, что свидетельствовало об избавлении будущих пропагандистов от статуса военнопленных. Их зачисляли на все виды денежного довольствия и продовольственного снабжения по нормам солдат немецкой армии. Питание было трёхразовое, каждому выдавался комплект гражданской одежды — пальто, костюм, туфли, головной убор и нижнее бельё. Для мелких расходов ежемесячно выплачивалось до 10 немецких марок¹³.

Срок пребывания пропагандистов в «свободном» лагере установлен не был. Все зависело от продолжительности оформления документов и получения направления на работу.

Прибывавшие в «свободный» лагерь пропагандисты размещались по блокам соответственно национальностям, а в блоках разбивались по учебным группам согласно с выводами комиссий о целесообразности дальнейшего использования и предполагаемого направления на работу.

Метод обучения в «свободном» лагере, как и в «закрытых» лагерях, был лекционный. Здесь слушатели подвергались активной идеологической обработке со стороны лиц, ранее окончивших школу и возвратившихся в свободный лагерь после пребывания на территории Советского Союза. Кроме них, опытом практической работы иногда делились агенты-разведчики, выполнявшие задания в тылу Красной армии¹⁴.

Перед окончанием учебы для слушателей организовывались экскурсии по городам Германии, во время которых показывались специально подобранные для этого участки сельскохозяйственных опытных станций и полей, крупные фермерские хозяйства, фабрики, заводы, дворцы, музеи, театры, школы, парки и т. п., которые, по замыслу их устроителей, должны были закрепить оказанное до того идеологическое воздействие.

В данном контексте следует упомянуть, что в Берлине по ул. Рулебен «Восточным министерством» готовились кадры пропагандистов из числа гражданских лиц¹⁵. Обучение велось по сокращённой программе в течении 3-х недель (лекции, беседы, демонстрации кинофильмов и т. п.). Большое внимание уделялось показу промышленных и сельскохозяйственных достижений Германии. При посещении объектов обучавшихся фотографировали, изготавливали альбомы и вручали им для использования при рассказах о жизни в Германии по возвращении в Советский Союз.

Каждому бывшему военнопленному, который направлялся на оккупированную территорию СССР, выдавалось на руки два документа: справка о том, что проходил оформление на освобождение из плена и временное удостоверение с пометкой «числится за “Восточным министерством”»¹⁶. По желанию пропагандистов документы выдавались на вымышленные фамилии. Одновременно отбирались подписки, обязывавшие честно работать в качестве пропагандистов и оказывать практическую помощь органам контрразведки по выявлению партизан и советского актива.

Выпуск и назначение пропагандистов производились в соответствии с требованиями и распоряжениями «Восточного министерства». Курсантов отправляли на оккупированные территории, как правило, в ту местность, откуда они были родом или призывались в Красную армию.

По прибытии они становились на учет в генерал-комиссариатах, в так называемых отделах народной пропаганды¹⁷.

Пропагандисты, окончившие школу, использовались:

1. В качестве официальных работников отделов пропаганды на оккупированной территории Советского Союза.
2. Специалистами в созданных на оккупированной территории административно-хозяйственных учреждениях и предприятиях.

Так, в апреле 1943 г. из школы Вудзеца в города Украины (Киев, Житомир, Луцк, Днепрпетровск, Мариуполь и другие) отправлялись сразу несколько групп по 15–20 человек в каждой¹⁸. Входящий в состав киевской группы Леонид Гудыма позже рассказывал: «В генерал-комиссариате гор. Киева мы были представлены начальнику «Отдела народной пропаганды». Его начальник Беккер, немец по национальности, сказал нам, что мы можем и должны устроиться на работу по своей специальности, вместе с тем работать пропагандистами. Там же мне и остальным выдали служебное удостоверение с личной фотокарточкой, удостоверяющее нашу личность и что каждый из нас является гильф-пропагандистом. Кроме этого, я получил 1840 карбованцев (установленная месячная зарплата) и продовольственные карточки»¹⁹. Указанная зарплата назначалась холостякам, а у женатых пропагандистов она

составляла 2000 карбованцев. По прибытии в Украину пропагандистам предоставлялся также 14-дневный отпуск и выдавались деньги — 500 карбованцев, карточки на питание. После трудоустройства выдавался отрез ткани на костюм.

Пропагандисты шли работать на объекты промышленности и сельского хозяйства, а также в учреждения культуры. В частности, прибывшие в Киев в июле 1943 г. в составе группы из 15 человек Михаил Борисов и Людвиг Марковский устроились работать на завод «Ленинская кузница». Николай Синицин — в Киевский сахаротрест, Афанасий Маршук — на киностудию им. А. Довженко.

Пропагандисты также использовались:

3. В лагерях военнопленных и остарбайтеров, где, кроме работы по специальности, пропагандисты оказывали помощь фашистским органам контрразведки в выявлении просоветски настроенных лиц, коммунистов, политработников Красной армии, евреев.

4. В разведывательных органах (абвере и «Цепелине»), а также их школах.

5. В контрразведывательных органах: СД, Гестапо, Зондерштаб-Р и других в качестве пропагандистов, агентов и резидентов.

6. В полиции, её школах и карательных отрядах.

7. На службе в Русской освободительной армии.

8. В войсках СС, национальных легионах и формированиях.

9. В качестве переводчиков.

10. На работах по специальности в промышленности Германии с одновременным ведением фашистской пропаганды среди остарбайтеров.

11. Некоторые оставались на преподавательской и административно-хозяйственной работах при школах пропагандистов, а также использовались в качестве вербовщиков в них²⁰.

Как правило, независимо от места пребывания выпускники вустравской школы обязаны были заниматься пропагандистской деятельностью.

С начала 1944 г. на оккупированную территорию Советского Союза пропагандистов стали направлять значительно реже, используя на различных предприятиях, сельскохозяйственных, восстановительных и оборонительных работах в Германии и Польше.

Несмотря на тщательный отбор, изучение, проверку, подготовку в течение 6–12 месяцев с применением разнообразных форм и методов обучения и идеологического воздействия, система давала сбои. Так, Леонид Гудыма и Яков Гончаров, получившие в сентябре 1943 г. от Киевского генерал-комиссариата направление в г. Остер Черниговской области, заранее решили поступить по-своему. Гудыма, в частности, свидетельствовал: «...я отцу сказал, что с Остра постараюсь попасть в партизанский отряд, вместе с Гончаровым, что и сделал в ночь

с 5-го на 6-е сентября. В районе совхоза «Чемер» влился в партизанский отряд им. Щорса, соединения командира партизанского отряда Салая, впоследствии стал начальником штаба отряда. Гончаров был командиром роты»²¹.

После изгнания нацистов с территории Советского Союза деятельность лагерей «Восточного министерства», за исключением «свободного» лагеря, прекратилась.

Перед капитуляцией фашистской Германии личному составу вустравской школы были выданы документы, свидетельствующие о том, что в период пребывания на немецкой территории они использовались в качестве «остарбайтеров» в промышленности и сельском хозяйстве²².

В течение 1945 г. и позднее значительная часть пропагандистов пыталась скрыть своё прошлое, в том числе с использованием указанных выше документов, и возвратиться в Советский Союз через фильтрационные лагеря, либо пойти служить в Красную армию. Некоторые рождались среди мирного населения и угонялись оккупантами на принудительный труд в Германию. Однако были и такие, которые ревностно служили фашистам и работали по специальности, одновременно пропагандировали привитые им идеи, активно участвовали во всех мероприятиях оккупационных властей и, в частности, помогали в выявлении интересующих их советских граждан²³.

Как правило, все установленные советскими органами контрразведки пропагандисты (из военнопленных и гражданских лиц) осуждались по ст. 58–1 «б» УК РСФСР (в Украине — ст. 54–1 «б» УК УССР) на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет с конфискацией либо без конфискации личного имущества. Немало из них закончили свою жизнь в местах лишения свободы.

Изучением более 3-х десятков архивных уголовных дел на бывших пропагандистов установлено, что Законом Украины 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» многие из них реабилитированы с формулировкой: «практических действий не предпринимал, вреда не нанес, осужден без достаточных оснований».

Не реабилитированы бывшие пропагандисты, которые служили в комендатурах лагерей, участвовали в обысках и арестах военнопленных, сотрудничали с администрацией школы пропагандистов, в том числе в качестве преподавателей²⁴ либо выполняли пропагандистские задания²⁵, а также служили в военизированных фашистских подразделениях с оружием в руках²⁶.

Всё вышеизложенное даёт основания считать проблему роли и места советских военнопленных в системе пропагандистской деятельности Имперского министерства по делам оккупированных восточных областей актуальной и требующей дальнейших исследовательских

усилий. По нашему мнению, это одна из тех сфер, где могли бы объединить свои усилия учёные и архивисты из Германии, Украины и других стран.

Одной из форм реализации такого рода научно-архивной кооперации могло бы стать совместное издание документального сборника по данной проблеме.

---

¹ Преступные цели – преступные средства. – М.: Политиздат, 1968. – С. 8.

² Там же. – С. 64.

³ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8-ми т. – Т. 4. – М., 1990. – С. 214.

⁴ Там же. – С. 204–205.

⁵ Отраслевой государственный архив (ОГА) СБ Украины. – Ф. 6, д. 58041, л. 11.

⁶ Там же. – Д. 74 543, л. 199.

⁷ Там же.

⁸ Київ у дні нацистської навали. – Київ–Львів: ДВВП Місіонер, 2003. – С. 35.

⁹ ОГА СБ Украины. – Ф. 5. – Аннотация к микрофильмам трофейных немецких документов. – Л. 33.

¹⁰ Там же. – Ф. 1, оп. 2 (1957), д. 4, л. 14.

¹¹ Там же. – Ф. 6, д. 73964, л. 63.

¹² Там же. – Ф. 1, оп. 2 (1957), д. 4, л. 16.

¹³ Там же. – Ф. 6, д. 73964, л. 69.

¹⁴ Там же. – Л. 27.

¹⁵ Там же. – Л. 209.

¹⁶ Там же. – Л. 32.

¹⁷ Там же. – Ф. 6, д. 74 543, л. 217.

¹⁸ Там же. – Ф. 6, д. 74 543, л. 209.

¹⁹ Там же. – Л. 204.

²⁰ Там же. – Ф. 1, оп. 2 (1957), д. 4, л. 33.

²¹ Там же. – Ф. 6, д. 58041, л. 36.

²² Там же. – Ф. 1, оп. 2 (1957), д. 4, л. 36.

²³ Там же. – Ф. 5, д. 65992, л. 163.

²⁴ Там же. – Д. 64 693, л. 173.

²⁵ Там же. – Д. 65 992, л. 163.

²⁶ Там же. – Д. 49 504, л. 127.

ЛАГЕРЬ ЦАЙТХАЙН В СВЕТЕ НОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

АЛЕКСАНДР ХАРИТОНОВ

Объединение «Саксонские мемориалы», ФРГ

Уже более 60-ти лет прошло с тех пор, когда последний военнопленный покинул территорию лазарета/лагеря, находившегося недалеко от г. Цайтхайн. Несмотря на прошедшие годы, у многих людей название Цайтхайн ассоциируется не с этой местностью, а с лагерем Цайтхайн. Конечно, как и все другие лагеря и рабочие команды, он имел свой номер, № 304 (IV Н)¹. Но после войны, даже несмотря на то, что с февраля 1943 г. на его месте существовал лишь госпиталь, в котором могло быть размещено до 8 тыс. человек, название лагерь Цайтхайн утвердилось и сохранилось до сегодняшнего дня.

По настоящее время проводятся и дальнейшие исследования истории лагеря Цайтхайн, но основные усилия сегодня направлены на установление судеб людей, умерших или убитых в лагере/лазарете. Работа по установлению общего числа жертв в Цайтхайне начала проводиться сразу с 1945 г. как органами Красной/Советской армии, так и немецкой полицией и позже государственными органами власти ГДР.

Уже к пятидесятым годам было сделано фактически все возможное в этом направлении, но не все результаты стали доступны для широкой общественности. Не будем касаться политической подоплеки этого вопроса в прошлом, а обратимся к достигнутому на сегодня.

Процесс сбора самой различной информации по истории существования лагеря Цайтхан шел непрерывно все эти годы, что позволило собрать обширный и очень важный материал, который хранится сегодня в Документационном доме мемориала Цайтхайн.

По сравнению с публикациями прошедших лет, работа Остерло Йорга «Самый обычный лагерь»², опираясь в основном на немецкие источники, наиболее подробно и полно освещает историю лагеря. С 2000 г. наступил как бы новый этап в исследованиях по Цайтхайну. Именно с этого времени начала проводиться систематическая работа по установлению не только общего числа жертв, а в первую очередь — индивидуальных судеб советских военнопленных. Это стало возможным благодаря поддержке Федеральным правительством Германии и правительством Российской Федерации проекта «Советские и немецкие военнопленные

и интернированные. Исследования вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода».

Совместная работа по исследованию лагеря Цайтхайн с историками архивной службы Министерства обороны РФ и ФСБ, а также Военно-медицинского музея г. Санкт-Петербурга вывела исследования на совершенно иной уровень. На 2005 г. удалось установить уже более 14 000 имен похороненных на кладбищах лагеря Цайтхайн. Благодаря работе российских историков, обнаруживших в архивах протоколы допросов лагерного персонала и лиц, в обязанность которых входили инспекции лагеря Цайтхайн, широкая общественность узнала, как относились к происходящему непосредственно «действующие лица»³.

Помимо других были допрошены: инженеры Рейф и Мункольт, которые отвечали за работы по оборудованию лагеря, комендант лагеря фон Киршбах, начальник санитарной службы лагеря Зоннтаг, гарнизонные врачи Ольгманс и Роллен, начальники лазарета Шлезинг и Нойман, начальник хирургического отделения лазарета Безе. Был допрошен и низовой аппарат лагеря как, например, писарь лазарета Кноблех или владелец прачечной станции Якобсталь, Гензель. Был задержан в своё время и допрошен начальник продовольственного снабжения Фридемманн. К сожалению, не вся историческая информация из протоколов допросов введена на сегодняшний день в научный оборот, как и не все документы, но работа продолжается.

Мы знаем, например, что в 1946 г. советская военная администрация земли Саксония располагала частью лагерной картотеки на умерших в 1941 г. советских военнопленных, приказами вермахта по Цайтхайну и внутренней документацией, но мы не знаем, в каких архивах эти документы находятся сегодня на хранении. Также ещё не началась систематическая работа над обработкой сообщений лагерных управлений в ВАСт (вермахтаускунфтштелле/справочная служба вермахта), которые посылались туда в случае смерти военнопленного. Конечно, особенно с 8 декабря 1941 г., когда отдел военного плена, ОКХ, разослал всем указание, что не надо сообщать подробно, как в случае смерти военнопленных западной Европы, о смерти каждого советского военнопленного, а достаточно будет указать хоть в общем списке о его смерти и месте захоронения⁴, документы ВАСт скорее всего не содержат такой полной информации как Персональные карточки 1, но тем не менее дают необходимую для дальнейшего установления судеб информацию. Ещё недавно в работе при изучении истории лагеря Цайтхайн использовались в основном документы, которые находятся в архивах Германии и России.

Благодаря начавшейся совместной работе над проектом в Украине, стало известно, что в государственном архиве города Киева находятся документы паталого-анатомической экспертизы специальной комиссии

по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в лагерях советских военнопленных в г. Цайтхайне⁵. Пользуясь здесь случаем, выражаем огромную благодарность директору этого архива г-же Купченко В. П. за предоставление копий этих документов Центру документации Объединения «Саксонские мемориалы». Обзор и анализ этих документов сотрудники архива в 1993–2005 гг. на страницах украинской прессы давали неоднократно⁶, но это было не в том объеме, каким теперь располагает Объединение как в отношении подготовки комиссии к работе, её переписки с немецкими органами, так и переписки советских членов комиссии с вышестоящими организациями в Германии и СССР. О работе этой комиссии уже много написано и в Германии, и в России. Имеются отчеты и на немецком языке и отчеты посланные членами комиссии в вышестоящие инстанции. Однако документы из киевского архива содержат не только дополнительную информацию, но и другие сведения. В них самым подробным образом описаны месторасположение кладбищ, их размеры, проведенная работа по эксгумации, расположение всех могил и обнаруженных в них трупов.

Не будем приводить уже известные факты и информацию о лагере, а остановимся на том, в связи с чем начала работу комиссия, а именно на установлении комиссией количества военнопленных, находившихся в лагере Цайтхайн, и жертв среди них. Ввиду чрезвычайной важности документа, так как на выводы комиссии опирались во все последующие годы, приведем цитату из документа полностью:

«Точных сведений о количестве военнопленных, поступивших в лагерь за все время его существования, не имеется. Наиболее точным является отчет Дрезденской железной дороги от 21.08.1946 года о количестве эшелонов с военнопленными, выгружавшимися на станции Якобсталь. Согласно этим данным, к декабрю 1941 года в лагерь было доставлено около 51 000 человек, что совпадает с показаниями Никитина и Ольтканса, что количество военнопленных в последние месяцы 1941 года достигало 50 000–60 000 человек. Таким образом, это число можно принимать близким к действительности.

В отношении 1942 года сведения расходятся. По Киришбаху, в конце июля в лагере оставалось в живых не более 5000 человек. Кноблах показывает, что в октябре 1942 года при переформировании лагеря в лазарет там было 4000 военнопленных. С другой стороны, по показаниям Округина и Ревина в августе и октябре 1942 года загрузка лагеря была ещё очень высокой и доходила до 50 000 человек.

В 1943 и 1944 годах загрузка лагеря по всем показаниям снизилась и составляла не более 5000–10 000 человек (Кноблах, Ревин, Округин). За все время с 1941 по 1945 годы по отчету дирекции железной дороги на станции Якобсталь поступило 274 000 военнопленных. Однако имеется

ряд показаний, что, начиная с 1943 г., часть эшелонов, разгружаемых на станции Якобсталь, направлялась непосредственно в другие рабочие лагеря (Округин, Нойманн). По показаниям начальника этой станции Рице в лагерь Цайтхайн за все время его существования было направлено около 180 000 человек.

Таким образом, общее количество военнопленных, прошедших через лагерь Цайтхайн, можно определить в пределах от 150 000 до 200 000 человек. Загрузка лагеря по годам, очевидно, колебалась в значительных пределах, но в среднем составляла: осенью 1941 года около 60 000 человек, в 1942 году от 5000 до 50 000 человек, в 1943 и 1944 году от 5000 до 10 000 человек. Средние величины загрузки лагеря в последующие периоды времени являлись суммарным выражением двух противоположных процессов: с одной стороны, в лагерь периодически поступали новые контингенты военнопленных, о чем свидетельствует вышеприведенный отчет дирекции железной дороги, с другой — население лагеря непрерывно уменьшалось за счет массового вымирания военнопленных. Частично имело место и отправление военнопленных в другие лагеря... До настоящего времени на 5-ти кладбищах, окружавших лагерь, обнаружено около 35 000 трупов. Однако есть серьезные основания полагать, что это далеко не полная картина «деятельности» виновников массового уничтожения советских военнопленных.

Показания различных лиц о количестве умерших в лагере сведены в особую таблицу. При рассмотрении таблицы видно, что данные до июля 1942 года все сходятся на цифре 50 000–60 000 умерших. Бывший комендант лагеря полковник фон Кирибах показывает, что при сдаче им лагеря в июле 1942 года было зарегистрировано поступление около 80 000 военнопленных, до июля 1942 года передано трудоспособных в лагерь Мюльберг 2000 человек, в момент сдачи было на лицо около 5000 человек, остальные (более 70 000 человек) — «умерли от сыпного тифа и истощения». Эти показания в части поступления военнопленных совпадают с отчетом дирекции железной дороги, по которому до июля 1942 года в лагерь поступило 83 000 человек.

По подсчетам бывшего гарнизонного врача Ольтманса, регулярно получавшего рапорта от врачей лагеря, до июля 1942 года умерло около 63 000 человек. Из показаний бывшего военнопленного Никитина, попавшего в лагерь в июле или в августе 1941 года, количество умерших до июля 1942 года округляется в 72 000 человек.

Таким образом, можно предполагать с достаточным основанием, что с момента организации лагеря до июля 1942 года в нем умерло не менее 60 000 человек, а возможно около 70 000 человек или 75–80 % всех поступивших за это время военнопленных. Количество умерших, начиная с второй половины 1942 года до февраля 1944 года, определяется в количестве

не менее 15 000 человек (по показаниям Кноблоха, работавшего писарем в санчасти лазарета). Наибольшее возможное количество умерших с июля 1942 года до конца существования лагеря составляет около 80 000 человек (по показаниям Ольтманса и Никитина).

Следовательно за все время использования лагеря Цайтхайн в нем погибло, очевидно, не менее 80 000 военнопленных советских граждан. Не исключена возможность, что количество погибших простирается до 150 000 человек. Сопоставляя эти данные с общим числом прошедших через лагерь военнопленных, мы видим, что погибло по крайней мере 40 % доставленных, прибывших по железной дороге, не попала в лагерь, а общее количество умерших могло достигать 150 000 человек, следует полагать, что смертность среди военнопленных достигала 80 % на всем протяжении существования лагеря»⁷.

И в конце этого отчета, в выводах, указывается: «Общее количество умерших составляло по ряду показаний не менее 80 000 человек военнопленных»⁸.

Отчеты комиссии об огромной проделанной работе были обобщены в 13 делах.

Экспукации и точному подсчету жертв, вплоть до вскрытия гробов⁹ и подсчету всех останков были подвергнуты все кладбища в самом Цайтхайне и в округе. Как указано в заключении специальной комиссии от 8 октября 1948 года¹⁰, «перед экспертами (советскими и немецкими) были поставлены следующие вопросы:

1. Способ захоронения трупов
2. Количество трупов
3. Причины смерти
4. Время смерти и продолжительность пребывания трупов в земле
5. Принадлежность трупов к советским военнопленным»¹¹.

Указанная работа проводилась по каждому кладбищу. Чтобы не возникло позже дополнительных вопросов, раскопки проводились и на самых окраинах кладбищ с тем, чтобы убедиться в отсутствии захоронений там, и на ту глубину, когда начинался не разрушенный слой грунта. На краю могил складывали останки людей для их точного подсчета.

В итоге комиссия пришла к выводу, что кладбища с 1-го по 5-е (все кладбища имеют другое историческое название, но для точности обозначения комиссия нумеровала их с 1-го по 12-е) использовались только для захоронений военнопленных из лагеря Цайтхайн.

В районе завода Градиц было эксгумировано тоже 5 кладбищ, которые получили номера с 6-го по 10-е.

В районе Нойбургсдорф, где размещался основной лагерь IV В Мюльберг, были раскопаны 2 кладбища — № 11 и № 12.

В результате различных методов подсчета, точных в одиночных захоронениях, несколько обобщённых особенно в отношении массовых захоронений, комиссия пришла к заключению, что число людей, захороненных на выявленных кладбищах, было следующим:

№ кладбища	Количество захоронённых
1	3928
2	12 240
3	10 002
4	1853
5	4575
6	143
7	145
8	67
9	180
10	28
11	2208
12	11
Всего:	35 380

«Остальные умершие в лагере по сегодняшний день не найдены»¹², — констатировалось в заключении комиссии в 1948 г. Они не были найдены и в последующие годы существования ГДР, не найдены они и до настоящего времени. Опираясь на полученный до 2006 г. материал, можно сказать, что такое число умерших никогда не будет найдено. Каким материалом располагаем мы сегодня для такого утверждения?

Как основа нам служат общие исторические данные, такие, например, как то, что лагерь Цайтхайн был приемным и учетным лагерем для прибывающих в эшелонах на станцию Якобсталь. Тысячи и тысячи военнопленных после кратковременного пребывания в лагере Цайтхайн, иногда даже до 3-х дней, или времени карантина, или после регистрации и учета направлялись в рабочие команды и в другие лагеря, причем не только на территории рейха. При этом, как еще раз указывало ОКХ, отдел военного плена, в сообщении всем комендантам лагерей от 1 сентября 1941 г., ни в коем случае не должно быть такого, что при переводе военнопленного в другой лагерь он бы получал новый номер регистрации. Это было обязательным для всех, иначе, как указывалось, при сообщении о военнопленном в ВАСт для централизованного учета возникнет путаница и неразбериха¹³. Мы знаем сегодня, что предположения комиссии о том, что все военнопленные, прибывшие на станцию Якобсталь, оставались в лагере Цайтхайн, не соответствовало действительности.

В справке «О состоянии кладбищ воинов Советской Армии и других граждан СССР погибших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По состоянию на 1 апреля 1950 года» указывалось, что на

кладбище 1/5 захоронено 120 000 человек, на кладбище 2 — 80 000, на кладбище 3 — 15 000 человек (Государственный архив Саксонии, г. Дрезден, КТ/КР, GroЯenhain, 235).

Даже в период войны соблюдению формальностей уделялось значительное внимание, например необходимо было писать не «военнопленные французы», а «французские военнопленные», в переписке между различными инстанциями требовалось писать не шталаг, офлаг, вам (вахманшафтен), а постоянный лагерь для военнопленных рядового и сержантского состава, лагерь для военнопленных офицеров, служащие охранного батальона (см. Бундесархив, ВА-МА, RW 6/v. 270, с. 106).

Анализ документов/отчетов лагерных управлений о количестве военнопленных, отправленных в ОКХ, отдел военного плена, также даёт другие числа¹⁴.

Приводим здесь месячные сообщения, направленные в ОКХ управлением лагеря Цайтхайн о наличии в нем военнопленных:

1.12.1941 — 10677 военнопленных (количество всех советских военнопленных в это время на территории рейха указывается 340 590 человек. Если опираться на сведения по железнодорожной станции Якобсталь и исходить из того, что 51 000 человек была доставлена в лагерь и оставалась в нём, то за это время уже умерло 40 000 человек)

01.01.1942 — 7298 военнопленных.

Как видно, за этот месяц количество пленных сократилось на 3375 человек. Сколько умерших было точно, мы не знаем, так как не располагаем списками военнопленных, доставленных в лагерь Цайтхайн и оставленных там. И хотя у нас нет отчетности с июля по ноябрь 1941 г., можно опираться на часть лагерной картотеки на умерших, которую обнаружила комиссия и в которой было около 5000 карточек¹⁵. На 2006 г., правда в ещё не полной базе данных на умерших советских военнопленных в лагере/лазарете Цайтхайн, занесено умерших до 31.12.1941 г. 5040 человек.

В последующие месяцы сообщения о количестве военнопленных в лагере были следующими:

01.02.1942 — 5685
01.04.1942 — 3729
01.05.1942 — 3615
01.06.1942 — 3469
01.08.1942 — 2980
01.09.1942 — 21 151
01.10.1942 — 6698
01.12.1942 — 3782¹⁶
01.01.1943 — 3765¹⁷

С 01.02.1943 г. статистика в отношении военнопленных в лагере Цайтхайн отсутствует, так как он был переоборудован в лазарет и информация о больных в ОКХ, отдел военного плена, не посылалась.

Как мы знаем, осенью 1942 г. Цайтхайн стал лагерным отделением основного лагеря IV В Мюльберг¹⁸, а часть лагерного персонала Цайтхайн и даже с сохранением названия шталаг № 304 и более 14 000 военнопленных, как вытекает из указанных ниже статистических данных за 01.09.1942 и 01.10.1942, было переведено в Бельгию, в г. Лёвене¹⁹. К сожалению, данная информация отсутствует в отчетах уже указанной комиссии. Отсутствуют на сегодня у участников проекта и официальные данные медицинского управления о смертности в лазарете Цайтхайн. Поэтому приходится использовать субъективные данные, полученные при допросах.

После окончания войны поиск охраны лагерей и лагерного персонала проходил по всем лагерям для военнопленных вермахта на территории СССР, а также и в спецлагерях МВД, находившихся на территории Германии. В марте 1950 г. было заведено дело на содержавшегося уже с декабря 1945 года в лагерях МВД СССР в Германии начальника и главного врача лазарета Цайтхайн Фрица Вальтера²⁰. Как было установлено в результате допросов его и свидетеля Хойер Вальтера, в лазарете с марта по сентябрь 1943 г., т. е. во время работы там Фрица Вальтера главным врачом, умерло до 1500 человек. Содержалось в это время в разные месяцы до 8000 человек. Врачей было 57 человек и 200 санитаров из числа советских военнопленных.

В 1944–1945 гг. положение больных советских военнопленных в лазарете незначительно улучшилось, но смертность продолжала оставаться высокой. Запущенность болезней у военнопленных, а также условия содержания в лазарете были такими тяжелыми, что даже после освобождения, в развернутом на этом месте советском госпитале, умерло почти 400 человек. Данные о каждом из них находятся в архиве Военно-медицинского музея Санкт-Петербурга и уже в основном внесены в базу данных мемориала Цайтхайн.

К общему числу умерших необходимо, конечно, отнести и тех, кто умер во время перевозки в вагонах поездов. Не проходящие по отчетности лагеря, они были тем не менее захоронены на его кладбищах.

В процессе работы в рамках этого проекта совместно с белорусскими историками было просмотрено много протоколов допросов бывших советских военнопленных лагеря Цайтхайн, которые отложились в делах советских фильтрационных лагерей. Наиболее информативными оказались протоколы допроса Козлова В. А., который был в лагере/лазарете Цайтхайн с июля 1941 г. по 22 апреля 1945 г., т. е. по день освобождения. Из его показаний, данных в декабре 1945 г., можно почерпнуть, что

ни массовых, ни систематических расстрелов не было. Он запомнил два случая наказаний: в 1944 г. повесили четырёх человек за побег и в 1945 г. арестовали 20 человек за пропаганду и скорее всего расстреляли.

Это значит, что те 35 380 человек, чьи трупы по подсчетам специальной комиссии захоронены на кладбищах Цайтхайна, умерли не насильственной смертью, а от существовавших в лагере/лазарете условий содержания.

Указанное комиссией число похороненных жертв хотя и расходится с существующей сегодня базой данных, которая составляется на основе извещений о смерти, выданных лагерным управлением, записей о смерти в персональных карточках 1, но на время подсчета в 50-е годы наиболее точно соответствует сегодняшним знаниям. Работа по установлению числа умерших военнопленных ещё не закончена, но она несколько облегчается тем, что, как теперь однозначно установлено, все умершие получали текущий порядковый номер захоронения, который не прерывался с 1941 по 1945 год, невзирая на то, что регулярно закладывались новые кладбища. Согласно записям в персональной карточке 1 Нуждина Павла, он умер 12.12.1944 г., текущая нумерация захоронения — 23 431, текущий номер захоронения Зорина Василия, умершего 22.02.1945 г. был 23788. Поэтому сегодня можно сказать, что когда в ходе работы будет занесена дата смерти военнопленного и текущий номер захоронения от апреля 1945 г., то станет точно известно число зарегистрированных умерших в лагере Цайтхайн и их имена. Но это произойдет только тогда, когда в базу данных будет занесена вся информация на умерших в лагерях рейха советских военнопленных, которая находится в архивах России, Белоруссии, Украины. В настоящее время это составляет до 120 000 человек в год, и свой вклад вносят как сотрудники Центрального архива СБ Украины, так и рабочая группа Архива высших органов власти и управления Украины.

---

¹ 8 апреля 1942 г. в сообщении для всех управлений лагерей за номером 12 ОКХ настаивал на том, чтобы приказ № 37 от 30.04.1941 г., регулирующий точное обозначение лагерей, неукоснительно соблюдался и при переписке лагерей, находящихся на территории рейха. Было указано их корректное написание: шталаг 331 (I C) Хайдекруг, шталаг 302 (II G) Редеритц, шталаг 304 (IV H) Цайтхайн, шталаг 326 (VI K) Зенне, шталаг 308 (VIII E) Нойхаммер, шталаг 318 (VIII F) Ламсдорф, шталаг 310 (X D) Витцендорф, шталаг 311 (XI C) Берген-Бельзен, шталаг 321 (XI D) Берген-Оёрбке, шталаг 317 (XVIII C) Маркт Понгау, шталаг 306 (XVIII D) Марбург, шталаг 312 (XX C) Торн, офлаг 54 (IV E) Аннабург, офлаг 55 (V D) Оффенбург, офлаг 78 (XIII D) Хаммельбург.

² *Остерло Йорг*. Самый обычный лагерь. Шталаг для военнопленных рядового и сержантского состава 304 (IV X) Цайтхайн под Ризой (Саксония). 1941–1945. — Лейпциг, 1997.

³ Zeithain/Цайтхайн. Gedenkbuch sowjetischer Kriegsgefangener. Книга Памяти советских военнопленных. / Под ред. Норберта Хаазе, Александра Харитонова, Клаус-Дитер Мюллера, Йенса Нагеля. — Minsk–Dresden 2006/Минск–Дрезден 2006.

⁴ Бундесархив. — ВА-МА, RW 6/v. 270, s. 52

⁵ Государственный архив г. Киева. — Ф. Р-1584, оп. 1, д. 1–13.

⁶ Память столить. — № 3–4. — 2005. — С. 181–193.

⁷ Государственный архив г. Киева. — Ф. Р-1584, оп. 1, д. 1, л. 3, 4, 5. (Текст в орфографии документа).

⁸ Там же. — Л. 35.

⁹ Предложенное вначале при подсчете жертв решение — один гроб один человек, было отклонено комиссией. Было высказано мнение, что с целью скрывания преступлений, в одном гробу могло быть похоронено несколько человек.

¹⁰ Государственный архив г. Киева. — Ф. Р-1584, оп. 1, д. 13.

¹¹ Там же. — Оп. 13, д. 13, л. 1.

¹² Там же. — Ф. Р-1584, оп. 1, д. 13, с. 12.

¹³ Бундесархив. — ВА-МА, RW 6/v. 270, S. 27.

¹⁴ После войны сохранились оригиналы таких отчетов, которые включают в себя отчеты по месяцам о количестве военнопленных солдат, офицеров. Они подаются по национальностям. Отчеты о лагерях были разбиты по их размещению — Рейх, Остланд, Украина, Норвегия и т. д. Все они хранятся в архиве Международного Красного Креста в г. Женеве.

¹⁵ Государственный архив г. Киева. — Ф. Р-1584, оп. 1, д. 1, л. 7.

¹⁶ Бундесархив. — ВА-МА, RW 6/v. 450.

¹⁷ Там же. — RW 6/v. 451

¹⁸ Здесь необходимо дать пояснения, что ОКХ и 10.8.1942 г. настаивал, чтобы в переписке или отчетах главными лагерями (хауптлагер) указывались только те, в которых находилась комендатура, лагерным отделением (цвайглагер) — те, на территории которых отсутствовала комендатура. Его ещё называли в то время дополнительный лагерь (небенлагер), но, чтобы внести ясность в отчетах, ОКХ запретил это название. Давалось объяснение и когда можно было называть «Часть лагеря» (тайллагер) — это отдельно огороженная территория в месте размещения основного лагеря или лагерного отделения (см. Бундесархив. — ВА-МА, RW 6/v. 270, s. 91).

¹⁹ См., например: *Йене Нагель. Лагерь военнопленных Цайтхайн 1941–1945* // Цайтхайн. Книга Памяти советских военнопленных. — Минск–Дрезден, 2006. — с. 46.

²⁰ Привлеченный к ответственности за смерть такого огромного числа больных советских военнопленных, Фриц Вальгер, уже будучи в лагере Озёрном, г. Братск, Иркутская область, умер в центральной больнице № 1 26.02.1951 г. от инфаркта.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЛАГЕРЯ ЛАМБИНОВИЦЕ

ЛЕОНИЛА НЕКРАСОВА

Украинский фонд поиска «Память»

Более шести десятилетий прошло со времени Великой Победы нашего народа во Второй мировой войне, а люди до сих пор разыскивают кто своих родственников, кто боевых побратимов. Кто-то просто по зову сердца помогает найти неизвестных героев военного лихолетья. Война, которая была всенародной, и в ней рядом со взрослыми принимали участие и дети, не прошла бесследно для людских сердец и душ.

Известно, что все тяготы войны всегда ложатся на плечи простых людей, так было во время Великой отечественной войны, самой жестокой и ужасной по сравнению со всеми предыдущими войнами. После анализа целого ряда фундаментальных книг, посвященных разным военным событиям, многие факты проясняются. Особенно я благодарна Анатолию Степановичу Чайковскому за фундаментальную книгу «Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.)», основанную на исторических документах и фактах. Она пролила свет на многие вопросы, связанные с военнопленными.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Георгий Константинович Жуков писал: «Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его волей, его несгибаемым духом, его кровью добыта победа над сильным врагом. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом боевую доблесть и героизм, нет границ величия его подвига во имя Родины... Ни с чем не сравнимы потери и разрушения, которые принесла нам война... Нет для человека потери больше, чем гибель близких, товарищей, друзей»¹.

Иногда возникает вопрос, почему наш народ понёс такие большие безвозвратные потери, почему так много военнопленных в этой войне? Кто в этом виноват? В вышеуказанной книге Г. К. Жукова как раз можно получить ответ: что нужно было тогда делать, какой фронт укрепить войсками и техникой в первую очередь, чтобы было меньше человеческих потерь. Одним словом, речь идёт о серьезных стратегических ошибках, допущенных Верховным главнокомандованием СССР.

По материалам главной комиссии совета лагерей и памятников, за период 1939–1945 гг. на территории Польши находилось 1218 гитлеровских лагерей, в том числе 9 концлагерей, 317 лагерей для военнопленных, 162 подлагеря, 60 транзитных лагерей и 670 лагерей труда².

В данной работе речь пойдет об одном из лагерей для военнопленных, расположенном на территории Польши между тремя населенными пунктами: Ламбиновице, Ключник и Шадурчице, Опольского воеводства³. Это — один из древнейших лагерей, который существовал около 100 лет и который был известен ещё со времен Франко-Прусской и Первой мировой воен. Приведем краткую историческую справку. Решением Прусской власти в 1862 г. земельные угодья в окрестностях населенного пункта Ламбиновице предназначались для артиллерийских полигонов, а с 1864 г. — для построек лагеря. Первые военнопленные французы в количестве 53-х человек появились в лагере во время Франко-Прусской войны в 1870–1871 гг. Площадь полигона увеличилась до 100 га.

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) учебный полигон превратился в лагерь для военнопленных, в котором находилось одновременно около 90 тыс. пленных из разных государств. Здесь были и русские, и поляки, и французы, и итальянцы, и англичане и граждане других стран. Умерло их 6969, из них 3571 русский. Похоронены военнопленные на старом кладбище, о чем свидетельствуют ровные ряды могил воинов разных государств с надгробными памятниками, где на польском языке указано, кто покоится там. Свободные земли после окончания воен раздавались крестьянам для сельхознужд.

В 1924 г., когда возродился прусский милитаризм, на этой территории проводят свои учения стрелковые союзы и военизированные организации. А уже с 1933 г. лагерь в окрестностях Ламбиновице становится полигоном фашистских организаций СА, с 1936 г. он объявлен учебным полигоном гитлеровского вермахта. Площадь лагеря увеличивается до 1250 га.

С конца августа 1939 г. полигон в третий раз превращается в лагерь для военнопленных. Вначале здесь возникает транзитный лагерь — дулаг VIII Б, где производится отбор и сортировка военнопленных для перемещения их в другие лагеря вглубь Германской империи. Затем транзитный лагерь превратили в лагерь для пленных рядового и сержантского состава — шталаг VIII Б. Комендантом лагеря назначили подполковника графа Кастель-Кастель. В начале сентября 1939 г. в лагерь стали прибывать первые польские военнопленные, из которых формировали рабочие команды. Через лагерь прошло 43 тыс. поляков.

В апреле 1940 г. на место переведенных в другие лагеря военнопленных прибыли первые эшелоны англичан и французов, которые сразу же были привлечены к труду для III рейха. Из них формировались рабочие команды для промышленности, сельского хозяйства и дорожных работ. К концу 1940 г. в лагере насчитывалось 23 032 военнопленных, из них англичан — 9200, поляков — 13 832. Пленные постоянно прибывали и отбывали из лагеря. Численность пленных на 31.05.1941 г.

составляла 18 536 человек, из них — 10 216 англичан, 4011 француз, 291 бельгиец, 1892 поляка, 2126 югославов. Под конец 1941 г. количество британских военнопленных в лагере составляло 17 734 человека, из них к осени 1942 г. сформировали единую группу, названную «Бритен-лагерь», а военнопленных других государств перевели в шталаг VIII D. Численность военнопленных на 1.10.1942 г. составляла 46 244 человека: в основном лагере 20 640 англичан, 60 греков, 20 069 советских граждан, в филиале в Цейшине — 5824 француз, 321 бельгиец, 1412 поляков, 1179 югославов.

Сначала одинаково относились ко всем военнопленным. Недисциплинированных избивали, были случаи, когда заковывали пленников, отказавшихся от работы, в кандалы. Несмотря на преследования, военнопленные не подчинялись немцам, и благодаря вмешательству Международного Красного Креста прекратились издевательства. Отношение гитлеровцев к западным военнопленным менялось по мере осложнения ситуации на фронте. Им повысили заработную плату, англичанам создали условия свободного передвижения в ближайшие соседние лагеря, для них не существовало проблемы голода, потому что каждый пленный раз в неделю получал пятикилограммовую продовольственную посылку из Красного Креста. Им были обеспечены условия для культурной и спортивной жизни в лагере. Даже был свой плавательный бассейн. Несмотря на все это, они организовывали движение сопротивления. Частым явлением стали побег, подготовляемые с помощью узников-поляков и обслуживающего лагерь персонала. Даже были попытки угона самолетов с аэродрома в Вежбию.

Следует отметить, что советские военнопленные начали поступать в лагерь Ламбиновице с 22.06.1941 г., с начала агрессии на Советский Союз. В это время организовывается новый лагерь — шталаг VIII Ф. Судьба заключенных за колючей проволокой советских военнопленных особенно трагическая, о чем свидетельствует «Положение о военнопленных» в документах Женевской конвенции, принятых СССР (подписаны 45 статей из 91)⁴. Военнопленные были брошены на произвол судьбы, о них никто не заботился. Государство, повесив на них клеймо «предатель Родины», расправлялось с их родственниками, руками своих же соотечественников. Зная это, военнопленные не сообщали данные о своих родственниках, одновременно оберегая от гитлеровцев. Во многих документах, полученных из ЦАМО (г. Подольск, Московской области), не были указаны фамилии родственников. Для близких на Родине попавшие в плен имели статус «пропавших без вести». Так, например, мою бабушку Марию Калистратовну Коломиец, получавшую 20 рублей пенсии за сына Коломийца Петра Ивановича, который по данным похоронки «пропал без вести», всё время упрекали

односельчане, что «может сын её служит немцам». Так несправедливо поступали ещё с матерями-односельчанками 60-ти молодых сынов-воинов, которые обороняли Киев и «пропали без вести». Мой дядя, Петр Коломиец, погиб в декабре 1941 г. в немецком плену в Ламбиновице.

Многие воины, попав в окружение, предпочли плену смерть. А те немногие, которых освободили после плена, пройдя фильтрацию у себя на Родине, попадали в наши концлагеря.

По прибытии в лагерь у пленных отнимали мундиры и обувь в хорошем состоянии, а их одевали в тряпье. Варварское, нечеловеческое отношение к военнопленным влекло за собой болезни и высокую смертность. Без причины их избивали и издевались над ними. Предполагаемые бараки для пленных, которые начали строить осенью 1941 г., построили только весной 1943 г., увеличив до 20 количество секторов, рассчитанных на 100 тыс. военнопленных. С приближением зимы советские военнопленные на голой земле копали себе землянки, рыли норы чем придется: ложками, палками или руками, прячась от холода и мороза.

Они умирали от голода, имея установленную очень скудную продовольственную норму: на завтрак и ужин — горький ерзац-кофе, на обед — 0,5 л супа из брюквы или неочищенного картофеля и 200 г хлеба из свеклы и ржаной муки. Этот голодный паек принуждал узников есть траву и веточки деревьев. Все эти ужасные картины мы видели на фотографиях зала № 3 музея «Борьбы и мученичества военнопленных» в Ламбиновице, а также в кадрах, демонстрированного там документального фильма, которые оставили незгладимый след в наших сердцах.

Отсутствовали в лагере элементарная врачебная помощь и санитарно-гигиенические условия, что привело вследствие двукратной эпидемии тифа, особенно осенью 1941 г., к тому, что в день умерало 50–100 человек. Их хоронили в массовых могилах в пятистах метрах от лагеря. Стометровый ров — место захоронения нам показала гид музея пани Янина. Военнопленных направляли на тяжелые работы в лагере и в рабочие команды, так называемые «арбайтскомандо», в шахты и домны Верхней Силезии, в угольный бассейн остравско-карвинский и южной части Судетов. До конца 1942 г. работали 134 команды с 22 тыс. трудоспособных. Непосильный труд истощал военнопленных и становился основной причиной их высокой смертности.

Немецкое командование вермахта предлагало военнопленным в Ламбиновице отказаться от статуса военнопленного и трудиться в качестве гражданских принудительных рабочих. Это бы изменило условия их содержания и в какой-то мере оставляло надежду сохранить свою жизнь. Только 10% пленных согласились на это. Честь и достоинство, любовь и верность своей родной земле остальных военнопленных не позволили им нарушить свою воинскую присягу. Они остались верны своей Отчизне.

Из материалов, собранных почётным поисковиком Галиной Зазимко из архива ЦАМО г. Подольска Московской области и сверенных с книгами памяти Украины⁵, видно, что в плен войны брались из разных городов и мест бывшего Советского Союза. Из разных шталагов в Ровнах, Кривом Роге, Кировограде, а также в Польше пленных перевозили в шталаг в Ламбиновице.

К концу 1943 г. в лагере было 121 384 пленных, из них в основном лагере 32 124 англичанина, 147 греков, 69 633 советских, 10 410 итальянцев, в филиале — 5901 француз, 394 бельгийца, 127 поляков, 2648 югославов. С конца мая 1943 г. шталаг VIII Ф стал подчиняться шталагу VIII Б. Но это никоим образом не улучшило судьбы советских военнопленных. С осени он стал называться «Руссенлагерь». Лагерь в Ламбиновице стал называться шталаг 344 и состоял из лагерей «Бритенлагерь» и «Руссенлагерь».

К концу 1943 г. в восьмом военном округе работало 170 тыс. военнопленных, в том числе 97 тыс. из ламбиновицкого лагеря.

Сотрудник польского консульства вспоминал, что в школьные годы во время экскурсии он посетил музей и мемориал шталага 318 в Ламбиновице. Его поразили увиденные там полные ужаса картины содержания, жизни и гибели военнопленных.

Далее по учету военнопленных на 31.10.1944 г. в лагере Ламбиновице находилось 21 141 советский, 10 112 англичан, 29 греков, 491 итальянец, 1831 француз, 20 поляков, 860 югославов. В октябре 1944 г. в шталаг 344 привезли 5789 участников варшавского восстания, среди них были дети от 12 до 18 лет и 1500 женщин. Их разместили в трёх секторах на территории советского лагеря. Они недолго оставались в лагере, затем их отправили вглубь Германии. В лагере находились и 1000 участников словацкого восстания. По состоянию на 01.01.1945 г. в лагере находилось следующее количество пленных: 20 431 советский, 12 493 англичанина, 991 итальянец, 2225 француз, 20 поляков, 814 югославов.

Ситуация на фронте заставила военные власти подготовить план эвакуации военнопленных. Власти не хотели видеть освобождения узников Красной армией. Эвакуация началась в конце января. Несколько тысяч пленных было направлено вглубь Германии. Эвакуированные должны были пройти каждый день 40–50 км. Растерянные и вдесятеро уменьшенные группы были освобождены наступающей с запада американской армией. Три тысячи неспособных к маршу советских военнопленных остались в лагере. Им уменьшили и без того скудный продовольственный паёк, в санитарном отделении лежало много больных. Многие из них не дождались освобождения. Когда 17 марта 1945 г. Красная Армия вошла на территорию лагеря, живых осталось 500 человек, большинство из них умерло сразу же после освобождения, так как они

были настолько измождены, что вес их тела был ниже допустимой весовой нормы, чтобы выжить.

В 1945 г. польская комиссия провела исследование лагеря и территории, примыкающей к лагерю, обнаружив массовые могилы. Об этом нам рассказывал сотрудник аппарата управления населенного пункта Ламбиновице пан Анджей, который участвовал в перезахоронении останков воинов и на установлении им памятников. В результате исследований, проведенных советско-польской комиссией на переломе 1945–1946 гг., на замаскированном кладбище, в длинных траншеях обнаружены тела 40 тыс. советских военнопленных. Невозможно точно подсчитать количество жертв, потому что многие узники умерли в рабочих командах, во время эвакуации или побегов. По данным документальных источников, через лагерь прошло около 120 тыс. советских воинов. В музее «Борьбы и мученичества военнопленных» в Ламбиновице имеется картотека на 600 тыс. военнопленных⁶. Но там нет данных о бывших советских военнопленных. Увиденные воочию нашей делегацией, посетившей впервые за 60 лет шталаг 318 в Ламбиновице, ужасные картины в документах, фильме, выставке портретов военнопленных в бараке VIII Ф, мемориале, у меня — родственницы военнопленного, искавшей около 60 лет дядю и нашедшей его в Польше, вызвало огромное желание помочь восстановить правду истории ВОВ и помочь найти базу данных на героев-узников, защищавших нашу Родину от врага и отдавших за неё жизнь. Тем более, что уже часть данных о военнопленных в Ламбиновицах, около 3500 найдено в Объединении «Саксонские мемориалы» (город Дрезден, Германия) и что база данных имеется в России и Израиле. Герои за колючей проволокой заслужили, чтобы о них помнили вечно. Память о подвигах тех, кто вершил историю, принял смерть ради Победы, ради будущего, всегда с нами, она — бессмертна.

---

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3-х т. — М.: Из-во Агентство печати новости, 1990. — Т. 3.

² Obozy hitleronskie na ziemiach polskich 1939–1945. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979.

³ Sawczuk J. Hitleronskie obozy jenieckie w Laminowicach w latach 1939–1945.— Opole, 1974.

⁴ Чайковский А. С. Плен: За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). — К.: Парламентское изд-во, 2005.

⁵ Книга пам'яті України. В 250 томах. — К.: Наукова редакція «Книга пам'яті України», 1994, 1995. — Т. 1. — Т. 3.

⁶ Божемски Э., Божемска С. Путеводитель по постоянным выставкам центрального музея военнопленных в Ламбиновице. — Warszawa: Wydawnictwo «Sport i Turystyka», 1989.

ОБРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ БАЗ ДАННЫХ В ОТНОШЕНИИ СУДЕБ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ УКРАИНЫ

ЕЛЕНА МЕЛЬНИК, ИРИНА ХРИСТЕНКО

Государственный архив Службы безопасности Украины

Вторая мировая и Великая Отечественная войны относятся к тем поворотным моментам истории, которые на десятилетия определили дальнейшее развитие мирового сообщества. История человечества не знала другого такого кровопролитного и широкомасштабного вооруженного конфликта, унесшего десятки миллионов человеческих жизней. Эта трагедия и её осмысление до сегодняшних дней занимает особое место как в исторической науке, так и в общественной жизни. Связанная с ней проблематика военного плена содержит в себе немало актуальных проблем мировой истории.

Неизбежными спутниками любого вооруженного конфликта являются убитые, умершие от ран, раненые, пропавшие без вести, а также попавшие в плен. Военнопленные в терминах международного права – это лица из состава вооруженных сил одной воюющей стороны, захваченные во время боевых действий другой стороной и находящиеся во власти противника до их окончания¹.

Объективно, плен всегда представляет собой поражение, подчинение воле противника. Но вместе с тем, это и право безоружного. Находясь в плену, воин может рассчитывать на защиту своих прав со стороны государства, пославшего его на фронт. Государство обязано придерживаться одного из древних международных принципов – возвращения военнопленного на Родину и восстановления его во всех правах гражданина. Кроме этого, со стороны государства, захватившего военнослужащего в плен, должны соблюдаться нормы международного права, установленные в конце XVIII века и закрепленные Гаагской конвенцией «О законах и обычаях сухопутной войны» (1907) и Женевской конвенцией «Об обращении с военнопленными» (1929)².

Сталин, заявив: «У нас нет военнопленных, есть предатели», – поставил вне закона миллионы людей. Отказ от Женевской конвенции о военнопленных и от взноса денег в Красный Крест обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях³.

Заглянем в текст Конвенции о содержании военнопленных, подписанной в Женеве 27 июля 1929 г.:

«Статья четвертая. Государство, взявшее военнопленных, обязано заботиться об их содержании.

[...]

Статья восемьдесят вторая. Положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах. Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших»⁴.

Как видим, из текста Женевской конвенции однозначно следует, что, во-первых, расходы на содержание военнопленных несет государство их захватившее, а, во-вторых, государство, присоединившееся к конвенции, обязано ее соблюдать вне зависимости от того, подписал ли конвенцию его противник. Германия Женевскую конвенцию подписала. Но, как известно, руководство нацистской Германии заранее готовило своих солдат к войне на уничтожение других народов, развивало у них инстинкт ненависти, безжалостной решимости и готовности к убийству.

Первыми, кому пришлось испытать плоды подобной «подготовки», оказались солдаты и офицеры Красной армии. Война с самого начала сопровождалась чудовищными преступлениями национал-социализма по отношению к ним.

Прекрасно понимая этот юридический момент, гитлеровское руководство обосновывало свои преступные действия, используя стандартную пропаганду. В распоряжении об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных от 8 сентября 1941 г. указывалось: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит его противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом у него в крови. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевскими соглашениями»⁵.

Сегодня о судьбах советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., существует достаточно многочисленная литература, как отечественная, так и зарубежная.

Долгое время эта тема считалась запретной и у нас, и в Германии. В первые послевоенные годы отечественные историки находились под влиянием стереотипа о том, что советских военнопленных в этой войне

не было, были только предатели и изменники. Кроме этого, в памяти народа еще не утихла боль от пережитого, людей занимали другие проблемы, оставленные военным временем. Со стороны немецких историков такое молчание было следствием нежелания обращаться к крайне болезненным в то время вопросам.

После XX съезда КПСС⁶ в общественной жизни стала наблюдаться некоторая либерализация взглядов, и интерес к временам минувшей войны оживился. Были опубликованы работы, в которых рассматривался, прежде всего, вопрос о виновниках Второй мировой войны, подробно освещались воинские преступления третьего рейха против гражданского населения и военнопленных Советского Союза, делался особый упор на роль рядовых граждан СССР в этой войне. В целом, авторы в то время еще не имели возможности опираться на материалы, скрытые в архивах КПСС, органов госбезопасности и военных архивах. Их публикации часто отличала односторонность, определявшаяся идеологической заданностью, изложение с позиции борьбы двух систем, социалистической и капиталистической.

Прорыв в изучении истории советских военнопленных произошел в ФРГ в конце 70-х гг., когда начали издаваться архивные документы, вышел ряд работ на эту тему, развернулись публичные дискуссии. Первый, можно сказать классический труд под названием «Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные. 1941–1945 гг.» принадлежит западногерманскому историку К. Штрайту. Основываясь на огромном архивном материале, автор нанес серьезный удар по тем, кто старался реабилитировать вермахт и его руководителей, скрыть те чудовищные злодеяния, которым подвергались военнопленные. До того, как появилась эта книга, судьба советских военнопленных была почти неизвестна германской общественности, и эта работа стимулировала дальнейшие исследования проблемы. В последующие годы немецкими историками были опубликованы многие содержательные работы по различным аспектам плена, истории конкретных концентрационных лагерей и шталагов, об условиях жизни и труда пленных в отдельных городах, в сельском хозяйстве и на заводах. Было обнаружено и введено в оборот множество исторических документов, в частности, материалы процессов против бывших гестаповских чиновников, а также дневниковые записи, воспоминания, материалы личных архивов, фотоматериалы и т. д.

Немецкими историками количество советских военнопленных за всю войну определяется в пределах от 5 млн 200 тыс. до 5 млн 700 тыс. человек. Разница в цифрах объясняется тем, что при взятии в плен личного состава окруженных и попавших в «котлы» войск немецкое командование объявляло военнопленными также и гражданское население мужского пола, двигавшееся вместе с этими войсками на восток.

А с 8 июля 1943 г. по приказу Гимmlера в лагеря для военнопленных загоняли всех схваченных в зоне боевых действий мужчин в возрасте от 16 до 55 лет. В число военнопленных немецким командованием также включался захваченный личный состав специальных формирований различных гражданских ведомств СССР (Путей сообщения, Морского и Речного флотов, Гражданской авиации и др.) По существу, это были гражданские люди. Не являлись военнослужащими также партизаны, подпольщики, личный состав незавершенных формирований, народного ополчения, милиционеры. Их судьбы мало отличаются от судеб военных, попавших в плен⁷.

В немецких лагерях военнопленные проходили регистрацию. После окончания войны регистрационные карточки попали в руки американцев, а в 1945 г. «советские карточки» были переданы Советскому Союзу. В настоящее время они находятся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ, архивах ФСБ РФ и архивах органов безопасности бывших республик СССР.

С 1999 г. при поддержке федерального правительства ФРГ действует один из масштабных международных исследовательских проектов по теме «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода». Лейтмотивом этого гуманитарного проекта является установление судеб названной категории лиц. Согласно подписанному 19 февраля 2004 г. Договору между Государственным комитетом архивов Украины и Объединением «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора», Украина, как Россия и Беларусь, стала полноправным участником упомянутого международного проекта.

30 сентября 2004 г. между Объединением «Саксонские мемориалы» и Службой безопасности Украины был подписан договор о совместном изучении архивных материалов периода Второй мировой войны. Немецкая сторона проявила интерес к различным категориям архивных документов, а именно:

О судьбе советских военнопленных:

немецкие документы,

учетные карточки немецких лагерей,

документы советских фильтрационных лагерей,

протоколы допросов (особенно, касающихся членов групп сопротивления, дальнейшей судьбы «изменников Родине», истории лагерей);

О судьбе немецких военнопленных и интернированных:

протоколы допросов немцев в партизанских отрядах,

военные билеты немецких военнослужащих,

документы лагерей немецких военнопленных на территории Украины,

рабочие команды военнопленных и интернированных, как погибших, так и освобожденных, места размещения и история лагерей, отчеты партийных органов управления лагерями и документы обвиняемых немецких военнослужащих, которые описывают преступления вермахта, политика Советского Союза и КПСС в отношении к немецким военнопленным (нормативные документы, распоряжения, отчеты и т. д.), отчеты с мест о состоянии немецких кладбищ (1940–1960 гг.), кладбищенские списки.

Была проведена большая работа по выявлению соответствующих архивных документов в Государственном архиве СБУ и архивах региональных органов безопасности Украины, в результате которой принят к детальному изучению большой массив трофейных карточек на советских военнопленных.

Согласно договору, украинская сторона, сканируя учетные карточки на бывших советских военнопленных, создает электронный архив находящихся на хранении в архивах органов безопасности Украины документальных материалов на советских военнопленных, а также осуществляет обработку архивной информации, заполняя соответствующие позиции электронного банка данных «Советские военнопленные».

В рамках договора сотрудниками архивного подразделения Службы безопасности Украины впервые начата системная научно-тематическая обработка подобных архивных материалов.

К ним относится и фонд фильтрационных материалов, формирование которого было начато с первых дней Великой Отечественной войны, с тех времен, когда силами оперативного состава особых отделов армий осуществлялась проверка (так называемая фильтрация) военнослужащих, бежавших из плена или вышедших из окружения. В 1942–1943 гг. были организованы первые проверочно-фильтрационные лагеря (или спецлагеря), куда направлялись уже все без исключения советские военнослужащие, бежавшие из плена либо освобожденные Красной армией.

«Первичная проверка бывших военнослужащих Красной армии была одной из тех задач, которую решали третьи отделения вторых отделов управлений контрразведки СМЕРШ фронтов. На армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных (ПФП) пунктах эта проверка проводилась путем личного досмотра и письменных объяснений об обстоятельствах пребывания в плену. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело (учетное) с протоколами допроса и заключением по результатам фильтрации.

На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом проверочно-фильтрационном лагере (ПФЛ), где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно в СПП и ПФП пять-десять дней). «Следует отметить, что по масштабам и размаху, силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа по фильтрации военнопленных вражеских армий, бывших советских военнопленных, а также в государственной проверке репатриантов из числа советских граждан не имела аналогов в истории спецслужб мира»⁸.

Офицеры СМЕРШ в ходе проверки советских военнопленных на верность Родине составляли множество анкет, протоколов, справок и других необходимых фильтрационных документов.

В послевоенное десятилетие фонд фильтрационных материалов пополнился трофейными немецкими карточками на советских военнопленных — учетными документами созданной в 1939 г. в Берлине Информационной службы вермахта (Wehrmachtauskunftsstelle, WAST — ВАСт). ВАСт как подчиненное верховному командованию вермахта учреждение благодаря использованию различных бланков и отчетных формуляров ставилось в известность обо всех изменениях, касающихся военнопленного. В случае выбывания человека из военного плена (вследствие смерти, передачи в руки гестапо или же перехода на немецкую сторону) его персональное дело передавали в ВАСт. В 1943 г. документы ВАСт вместе с другими касающимися военнопленных архивными материалами в целях безопасности были вывезены в г. Майнинген (Тюрингия). В 1945 г. американские войска передали их советской стороне.

Большинство документов в настоящее время находится на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в г. Подольске. В архивы органов безопасности Украины попали на хранение учетные документы ВАСт (или трофейные немецкие карточки), в которых военнопленные, независимо от места рождения и национальности, указали, что их родственники до войны проживали на территории Украинской ССР.

По идеологическим соображениям, вплоть до распада СССР фильтрационные материалы на граждан Советского Союза, попавших в плен или вывезенных на принудительные работы за территорию СССР, хранились в архивах органов безопасности под грифом «Секретно». Лишь в начале 90-х гг. заинтересованные организации и частные лица смогли получить доступ к этим документам, главным образом в связи с договоренностью между правительствами Украины, Российской Федерации, Республики Беларусь и Федеративной Республики Германии о выделении последней денежных средств на выплату компенсаций жертвам национал-социалистических преследований в годы Второй мировой

войны. С 1993 г. на основании фильтрационных материалов сотрудниками Государственного архива СБ Украины и, впоследствии, сотрудниками государственных областных архивов Украины выдано огромное количество справок для предоставления в Украинский национальный фонд «Взаимопонимание и примирение». При этом следует отметить, что работа велась с материалами, которые подтверждали пребывание в плену или факт насильственного угона на принудительные работы на территорию рейха лишь на основании письменного заявления непосредственных участников событий или их родственников, т. е., если у военнопленных, пропавших без вести, погибших в плену или умерших до начала 90-х гг. не осталось близких родственников, судьба этих людей никого не интересовала.

Заслугой международного научно-исследовательского проекта является комплексный подход в изучении архивных документов на бывших советских военнопленных. Правда, речь пока идет лишь о трофейных немецких карточках: персональных карточках I и II, зеленых карточках, карточках учета лагеря, лазаретных карточках и приложениях к ним.

Персональная карточка I (Personalkarte I/ПК I) содержит все личные данные военнопленного, в большинстве случаев включает также фотографию, отпечатки пальцев и особые отметки о внешности и способностях. В нижней части карточки на первой странице часто проставлены различные штампы-примечания. Например, «[Дата] ознакомлен с приказом Верховного командования вермахта от 01.10.1940 о запрете отношений с немецкими женщинами», «Годен к работам средней степени тяжести», «Бежал [дата], пойман [дата, лагерь]», на некоторых карточках есть специальные отметки ВАСГ о поступлении карточки на учет. На второй странице карточки содержится информация о полученных защитных прививках, заболеваниях и содержании в лазаретах, отметки о понесенных штрафных наказаниях, а также о переводах в другие лагеря и рабочие команды. По сравнению с первой страницей ПК I, соответствующие записи на второй странице отсутствуют чаще.

Персональная карта I систематизировалась в картотеках лагерей для военнопленных по номеру опознавательного знака – Erkennungsmarke (EM). Опознавательный знак (или личный номер военнопленного) и лагерь, в котором был получен опознавательный знак, указывали на первой странице в верхнем углу и в нижнем углу, а также на оборотной стороне карточки. Кроме того, военнопленных даже фотографировали с табличкой в руках, на которой мелом был написан опознавательный знак и лагерь, зарегистрировавший этот знак.

Персональная карточка II (Personalkarte II/ПК II) содержит, кроме основных личных данных военнопленного (фамилии, имени, даты и места рождения, национальности, личного номера), все важные

хозяйственные записи (о начислении заработной платы, иногда о выдаче спецодежды и т. д.) В картотеках ПК II систематизировались по алфавиту, вследствие чего в правом верхнем углу карты в специальной графе дополнительно указывали две-три первые буквы фамилии военнопленного.

Зеленая карточка, или сообщение о переводе (Grüne Karteikarte / ЗК) заполнялась самим военнопленным при поступлении или переводе в другой лагерь. На первой странице пленный указывал фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, статус (гражданское лицо или военнослужащий, офицеры также звание). На обороте: сведения о близких родственниках, гражданской специальности, а также дату и место пленения. Лагерное руководство делало отметки о дате убытия или поступления в лагерь и, обязательно, на нижней строке карточки указывало опознавательный номер военнопленного.

Лазаретная карточка (Lazarettkarte / ЛК) представляет собой формализованный бланк розового цвета, который был одинаковым для госпитализированных солдат вермахта, союзников, а также для военнопленных. Заполнявшему карточку следовало лишь выделить соответствующую букву в левом верхнем углу — D (Deutscher / немец), V (Verbündeter / союзник), G (Gefangener / пленный), указав при этом гражданство для немцев и национальность для военнопленных. ЛК содержит минимальные личные данные военнопленного, опознавательный номер, заглавный штамп госпиталя, отметку о причине госпитализации, дату поступления и убытия с соответствующим указанием шталага. Изредка на обороте карточки указаны сведения о родственниках. В случае смерти военнопленного лазаретная карточка в обязательном порядке содержала отметку о дате и причине смерти, с обязательным указанием номера участка или могилы на кладбище для военнопленных.

Лагерная карточка (Lagerkarteikarte / ЛгК) представляет собой формализованный бланк розового или желтого цвета, содержит минимальные личные данные военнопленного, опознавательный номер и наименование лагеря, в котором он был получен, национальность, статус (гражданское лицо или военнослужащий, офицеры — также звание).

Как следует из приведенной выше характеристики, структура учетных карточек бывшей Информационной службы вермахта однотипна, поэтому данные карточек легко укладываются в систему электронной базы, возможности которой позволяют осуществлять выборку данных по таким параметрам: фамилия, имя, отчество военнопленного, дата и место рождения, национальность, дата и место пленения, звание или принадлежность к гражданским лицам, порядок перемещения из лагеря в лагерь с указанием его типа (шталаг, дулаг, офлаг, концлагерь), статус военнопленного, в случае его смерти данные о дате и причине смерти,

а также координаты места захоронения, данные о побегах, штрафах и лечении. Кроме этого, возможности электронной базы позволяют вести количественный учет военнопленных и гражданских лиц по различным параметрам, осуществлять переход от электронной страницы базы к электронной версии архивного документа, на основании которого внесены сведения в базу данных. Тип такого документа также указывается в электронной странице на военнопленного (ПК I, ПК II, ЗК, ЛК, ЛгК, другой).

Сотрудниками Государственного архива СБ Украины за менее чем 2,5 года обработано более 27 тыс. немецких трофейных карточек, в ходе сканирования создано около 54 тыс. электронных страниц архивных документов, в результате чего электронный банк данных на советских военнопленных пополнился информацией на 13 тыс. человек — военнопленных, родственники которых до войны проживали на территории Украины. Говорить об окончательных результатах этой работы пока слишком рано, предстоит еще очень большой труд, но уже сегодня очевидно, что система электронного учета военнопленных — это новый источник в исследовании проблемы военнопленных Второй мировой войны.

Проиллюстрировать возможности нового подхода в исследовании проблемы советских военнопленных можно изучением тех 13 тыс. объектов базы данных, которые уже созданы нами. Вот некоторые выводы:

При обработке трофейных немецких карточек на советских военнопленных мы столкнулись с тем, что лагеря, в которых они содержались, имеют несколько вариантов обозначений, что затрудняет воссоздание точности перемещений военнопленных.

Шталаг — общеупотребляемая в третьем рейхе сокращенная форма обозначения лагерей для военнопленных и интернированных. Прием военнопленных происходил в пересыльных (этапных) лагерях, так называемых дулагах, откуда военнопленных направляли в постоянно действующие лагеря для рядового и сержантского состава — шталаги, и для офицеров — офлаги.

Лагеря для военнопленных на территории рейха обозначались римскими цифрами, совпадавшими с цифровым обозначением соответствующего военного округа, большой буквой латинского алфавита и названием данной местности. К примеру цифра VII означала Мюнхенский (Баварский) военный округ. Все офлаги и шталаги, находившиеся на территории этого округа, обозначались следующим образом: «шталаг VII А, Мосбург» или «офлаг VII, Мурнау» и т. п. Обозначение шталагов и офлагов арабскими цифрами имело место преимущественно на оккупированных территориях («шталаг 307, Демблин»).

Так, например, шталаг 318 встречается в карточках в таких обозначениях 318, Stalag 318, 318 (VIII F), VIII F.

1. Name: *Пончевский*
Фамилия *Пончевский*

2. Vorname: *Nikolai*
Имя *Николай*

3. Geburtstag: *- 1916.*
День рождения

4. Geburtsort: *Кириевка*
Место рождения

5. Lager: *VIII / F*
Lager

6. Im Lager eingeliefert am: *20.4.43*
Доставлен в лагерь (число)

7. Dienstgrad: *Soldat*
Чин

8. Truppenteil: *1173. e. 1.*
Войсковая часть

9. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: *Eingang 18.5.43*
Номер воинской части в германском лагере

10. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: *46544 / 318*
Номер в собственной части

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: *Schwägerin, Pionier, Krieger, 1173. e. 1., Stalag VIII B, 318*

9. Vorname des Vaters: *Оксим*
Имя отца

10. Name der Mutter: *Слободянок*
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: *Schwägerin, Pionier, Krieger, 1173. e. 1., Stalag VIII B, 318*

12. Beruf: *крестьянин*
Профессия

13. Wann und wo gefangen: *28.6.42*
Когда и где попал в плен

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: *Ворошиловград*
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части

Фото 1. Зелёная карточка Пончевного Николая

1. Name: *Гришин*
Фамилия *GRISHIN*

2. Vorname: *Nikolai*
Имя *Николай*

3. Geburtstag: *3/II 1912.*
День рождения

4. Geburtsort: *Алматы*
Место рождения

5. Lager: *Stalag XVIII B*
Lager

6. Im Lager eingeliefert am: *10.11.41*
Доставлен в лагерь (число)

7. Dienstgrad: *Soldat*
Чин

8. Truppenteil: *1173. e. 1.*
Войсковая часть

9. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: *Eingang 10.11.41*
Номер воинской части в германском лагере

10. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: *1173. e. 1.*
Номер в собственной части

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: *Сестра, Pionier, Krieger, 1173. e. 1., Stalag VIII B, 318*

9. Vorname des Vaters: *Каро*
Имя отца *Каро Семенов*

10. Name der Mutter: *Евдокия Яковлевна*
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: *Schwägerin, Pionier, Krieger, 1173. e. 1., Stalag VIII B, 318*

12. Beruf: *Торговец*
Профессия

13. Wann und wo gefangen: *22/II-1941*
Когда и где попал в плен

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: *Брест*
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части *17 10207020*

Фото 2. Зелёная карточка Гришина Николая

Litwinenko

1. Name: *Litwinenko*
 Name
 Фамилия *Литвиненко*

2. Vornamen: *Karp*
 Prénoms
 Имя *Карп*

3. Geburtstag: *25-5-1897*
 Date de naissance
 День рождения *25.05.1897*
 4. Geburtsort: *Dr. Nikolaevska*
 Lieu de naissance
 Место рождения *Искр.*

5. Lager: *III-Stammplatz III*
 Camp
 Лагерь

5a. Im Lager eingeliefert am: *14. Juli 1942*
 Dostavljen v lager (časlo)
 Доставлен в лагерь (часы)

6. Dienstgrad: *Soldat*
 Grade
 Чин *Еingang 19.8.42*

7. Truppenteil: *65. Inf. Bat.*
 Unité
 Войсковая часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
 Matricule du camp allemand
 Номер введоделательного в германском лагере
117803

9. Vorname des Vaters: *Andrei*
 Prénoms du père
 Имя отца

10. Name der Mutter: *Yolka*
 Nom de la mère
 Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: *Frau*
 Adresse de la famille du prisonnier
 Адрес ближайших родственников
Litwinenkowa Tatjana
Dr. Nikolaevska
Bez. Konstantinowskogo Kr. Sta-
linzkou

12. Beruf: *Landarbeiter*
 Profession
 Профессия *Детв.*

13. Wann und wo gefangen: *26-5-1942*
 Date et lieu de la capture
 Когда и где попал в плен *Чарков.*

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
 Matrikel-Nr.
 Numéro de matricule de l'unité
 Номер в собственной части

Фото 3. Зелёная карточка Литвиненко Карпа

Кагошкин

1. Name: *Кагошкин*
 Фамилия *КАГОШКИН*

2. Vornamen: *Дмитрий*
 Имя *ДИМИТРИЙ*

3. Geburtstag: *26.03.1911*
 День рождения

4. Geburtsort: *с Новоэкономск*
 Место рождения

5. Lager: *Stalag IX A*
 Lager
 Лагерь *Еingang 30.12.41*
Звонили нам СТАЛАГ 9 А

5a. Im Lager eingeliefert am: *7. 11. 41*
 Dostavljen v lager (časlo)
 Доставлен в лагерь (часы)

6. Dienstgrad: *солдат ДМ.*
 Чин

7. Truppenteil: *140. division батал.*
 Войсковая часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
 Номер введоделательного в германском лагере
114214

9. Vorname des Vaters: *Андрей*
 Имя отца

10. Name der Mutter: *Сидоренко*
 Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
 Адрес ближайших родственников
Донбас: Сталин обл.
краин при р-н с Новоэкономск
Кагошкиной М. З.

12. Beruf: *Крестьянин*
 Профессия

13. Wann und wo gefangen: *15.03.1942*
 Когда и где попал в плен
Новоэконск

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
 Matrikel-Nr.
 Номер в собственной части

Фото 4. Зелёная карточка Кагошкина Дмитрия

Мартченка Емельян

1. Name: Мартченко
 Фамилия (MARTICHENKO)

2. Vornamen: Емельян
 Имя (Emljan)

3. Geburtstag: 1900.
 День рождения

4. Geburtsort: д. Никитино
 Место рождения об. Сталинская

5. Lager: Von Stalag IVB
 Lager an Stalag IVG

Eingang 7.9.42 11.8.42

5a. Im Lager eingeliefert am: 7.9.42
 Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Сагган
 Чин

7. Truppenteil: 824. н.п.
 Войсковая часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
 Номер военнопленного в германском лагере 162226-IV-B

9. Vorname des Vaters: Демьян
 Имя отца

10. Name der Mutter: Николаева
 Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
 Адрес ближайших родственников
Мартченко Екатерина
д. Никитино -
р.п. Усть-Ильба
об. Сталинская

12. Beruf: машин.
 Профессия

13. Wann und wo gefangen: 8.9.42.
 Когда и где попал в плен Крым.

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
 Matrikel-Nr.
 Номер в собственной части

Фото 5. Зелёная карточка Мартченко Емельяна

Мартченко Дмитрий

1. Name: Мартченко
 Фамилия Marttschenko

2. Vornamen: Дмитрий
 Имя Dimitrij

3. Geburtstag: 24.10.1911
 День рождения

4. Geburtsort: дер. Никитино
 Место рождения

5. Lager: von Stalag 360 nach
 Lager Stalag 318

5a. Im Lager eingeliefert am: 7.8.42
 Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Сагган
 Чин Stalag VIII B. 3. Okt. 1942

7. Truppenteil: 28 н.п. полк
 Войсковая часть Eingang 10.11.42

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
 Номер военнопленного в германском лагере 39379
Stalag 318

9. Vorname des Vaters: Демьян
 Имя отца

10. Name der Mutter: Николаева
 Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Маме:
 Адрес ближайших родственников
Мартченко Маланья
дер. Никитино, Усть-Ильба
окр. р.н., Сталинская обл.

12. Beruf: Машинер
 Профессия

13. Wann und wo gefangen: 1.7.42
 Когда и где попал в плен Обл. Орск

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
 Matrikel-Nr.
 Номер в собственной части 7

Фото 6. Зелёная карточка Мартченко Дмитрия

Kosin Nikolaj	1. Name: Фамилия	Kosin
	2. Vornamen: Имя	Nikolaj Николай
	3. Geburtstag: День рождения	9.1.1913
	4. Geburtsort: Место рождения	г. Звенигород
	5. Lager: Лагерь	M. Gef. Lager XL 3. C Lager von Stalov 2 B 51 104
	5a. Im Lager eingeliefert am: Доставлен в лагерь (число)	1.10.41
	6. Dienstgrad: Чин	Soldat Солдат
	7. Truppenteil: Войсковая часть	42 Тул. Бан
8. Nr. der Erkennungs-marke des deutschen Lagers: Номер военнослужащего в германском лагере	11730	

9. Vorname des Vaters: Имя отца	Афанасий
10. Name der Mutter: Имя матери	Милушица
11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Адрес ближайших родственников	Козин Афанасий Куренская улица 30 Новоселка
12. Beruf: Профессия	пекарь
13. Wann und wo gefangen: Когда и где попал в плен	30.11.41 Солдат
14. Nr. der Erkennungs-marke des eigenen Truppenteils: Matrikel-Nr. Номер в собственной части	

Фото 7. Зелёная карточка Козина Николая

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Немецкие войска захватили стратегическую инициативу и господство в воздухе и в приграничных сражениях нанесли поражения советским войскам, которые потеряли убитыми и ранеными 850 тыс. человек и пленными около 1 млн человек. А к 1 декабря 1941 г. потери только от пленения составили 3,5 млн военнослужащих. Германские войска захватили Литву, Латвию, Белоруссию, значительную часть Эстонии, Украины и Молдавии, продвинулись вглубь до 300–600 км, потеряв при этом 100 тыс. человек убитыми.

В 1942 г. в плену оказались еще 1 млн 635 тыс. советских военнослужащих, в 1943-м — 565 тыс., в 1944-м — 147 тыс. и в 1945-м — 34 тыс. Всего почти 6 млн. Эта цифра подтверждена расчетами Центрального архива Министерства обороны СССР (сейчас ЦАМО РФ). Из них около 4 млн погибли от расстрелов, голода и болезней в нацистских лагерях смерти. Вернувшихся домой ожидали фильтрационные лагеря и проверки органами госбезопасности⁹.

По поводу общей численности советских военнопленных 1941–1945 гг. в исторической науке до сих пор не умолкают споры, называются различные цифры, значительно отличающиеся друг от друга, от 4 млн¹⁰ до 5,8 млн¹¹ человек. Такой широкий диапазон значений позволяет предположить, что данные эти не окончательны и нуждаются в уточнении на основе новых методик.

Об обстоятельствах разгрома Красной армии в первые месяцы войны спорено-переспорено. Некоторые источники уверены, что дислоцированные вблизи границ армейские соединения готовились к нападению на

немцев. Другие считают, что, допуская неизбежность войны в принципе, но также, будучи уверены в непобедимости Красной армии, войска размещались вдоль границы специально, чтобы после того, как Германия нанесет первый удар, опрокинуть ее и добить уже в Польше. Как бы то ни было, факт остается фактом – войска, размещенные вблизи западных границ СССР, боялись отвечать на «провокации», были внешне атакованы, окружены и смяты.

Масштабы разгрома, который постиг Красную армию в первые месяцы войны, долгое время оставались необъясненными и вообще замалчивались. Нежеланием воевать объясняется тот факт, что в 1941 г. немцы взяли около 3,6 млн пленных. Кстати, о нежелании многих наших соотечественников идти в бой красноречиво говорит и тот факт, что с июля по декабрь 1941 г. немцы освободили из плена 318,7 тыс. человек (из них 277,7 тыс. — украинцы, остальные — белорусы и прибалты). Их просто распускали по домам как лояльных Германии людей, хотя делали это немцы не из гуманизма, а потому, что имели виды на хороший урожай, который надо было кому-то убирать.

Еще одним фактором в роспуске военнопленных по домам было отсутствие в должном количестве подготовленных соответствующих лагерей.

Из показания генерал-лейтенанта вермахта Курта фон Остеррайха:

«Приблизительно в марте 1941 г. я был вызван в Берлин, где в ставке Верховного главнокомандования состоялось секретное совещание. Руководил им генерал-лейтенант Райнеке, являющийся начальником управления по делам военнопленных при ставке. Под большим секретом генерал Райнеке сообщил: ориентировочно в начале лета Германия вторгается на территорию Советского Союза. В соответствии с этим, верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе по подготовке лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после начала боевых действий на Восточном фронте. Я лично получил от начальника управления задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тысяч военнопленных. При этом он указывал, что если на местах не удастся в срок создать лагерь с крытыми бараками, то устраивать их следует под открытым небом. Далее Райнеке дал инструкцию об обращении с пленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех, кто лишь попытается совершить побег... В июне 1941 г., через несколько дней после вторжения Германии в СССР, я получил приказ ставки верховного командования. В этом документе, так называемом «комиссарен-эрлас», находящимся в походе немецким воинским частям и администрации лагерей для военнопленных именем фюрера приказывалось поголовно расстреливать военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, а также коммунистов и евреев.

В конце 1941 г. я снова был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных. Проводил его новый начальник управления по делам военнопленных, генерал-майор фон Гревениц. Обсуждался вопрос, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах. По данному вопросу высказалось несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили: таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревениц отдал приказание: нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, привлекая медицинский персонал лагерей. Возвратившись в Данциг, я проводил эти указания в жизнь, предупредив о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей».

Летом 1942 г. фон Остеррайх прибыл в Украину, получив должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы Б. С огорчением он узнал, что приобретенный «опыт» останется невостребованным, ибо умерщвление русских военнопленных ядами здесь уже применялось. Тогда же им был получен подписанный Гимлером совершенно секретный приказ: с августа 1942 г. начать клеймение советских военнопленных заранее обусловленными знаками.

В конце собственноручных письменных показаний фон Остеррайх констатировал:

«Русские военнопленные содержались в лагерях в невыносимо тяжелых условиях, титались плохо, поддавались моральным унижениям, умирали от голода и заболеваний. В шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тысяч человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6–9 тыс. Должен также указать, что в лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках под арестом содержалось до 20 тысяч советских граждан, взятых в качестве заложников из районов, охваченных партизанским движением. После их умиротворения [...] работоспособные мужчины и женщины от 17 до 40 лет были вывезены на работы в Германию. Насколько я помню, этой акции тогда поддалось свыше 10 тысяч человек»¹².

При обработке карточек на советских военнопленных обращает на себя внимание большое количество лиц, попавших в плен в самом начале войны (июнь–июль 1941 г.). Так, среди обработанных документов на 13 тыс. военнопленных приходится 5047 попавших в плен в 1941 г., из них в первый день войны — 695 человек, в первый месяц — 2059 человек.

О заблаговременной подготовке Германии к войне на Восточном фронте говорит то, что практически все зеленые карточки (Grüne Karteikarte) составлены и отпечатаны в типографии на двух языках — немецком и русском.

Среди огромного количества обработанных трофейных карточек был найден пустой бланк почтовой открытки, составленный на двух языках:

«Почтовая карточка (посылка военнопленного)

Г-ну(г-же) _____

Улица _____

Место назначения _____

Бесплатно

Я попал в германский плен.

Я здоров я легко ранен.

Я вам напишу будущий мой адрес.

Сердечный привет»

(сохранена орфография оригинала).

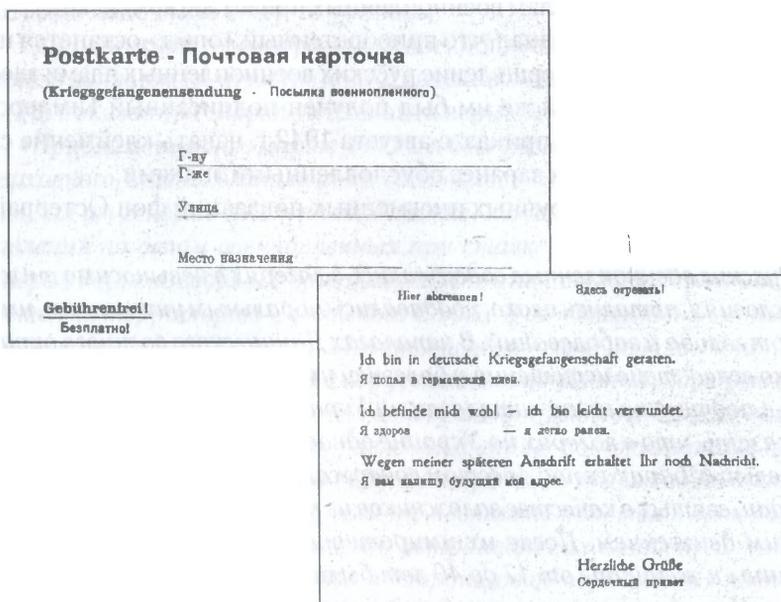

Фото № 8. Бланк почтовой карточки

Нельзя не заметить, что большое количество лиц попало в плен во второй половине мая 1942 г. под Харьковом, в населенных пунктах Лозовеньки, Лозовая, Барвенково. Это документально иллюстрирует Харьковское сражение, которое началось 12 мая 1942 г. Двумя ударами из Барвенково и Волчанска части Красной армии должны были уничтожить

харьковскую группировку противника. Но из-за стратегических ошибок уже спустя пять дней немецкие войска также двумя ударами из районов Балаклеи и Славянска нанесли контрудар по Барвенковской группировке. В полосе действия 9-й армии образовалась брешь протяженностью 80 км, 23 мая 1942 г. кольцо замкнулось. Две армии (6-я и 57-я) оказались в окружении. 640 тыс. красноармейцев попали в плен.

Подтвердить или опровергнуть эту цифру сможет окончательный анализ всех архивных документов на советских военнопленных. Проанализировав результаты сделанной на сегодня работы, можно утверждать: на 13 тыс. военнопленных приходится 1846 человек, попавших в плен во время Харьковской операции. Красная Армия потеряла убитыми одиннадцать генералов, среди них командующие обеими армиями генерал-лейтенанты А. М. Городнянский и К. П. Подлас, а также заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко. Харьковское сражение окончилось Барвенковской катастрофой.

О Харьковском сражении 1942 г. историки вспоминать не любят. Как любая военная неудача, Харьковская операция была сопряжена с огромными жертвами, трагическими последствиями для сотен тысяч человеческих судеб.

Что интересно, в ходе обработки трофейных карточек была обнаружена единственная карточка на женщину — Ефимову Полину Мефодиевну — лагерный № 30734, санитарку, уроженку Донецкой области, попавшую в плен в сентябре 1941 г. под Красногвардейском.

Efimova, Polina	1. Name: Фамилия	Ефимова	9. Vorname des Vaters: Имя отца	Мефодий
	2. Vornamen: Имя	Ловина Полина	10. Name der Mutter: Имя матери	Серафима
	3. Geburtstag: День рождения	5. 2. 19.	11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Адрес ближайших родственников	Донецк, ей. Гришино А. Розина. Ефимов Мефодий Иванович
	4. Geburtsort: Место рождения	ей. Гришино Волынской обл.	12. Beruf: Профессия	Студентка
	5. Lager: Лагерь	Одлаг 57	13. Wann und wo gefangen: Когда и где попал в плен	13. 9. 41. Красногвардейск
	Eingang 19. 6. 42 5a. Im Lager eingeliefert am. (число) Доставлен в лагерь (число)	1. 5. 42.	14. Nr. der Erkennungs-marke des eigenen Truppteils: Matrikel-Nr. Номер в собственной части	
	6. Dienstgrad: Чин	Schwester Мед-сестра?		
	7. Truppteil: Войсковая часть	267 эгр. грив. 5-н.		
	8. Nr. der Erkennungs-marke des deutschen Lagers: Номер воинской части в германском лагере	Сайонаг 1-6 30734-6		

Фото 9. Зелёная карточка Ефимовой Полины

1. Name: *Куриный*
Фамилия *Куриный*

2. Vornamen: *Stepan*
Имя *Степан*

3. Geburtstag: *28.11.1891*
День рождения

4. Geburtsort: *Бедальцево*
Место рождения

5. Lager: *v. Dul 124 nach*
Лагерь *Stalag III C.*

5a. Im Lager eingeliefert am: *10 SEPT 1944*
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: *Чкал*
Чин *Полковник*

7. Truppenteil: *20 стр.*
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер воинского в германском лагере: *51.9112*
STALAG III C

9. Vorname des Vaters:
Имя отца *Иван*

10. Name der Mutter:
Имя матери *Нобикова*

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
Адрес ближайших родственников:
Журиная Анастасья
с. Бедальцево,
Вокзальная ул. 8.

12. Beruf:
Профессия *Инт. И/г.*

13. Wann und wo gefangen:
Когда и где взят в плен *11.10.41 Вязьма*

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части

Фото 10. Зелёная карточка полковника Куриного Степана

1. Name: *Махнов*
Фамилия *Махнов*

2. Vornamen: *Павло*
Имя *Павел*

3. Geburtstag: *1917*
День рождения

4. Geburtsort: *Краснодар*
Место рождения

5. Lager: *St. N. Am 15. & 44*
Лагерь *дефектов. пункт истребительный*

5a. Im Lager eingeliefert am:
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: *Сау отн Солд*
Чин

7. Truppenteil: *202 п. м*
Воинская часть *109000 31.1.45*

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер воинского в германском лагере: *57.336* *42579*

Махнов

9. Vorname des Vaters:
Имя отца *Павел*

10. Name der Mutter:
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
Адрес ближайших родственников:
Махнова Павел Н. Борисов
жиет 3 Борисовка. Амт 15. & 44
дефектов. пункт истребительный

12. Beruf:
Профессия *Шофер*

13. Wann und wo gefangen:
Когда и где взят в плен *1941* *Вязьма*

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части

Фото 11. Зелёная карточка Махнова Павла

Изучение вопроса о гражданских профессиях военнопленных показало, что, как правило, подавляющее большинство пленных составляли рядовые солдаты и сержанты, их профессии в мирное время — крестьяне, хлебопашцы, рабочие и горнорабочие, каменщики, слесари, шоферы. Реже профессии, предполагающие какое-либо специальное образование: учитель, врач, инженер. Также единично встречались жонглер, актер, танцор, извозчик, ученик, студент.

При обработке карточек также бросается в глаза то, что военнопленными становились родные братья, взятые в плен в разное время и находящиеся в разных лагерях. Например, братья Приходько Никита Авксентиевич и Михаил Авксентиевич, Масло Тихон Емельянович и Захар Емельянович, Когошкины Василий Андреевич и Дмитрий Андреевич, Лобановы Павел Денисович и Григорий Денисович, Марченко Дмитрий Демьянович и Емельян Демьянович, Маячка Василий и Емельян, Захаровы Егор Кузьмич и Иван Кузьмич и т. д.

В результате обработки трофейных карточек на 13 тыс. военнопленных мы можем дать точные статистические данные по соотношению состава советских военнопленных:

Звания	Количество человек
Гражданские лица	413
Рядовые солдаты	10 578
Ефрейторы	27
Младшие сержанты	70
Сержанты	258
Старшие сержанты	169
Младшие офицеры	48
Старшины	65
Матросы	21
Младшие лейтенанты	117
Лейтенанты	251
Старшие лейтенанты	83
Политруки	1
Санитары	68
Интенданты	31
Капитаны	23
Майоры	5
Подполковники	4
Полковники	2
Военврачи	10
Военные техники и инженеры	65
Ветеринары	1

Среди информации в карточках встречаются сведения о побегах. Так, на 13 тыс. военнопленных приходилось 128 совершенных побегов.

При обработке госпитальных карточек (Lazarettkarte) мы также обратили внимание на типичные заболевания советских военнопленных. Встречаются сыпной тиф, катар желудка, плеврит, воспаление легких.

F. S. G. Sowj. <i>Степанов Владимир</i> Formblatt 5a (bei D. und S. im Staatesangehörigen Register)		Familien- u. Vorname: <i>Степанов Владимир</i>	
geb. am: <i>2. 3. 1922</i>		Gest. in: —	
Truppenteil: <i>Stalag XI C (311) Bergen-Belsen</i>		Gefangenschaftsnummer: <i>XI C Nr. 32</i>	
Dienstgrad: <i>Лазарь XI C (311)</i>		(Die Nr. des Einbestellenschein: <i>1555</i>)	
Dienstgrad: <i>Берен-Бельзен</i>		(Die Nr. des Einbestellenschein: <i>1555</i>)	
Name des Lazaretts: <i>Stalag XI C (311) Bergen-Belsen</i>		Erfassungsort, Art der Krankheit oder Verwundung: <i>12. 11. 41</i>	
Zugangs- und Abgang: <i>12. 11. 41</i>		Zugang: <i>Stalag XI C</i>	
12. 11. 41 <i>в госпитале лазарь XI C (311) Берен-Бельзен — сыпной тиф.</i>		Abgang: <i>13. 11. 41</i>	
W. S. P. XI. Best.-Nr. 13. 10/1000. 10. 47 H. Schädelhauer, Hannover		am: <i>13. 11. 41</i>	
W. S. P. XI. Best.-Nr. 13. 10/1000. 10. 47 H. Schädelhauer, Hannover		am: <i>13. 11. 41</i>	

56/14 Ort Verbliebenen und Gefangenen sowie verstorbenen deutschen Wehrmachtangehörigen: Zeitpunkt der im benachrichtigenden Angehörigen:	
Bei Verstorbenen: Ortname Verzeichnung der Urlage:	

Фото № 12. Госпитальная карточка Степанова Владимира

Советским солдатам не полагались привилегии, предусмотренные Женевской конвенцией об обращении с военнопленными. Русские не получали продовольственных посылок, не могли ни писать, ни получать письма, не полагалось им, как полякам, французам, англичанам, и денежное довольствие.

Среди обработанных карточек встретился интересный документ — расписка военнопленного о том, что ему запрещено общение с германскими женщинами.

Как правило, анализируя обработанные карточки на советских военнопленных, мы не можем проследить дальнейшую судьбу этих людей, хотя иногда встречается информация о смерти. Так, например, Поддубный Илья, лагерный № 60746 (318) умер, о чем свидетельствует запись и штамп сверху слева в виде креста.

Среди обработанных документов на военнопленных мы обнаружили зеленую карточку ученика Замолотова Георгия, 1931 г. рождения,

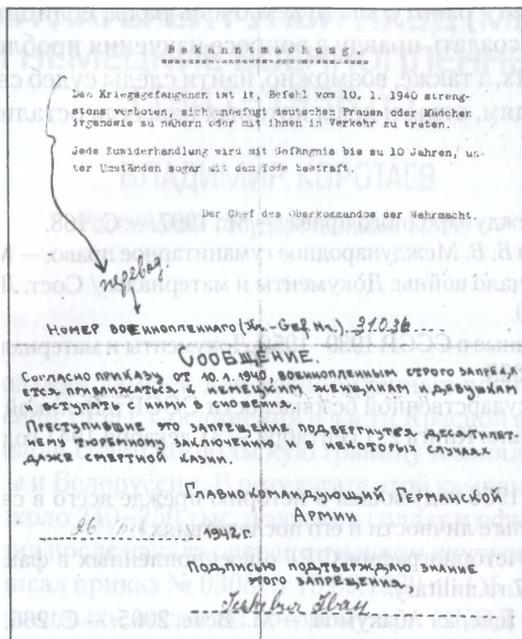

Фото № 13. Расписка Исьевича Ивана

который был взят в плен в апреле 1944 г. в возрасте 13 лет. А вообще среди 13 тыс. военнопленных более 250 человек 1925–1926 гг. рождения.

Мы не ставили себе целью научное исследование проблемы советских военнопленных в годы Второй мировой войны. На сегодня многие украинские авторы фундаментально подходят к изучению этого вопроса.

Работая с трофейными карточками, мы каждый день соприкасаемся с судьбой наших соотечественников, волею случая попавших в немецкий плен. Обработывая эти документы, мы не можем спокойно относиться к нашей работе. Когда держишь в руках карточку, побывавшую в Бухенвальде, Освенциме и других лагерях, иногда грязную или с неизвестными пятнами, может и от крови, написанную карандашом неровным почерком, то более глубоко осознаешь трагедию Второй мировой войны, чем при чтении сухой статистики погибших и плененных.

По этим карточкам, к сожалению, лишь в редких случаях можно определить дальнейшую судьбу человека. Возможно, этим документом закончилась его жизнь, а возможно, он вернулся на Родину и умер от старости, оставив детей и внуков. Мы радуемся каждой информации о побегах. Но опять же возникают вопросы, добрался ли человек к своим или же его опять схватили и отправили в новый лагерь.

Выполняя эту работу, мы будем очень рады, если поможем исследователям воссоздать правду в вопросе изучения проблемы советских военнопленных, а также, возможно, найти следы судеб своих родственников тем людям, отцы и деды которых навсегда остались в немецких лагерях.

---

¹ Словарь международного права. — М., 1997. — С. 168.

² *Пустогаров В. В.* Международное гуманитарное право. — М., 1997. — С. 12.

³ Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер. — Л., 1991. — С. 39.

⁴ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 1012, 1024, 1025.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Книга 2. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. — М., 2000. — С. 507.

⁶ XX съезд (1956 год) вошел в историю прежде всего в связи с докладом Хрущева «О культуре личности и его последствиях».

⁷ *Куксин А.* Историография ФРГ о военнопленных в фашистской Германии. См.: //fido7.ru.military.

⁸ *Смыслов О.* Генерал Абакумов. — М.: Вече, 2005. — С. 266.

⁹ *Басистов Ю. В.* Мы воевали за родину, а не за Сталина. См.: www.hro.org.

¹⁰ Гриф секретности снят. Статистический сборник о потерях Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах в период 1918–1989 гг. — М., 1993. — С. 148.

¹¹ *Козлов В. И.* О людских потерях СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История СССР. — 1989. — 12. — С. 59. †

¹² *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.) — К.: Парламентское изд-во. — 2005. — С. 37–38.

СИСТЕМА ЛАГЕРЕЙ ГУПВИ НКВД (МВД) СССР И НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ (1941–1956 гг.)

ВЛАДИМИР КОРОТАЕВ

Российский государственный архив

Начало создания лагерей для военнопленных в Советском Союзе относится к осени 1939 г. Соединения и части Красной армии в сентябре 1939 г. перешли советско-польскую границу и заняли западные области Украины и Белоруссии. В результате этой кампании в советский плен попало около 240–250 тыс. польских солдат и офицеров¹.

Через два дня после начала операции нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ № 0308 от 19.09.1939 г. «Об организации лагерей военнопленных», согласно которому при НКВД СССР создавалось Управление по военнопленным (УПВ)², а также развертывалась сеть из восьми лагерей для содержания пленных солдат противника³.

К началу Великой Отечественной войны УПВИ располагало восемью лагерями для содержания военнопленных, общая наполняемость которых составляла около 40–50 тыс. военнопленных.

В соответствии с мобилизационным планом, разработанным ГУЛАГом на военный период, в случае начала боевых действий необходимо было развернуть 30 приемных пунктов военнопленных (ППВ), каждый из которых рассчитан был на прием и кратковременное содержание 1 тыс. военнопленных⁴.

В связи с отступлением Красной армии в первые месяцы войны система УПВИ претерпевает серьезные изменения: из восьми функционировавших лагерей к 1 августа 1941 г. остались только три лагеря вместимостью 8–9 тыс. человек⁵.

Из 30 ППВ, спустя месяц после начала войны, осталось 19. Массовое отступление частей Красной армии не способствовало увеличению количества пленных солдат противника: с 22 июня по 22 июля 1941 г. приемные пункты приняли всего лишь 1494 пленных солдат вермахта, в течение второго месяца число военнопленных достигло 2385 человек. Однако уже в начале октября 1941 г. количество военнопленных, прошедших через приемные пункты, несколько увеличилось и составило 6681 человек⁶, что привело к увеличению количества ППВ: к сентябрю (на 10.09.1941 г.) их сеть немного возросла (до 22)⁷.

Между тем, количество военнопленных продолжало увеличиваться. К 1 января 1942 г. в плен попало более 9 тыс. солдат и офицеров вермахта.

В целях более эффективного решения вопросов, связанных с приемом военнопленных от воинских частей и эвакуацией их в тыл страны, по приказу НКВД № 001156 от 05.06.1942 г. были созданы лагеря-распределители, которые закреплялись за соответствующими фронтами. Начальники лагерей-распределителей, в соответствии с этим приказом, осуществляли организацию приемных пунктов и руководили ими (ранее это делали начальники УНКВД по месту дислокации ППВ)⁹. В июне 1942 г. были организованы 6 лагерей-распределителей, обслуживавших 10 фронтов.

В результате наступления советских войск осенью 1942 г. в районе Сталинграда в советский плен попало около 330 тыс. солдат и офицеров армии противника. Массовое поступление военнопленных заставило руководство НКВД дать указание о создании новых лагерей. В течение лета и осени 1942 г. было организовано 24 лагеря, в том числе 9 лагерей-распределителей и 15 стационарных лагерей для рядового состава¹⁰.

Несмотря на увеличение количества лагерей, система УПВИ не в состоянии была обеспечить нормальное распределение поступивших военнопленных. Некоторые дополнительно созданные лагеря располагались в непригодных помещениях (впоследствии они были ликвидированы)¹¹.

По сведениям НКВД СССР¹², на февраль 1943 г. в системе УПВИ действовали 35 лагерей для военнопленных: в 20 из них содержались лица рядового и унтер-офицерского состава, в четырёх — офицеры, 11 — относились к фронтовым приемно-пересыльным лагерям (ФППЛ)¹³. По данным за этот период, в них содержались 256918 пленных солдат и офицеров армии противника. Сеть фронтовых приемных пунктов также была увеличена. К январю 1943 г. на фронтах действовали 44 ППВ¹⁴.

Однако меры, принимаемые руководством НКВД для улучшения работы фронтовых органов и стационарных лагерей системы УПВИ, оказались в то время малоэффективными. Особенно это касалось работы ППВ и ФППЛ, работа которых проходила в чрезвычайно тяжелых условиях. Фронтовые органы, создаваемые на только что освобожденной от противника территории, часто вынуждены были содержать военнопленных в непригодных помещениях (если они вообще имелись), постоянно не хватало топлива, продовольствия, обмундирования, транспорта и других видов снабжения¹⁵.

Положение усугублялось плохим физическим состоянием военнопленных, прибывавших из окруженных группировок. Этот контингент поступал в ППВ и ФППЛ до крайности истощенным и ослабленным,

среди пленных было много раненых, больных и обмороженных (дело происходило в условиях суровой зимы 1942–1943 гг.).

Кроме указанных трудностей, работа фронтовых органов осложнялась недостатками их организационной структуры, плохим снабжением и медицинским обеспечением. В ряде случаев ППВ были оторваны от боевых порядков и находились глубоко в тылу своих армий, вследствие чего иногда приходилось этапировать военнопленных с фронтов до приемных пунктов на расстояние 200–300 км пешим порядком¹⁶.

Руководство НКВД и УПВИ пыталось улучшить работу с военнопленными: в течение 1943 г. организовали 12 ФППЛ, увеличили число ППВ (в начале 1943 г. действовали 44 приемных пункта, к концу года стало 66). В качестве промежуточных звеньев между фронтовыми лагерями и приемными пунктами в течение года были образованы 20 новых фронтовых подразделений – сборно-пересыльных пунктов (СПВ)¹⁷. СПВ располагались, как правило, на полпути от ППВ до ФППЛ, недалеко от железнодорожных станций или автомобильных дорог, они являлись промежуточной базой для отдыха, обогрева и первичной санобработки военнопленных. Организация СПВ помогла сократить потери военнопленных при этапировании их с фронтов до фронтовых лагерей¹⁸.

Приказом НКВД СССР № 00345 от 18.02.1943 г. при управлениях войск НКВД по охране тыла фронтов создаются отделения по делам военнопленных, которые занимались организацией ППВ, поддерживали связь со штабами фронтов и армий, оказывали помощь в отправке военнопленных¹⁹. Этим приказом командирам фронтов предлагалось обеспечить немедленную отправку военнопленных в пункты сосредоточения.

Суточный пеший переход военнопленных ограничивался 25–30 км, через каждые 25–30 км пешего перехода необходимо было устраивать привал и ночевку, обеспечивать контингент горячей пищей и теплой одеждой, если ее не было, своевременно оказывать медицинскую помощь. СПВ рассчитан был на одновременный прием 1500–2000 военнопленных.

Наряду с мерами по улучшению работы с военнопленными во фронтовой сети руководство УПВИ, начиная с февраля 1943 г., приступает к наведению порядка в существующих стационарных лагерях и организует дополнительные лагеря и лаготделения: в начале января 1943 г. действовали 22 лагеря для военнопленных, на 1 января 1944 г. количество стационарных лагерей увеличилось до 60²⁰.

Высокие показатели смертности и заболеваемости военнопленных вызывали серьезное беспокойство у руководства НКВД. В результате

успешных действий советских войск только в районе Сталинграда и Воронежа в плен попало около 40 тыс. военнослужащих противника, нуждающихся в госпитализации²¹. В связи с этим совместным приказом НКЗ и НКВД СССР № 472 от 06.09.1943 г. из действующей сети НКЗ и НКО СССР были выделены госпитали для лечения военнопленных. К февралю 1944 г. организовали 31 спецгоспиталь для военнопленных, рассчитанные в общей сложности на 191 110 больных²².

Практика работы фронтовых органов УПВИ указывала на необходимость организации на фронтах специальных госпиталей для раненых, больных и ослабленных военнопленных. Для этой цели на каждом фронте закреплены были за фронтовыми лагерями соответственно по одному спецгоспиталю, каждый из которых был рассчитан на содержание 300 больных²³.

К началу 1944 г. в системе УПВИ НКВД содержалось около 105 тыс. военнопленных²⁴, размещавшихся в 52 лагерях²⁵. Массовое поступление военнопленных, продолжавшееся в 1944 г.²⁶, заставило руководство НКВД провести ряд организационных мероприятий для улучшения работы по приему бывших солдат противника и скорейшей эвакуации их в тыл. Происходило также расширение сети тыловых лагерей как за счет использования жилого фонда хозяйственных организаций, которым выделялись для работы военнопленные, так и путем строительства новых и реконструкции имевшихся лагерей. В связи с организацией большого количества лагерей приказом № 00623 от 26.05.1944 г. была установлена их единая организационная структура, лагерные пункты и лагерные участки переименовывались в лагерные отделения.

В результате принятых мер к августу 1944 г. сложилась следующая структура фронтовой сети:

— Армейский приемный пункт для военнопленных (ППВ), организовывался при вторых эшелонах армии (дислоцировался в 20–30 км от линии фронта).

В задачу приемных пунктов входило: бесперебойный прием военнопленных от войсковых частей и соединений Красной армии; временное размещение, содержание и обеспечение принятых пленных и организация их эвакуации на фронтовые сборные пункты НКВД. Конвоирование пленных до приемных пунктов производилось армейскими конвоями, а из ППВ на сборные пункты и во фронтовые лагеря — конвойными войсками НКВД.

— Сборный пункт для военнопленных (СПВ), организовывался в составе фронтового лагеря и располагался в местах, согласованных с командованием тыла фронта (дислоцировался в 50–70 км от переднего края линии фронта, на полпути от ППВ до ФППЛ).

Задачами СПВ являлись: своевременная разгрузка ППВ от военнопленных, временное содержание пленных до отправки в тыл или во фронтовой лагерь, проведение санитарной обработки, статистический учет пленных и эвакуация их в ФППЛ или тыловые лагеря.

— Фронтовой приемно-пересыльный лагерь (ФППЛ), дислоцировался в 100–120 км от линии фронта.

ФППЛ принимал военнопленных от СПВ или непосредственно из армейских приемных пунктов, проводил санитарную обработку контингента и организовывал профилактический карантин; в лагере производился медицинский осмотр пленных, первичный опрос с последующим заполнением учетных карточек и личных дел, из ФППЛ военнопленных эвакуировали в тыловые лагеря.

Общее руководство всей фронтовой сети осуществлялось начальником отдела НКВД по делам военнопленных при начальнике тыла фронта, который подчинялся начальнику тыла фронта и начальнику УПВИ НКВД СССР²⁷.

В 1944 г. дополнительно было организовано 5 ФППЛ, 25 СПВ и 16 ППВ, количество пленных, прошедших через эту фронтовую сеть УПВИ, составляло свыше 700 тыс. человек. К концу 1944 г. фронтовая сеть учреждений НКВД для пленных выглядела следующим образом: фронтовых отделов — 12, фронтовых лагерей — 12, СПВ — 49, ППВ — 72, спецгоспиталей — 12²⁸.

Одновременно с увеличением учреждений фронтовой сети в Советском Союзе шло расширение действующей сети тыловых лагерей, вместимость которых к концу 1944 г. была доведена до 905 600 мест²⁹.

В соответствии с приказом НКВД СССР за № 0219 от 05.10.1944 г. для осуществления оздоровительных мероприятий по восстановлению физического состояния ослабленных военнопленных 15 тыловых (производственных) лагерей были реорганизованы в специальные оздоровительные лагеря³⁰.

В результате активного наступления частей Красной армии в начале 1945 г. численность военнопленных продолжала увеличиваться и, соответственно, росло количество тыловых лагерей: по состоянию на 01.01.1945 г. их стало 144 (на 01.11.1944 г. было 85)³¹.

В целях улучшения руководства работой лагерей приказом НКВД СССР № 0014 от 11.01.1945 г. УПВИ было реорганизовано в Главное управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ).

Руководством ГУПВИ были поставлены следующие задачи: расширение фронтовой сети, увеличение количества тыловых лагерей и доведение их емкости до нормального размещения и содержания военнопленных; принятие мер по улучшению эвакуации пленных с фронтов

и, наконец, реорганизация фронтовой сети в связи с отправкой военнопленных в тыловые лагеря, с учетом изменений в расстановке войск Красной армии на западе³².

В связи с большим количеством солдат противника, попавших в плен на украинских фронтах в январе–феврале 1945 г., было принято решение о создании 10 фронтовых лагерей на территории Польши, Венгрии, Румынии. Общая вместимость этих лагерей достигала 150 000 человек.

После окончания войны фронтовые органы ГУПВИ вынуждены были принять в кратчайшие сроки огромное количество военнопленных и доставить их в тыловые лагеря. В течение одного месяца после капитуляции Германии фронтовыми лагерями, сборными и приемными пунктами было принято около 1,5 млн человек.

По мере вывоза военнопленных в тыловые лагеря, их количество во фронтовой сети стало резко сокращаться. Фронтовые лагеря и сборные пункты стали передислоцироваться в СССР. В каждой группе войск оставляли по одному лагерю, сборному пункту и спецгоспиталю на время передачи на родину освобожденных военнопленных, прибывающих из тыловых лагерей. В течение второй половины 1945 г. было расформировано и отправлено в Советский Союз на укомплектование тыловых лагерей 22 ФППЛ, 38 СПВ, 62 ППВ.

Задачи, возлагаемые на фронтовые учреждения, были выполнены и фронтовой отдел ГУПВИ в конце 1945 г. был ликвидирован.

В связи с массовым поступлением военнопленных после капитуляции Германии, а позднее и Японии, в течение 1945 г. было организовано 222 лагеря и в их составе 2713 лагерных отделений³³. Организация лагерей для немецких военнопленных проводилась в соответствии с постановлением СНК СССР № 1084-268 от 14.05.1945 г., решениями ГКО № 7712 от 16.03.1945 г., № 7958 от 31.03.1945 г. и № 8921 от 04.06.1945 г. В течение 1945 г. был создан 61 лагерь для немецких военнопленных³⁴. Всего же к концу 1945 г. в лагерях ГУПВИ содержались 1 103 233 военнопленных немца³⁵. Их труд использовался на стройках, добычи угля, в лесной промышленности, на восстановлении разрушенных во время войны городов.

По решению правительства, часть военнопленных, за исключением содержащихся в лагерях, использовалась на строительных, ремонтных работах, а также на лесоразработках, заготовках стройматериалов и других хозяйственных работах. Эти военнопленные содержались в отдельных рабочих батальонах (ОРБ) МВС СССР, численностью от 500 до 1000 человек каждый. Ответственность за содержание, трудоиспользование, обеспечение продовольствием и обмундированием, за охрану и режим военнопленных возложена была на МВС, ГУПВИ МВД СССР осуществляло лишь общий режим работы ОРБ³⁶.

По данным штаба тыла Красной армии, на 01.10.1945 г. военнопленных, работающих на объектах НКО СССР (за исключением японцев), насчитывалось 182 тыс. человек³⁷. По состоянию на 01.01.1946 г. действовали 200 ОРБ, в которых содержались 210 380 военнопленных, в том числе 67 809 японцев, находившихся в 54-х ОРБ³⁸. Военнопленные в ОРБ содержались в более тяжелых условиях, чем в лагерях. Смертность была в 5 раз выше, чем в лагерях МВД. В связи с отправкой ослабленных пленников на родину, выбытием больных в спецгоспитали и по ряду других причин численность военнопленных в ОРБ в 1946 г. сократилась до 127 059 человек, в 1947 г. — до 61 784 человек. На 1 января 1948 г. на строительных объектах МВС оставалось 23 ОРБ, в которых содержалось 14 509 военнопленных немцев.

В 1947 г. по ряду причин, в том числе из-за непригодности некоторых лагерей для содержания людей в зимних условиях, а также из-за репатриации военнопленных, расформировано было 52 лагеря, 619 лаготделений, 21 спецгоспиталь и 39 батальонов интернированных. Количество военнопленных в лагерях и лаготделениях в течение года сократилось на 542 500 человек. В отличие от 1946 г., когда основное внимание уделялось строительной отрасли, в 1947 г. приоритеты были отданы топливно-энергетическому комплексу, где к концу 1947 г. работало около 21,5% всех военнопленных, трудившихся в СССР³⁹. В связи с массовым переводом военнопленных в угольную промышленность и на строительство в министерство топливных предприятий было сформировано 11 лагерей и 232 лаготделения.

Для концентрации военнопленных, в отношении которых имелись материалы о совершении ими преступлений, а также проявивших в лагерях враждебные намерения, в МВД СССР были образованы 8 режимных лагерей и 91 режимное лаготделение⁴⁰.

В течение 1947 г. из лагерей, спецгоспиталей МВД, ОРБ МВС и рабочих батальонов интернированных передано лагерям органов репатриации № 69 г. Франкфурт-на-Одере (Германия), № 176 г. Фокшаны и № 36 г. Сегет (Румыния) для отправки на родину 585 312 человек, из них немцев — 221 329⁴¹, а также интернированных немцев — 33 182 человека⁴².

В результате массовой репатриации военнопленных 1947 г. были расформированы 52 лагеря, 619 лаготделений и 21 спецгоспиталь⁴³. По состоянию на 01.01.1948 г. в системе ГУПВИ функционировали 172 лагерь, 1438 лагерных отделений и 105 спецгоспиталей⁴⁴.

К началу 1949 г. три четверти всех работающих военнопленных были сосредоточены в строительной (до 46,2%) и топливно-энергетической (до 28,3%) отраслях⁴⁵. В 1948 г. значительное количество военнопленных работали на строительстве автомагистрали Москва–Симферополь. В этом году увеличилось количество бывших солдат противника,

репатрируемых на родину. В 1948 г. на родину было отправлено около 437 тыс. военнопленных бывших западных армий, среди которых большую часть (300 тыс. человек) составляли немцы⁴⁶. По состоянию на 1 января 1949 г. в СССР продолжали оставаться 544 047 человек, в том числе 421 221 немецких военнопленных. В 1949 г. СССР покинули большинство из находившихся в лагерях ГУПВИ военнопленных. 373 744 бывших немецких военнослужащих убыли на родину⁴⁷. В Советском Союзе оставались еще 47 477 немцев, в том числе 6180 человек, в отношении которых были возбуждены уголовные дела, а также 41 297 человек, состоявших на особом учете как служившие в частях СС, СД, СА, в разведывательных, контрразведывательных органах, полиции, жандармерии, карательных частях⁴⁸.

В 1949 г. — начале 1950 г. из Советского Союза репатриированы были все неосужденные военнопленные. По состоянию на 23 марта 1950 г. в лагерях для осужденных находилось 15 300 немцев.

В течение 1950 г. на родину убыли 36 710 немецких военнопленных и интернированных. В середине 1951 г. в лагерях и спецгоспиталях содержались около 21 тыс. военнослужащих и интернированных⁴⁹.

В связи с сокращением количества лагерей и содержащихся в них пленных и интернированных 20 июня 1951 г. ГУПВИ МВД СССР было реорганизовано в Управление по делам военнопленных и интернированных. В течение 1952 г. на родину отправили 796 военнопленных, в лагерях продолжали оставаться 14 945 военнопленных и 1459 интернированных немцев. Осужденные военнопленные в СССР содержались в лагерях системы ГУПВИ и отбывали наказание в тюрьмах. В 1953 г. осужденные иностранцы отбывали наказание в 22 лагерях и тюрьмах. 20 апреля 1953 г. в связи с завершением репатриации интернированных и большей части военнопленных УПВИ было ликвидировано, а его функции переданы тюремному управлению МВД СССР. Последним годом пребывания в СССР осужденных немецких военнопленных стал 1955 г., когда на родину отправлены были последние 9626 человек⁵⁰.

---

¹ По данным УПВ, в лагеря поступило 130 242 пленных. Остальные были отпущены по домам. *J. Tucholski. Nord w Katyniu.* — 1991. — С. 591.

² В соответствии с приказом НКВД № 001222 от 30.09.1940 г. УПВ было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 21 в, д. 6, л. 91).

³ Военнопленные в СССР 1939–1956 гг. — М., 2000. — С. 72–74; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 1 а, д. 11, л. 1–6.

⁴ Военнопленные в СССР. — М., 2004. — Т. 4. — С. 139–140; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 6. л. 2–3.

- ⁵ Грязовецкий лагерь в Вологодской обл., Суздальский — во Владимирской обл., Старобельский — в Ворошиловградской (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 11, д. 5, л. 2).
- ⁶ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 6, л. 29.
- ⁷ Военнопленные в СССР. — М., 2004. — Т. 4. — С. 140; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 6, л. 3.
- ⁸ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 6, л. 29–30. По данным комиссии «Союза бывших немецких военнопленных» ФРГ («Verband der Heimkehrer»), в IV квартале 1941 г. в советском плену находилось 26325 немецких солдат и офицеров. (Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Ein geschichtlicher Abriss in Fakten (VdV). — Bonn–Bad–Godesberg, 1989. — S. 10; *Всеволодов В. А.* Срок хранения — постоянно. — С. 26.
- ⁹ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 16.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Хреновский в Воронежской обл., Хоботовский и Моршанский — в Тамбовской обл. В лагере № 81, организованном в поселке Хреновое с 24.01.1943 г. по 23.03.1943 г. из 26805 военнопленных умерли 13794 человека. (Венгерские военнопленные в СССР. — С. 6; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 43, д. 6, л. 1–5).
- ¹² Военнопленные в СССР. — С. 100–105.
- ¹³ В марте 1943 г. приказом НКВД СССР № 00398 лагеря-распределители были переформированы во фронтовые приемно-пересыльные лагеря. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 6, л. 15).
- ¹⁴ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 17.
- ¹⁵ Так, например, ФППЛ № 62 был развернут в конце января 1943 г. на ст. Неклюдово Воронежской обл., в необорудованных землянках, а уже 31 января в этот лагерь прибыли из окруженной группировки противника 2019 военнопленных, истощенных, больных дистрофией и сыпным тифом. В кратчайшие сроки землянки оборудовали нарами, построены были: санпропускник, баня, прачечная, лазарет, кухня, столовая и организован госпиталь. За это время из 37 сотрудников лагеря 34 заболели сыпным тифом, 5 человек умерли. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 42).
- ¹⁶ Начальник ППВ № 48 доносил руководству в марте 1943 г.: положение с питанием крайне тяжелое. 13 дней нет ни хлеба, ни сухарей. Продотдел 38-й армии продуктами питания не обеспечивает, отчасти из-за отдаленности складов, а главным образом, из-за нежелания кормить военнопленных... Приказ НКО (о санмедобслуживании и госпитализации военнопленных) никто не выполняет. О каждой группе больных и раненых военнопленных приходится скандалить с госпиталями и начальником гарнизона... За последнее время военнопленные стали поступать очень слабые, гонят этапы за 200 км, не кормят по 6–7 дней в пути. Доходят до приемного пункта, падают — умирают. (Военнопленные в СССР. — М., 2004. — С. 153; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 42–44).
- ¹⁷ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 1 л, д. 6, л. 9.
- ¹⁸ Положение об СПВ было утверждено приказом НКВД СССР № 001575 от 26.09.1943 г. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 20).
- ¹⁹ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 7.
- ²⁰ Там же. — Оп. 23, д. 5, л. 22 (Подсчитано по таблице).
- ²¹ Там же. — Оп. 23, д. 6, л. 59.

²² В 1941–1942 гг. в тылу страны действовали всего 2 спецгоспиталя НКЗ СССР. Медицинское обслуживание военнопленных осуществлялось на основании постановления Совнаркома СССР № 1798-800 с от 01.07.1941 г. Раненые и больные военнопленные, нуждавшиеся в лечении, должны были доставляться в ближайшие госпитали. Военнопленные в этом отношении находились в одинаковых с военнослужащими Красной армии условиях. В лагерях для военнопленных созданы были санитарные службы. При организации лагерей количество больничных мест планировалось из расчета 1,5 % коек к числу военнопленных, предусмотренных лимитом для данного лагеря. Этот процент рассчитан был на условную среднюю норму заболеваемости среди военнопленных. При массовых поступлениях раненых, больных, обмороженных солдат противника лагерная медицина не в состоянии была при таких нормах обеспечить нормальным уходом и лечением всех нуждающихся в госпитализации. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 2, л. 20–21, 25).

²³ В соответствии с приказом НКВД СССР № 001856 от 29.12.1943 г. и приказом начальника тыла Красной армии и НКВД СССР № 0010/00338 от 24.03.1944 г. (РГВА. — Ф. 398 п, оп. 3, д. 2, л. 9).

²⁴ По состоянию на 01.03.1944 г. в стационарных лагерях содержались 81 006 человек, в спецгоспиталях — 18 633, на фронтовых и приемно-пересыльных пунктах — 3380, в пути к лагерям и госпиталю — 2266 человек. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 2, л. 34).

²⁵ 6 лагерей — офицерские, 34 — для рядового состава, 12 ФППЛ, 66 ППВ, 20 СПВ и 4 оперативных объекта. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 22).

²⁶ К 1944 г. фронтовой сетью УПВИ было принято от войсковых частей и направлено в тыловые лагеря в 7 раз больше военнопленных, чем за два предыдущих года войны. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 23).

²⁷ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 24–26.

²⁸ Военнопленные в СССР. — М., 2004. — С. 163; РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 7, л. 71–72.

²⁹ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 27–28.

³⁰ В остальных производственных лагерях были организованы оздоровительные лаготделения. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 29).

³¹ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 10, д. 3, л. 9.

³² Там же. — Оп. 23, д. 5, л. 30.

³³ За этот же период по разным причинам было расформировано 99 лагерей и 1080 лаготделений. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 34).

³⁴ По состоянию на 01.01.1945 г. действовали 138 лагерей, на 01.01.1946 г. — 199 лагерей. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23, д. 5, л. 35).

³⁵ Военнопленные в СССР. — М., 2000. — С. 234–235.

³⁶ На практике, осуществляемой ГУПВИ НКВД–МВД, контроль за деятельностью ОРБ был малоэффективен и руководство ОРБ МВС, не чувствуя прямой ответственности за содержание военнопленных, часто нарушало установленные правила содержания военнопленных.

³⁷ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 61.

³⁸ Там же. — Оп. 23, д. 5, л. 109.

³⁹ Военнопленные в СССР. — М., 2000. — С. 234–235.

⁴⁰ *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. — С. 265.

⁴¹ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 21 а, д. 5, л. 37; Венгерские военнопленные в СССР. — С. 17.

⁴² В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 2728-1124 сс от 23.12.1946 г., № 1571-414 сс от 16.05.1947 г., № 3545-1167 сс от 11.10.1947 г., приказами МВД СССР № 001196 от 26.12.1946 г., № 004300 от 19.04.1947 г., № 00535 от 20.05.1947 г., № 001078 от 15.10.1947 г. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 52).

⁴³ В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 413-173 сс, № 1022-305 с, № 1521-402 с, № 1571-414 сс, № 2773-877 с — 1947 г. и приказов МВД СССР № 00271, № 00430, № 00516, № 00535, № 00857 — 1947 г. (РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 53).

⁴³ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 1, л. 58.

⁴⁴ Там же. — Оп. 10, д. 3, л. 9, 16–21.

⁴⁵ *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. — С. 309.

⁴⁶ РГВА. — Ф. 1 п, оп. 23 а, д. 4, л. 176.

⁴⁷ Там же. — Оп. 9 а, д. 10, л. 82, 83, 95.

⁴⁸ Там же. — Оп. 12 и, д. 1, л. 63, 94, 97.

⁴⁹ Там же. — Ф. 1 п, оп. 12 и, д. 1, л. 72.

⁵⁰ Там же. — Оп. 37 а, д. 4, л. 16.

ЛАГЕРЯ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПЛЕНА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В 1939–1954 гг.

АЛЕКСАНДР ПОТЫЛЬЧАК

Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова, Украина

Последние полтора десятилетия тема советского военного плена периода Второй мировой войны стала одной из ведущих в военно-исторических исследованиях. Важно, что содержание и значимость этой проблемы выходят далеко за пределы войны и приобретают принципиальное значение для раскрытия сущности и особенностей советского тоталитарного режима 30-х — 50-х гг. XX ст. С открытием партийных и правительственных архивов СССР, ведомственных архивов спецслужб в конце 80-х — 90-х гг. в СССР, а после его распада в постсоветских странах и на Западе, количество трудов о судьбе иностранных пленников в советских лагерях растет в арифметической прогрессии. Теперь военными историками активно исследуются международные, нормативно-правовые, политические, социально-экономические, культурно-бытовые, региональные, историографические, а в последнее время и структурно-организационные аспекты проблемы советского военного плена¹. В настоящее время все большую актуальность приобретает задача системного исследования созданной НКВД грандиозной структуры пленения, организации, содержания, обеспечения и трудовой эксплуатации военнопленных — Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ)².

В отличие от российской и западной военно-исторической науки, которыми накоплен значительный опыт в изучении темы советского военного плена времен Второй мировой войны, украинские исследователи, до недавнего времени, этим вопросам внимания не уделяли. На рубеже веков в Украине увидели свет лишь несколько подобных трудов. Среди них монография, статьи и кандидатская диссертация В. Карпова о судьбе военнопленных Квантунской армии в Советском Союзе, а также небольшие статьи О. Буцко и В. Левыкина, посвященные общим вопросам советского военного плена 1941–1945 гг.³

Что касается нашей темы в контексте Украины, то до последнего времени она практически не изучалась. Исключения составляют

фундаментальное историко-правовое исследование А. Чайковского, которое стало первым серьезным украинским трудом проблемы в целом⁴, а также ряд работ автора, посвященных вопросам организации, дислокации и структурным особенностям системы режимных учреждений советского военного плена на территории Украины в 1939–1954 гг⁵. Последнее направление имеет шанс стать одним из ключевых в исследовании темы, так как лишь изучив предпосылки, причины, структуру и особенности организации системы военного плена, рассмотрев специфику обустройства и дислокации разных типов режимных учреждений, структурно-организационных изменений в процессе их функционирования, можно говорить об изучении других вопросов (материально-бытового, пищевого и медицинского обеспечения и положения военнопленных в лагерях, их трудовой эксплуатации, идеологической, политической и агентурно-оперативной обработке, судебного преследования военнопленных и интернированных, многочисленных региональных аспектах темы и т. п.).

Научные исследования автора касаются именно вопросов организации дислокации и структуры советских режимных учреждений военного плена и интернирования в Украине в 1939–1954 гг. Актуальность этой научной задачи становится еще более понятной, если принять во внимание тот факт, что, невзирая на принадлежность к компетенции органов внутренних дел и априори экстерриториальный характер, сеть органов и учреждений советского военного плена на территории Украинской ССР имела существенные особенности. Последние определялись не только сугубо территориальными, но и ресурсными, отраслевыми и даже демографическими факторами.

Общественную значимость научного изучения истории советского военного плена в Украине усиливают внутренние и международные факторы. С одной стороны, более десяти лет иностранные военнопленные и депортированные гражданские лица со статусом «интернированных» содержались в лагерях на территории Украины, а их рабочие руки использовались в важных отраслях хозяйства. С другой — изучение особенностей организации и функционирования системы учреждений советского военного плена на территории Украинской ССР является актуальным в связи с оживлением в последнее время усилий украинской и международной общественности, направленных на выяснение судеб сотен тысяч пленников войны, которые в свое время очутились в советских лагерях на территории республики, поиска, фиксации и восстановления их захоронений. Надеемся, что строго документальное, объективное изучение проблемы будет способствовать гармонизации межгосударственных отношений Украины в Европе, углублению добрососедских отношений.

Формирование основ системы управленческих структур и сети режимных учреждений военного плена в СССР началось уже в первые недели Второй мировой войны. 15 сентября 1939 г. генеральный штаб РККА отдает распоряжение об организации в полосе фронтов пунктов для приема военнопленных и лагерей-распределителей. Однако уже 17–19 сентября 1939 г. стало понятным — такое количество приемных пунктов военнопленных является явно недостаточным, чтобы обеспечить прием всевозрастающего количества польских военнослужащих. Именно поэтому НКВД (по договоренности с генеральным штабом РККА) уже 20 сентября начал развертывание новых приемных пунктов для военнопленных на территории Беларуси и Украины. Всего в добавок к уже существующим было создано 11 таких пунктов, из них 6 — в Украинской ССР.

20 сентября 1939 г. экономический совет при СНК СССР одобрил новую редакцию «Положения о военнопленных». Примечательно, что этот документ фактически не имел силы закона, так как он не был утвержден правительством — Советом народных комиссаров, на который в то время возлагались и законодательные функции. Сфера его регулирования не простиралась дальше ведомственного подзаконного акта НКВД. Такой подход к делу нормативно-правового обеспечения военного плена, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует, что руководство СССР осенью 1939 г. делало все для того, чтобы не связывать себя никакими международно-правовыми ограничениями в вопросе военнопленных. Тогда как надлежащее законодательное оформление «Положения о военнопленных» влекло бы за собой определенные международные обязательства для СССР. Еще до официального утверждения «Положения о военнопленных», 19 сентября 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, руководствуясь его положениями (этот факт лишний раз подтверждает — НКВД и его структуры фактически находились вне общего правового поля государства), подписывает приказ № 0308 «Об организации лагерей военнопленных», которым создается Управление по делам военнопленных при НКВД СССР (УПВИ НКВД). Начальником этого структурного подразделения ведомства Л. П. Берией был назначен украинец, майор государственной безопасности П. С. Сопруненко. Наряду с регламентацией общих организационных вопросов в приказе наркома речь шла и о создании лагерей для военнопленных. Из восьми созданных стационарных лагерей три обустроивались на территории Украинской ССР — в Путивле (Сумская обл.), Козельщине (Полтавская обл.) и Старобельске (Луганская обл.)⁶. Так было положено начало организации и функционирования сети советских лагерей для военнопленных в Украине.

В развитии управленческих структур и режимных учреждений советского военного плена в Украинской ССР отчетливо выделяются три периода. Первый период длился с сентября 1939 по июнь 1941 г. Второй — с сентября 1943 до окончания Второй мировой войны. Третий период охватывает послевоенное время (1946–1954 гг.).

В 1939–1941 гг. происходило организационное становление всей системы работы с военнопленными. Были созданы основы нормативной базы организации, пленения и концентрации военнопленных, эвакуации их из фронтовой зоны в тыл, размещения и содержания в стационарных лагерях, обеспечения и трудового использования, оперативной и политической работы среди этого спецконтингента. Отметим, что в этот период в практике работы УПВИ почти полностью полагался на богатый лагерный опыт другого управления НКВД — ГУЛАГа. Последнее было источником организационного, кадрового и материально-технического обеспечения созданного Управления по делам военнопленных и его структурных подразделений⁷. Особенностью работы с военнопленными в 1939–1941 гг. было то, что организация и обустройство лагерей происходили параллельно с созданием ведомственной нормативной базы военного плена, а нередко и опережали соответствующие приказы и директивы НКВД⁸.

С самого начала УПВИ НКВД создавалось по типовой для силовых органов схеме как строго централизованная структура с четкой субординацией, невыносившая самостоятельной инициативы низовых звеньев. Именно потому в развитии и усовершенствовании системы военного плена исключительную роль играло центральное руководство НКВД СССР. В 1939–1941 гг. «украинское» звено создаваемой системы военного плена имело полностью экстерриториальный характер. Не только структурно-организационные, но и текущие решения принимались исключительно в Москве. Архивные документы свидетельствуют, что НКВД УССР был фактически отстранен от работы по организации и обеспечению функционирования лагерной сети для военнопленных на территории республики. Эти функции концентрировались исключительно в руках администраций режимных учреждений, подчинявшихся непосредственно УПВИ НКВД СССР. По документам установлено, что в 1939–1941 гг. на территории Украинской ССР было создано и функционировало 9 стационарных приемно-пересыльных и производственных лагерей военнопленных, в которых содержались и использовались как рабочая сила польские граждане⁹. В то же время анализ источников позволяет утверждать, что в начальный период Второй мировой войны И. Сталин и его окружение, уповая на разрекламированную в армии и обществе наступательную военную доктрину, продолжали недооценивать важности создания полноценной и дееспособной

системы пленения, эвакуации, содержания и трудового использования военнопленных. Следствием такой позиции, во многом, стало несовершенство и ограниченность нормативных документов УПВИ НКВД, вышедших из недр этого ведомства в 1939–1941 гг.¹⁰

В годы войны с Германией пленение и организация военнопленных в Советском Союзе, сфера работы с ними вообще, постепенно приобрели целостность и системность. Постепенно была обновлена и расширена нормативно-правовая база, организована сеть фронтовых и тыловых управленческих подразделений и лагерей. Все это позволило, несмотря на массу недостатков и злоупотреблений, создать грандиозную по своим масштабам, стройную, а главное — реально работающую систему пленения, организации и использования военнопленных¹¹.

Начало второго периода истории советских управленческих структур и режимных учреждений для военнопленных в Украине обозначилось возрождением сети лагерей военнопленных на территории республики. В ходе проведения Донбасской и Харьковской наступательных операций Красной армии, уже в августе–сентябре 1943 г., началась передислокация на освобожденную территорию фронтовых приемно-пересыльных лагерей. 26 сентября 1943 г. в район г. Сталино (ныне — Донецк), уже в новом статусе стационарного лагеря, был передислоцирован бывший ФППЛ № 280¹². 13 ноября 1943 г. приказом НКВД СССР создан стационарный производственный лагерь военнопленных № 100 (г. Запорожье)¹³. Именно эти режимные учреждения стали первыми в возрождаемой НКВД на территории республики системе стационарных лагерей.

В 1943–1945 гг. на территории Украинской ССР армейские структуры и НКВД создали сеть фронтовых приемно-пересыльных и тыловых стационарных производственных лагерей для военнопленных. Особенностью было то, что организация лагерей происходила в условиях интенсивных военных действий, а освобожденная от оккупантов территория республики предстала собой сплошной руиной. Это неминуемо создавало проблемы с обустройством лагерей, так как существовал дефицит пригодных для размещения пленных помещений и материально-технических ресурсов. В то же время промышленно-ресурсный потенциал Украины был одним из крупнейших в Советском Союзе, а объемы необходимых восстановительных работ просто впечатляли. Именно последнее обусловило желание советского руководства сконцентрировать в Украинской ССР значительные контингенты военнопленных и сполна использовать этот трудовой фонд.

Организация стационарных лагерей для военнопленных в ходе освобождения Украинской ССР от немецко-фашистских войск имеет существенные особенности, что позволило выделить в хронологических

рамках второго периода два временных этапа. Первый из них мы предлагаем датировать сентябрем 1943 — маем 1944 г. Стремительное продвижение советских войск и освобождение промышленно развитых регионов УССР, а также необходимость их скорейшего восстановления обусловили тот факт, что организация и обустройство стационарных производственных лагерей осуществлялись НКВД довольно-таки близко к районам интенсивных военных действий. Вторая особенность состояла в том, что организация лагерей обуславливалась, прежде всего, внутренними потребностями эффективного функционирования системы пленения и эвакуации военнопленных из прифронтовой зоны в глубокий тыл, к тому же в условиях резко возросшего их количества. На втором этапе (май 1944 — декабрь 1945 г.) расширение и реорганизация лагерной сети происходили исключительно с целью удовлетворения возросших потребностей в рабочей силе для восстановления разрушенного войной хозяйства Украинской ССР. Как свидетельствуют архивные документы, массово использовать труд военнопленных на территории республики режим начал как раз к весне 1944 г. Именно с этой целью УПВИ НКВД СССР и его республиканские структуры развернули невиданную до этого деятельность по организации новых лагерей и лагерных отделений. Всего на протяжении 1943–1945 гг. ими было создано 37 стационарных лагерей, 26 из которых функционировали в начале 1946 г., имея лимитное наполнение свыше 320 000 военнопленных¹⁴.

Третий период функционирования и развития системы лагерей военнопленных на территории Украинской ССР датируется 1946–1954 гг. Именно послевоенное время оказалось периодом наибольшего подъема всей системы работы с военнопленными. После Второй мировой войны последняя была существенно скорректирована с учетом новых условий, обстоятельств мирного времени, хозяйственных планов руководства СССР, а также возрастающей потребности в использовании труда узников войны. В контексте организационно-структурной работы органов ГУПВИ–УПВИ–ОПВИ в Украинской ССР на протяжении 1946–1954 гг. довольно отчетливо выделяются три этапа, каждый из которых отличается существенными особенностями в сфере функционирования лагерей для военнопленных.

В январе 1946 — декабре 1947 г. продолжалось расширение географии размещения военнопленных в регионах Украины. Постепенно возросли количество лагерей и численность контингента. Новые стационарные производственные учреждения для военнопленных создавались (за исключением оздоровительных подразделений) преимущественно в силу хозяйственно-производственной необходимости. Ведущими принципами, которые применило НКВД (МВД) в структурном строительстве системы лагерей на территории Украины, были ресурсно-производственный

и территориально-отраслевой. Первый значил, что трудовые ресурсы узников войны концентрировались преимущественно в производственной сфере, а второй предусматривал размещение их контингентов в лагерях или рабочих батальонах только на предприятиях стратегически важных отраслей и в тех регионах, которые испытывали особенно острый недостаток рабочих рук.

Основными методами лагерного администрирования в украинском региональном сегменте советской системы военного плена в 1946–1947 гг. были: перераспределение контингентов существующих лагерных подразделений, уменьшение их численности, передислокация последних, слияние нескольких лагерных отделений в одно и их функциональное перепрофилирование. В свою очередь, наиболее типичными причинами ликвидации лагерных подразделений являлись: окончание работ на отдельных предприятиях (в связи с чем потребность в рабочих руках военнопленных отпадала); необходимость освобождения лагерных помещений для размещения на их площади других учреждений и организаций; неподготовленность жилищного фонда для содержания военнопленных в зимнее время; перевод контингентов в другие лагеря. По нашим подсчетам, осуществленным на базе архивных документов ГУПВИ–УПВИ, на 1 января 1947 г. сеть стационарных производственных учреждений для военнопленных на Украине охватывала 24 лагеря в составе 224 лагерных отделений с общей лимитной численностью контингента свыше 240 000¹⁵.

Со второй половины 1947 г. еще одним важным фактором лагерной жизни на Украине стала репатриация военнопленных. Как следствие, сеть стационарных лагерей начала постепенно, но неумолимо сокращаться. Наступил второй этап послевоенного периода истории лагерей для военнопленных в УССР, который мы предлагаем датировать 1948–1950 гг.

В это время действовали два основных фактора, определяющих сущность дальнейшего функционирования лагерей и их подразделений. С одной стороны, — это начало массовой репатриации военнопленных, с другой — необходимость выполнения стратегически важных экономических программ и завершение проектов, начатых в Украине руками узников войны. Исходя из первого фактора (репатриации), началось существенное и необратимое сокращение сети лагерей, управлений, отделений и групп по делам военнопленных и интернированных МВД–УМВД. В результате численность контингента лагерей постепенно сократилась до минимума, что повлекло за собой их ликвидацию. В то же время лагерная сеть УПВИ МВД УССР, как и до этого, должна была обеспечивать широкомасштабное и эффективное трудовое использование военнопленных. Именно поэтому, осуществляя хотя и массовую, но все же избирательную репатриацию, органы УПВИ пытались одновременно,

как можно с большей пользой и эффективностью, распорядиться оставшимися у них трудовыми ресурсами. По нашим подсчетам, если на 1 января 1948 г. на территории УССР находилось 26 стационарных лагерей (266 лагерных отделений) с общим лимитом свыше 258 000 военнопленных, то на тот же период 1949 г. таких объектов было уже 16 (197 лагерных отделений) с лимитом 150 000 военнопленных. В дальнейшем численность стационарных лагерей для военнопленных продолжала сокращаться, и на 1 января 1950 г. таких в Украине насчитывалось лишь 10 в составе 67 лагерных отделений с лимитом 56 000 человек¹⁶.

В 1948–1950 гг. значительно расширяется сеть лагерных учреждений особого режима, где содержались военнопленные, задержанные от репатриации по уголовным, политическим или идеологическим мотивам. На протяжении 1948–1950 гг. лагерная сеть Украины, в значительной мере, исполняла нагрузку транзитной зоны репатриации. «Отфильтрованные» на этом пути и задержанные от репатриации военнопленные и интернированные, как правило, сразу же направлялись в ближайшие лагеря, а поэтому постепенно процент так называемого «особого контингента» в общей численности военнопленных на территории Украинской ССР возрастал.

Третий этап послевоенного периода функционирования системы лагерей для военнопленных в Украине датируется 1950–1954 гг. Он оказался завершающим как для существования системы советского военного плена в целом, так и для ее «украинского» звена в частности. Осуществляя под давлением внешних факторов и внутренних обстоятельств репатриацию узников войны, правящий режим одновременно пытался делать вид, что проблемы военнопленных в Советском Союзе не существует. Оставленные в лагерях, осужденные и не осужденные военнопленные и гражданские лица со статусом «интернированных», были объявлены военными, политическими и уголовными преступниками, отбывающими заслуженное наказание. Часть из них правительство СССР просто прятало от международной общественности и гуманитарных организаций. Как следствие, соответствующие изменения претерпела сеть региональных органов и учреждений содержания военнопленных и интернированных на территории Украинской ССР. Местные лагеря были реорганизованы в учреждения особого режима для осужденных военнопленных и интернированных. В начале 1951 г. в Украине еще оставалось 3 действующих режимных лагеря для этой категории заключенных (№№ 144, 280 и 460) общей лимитной численностью контингента – 4500 человек¹⁷. В 1950–1953 гг. основными функциями таких лагерей были: временное транзитное содержание контингента, его «фильтрация» в процессе репатриации и трудовая эксплуатация тех, кто еще оставался в лагерных бараках. В конце 1953 – начале 1954 г.

единственной функцией этих учреждений оставалось обеспечение транзита репатриантов. Весь контингент осужденных и находящихся «под следствием» военнопленных и интернированных вывезли во внутренние районы СССР. 8 марта 1954 г. заместитель министра внутренних дел СССР С. Н. Переверткин подписал приказ о передислокации всего контингента военнопленных и интернированных вместе с охраной из последнего на тот момент в Украинской ССР лагерного отделения (пос. Краснополье-Глубокое Ворошиловградской обл.) в исправительно-трудовое лагерное отделение для инвалидов № 18 «Дубравлага» МВД СССР (ст. Потьма Московско–Рязанской железной дороги). 10 апреля 1954 г. последние узники этого лагеря были отправлены по назначению¹⁸. Так завершила свое существование система лагерей для иностранных военнопленных на территории Украинской ССР.

Есть основания утверждать, что, ликвидируя в начале 1954 г. остатки лагерной сети для военнопленных в Украине, советский режим принимал во внимание, по крайней мере, два обстоятельства. В первую очередь — это давление со стороны международной общественности в связи с требованиями завершить репатриацию военнопленных из СССР, а также в определенной степени возросший уровень открытости советского государства, который наблюдался после смерти И. Сталина. На фоне увеличения количества иностранных гостей, посещавших Украинскую ССР (одно из государств-основателей и активного в послевоенные годы члена ООН), а также непрекращающегося беспокойства судьбой пленных на Западе, власти вынуждены были соблюдать свои растиражированные на всю планету миролюбивые обязательства и подписанную в 1949 г. Женевскую конвенцию о военнопленных. В этом контексте решение о ликвидации лагерей в Украине и передислокации их контингента вглубь СССР было для советского политического руководства единственно правильным.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что по своим формально-организационным признакам (принадлежность к системе органов НКВД–МВД), функциональным чертам, методам работы с контингентом стационарные режимные учреждения для иностранных военнопленных на территории Украинской ССР в исследуемый период представляли собой региональное звено многоаспектной, разноуровневой и строго централизованной системы содержания, изоляции и эксплуатации узников войны. Вполне логичным будет предположить, что система была частью, причем органичной, существующего советского карательно-репрессивного аппарата. Вместе с тем, организация и структура лагерей военнопленных в Украине имела и свои существенные особенности, о которых мы говорили выше.

¹ *Базаров О. Д.* Японские военнопленные в Бурятии, 1945–1948 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Иркутск, 1997; *Бичехвост А. Ф.* Репатриация советских и иностранных граждан: внутривластные и международные аспекты (1944–1953 гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. ун-т. — Саратов, 1996.; *Карасев С. В.* Японские военнопленные в Читинской области: 1945–1949 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 2002.; *Карпов В. В.* Полонення та репатріація Квантунської армії (1945–1956 рр.): Дис. ...канд. ист. наук: 20.02.22. — К., 2004.; *Конасов В. Б.* Политика советского государства в отношении немецких военнопленных, 1941–1956 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02. — М., 1998.; *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы / Послесл. В. Н. Варганова. — Вологда, 1996.; *Конасов В. Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. — М., 1998.; *Конасов В. Б., Кузьминых А. Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат / Акад. военно-ист. наук. Север. отд-е Центра воен. истории. — Вологда, 2002. — 232 с.; *Конасов В. Б., Кузьминых А. Л.* Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Очерки и документы. — Вологда, 2002.; *Они же.* Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг). Исторический очерк, документы и материалы. — Вологда, 2002.; *Кузнецов С. И.* Японские военнопленные в СССР после второй мировой войны, 1945–1956 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02. — Иркутск, 1994.; *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02. — Волгоград, 2001; *Стиридонов М. Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т. — Красноярск, 2001.; *Суржикова Н. В.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг.: Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. — Екатеринбург, 2001 и др.

² *Безбородова И. В.* Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР, 1939–1953 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1997.

³ *Карпов В.* Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии 1945–1956 гг. — К.—Львов, 1997; *Його ж.* Політична індокринія японських солдатів і офіцерів у радянському полоні (1945–1949 рр.) // Військово-історичний альманах. — 2003. — Ч. 1. — С. 67–79; *Буцько О. В.* Військовополонені в СРСР (1941–1945 рр.) // Український історичний журнал. — 2000. — № 4. — С. 120–126; *Её же.* Начало Великой Отечественной войны и первые немецкие военнопленные // Сторінки военной історії України: Зб. наук. статей / НАН України: Ін-т історії України. — К., 2002. — Вип. 6. — С. 108–111; *Её же.* Продовольственное обеспечение немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Сторінки военной історії України: Зб. наук. статей / НАН України: Ін-т історії України. — К., 2003. — Вип. 7. — Ч. 2. — С. 168–172; *Левикін В. В.* Про процес репатріації німецьких військовополонених з СРСР у 1945–1956 роках // Сторінки военной історії України: Зб. наук. статей / НАН України: Ін-т історії України. — К., 2003. — Вип. 7. — Ч. 2. — С. 190–199 та ін.

⁴ *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). — К., 2002. Второе издание книги увидело свет в 2005 р. в Парламентском издательстве (г. Киев), а также на польском языке в Варшаве (*Niewola za obce i swoje grzechi. Jechcy w obozach na Ukrainie 1939–1953.* — Warszawa: Rutm, 2005.).

⁵ *Потильчак О. В.* Радянські табори військовополонених в Україні (1939–1954): організаційно-структурний аспект. — К., 2004; *Його ж.* Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). — К., 2004; *Його ж.* Поховання іноземних військово-полонених та інтернованих Другої світової війни в Україні. — К.: Вид-во Нац. пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова, 2004; *Його ж.* До питання про використання військовополонених німців на відбудовчих роботах у Чернігові та області восени 1944 року // Література та культура Полісся. Вип. 17. / Відпов. ред. і упорядн. Г. В. Самойленко. — Ніжин: НДПУ, 2001. — С. 224–225; *Його ж.* Нормативне регулювання праці військовополонених в СРСР у роки Другої світової війни: історичний аспект // Український історичний збірник. — 2002. — Вип. 5. — С. 264–279; *Його ж.* Структура трудових ресурсів, інтернованих у чорній металургії півдня України (1945–1946 рр.): на матеріалах підприємств Дніпропетровщини // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. — 2003. — № 2. — С. 155–162; *Його ж.* Німецькі військовополонені і суспільні настрої в Україні у 1944–1945 рр. // Література та культура Полісся. Вип. 23. / Відп. ред. і упорядник Г. В. Самойленко. — Ніжин: НДПУ, 2003. — С. 84–91; *Його ж.* Використання німецьких військовополонених на підприємствах вугільної та металургійної промисловості України (1944–1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: 36 наук. статей / НАН України Ін-т історії України. — Вип. 7. — Ч. 2. — К., 2003. — С. 183–190; *Його ж.* Відкритий судовий процес у Сталіно: маловідома сторінка радянського військового полону в Україні // Історія в середніх і вищих навчальних закладах України. — 2005. — С. 14–19; *Його ж.* Режимні лікувальні установи для військовополонених на території України // Університет. — 2005. — № 2 (4). — С. 34–41; *Його ж.* Тема радянського військового полону часів Другої світової війни у сучасній російській історіографії // Вісник Київського славістичного університету / Редкол.: Ю. М. Алексєєв (голов. ред.) та ін. — К.: КСУ, 2005. — № 20. — С. 287–296, та ін.

⁶ Державний архів МВС України (далее — ДА МВС України). — Ф. 45, оп. 1, спр. 54, арк. 30–31.

⁷ *Потильчак О. В.* Радянські табори військовополонених в Україні (1939–1954): організаційно-структурний аспект. — К., 2004. — С. 61.

⁸ *Його ж.* Організація системи військового полону в СРСР у 1939–1941 рр.: нормативно-структурний аспект // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. — 2005. — № 2. — С. 199–200.

⁹ ДА МВС України. — Ф. 45, оп. 1, спр. 54, арк. 30–35, 42–43; спр. 50, арк. 218–220; спр. 51, арк. 124–127; спр. 73, арк. 80–82.; Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 52–53.

¹⁰ *Потильчак О. В.* Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). — К., 2004. — С. 56.

¹¹ *Його ж.* Розвиток радянської системи полонення та евакуації військовополонених у 1943–1945 рр. // Науковий часопис НПУ ім. Драгоманова (до 15-річчя кафедри історії України). Серія № 6. Історичні науки: Зб. наук. праць. — К.: НПУ імені М. П. Драгоманова, 2005. — Вип. 2. — С. 49.

¹² ДА МВС України. — Ф. 83, оп. 1, спр. 228, арк. 28.

¹³ Там само. — Арк. 18.

¹⁴ Радянські режимні установи для військовополонених та інтернованих в УРСР (1939–1954 рр.): організація, дислокація, структура: Дис. ...д-ра іст. наук: 07.00.01. — К., 2005. — С. 147.

¹⁵ *Потильчак О. В.* Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). — С. 372–373.

¹⁶ Там само. — С. 76, 81, 83.

¹⁷ *Його ж.* Табори для військовополонених та інтернованих в Україні у 1950–1954 рр.: організаційно-структурний аспект // Історичний журнал. — 2005. — № 2. — С. 37.

¹⁸ ДА МВС України. — Ф. 7, оп. 1, спр. 539, арк. 207, 238.

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В УКРАИНЕ (1944–1953 гг.)

АНАТОЛИЙ ЧАЙКОВСКИЙ

Академия управления МВД Украины

В СССР лагеря военнопленных в ходе войны появились во второй половине 1939 г. Число режимных объектов для них, а с 1945 г. — и для интернированных, постоянно увеличивалось. С 1947 г. начался обратный процесс.

Всего в СССР с 1939 по 1956 г., наряду с 24 фронтовыми приемно-пересыльными лагерями, действовали 72 приемных пункта, более 500 стационарных лагерей и специальных объектов, 258 спецгоспиталей, 480 рабочих и отдельных рабочих батальонов, 322 лагеря органа репатриации. Через них прошло более 4 млн военнопленных и 300 тыс. интернированных.

На территории Украины и Крыма в рассматриваемый период дислоцировались 56 стационарных лагерей, 160 рабочих и отдельных рабочих батальонов, около 40 спецгоспиталей, другие режимные объекты. В них в свое время находилось свыше 800 тыс. человек, в том числе 75 % собственно военнопленных. Наибольшее число охраняемого контингента пришлось на 1945–1946 гг. По разным причинам (репатриация, смерть, перевод в лагеря и рабочие батальоны других республик и т. д.) их количество стало сокращаться. Массовая репатриация пришлось на 1949 г. До января 1954 г. в двух лагерях (№№ 280, 460) оставались лишь осужденные.

Среди военнопленных-европейцев преобладали немцы (около 80 %), остальные — венгры, румыны, австрийцы и другие, в том числе свыше 5 тыс. японцев. В рабочих батальонах этнические немцы составляли 95 %.

В контексте заявленной темы остановимся на трудовом использовании немцев. В связи с этим несколько замечаний.

1. Их труд использовался в 1944–1953 гг. в стационарных (производственных), а также особорежимных лагерях.

2. Разновидностью режимных объектов были рабочие и отдельные рабочие батальоны. В вопросах охраны, учета, агентурно-оперативной работы и других они находились под «опекой» НКВД (МВД).

3. Для более глубокого понимания процесса трудового использования пленных и интернированных имеет смысл остановиться на некоторых общих аспектах плена в СССР, прежде всего на вопросах охраны, условий и режима содержания, медико-санитарного обеспечения, питания и т. д.

Стационарные лагеря состояли из органов управления, лагерных отделений и лагерных пунктов. Управления лагерей размещались в областных центрах или крупных городах. В зависимости от типа (всего их было 7) лагеря имели от 5 до 20 отделений, общей лимитной наполняемостью от 1 до 30 тыс. человек.

Лаготделения дислоцировались вблизи промышленных и строительных объектов, железных и шоссейных дорог. Учитывались и такие факторы, как наличие жилого и подсобного фондов, электро- и водоснабжения, возможности организации охраны, расстояние до мест работ и др. Такие же требования предъявлялись и к местам расположения рабочих батальонов. Внешнюю охрану осуществляли конвойные войска. В лагерной зоне службу несли надзиратели (вахтеры).

Быт военнопленных долгое время не соответствовал самым неприятельным санитарным нормам. Ютились они в бараках, землянках, разрушенных домах и т. п. Не хватало нар, матрацев, постельного и нательного белья, нередко отсутствовали бани, регулярная подача электроэнергии и водоснабжения. Следует подчеркнуть и такой факт: в условиях послевоенной разрухи в подобном положении находилось большинство населения Украины.

Жизнь и труд интернированных мало чем отличались от участи военнопленных. Регламентировались они специальными приказами НКВД. Вместе с тем повседневный быт, прежде всего за счет привезенных с родины носильных и личных вещей, постельных принадлежностей и другого, был более щадящим.

За проступки, не влекущие уголовную ответственность, военнопленные и интернированные подвергались дисциплинарным взысканиям (выговор, арест до 20 суток с содержанием на гауптвахте, строгий арест до 10 суток в карцере, направление в особорежимный лагерь). За материальный ущерб накладывались штрафы (до 25 % ежемесячной зарплаты) с полным его возмещением.

Осуществляемые репрессии на число нарушений существенного влияния не оказывали. По данным НКВД СССР, только в ноябре–декабре 1945 г. произошло 103 групповых побега. 55 % из них было совершено из производственных зон; 24 % — из лагерей; 15 % — с подсобных внелагерных работ; 6 % — во время конвоирования. Лидерство удерживали лагеря Украины. Из 590 бежавших и не задержанных почти 40 % приходилось на их долю. По числу бежавших интернированных первенствовали рабочие батальоны Донбасса (83 % всех побегов).

Ситуация изменилась в 1948 г. В докладе республиканского МВД (январь 1949 г.) отмечалось: «Количество побегов военнопленных из лагерей... в 1948 году в сравнении с 1947 годом уменьшилось более чем в три раза. Повысилась и эффективность мероприятий по розыску беглецов. Если за 1947 год бежало 632 человека, из коих задержано 485 (78%), предупреждено побегов 2395, то за 1948 год бежало 198 человек, из них задержано 150 беглецов (80%), предупреждено побегов — 791...»

В 1949 году из лагерей Украины бежало 70 военнопленных, 61 задержали. Уменьшение численности охраняемого контингента, карательные меры властей, приближающаяся репатриация способствовали тому, что количество побегов и их попыток начало сокращаться. Рисковали отчаявшиеся или те, кому терять было нечего.

В 1943–1948 гг. из всех лагерей СССР побег совершили 11 403 военнопленных. 10 761 удалось задержать, 292 были убиты. Для 350 человек (3%) побег оказался успешным. 85% бежавших были немцы.

Трудоиспользование охраняемого контингента требовало огромного количества конвойных войск и надзирателей. В 1945–1948 гг. их ежедневная привлекаемая численность равнялась 25–30 тыс. человек. Удешевить режим содержания стремились за счет самих же узников. Последнее стало причиной появления вспомогательных команд, формирование которых началось в июне 1945 г. в 98-ми лагерях, в т. ч. 20-ти в Украине, из «проверенных, знающих русский язык военнопленных независимо от их национальности или принадлежности к армиям воевавших против СССР государств». Их задача состояла в конвоировании и охране работающих, а также охрана в жилых зонах. Последнее начинание поддержки не получило и вскоре было отменено.

Наряду с другими, война вызвала в СССР и продовольственную проблему. И хотя в 1941–1942 гг. пленным было мало, 30 июня 1941 г. правительство утвердило им уменьшенные продовольственные нормы. Летом 1942 г. продпаек еще больше «похудел». Вскоре выяснилось — он не соответствует физическим потребностям человека. Не меньшим злом было нерадивое хранение продуктов и воровство. Как результат, число заболеваний авитаминозом и дистрофией увеличилось в несколько раз. В 70–80% случаев это стало причиной летальных исходов.

Продпаек усилили лишь в начале 1943 г. Циркуляром НКВД объявлялось о введении шести норм питания военнопленных: для рядового и унтер-офицерского состава; для офицеров; для содержащихся на гауптвахте и в штрафных подразделениях; для стационарных больных; дополнительный и противочинговый паек. Количество хлеба в день варьировалось от 300 г для находившихся в изоляции — до 900 г для выполнявших производственную норму на 100% и более. Такая же картина наблюдалась и в отношении интернированных.

Тяжелыми выдались 1946–1947 гг., когда начался голод. Суточный рацион снизился с 3200 до 2370 калорий. Это была грань между жизнью и смертью. Но и такое питание имели далеко не все. Младшие офицеры продпаек получали дифференцированно, в зависимости от выполнения производственных заданий. Дополнительно — 300–400 г хлеба, при условии выполнения норм выработки, выдавалось лишь занятым на подземных работах.

Полуголодное состояние вызвало широкое недовольство. Лагерная агентура доносила: зреет открытое неповиновение.

Не лучше была ситуация и среди интернированных. Начальник Управления МВД по Днепропетровской области полковник Шлихта в спецсообщении секретарю областного партийного комитета Найденову писал о фактах употребления ими в пищу мяса собак и кошек.

Снижение уровня питания, перебои со снабжением, хищения, бесхозяйственность, другие негативные явления угрожали не только здоровью контингента, но и ставили вопрос о его физическом выживании. Зимой 1946/47 г. в 109 наиболее неблагополучных лагерях, в том числе в 18 в Украине, ввели чрезвычайное положение. В распоряжении МВД СССР по этому поводу говорилось: «Ваш лагерь выделяется высокой смертностью военнопленных и взят нами как неблагополучный под особый контроль... Это явилось результатом того, что Вами не организовано настоящей борьбы за выполнение указаний и директив МВД СССР о создании необходимых жилищно-бытовых условий, правильной организации питания, трудоустройства и медико-санитарного обслуживания военнопленных... Требую от Вас принятия немедленных и эффективных мер по снижению и недопущению ухудшения физического состояния военнопленных. Предупреждаю, что если положение в лагере в ближайшее время не улучшится, буду расценивать это как невыполнение Вами основных задач по сохранению и трудовому использованию контингента и неспособность руководить лагерем. Министр — Круглов».

К апрелю 1947 г. в 59 лагерях ситуация улучшилась. За хищения и кражи 134 сотрудника режимных объектов были осуждены военными трибуналами, 238 — отстранены от занимаемых должностей, на 142 наложены дисциплинарные взыскания. Но кардинальных изменений не наступило.

24 марта 1947 г. в приказе «О мерах борьбы с хищениями в лагерях МВД для военнопленных» Круглов констатировал: «Хищения и растраты товарно-материальных ценностей в лагерях..., несмотря на неоднократные указания МВД СССР об усилении борьбы с ними, по-прежнему носят массовый характер, а в ряде областей ущерб от них увеличивается...»

Только в Украине сумма похищенных в 1944–1949 гг. бюджетных ассигнований, выделенных на содержание военнопленных и интернированных, а также стоимость продовольствия и материальных средств,

по нашим данным, составила около 20 % от их общего количества. Если учесть бесхозяйственность и расточительство, то это число удвоится.

С улучшением в 1948 г. в стране экономической ситуации улучшилось и продовольственное обеспечение контингента.

Важным обстоятельством стало и сокращения вдвое его численности, с 251 тыс. человек в 1947 г. до 144 тыс. в 1948 г.

В декабре 1947 г. приказом МВД № 0751 вместо существующих пяти норм довольствия немцев, а также японцев, вводились десять. Занятым в угольной, сланцевой и горнорудной промышленности начали выдавать дополнительно 400 г хлеба, 20 г мяса, 16 г сахара, 3 г жиров. Другие нормы, в сравнении с 1945 г., остались без изменения. Офицеры и генералы вместо пшеничного и ржаного хлеба (соответственно по 300 г), стали получать «хлеб из муки простого помола».

Питание военнопленных и интернированных зависело от многих факторов. Кроме указанных, влияние оказывали время года, место дислокации режимного объекта, характер и производительность труда, многое другое. Вместе с тем, документы и непосредственные участники событий свидетельствуют: продовольственное обеспечение контингента, даже в период голода, нередко было лучшим, чем у народа-победителя. Фельдмаршал Паулюс отчасти был прав, когда в 1946 г. на вопрос немецкого журналиста: «Как живет пленный в России?» — ответил: «Напишите в своей газете, что германские военнопленные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети».

В 1939–1956 гг. в советском плену от ран, болезней, несчастных случаев, вследствие судебных и внесудебных приговоров, старости, злоупотреблений, других причин умерло (казнено, погибло) более 700 тыс. военнопленных и интернированных. Наибольшее число смертей пришлось на 1943–1946 гг. В Украине их количество составило свыше 100 тыс., 80 % из них были немцы.

Анализируя причины смертей в плену по обе стороны линии фронта, следует признать: есть принципиальная нравственная и юридическая разница между злоупотреблениями, халатностью, нерадивостью, пусть даже непростительными, и противозаконным, преднамеренным, методичным, с письменными решениями и личными делами жертв, убийством. Боевой амок нацистско-фашистских палачей в отношении советских военнопленных был ни чем иным, как планомерной, растянутой на годы казнью без суда и следствия сотен тысяч людей. В лагерях третьего рейха погибло (умерло), по разным данным, от 3,3 до 4,3 млн человек, что не имеет мировых аналогов. В нашем случае, к счастью, подобного не случилось. Однако это ни в коем случае не идеализирует положение военнопленных и интернированных, прежде всего немецких, в лагерях НКВД (МВД).

Говоря о мерах по сохранению здоровья и жизни охраняемого контингента, необходимо сказать: осуществлялся достаточно широкий спектр различных мероприятий — от улучшения питания до появления лечебно-восстановительных учреждений. «У вас в лагере, — отмечал в марте 1945 г. в адрес руководителей 46 режимных объектов Круглов, — создается нетерпимое положение со смертностью военнопленных... Объясняю это невыполнением... приказов и директив НКВД... о содержании военнопленных, их питании и бытовом обслуживании. Требую немедленно принять все меры к укреплению физического состояния военнопленных и прекращению смертности. Предупреждаю, если в ближайшее время положение не улучшится, Вы будете отстранены от должности и отданы под суд...»

Предпринимаемые в этом случае шаги диктовались не блажью должностных лиц, а трезвым политическим и прагматическим расчетом государства. В первом случае усматривалась возможность укрепления в мировом сообществе убежденности о выполнении СССР положений международных конвенций о военнопленных и интернированных; в другом — как можно дольше сохранить и удержать практически дармовую рабочую силу.

Необходимо отдать должное и советскому медицинскому персоналу. Нерадивость, халатное выполнение определенной его частью служебного и профессионального долга не являлись определяющими. Преобладали сострадание, гуманность и человеческая участь. Кроме 2,5 тыс. врачей и свыше 5 тыс. младших медицинских работников, в режимных объектах трудились около 7 тыс. военнопленных медиков. Суммируя их совместный труд, отметим: если в 1941–1945 гг. смертность составляла от 5 до 60 %, то в 1946–1950 гг. — 0,01–3 %. Примечателен и такой факт: если во время Первой мировой войны основными заболеваниями и причинами летальных исходов среди пленных были тиф (брюшной, сыпной), холера и другие, то в 1941–1945 гг. и в послевоенный период на первый план вышли дистрофия, простудные болезни, туберкулез и т. д.

«Военнопленные рядового и унтер-офицерского состава, — отмечалось в «Положении о военнопленных» 1941 г. (раздел 4 «Трудовое устройство военнопленных»), — могут привлекаться к работе как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве СССР на основании особых правил, разработанных Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных. Офицеры и приравненные к ним лица могут привлекаться к работе лишь с их согласия...» В феврале 1946 г. директивой НКВД последнее положение было нарушено. Младшие офицеры стали работать наравне с другими категориями. «Положение...» также предусматривало, что на охраняемый

контингент распространяются постановления высших государственных исполнительных органов об охране труда и рабочем времени наравне с гражданами СССР, которые работают в этой же местности и отрасли. Предполагалась и заработная плата. Запрещалось его использование в районах боевых действий, для обслуживания личных нужд администрации лагерей и производственных объектов, а также в роли денщиков. На практике установленные правила нарушались.

В 1941–1942 гг. к труду пленные привлекались эпизодически. Около 7 тыс. человек занимались добычей торфа, угля, лесоразработками, на строительстве дороги Горький–Казань. Производительность труда характеризовалась низкими показателями, а также высоким уровнем заболеваемости и смертности. Нередко число летальных исходов равнялось 40–50 % от общего их числа.

Качественные сдвиги в организации трудоустройства охраняемого контингента пришли на 1944 г. Обусловливалось это несколькими обстоятельствами. Во-первых, содержание многотысячной армии пленных для разоренной войной страны становилось непосильным бременем. Если в 1939 г. на обеспечение лагерей из союзного бюджета было выделено 20 млн рублей, то в 1943 г. — почти 215 млн. В 1945–1948 гг. эта цифра ежегодно увеличивалась в несколько раз. Стояла задача перевода режимных объектов, кроме фронтовых, на самокупаемость.

Во-вторых, значимость труда военнопленных и интернированных диктовалась необходимостью восстановления разрушенного хозяйства. В условиях, когда большинство трудоспособного мужского населения находилось в армии, а более 6 млн молодых граждан, в том числе 2 млн из Украины, пребывали на принудительных работах в третьем рейхе, охраняемый контингент стал вызывать повышенный интерес.

С середины 1945 г. численность военнопленных, за которыми закрепилось определение «трудовой контингент» или «трудовой фонд», превысила количество заключенных ГУЛАГа. Кроме строительно-восстановительных работ, их труд применялся на заводах, шахтах, рудниках, железнодорожном и промышленном строительстве, по добыче урановой руды, золота, алмазов и т. д.

В зависимости от состояния здоровья, врачебно-трудовыми комиссиями лагерей «фонд» подразделялся на три категории трудоспособности.

Первая: пригодные для всех физических работ, невзирая на условия труда.

Вторая: пригодные к труду средней физической тяжести.

Третья: привлекаемые к легкому труду.

Позже «трудовой контингент» получил упрощенное название — группы «А», «Б», «В». Появилась и группа «Г» — военнопленные

(интернированные) инвалиды и лица с тяжелыми хроническими болезнями. С последними двумя подгруппами происходили различные случаи, особенно когда лагерная администрация получала приказ передать «трудовой фонд» 1-й и 2-й категории в другой режимный объект.

Один из главных документов НКВД, под названием «Положение о трудовом использовании военнопленных», появился в сентябре 1945 г. Почти на 10 лет он определил судьбу тех, кому пришлось зарабатывать кусок хлеба, находясь в плену. «Трудовое использование военнопленных, — подчеркивалось в нем, — осуществляется по решению ГКО (Государственного Комитета Обороны) и указанию НКВД СССР, исходя из потребности промышленности и строительства СССР и ликвидации ущерба, причиненного войной. Труд для всех военнопленных рядового и младшего начсостава обязателен. Отказ от работы либо халатное отношение к ней рассматривается как нарушение военной дисциплины и влечет за собой соответствующее наказание. Военнопленный обязан своим трудом возместить стоимость своего содержания...»

Военнопленных предписывалось использовать по довоенной специальности и квалификации, устанавливался восьмичасовой рабочий день, сверхурочный труд (для невыполняющих норму) и т. д. Командный состав рабочих подразделений из числа пленных (батальон, рота, взвод) от работы освобождался. Выходных дней предусматривалось четыре в месяц.

Документ не раз уточнялся. Однако многие его положения остались лишь на бумаге. Например, к труду пленные должны были привлекаться в «строгом соответствии с их физическим состоянием». В частности, лица группы «В» — к легким физическим работам со снижением на 50 % норм выработки и продолжительностью рабочего дня 4–6 часов. В действительности все выглядело с точностью до наоборот.

За выполнение и перевыполнение норм выработки на 100 % и более предполагалась зарплата: 200 рублей в месяц для работающих на тяжелых и 150 рублей — на других работах. От 250 до 500 рублей оплата труда предусматривалась в шахтах и высококвалифицированным специалистам. Зарплата командного состава подразделений (кроме обязательных 50–75 рублей) зависела от выполнения (перевыполнения) ими норм выработки и варьировалась от 75 рублей (при 100 % выполнения) до 300 рублей (150% и более). Учитывая, что бутылка водки стоила 30 рублей, суммы были ничтожно малы.

Обязательным условием являлось и «наличие в руководимом подразделении строгой дисциплины, сохранности инструментов и материалов». В противном случае зарплата снижалась или не выдавалась совсем (кроме обязательных выплат). «Хорошо работающие и перевыполняющие нормы выработки» поощрялись: «а) их размещали в лучших бараках;

б) выдавали в первую очередь постельные принадлежности, одежду и обувь; г) первоочередно продавали из ларьковой сети предметы личного обихода, продукты, табак и т. д.». Тяжелым трудом предлагалось не только заполучить более или менее человеческое существование, но и сохранить здоровье.

К «небрежно относящимся к работе и не выполняющим установленных норм выработки» (помимо двух сверхурочных часов), применялись взыскания: выговор; арест с содержанием на гауптвахте (до 20 суток); строгий арест (в карцере до 10 суток); перевод в штрафное отделение с особо тяжелым режимом работы (до трёх месяцев); лишение права переписки (до двух месяцев); лишение права пользоваться деньгами (до двух месяцев). Злостно уклоняющихся от работы судили военные трибуналы.

Большой проблемой на производстве оставался травматизм. Только за 9 месяцев 1947 г. увечья получили более 254 тыс. военнопленных (787 случаев со смертельным исходом), 33,5 тыс. требовали длительного лечения.

Труд 70 % военнопленных и интернированных в Украине использовался главным образом на строительско-восстановительных работах, остальных — в угледобыче, в промышленном и гражданском строительстве, других отраслях. Быт военнопленных, например в 1944 г. в лагерях Донбасса, был настолько неприспособлен, что число больных равнялось почти 50 %. Трудоспособные группы «А» составляли лишь 20 %. Из 37,5 тыс. «трудового контингента» на работы выводились только 10 тыс. человек.

Привлекались пленные и к выполнению специфических работ. Так, 850 человек в Киеве вели раскопки массовых захоронений расстрелянных нацистами мирных граждан в урочище Бабий Яр.

Спрос на «трудовой фонд», особенно на квалифицированных рабочих, был велик. Пристальным вниманием министерств и ведомств пользовались в первую очередь немцы, австрийцы, японцы, которые, как правило, порученное дело выполняли профессионально и с хорошим качеством. Документы свидетельствуют: при их дележе между представителями организаций и предприятий не раз доходило до тяжёлых споров и даже «кое-кто брал друг друга за грудки».

В июле 1947 г. республиканское МВД внесло в правительство республики предложение «О возможности выделения военнопленных для шахтовосстановления Донбасса». За счет снятия с других объектов, к работам предлагалось привлечь 5 тыс. немцев. Тем самым предполагалось «отблагодарить проклятых фрицев» за причиненный ущерб, с другой стороны учитывались их организованность, дисциплинированность и профессионализм.

Летом 1947 г., по данным МВД, в 23 лагерях Украины содержалось 177 тыс. военнопленных, среди них 112 тыс. немцев. К 1 января 1948 г., после передислокации лагерей, количество последних увеличилось на 3, а их общая наполняемость возросла до 198 тыс. узников. Показатели физического состояния и трудоустройство контингента характеризовались следующими данными: относящиеся к группам «А» и «Б» — 68 %, «В» — 17 %. В оздоровительных командах, а также инвалидов и неработающих насчитывалось более 25 тыс. человек (15 %). Собственно «трудовой фонд» равнялся 152 тыс. Из них 87 % работали в отраслях народного хозяйства. Остальные (более 20 тыс. человек) числились за лагерной службой, на подсобных работах и др. Почти 6 тыс. не работали вообще.

По официальным сведениям, труд пленных применялся на предприятиях 34 союзных и 12 республиканских министерств. С их участием велась прокладка шоссе Киев–Харьков, Киев–Львов, Киев–Одесса, осуществлялись другие работы.

Вопрос состояния трудоустройства военнопленных и интернированных был рассмотрен в ноябре 1947 г. на совместном заседании Совета Народных Комиссаров (СНК) и Центрального Комитета Компартии большевиков Украины. В постановлении под грифом «Совершенно секретно» «Об использовании военнопленных» констатировалось: «...военнопленные, как рабочая сила, используются... неудовлетворительно». Главными недостатками определялись организационные и кадровые просчеты.

План по интенсификации труда охраняемого контингента предусматривал три основных направления: меры хозяйственных органов; усиление роли администрации лагерей; совместные мероприятия первых и вторых.

Время показало: достичь желаемых результатов в силу различных причин не удалось.

Трудовое использование узников в особорежимных лагерях велось значительно интенсивней. Объекты работ с осужденными и находящимися под следствием военнопленными ограждались колючей проволокой, охранялись усиленным конвоем. Находились они в максимальной близости от лагерей, в полной изоляции от местного населения. Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов в сутки с обязательным нормированием выполненных работ.

Рабочие батальоны интернированных дислоцировались в основном в восточном и южном регионах республики: 63 — в Сталинской (Донецкой) области, по 28 — в Ворошиловградской и Днепропетровской. Их контингент использовался преимущественно в угольных шахтах и на предприятиях черной металлургии.

Режим содержания и будни интернированных ничем не отличались от жизни военнопленных. Побег, дебош, неповиновение носили массовый характер. При проверке в 1946 г. 97-ми батальонов выяснилось: «трудовой фонд» во многих из них составлял 25–30%. Больные, травмированные, а также число смертей превышали среднестатистические в несколько раз.

Трудовое использование контингента высветило еще одну проблему — саботаж. Основное место в этом случае занимали членовредительство и диверсии. К январю 1949 г. общая численность осужденных за эти деяния достигла 1108 человек.

В Украине наиболее успешным трудоустройством военнопленных и интернированных оказалось в 1948–1949 гг., когда количество лагерей и рабочих батальонов сократилось более чем в три раза. Улучшалось и физическое состояние контингента. Показатели «трудового фонда» групп «А» и «Б» соответственно равнялись 85% и 94%, группы «В» — 15%.

Вывод на работы к списочной численности в этот период в среднем составлял 75%. Выработка на человеко-день равнялась 19–22 рублям, а производительность труда в среднем — 120%. Рентабельными стали 11 лагерей из 13. Основным недостатком оставался травматизм. Только в 1948 г. в абсолютных цифрах он равнялся 12 694 случаям (15% от всего контингента), из них 206 с летальным исходом.

Вклад военнопленных в восстановление и развитие народного хозяйства Советского Союза с 1943 г. по 1 января 1950 г. нашел выражение в более чем миллиарде отработанных человеко-дней, почти в 17-миллиардном заработке, в выполнении только в строительстве работ общей стоимостью примерно 50 млрд рублей.

Вместе с тем, в силу общеизвестных закономерностей о подневольном труде, результаты их «трудовых свершений», за редким исключением, были далеки от ожидаемых. Так, среднегодовой вывод военнопленных на работы колебался от 55 до 90% от их численности. Плановый процент выработки был еще ниже — 50–85%. Существующие трудовые нормы выполняли менее 50% работающих.

Появление осенью 1945 г. на территории СССР, прежде всего в Украине, мобилизованных и интернированных немцев и, как следствие, возникновение рабочих батальонов, кардинально ситуацию с фондом рабочей силы в стране не изменило. По различным причинам, прежде всего субъективным, не удалось должным образом наладить и организацию их трудоустройства. До конца репатриации в своем большинстве оно оставалось неудовлетворительным.

Несомненно, что при иных подходах к решению проблемы трудового участия охраняемого контингента, результаты могли быть иными.

Беда заключалась в том, что получив практически дармовую рабочую силу при ее применении позаимствовали и опыт ГУЛАГа. Неудивительно, что развитие получили такие уродливые явления, как необоснованные завышения норм выработки, занижение расценок оплаты труда, обшеты, приписки, многие другие негативные факты. Умноженные на скудное питание, недостаточное медицинское и санитарное обслуживание, неудовлетворительный быт, воровство, хищения, неумение, а во многих случаях и нежелание организовать дело, усложнили ситуацию еще больше.

Главную же роль в практике применения труда охраняемого контингента сыграла существующая система власти, радикально изменившиеся мировые политические отношения, другие факторы. Все вместе серьезно повлияло на судьбы тех, кто, находясь вдали от родины, вынужденно делал то, что приказывали другие. С другой стороны, результаты трудоустройства военнопленных и интернированных, прежде всего в Украине, оказались далеки от предполагаемых.

СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ

ХАНСЙОРГ КАЛЬЦИК, УЛЬРИХ АУСТЕРМЮЛЛЕ

Германский Красный Крест, ФРГ

Уже более 60 лет Служба розыска Германского Красного Креста занята выяснением судеб без вести пропавших людей. Большую долю среди них составляют судьбы взятых в плен во время войны военнослужащих вермахта, а также интернированных в конце и после войны гражданских лиц.

В моем выступлении мне бы хотелось дать Вам краткий обзор о большой работе в деле выяснения судеб без вести пропавших, проделанной Службой розыска в прошлом и продолжающейся сейчас, о методах и средствах нашей работы, а также о том длительном и затруднительном пути, который пришлось пройти до того момента, когда мы наконец-то смогли свободно и открыто говорить обо всех проблемах и последствиях той войны, которая принесла нашим народам такое невиданное горе.

Вторая мировая война отличалась от всех прежних войн тремя существенными моментами, а именно:

- огромным количеством мобилизованных людей,
- невиданным масштабом разрушений и
- большим влиянием идеологии на ведение войны.

Огромные массы людей не только воевали на полях сражений, но и испытали все горести плена.

Если в германо-французской войне 1870/71г. в плен попало 400 тыс. солдат, то в ходе Первой мировой войны это число уже возросло в 20 раз. В лагерях оказалось в общей сложности около 8,4 млн людей из всех воюющих стран. А во Второй мировой войне горькая участь плена уже постигла 35–40 млн человек.

Эта огромная масса людей требовала от государств, во власти которых находились военнопленные, больших усилий в области учетного дела и логистики, к которым эти государства не всегда были готовы.

Указанные выше три отличительных черты этой войны позже, после окончания Второй мировой войны, сказывались и на работе Службы розыска:

— В одной лишь Германии каждый четвертый стал либо разыскивающим либо сам разыскивался, иными словами — 20 млн людей в той или иной мере стали причастными к работе Службы розыска. Это нашло выражение в многомиллионных картотеках.

— Разрушения войны препятствовали мгновенному установлению контактов между людьми, ищущими друг друга, или по крайней мере сильно тормозили установление таких контактов.

— Распространившееся вследствие идеологической войны недоверие друг к другу препятствовало решению гуманитарных задач.

Что стало с родным человеком, погиб он или попал в плен — этот вопрос уже в последнем полугодии войны, когда регулярная связь между родиной и фронтами войны перестала функционировать, сильно тревожил людей. Война закончилась, но этот вопрос остался злободневным. Люди начали искать выход из этого положения.

Возможности выяснить судьбу человека, конечно, имелись, но их было не так много:

— С одной стороны, информацию получали из почтовых открыток, которые пленный сам мог послать.

— С другой стороны, вернувшиеся товарищи или сослуживцы могли рассказать о судьбе того или иного человека.

Однако для Службы розыска, которая стала формироваться по окончании войны буквально на пустом месте, этого было недостаточно. Ведь эта информация от вернувшихся домой поступала нерегулярно и не целенаправленно в отношении определенных лиц. Почта из плена только в редких случаях стала достоянием общественности. Поэтому Служба розыска практически с самого начала приступила к целенаправленным опросам вернувшихся домой. При этом параллельно развивались и осуществлялись различные методы опроса. Составлялись списки имен, куда заносились полученные данные на пропавшего без вести человека. Этот метод в последний раз применялся еще и в отношении конфликта в Югославии, когда Международный комитет Красного Креста опубликовал список «Пропавших без вести на территории Боснии и Герцеговины лиц», вышедший, если не ошибусь, уже в четвертом издании.

Репатрианты зачастую не помнили фамилии своих товарищей, знали большинство из них только по имени. В г. Фридланде, где с конца 1945 г. принимались, регистрировались и размещались репатрианты с востока, прежде чем вернуться домой к своим семьям, была организована фототека.

Возвращенцам показывали на собеседовании фотографии пропавших без вести. Похожий метод, правда менее координированный, мы наблюдали после страшной катастрофы вследствие цунами 2004 г. Вы наверняка помните эти картины с сотнями фотографий пропавших без вести, размещенных на стенах, заборах и деревьях. Почти так же поступали и в рамках службы розыска детей.

Поиск при помощи фотографий во Фридланде и фотокампания службы розыска детей в немецких журналах, а также поиск по фотографиям

в газете Службы розыска показали, что опрос возвращенцев на основе фотографий дает наиболее существенные результаты. При разглядывании фотографий, нередко пробуждаются воспоминания о том или ином товарище по несчастью, встретившемся в воинской части или же в лагере для военнопленных.

Фотосписки пропавших без вести

Таким образом, комбинация из имен и фотографий оказалась наиболее действенным способом розыска людей.

Президент Германского Красного Креста в преддверии этого проекта послал всем разыскивающим близкого человека людям письма, в которых он просил их прислать фотокарточку искомого лица. В результате Служба розыска получила почти миллион фотографий.

После утверждения соответствующего бюджета Служба розыска в Мюнхене в декабре 1957 г. приступила к составлению фотосписков. Первый полный экземпляр этого фотосписка, работа над которым завершилась в октябре 1958 г., представлял собой 186 томов с общим количеством более 125 тыс. страниц. Позже добавилось еще 39 томов в качестве дополнения. Для сравнения — 30-томная Большая энциклопедия «Брокгауз» содержит около 25 тыс. страниц.

Эти тома включают данные на более 1,4 млн пропавших без вести на войне и 900 тыс. фотографий. Эти фотосписки было решено использовать для повторного опроса возвращенцев. Служба розыска Мюнхена в результате различных мероприятий к этому времени уже располагала для этого адресами более 2,2 млн репатриантов.

Для проживающих в сельской местности возвращенцев Служба розыска в Мюнхене организовала специальную службу опроса, которая на предназначенных для этого автобусах объезжала отдельные районы и деревни с целью вести опросы прямо на местах. До 1964 г. уже было опрошено более двух миллионов репатриантов. В результате было составлено более 200 тыс. протоколов с показаниями.

21 сентября 1975 г. Служба розыска в Мюнхене была удостоена приза Германского общества фотографического искусства за составление упомянутых фотосписков.

Контакты с Объединением Красного Креста и Красного Полумесяца СССР

Еще до знаменитого визита канцлера Аденауера в Москву в сентябре 1955 г. президент Германского Красного Креста, д-р Вайц, попытался установить контакт с президентом Объединения Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, д-ром Василием Андреевичем Холодковым.

До этого времени все ходатайства о помощи в деле розыска пропавших лиц оставались без ответа. При поиске своих родственников,

пропавших без вести на территории Советского Союза, до 1952 г. около 40 тыс. человек просили о такой помощи через посредничество Шведского Красного Креста. Последний передавал эти ходатайства в Москву, а полученные ответы — Германскому Красному Кресту. Но все ответы были отрицательные.

Воодушевленный решениями 18-й Международной конференции Красного Креста в 1952 г. в Торонто, Вайц 30 апреля 1953 г. впервые обратился к своим коллегам в Москве с официальным посланием. В нем Вайц писал, что стало известно, что на территории СССР все еще находится определенное количество мужчин, женщин и детей, которые в ходе войны попали в Советский Союз и что они желают воссоединиться со своими проживающими в Германии родственниками.

«Германский Красный Крест обращается к Объединению с просьбой оказать по возможности посредническое содействие в деле создания предпосылок для преждевременной репатриации этих и других лиц в виде помилования», — пишется в этом послании. Вайц, кроме того, просил о предоставлении военнопленным и интернированным возможности получать посылки с родины, а также о выдаче свидетельств о смерти на умерших на территории Советского Союза немцев.

Далее президент ГКК писал:

«Германский Красный Крест просит Вас рассмотреть вопрос о возможности получения поддержки со стороны Объединения Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в деле выяснения судеб этих людей, прежде всего при ответе на вопрос, живы ли они еще или нет. Германский Красный Крест будет исключительно благодарен Объединению Красного Креста и Красного Полумесяца СССР за предоставление таких сведений с целью их передачи живущим в Германии родственникам».

К этому посланию был приложен ряд запросов о помощи в розыске пропавших лиц.

В качестве встречной услуги Вайц предложил попробовать помочь в поисках советских граждан, оказавшихся в ходе Второй мировой войны в Германии и считавшихся для их родственников без вести пропавшими.

На это послание ответ получен не был. Но осенью 1953 г. Советский Союз вдруг снова начал репатриировать военнопленных. В связи с этим Вайц опять написал президенту Красного Креста в Москву. Это письмо началось со следующих слов: *«Сочувствуя судьбе еще не вернувшихся домой соотечественников, немецкий народ единодушно и с радостью воспринял решение Правительства Советского Союза об амнистии осужденных немецких военнопленных и их репатриации в Германию. Вы наверняка узнали о том, какое радостное, полное надежды волнение это решение вызвало в Германии».*

Одновременно Вайц указал и на большую тревогу, вызванную мраком неизвестности, которым «покрыта судьба большого количества германских граждан, которые, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, находились в советском плену, но все еще не вернулись домой и о которых пока нет никаких сведений».

Он предложил обсудить эти вопросы при совместной встрече и попросил предоставить при этом Германскому Красному Кресту возможность предъявить и разъяснить советской стороне имеющиеся в его распоряжении материалы. Вайц выразил свою готовность *«встретиться с Вами, господин Президент, в любое удобное Вам время и в любом удобном Вам месте»*.

После того, как в 1954 г. репатриация военнопленных снова была приостановлена, президент Советского Красного Креста Холодков все же 25 марта 1954 г. ответил Вайцу, ссылаясь на его письмо от 6 ноября 1953 г. Первое отправленное ему письмо от 30 апреля 1953 г. он не упомянул. Д-р Холодков сообщил, что Советский Союз закончил репатриацию всех немецких военнопленных *«за исключением лиц, осужденных за совершенные ими во время войны преступления»*.

Кроме того, согласно соглашению, заключенному между Правительством СССР и правительственной делегацией Германской Демократической Республики в августе 1953 г. в Москве, целый ряд лиц был дополнительно репатриирован в Германию. Общество Красного Креста Германской Демократической Республики уже установило контакты с Объединением Красного Креста и Красного Полумесяца СССР по поводу взаимной поддержки в получении справок о лицах, считающихся без вести пропавшими, умерших или же пребывающих в третьих странах.

«Тем не менее мы с учетом интересов нашего общего гуманитарного дела ничего не имеем против установления соответствующего контакта и с Обществом Красного Креста Западной Германии с целью поддержки получения возможных сведений, представляющих интерес для Красного Креста».

Время и место предположительной беседы не указывались.

На конференции Лиги обществ Красного Креста, состоявшейся в мае 1954 г. в г. Осло, впервые состоялись переговоры между представителями Германского и Советского Красного Креста. Представители СССР попросили вице-президента ГКК графиню Этту Вальдерзее и генерального секретаря Вальтера Хартманна предоставить перечень вопросов, по которым ГКК желает вести переговоры, в письменном виде. Это было сделано очередным письмом президента от 31 августа 1954 г.

Но и на это письмо никакой реакции не последовало. Лишь через два года, в декабре 1956 г., Вайц получил от нового президента Объединения,

академика Т. А. Митерева, телеграмму с приглашением прибыть в Москву на переговоры. Они состоялись там с 22 февраля по 1 марта 1957 г. К этому времени уже прошло почти четыре года с момента отправления первого письма Вайца в адрес президента Советского Красного Креста.

В центре внимания переговоров в Москве и последующих бесед, состоявшихся с 15 по 21 мая 1957 г. в Бонне и в Мюнхене, а также заключенного тогда соглашения стояли вопросы воссоединения семей.

Но разговор шел и о выяснении судеб пропавших без вести. По этому поводу советская сторона заявила, что немецкие солдаты, взятые в плен Красной армией за пределами территории Советского Союза, регистрацию не проходили. Следовательно, документы о военнопленных, которые умерли по пути от места взятия в плен в лагерь на территории СССР, полностью отсутствуют.

На примере Сталинграда президент Митерев тогда объяснил, почему не имеется никаких документальных сведений на большинство погибших и пропавших без вести. Еще месяцами после окончания боев трупы погибших лежали слоями друг на друге. После этого уже невозможно было их отделить друг от друга и идентифицировать. У многих трупов даже невозможно было определить, русский ли это был или немец. Поэтому все, невзирая на национальность, были захоронены в братских могилах. Красной нитью одна мысль пронизывала все последующие беседы и контакты: эти могилы сегодня уже не найти, там теперь растет пшеница да трава.

Сошлись на том, что Советский Красный Крест будет разыскивать тех военнопленных, которые, по достоверным данным, в свое время находились в советских лагерях, но пока еще не вернулись домой. Это намерение подтвердилось заключенным в мае 1957 г. соглашением. Пункт 4 этого документа гласит: *«Подтверждается выраженная уже в феврале 1957 г. обоими обществами Красного Креста готовность к обоюдной поддержке в выяснении судеб пропавших без вести обоих народов».*

Уже в 1956 г. Германский Красный Крест отправил в Советский Красный Крест 1132 заявления на розыск, на 381 из них был получен ответ.

После заключения соглашения количество заявлений возросло от 5036 в 1957 г. до 29 500 в 1960 г. Затем их количество опять снизилось в среднем до 4800 в год. Если в первые годы розыск Московским Красным Крестом еще в каждом третьем случае увенчался успехом, то с течением времени эта доля стала снижаться. В 1971 г. уже только на каждый четвертый запрос был дан положительный ответ. В отношении пропавших без вести гражданских лиц доля успеха составляла только 21,5%.

До 1971 г. в Москву было отправлено в общей сложности 230 тыс. запросов, на 215 тыс. из них был получен ответ. До конца 1989 г. их число

увеличилось до 445 тыс., но в последнее время уже только в 5 % случаев ответы были положительны.

К этому времени, естественно, возникло и желание самим установить контакт с архивами, ознакомиться с их фондами и принципами архивирования. В рамках государственного визита Президента Федеративной Республики Германия Рихарда фон Вайцзеккера с 6 по 11 июля 1987 г. в СССР, сопровождающий его президент Германского Красного Креста, принц Бото цу Зайн-Виттгенштейн, воспользовался возможностью высказать это желание в адрес Председателя Верховного Совета СССР Андрея Громыко. Но тот категорически отказался предоставить Германии доступ к архивным документам.

Через год Громыко отправили в отставку. Опять установили контакт через Московский Красный Крест, ведь советская сторона была заинтересована в современной оргтехнике, в компьютерах, ксероксах, факсах и т. д.

В этот период политическая ситуация в Восточной Европе стала меняться, и в Советском Союзе тоже намечались тенденции к смягчению курса. Оба общества Красного Креста поставили эту тематику на повестку дня заседания комитета по гуманитарным вопросам советско-германской правительственной комиссии, которое состоялось 8 марта 1988 г. в Бонне.

26 мая 1989 г. Юлий Квицинский, будучи послом СССР в Бонне, обратился к президенту Германского Красного Креста с сообщением о том, что *«Объединение Красного Креста и Красного Полумесяца СССР совместно с советскими архивами приняло меры по обработке архивных документов по немецким военнопленным, которые умерли и были захоронены на территории Советского Союза во время Второй мировой войны»*. Вместе с тем он указал, что для ускорения работ нужна компьютерная и копировальная техника.

Первые рабочие переговоры по этому поводу состоялись в октябре 1989 г., причем впервые за одним столом с представителями обществ Красного Креста сидели и представители архивов. В ходе переговоров было установлено, что общие политические перемены привели с советской стороны к принципиально новой оценке всех вопросов о военнопленных и насильственно угнанных на работу гражданских лиц. Речь больше не шла о «предателях», «трусах» или «коллаборационистах», а о людях, имеющих право на выяснение судьбы или же на подтверждение факта депортации. Заметны были и положительные тенденции в отношении выяснения судеб немецких военнопленных и гражданских интернированных.

Согласно высказываниям директора Особого архива А. С. Прокопенко картотека содержит около 500 тыс. карточек на умерших в плену солдат. Среди них, должно быть, около 300 тыс. немцев. Имена и фамилии

были записаны чисто фонетически, т. е. со слуха, частично указаны карандашом на карточках. На всех карточках, кроме того, было указано место смерти. Осмотреть архив, правда, не удалось, так как, по словам директора, попрежнему доступ для общественности был категорически закрыт. Наряду с персональными карточками имелись и индивидуальные личные дела. Из этих документов составляются персональные сведения, которые до сих пор являются составной частью всех наших соглашений.

Новое качество материала моментально способствовало росту доли успеха розысков. В каждом третьем случае были найдены сведения, т. е. столько же, сколько в самом начале сотрудничества. На основе этих документов мы до сих пор смогли выяснить судьбы почти 180 тыс. человек. Но все еще неизвестна судьба 1,3 млн людей.

Перспективы

Я постарался беспристрастно изложить развитие событий и показать, что нами пройден длинный путь, который требовал много времени и терпения. И хотя он для многих ищущих оказался слишком длинным, он все же открыл весьма важный процесс, процесс, который уже возрос, окреп и сегодня стал необратимым.

Общественный интерес к нашей совместной работе попрежнему велик. Об этом свидетельствует непрекращающийся поток запросов.

С другой стороны, есть и положительная сторона в длительности этого процесса — мы поняли, что многие вещи должны сперва вырасти и созреть, прежде чем можно будет пожинать их плоды. Но мы этой цели, как мне кажется, наконец-то достигли.

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БЕЛАРУСИ

АНАТОЛИЙ ШАРКОВ

Академия МВД Республики Беларусь

В ходе белорусской наступательной операции, известной в истории под кодовым названием «Багратион», советские войска нанесли крупное поражение группе немецких армий «Центр», освободив Беларусь и ряд других территорий. В этой битве были полностью уничтожены 17 из 97 дивизий и 3 из 13 бригад вермахта, оказавшихся на пути наступления. Пятьдесят вражеских дивизий потеряли от 60 до 70 % своего состава¹. Белорусская наступательная операция сопровождалась не только уничтожением, но и пленением значительного количества живой силы противника. Только при ликвидации таких крупных группировок врага, как витебская, в результате которой было пленено более 19 тыс. человек², бобруйская — более 20 тыс.³, и группировки немецко-фашистских войск восточнее Минска, где в плен сдалось 57 тыс. человек⁴, на территории республики оказалось большое количество бывших солдат и офицеров гитлеровской армии, а также армий государств, воевавших на стороне фашистской Германии. Создавшееся положение потребовало создания в Беларуси дополнительных лагерей для военнопленных.

Вопросами управления делами военнопленных на территории Беларуси занимался созданный 24 марта 1944 г. отдел по делам военнопленных и интернированных НКВД БССР, который в 1946 г. был преобразован в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД БССР⁵, являвшееся структурным подразделением Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД–МВД СССР. Управление возглавлял полковник А. М. Черяк, курировал — заместитель наркома внутренних дел республики И. Я. Карпов. В областях республики, на территории которых дислоцировались лагеря военнопленных, были образованы отделы и группы по делам военнопленных и интернированных, подчиненные непосредственно УПВИ НКВД–МВД БССР. Таких отделов было четыре: при УВД Брестской, Витебской, Гомельской и Минской областей. Групп же насчитывалось шесть: при УВД Молодечненской, Полоцкой, Барановичской, Бобруйской, Мозырской и Полесской областей⁶.

В сферу деятельности УПВИ НКВД–МВД БССР входили прием от действующей армии и эвакуация военнопленных из фронтовых приемно-пересыльных лагерей, содержание военнопленных и интернированных в лагерях и рабочих батальонах, трудоустройство содержавшегося контингента в народном хозяйстве, антифашистское перевоспитание, проведение разведывательной и контрразведывательной работы, подготовка и осуществление необходимых мероприятий по репатриации и другие не менее важные военные, политические и экономические задачи.

Как известно, организационно-управленческие структуры любой системы предопределяются ее целями и задачами. Не является исключением и система Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД БССР. В соответствии с содержанием задач, решаемых УПВИ, было организовано его структурное построение. Аппарат Управления со штатной численностью 41 человек состоял из общего отделения, 1-го отделения (охраны и режима), 2-го (учетного), 3-го (по снабжению и подсобному хозяйству), 4-го (санитарного), 5-го (по трудоустройству), оперативного отдела и квартирно-эксплуатационной группы. В штате Управления имелись инструкторы по политической и антифашистской работе⁷. В конце 1947 г. в соответствии с приказом МВД СССР от 5 сентября в УПВИ было сформировано отделение по репатриации военнопленных и интернированных в составе трех человек: начальника, инспектора-врача и оперуполномоченного. Отделение дислоцировалось в г. Бресте⁸. Кроме того, с 21 июля 1947 г. Управлению по делам военнопленных и интернированных было непосредственно подчинено управление лагеря № 168, которое стало номенклатурой МВД БССР⁹. Штаты УПВИ и его органов на местах устанавливались приказами НКВД–МВД СССР, БССР и содержались за счет госбюджета.

Управление по делам военнопленных и интернированных, руководствуясь решениями правительства, основными правовыми нормативными актами, регламентировавшими положение о военнопленных и ответственность за их содержание, осуществляло руководство сетью подведомственных учреждений, в которых содержались военнопленные и интернированные.

Пленные находились в лагерях и лагерных отделениях (л/о), входивших в состав лагеря и подчиненных его управлению. Лагерное отделение представляло собой фундамент всей лагерной системы УПВИ и рассматривалось как основная производственная единица, в структуре которой были трудовые батальоны и роты из числа военнопленных¹⁰.

Организационно аппарат управления лагеря состоял из канцелярии, оперативного и политического отделов, учетного, режимного, планово-производственного, санитарного, финансового, транспортного и других подразделений. Управление всем комплексом деятельности лагеря

осуществлялось на основе единоличного руководства начальника, имевшего заместителей по общим вопросам, режиму и охране, оперативной работе, политчасти, снабжению. Деятельность начальника управления лагеря носила исполнительно-распорядительный характер. Он нес полную ответственность за состояние всей работы лагеря. В отсутствие начальника и его заместителей право контролировать и направлять работу всех служб имели дежурные офицеры¹¹.

Аналогичную структуру имели лагерные отделения, однако с несколько меньшим штатом управления. Вместо отделов в лаготделениях были группы. Например, по состоянию на 22 июня 1949 г. штат 1-го л/о лагеря № 284, дислоцировавшегося в Бресте (лимит наполнения — 1500 человек), состоял из руководства, канцелярии, политчасти, учетной группы, охраны, амбулатории и лазарета. Всего по лаготделению штатным расписанием предусматривалось 35 человек личного состава¹². Штатная численность лагеря зависела от количества подчиненных ему лагерных отделений и лимита наполнения.

Уже в августе 1944 г., как только Беларусь освободилась от гитлеровских войск, на ее территории были развернуты 4 лагеря для военнопленных: в Орше — № 189 на 6 тыс. человек с двумя лагерными отделениями, в Борисове — № 183 на 10 тыс. человек с двумя лагерными отделениями, в Масюковщине, что под Минском, — № 168 и в Бобруйске — № 56¹³.

Согласно приказу НКВД СССР Управление по делам военнопленных и интернированных в октябре 1944 г. приступило к организации еще трех лагерей: в Белостоке — № 279 на 5 тыс. человек, в Волковыске — № 281 на 4 тыс. человек и в Бресте — № 284 на 5 тыс. человек. Для каждого вновь формируемого лагеря предписывалось принять от фронтовых отделов по делам военнопленных и интернированных 1-го и 2-го Белорусских фронтов по 20 бойцов и офицеров, по 3 автомашины и по 5 лошадей¹⁴.

Развернутые для содержания военнопленных лагеря и лагерные отделения представляли собой обнесенную колючей проволокой высотой в 2,5 метра территорию, с внутренней и внешней сторон которой имелись запретные зоны от трех до пяти метров с установленными на подходе к ним запрещающими знаками. На территории лагеря располагались корпуса для проживания военнопленных, пищеблок, баня, штаб, медучреждения, склады и другие подсобные строения. Спальные помещения обеспечивались нарами вагонного типа, казарменным инвентарем, водоснабжением и освещением. Необходимое материально-техническое, продовольственно-вещевое, санитарно-медицинское и другое обеспечение лагеря получали по линии Управления снабжения Белорусского военного округа войск НКВД СССР¹⁵.

Созданные учреждения в основном заполнялись контингентом из числа бывших солдат и офицеров немецко-фашистской армии, а также

армий стран, воевавших против СССР, поступавших из фронтовых приемно-пересыльных лагерей военнопленных 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, а также из других лагерей. Так, бобруйский лагерь № 56 принял первую партию военнопленных 5 августа 1944 г. из фронтового лагеря № 173¹⁶.

Среди прибывавших было немало больных, физически и психически истощенных людей. Как свидетельствуют архивные документы, особенно много военнопленных, больных сыпным тифом и дизентерией, поступило 22 декабря 1944 г. из 22-го фронтового приемно-пересыльного лагеря в 1-е лагерное отделение 183-го лагеря¹⁷. От заболеваний и ран, полученных во время боевых действий, значительное количество пленных умирало в пути следования. Только согласно акту приема лагерем № 183 контингента пленных численностью 1394 человека, прибывших 8 марта 1945 г. эшелонам № 47680 из лагеря № 242 ст. Енакиево, живыми было принято 1108 человек. Остальные 286 человек умерли в пути следования и при разгрузке¹⁸.

Поступавший в лагерь контингент подлежал кратковременному профилактическому карантину. Это время использовалось администрацией для выявления больных, проведения санитарной обработки и необходимых противоэпидемических мероприятий, а также для учета вещевого обеспечения военнопленных. Им выдавали индивидуальную посуду для приема пищи (котелки, кружки, ложки), а также постельные принадлежности. При необходимости военнопленные обеспечивались обмундированием, бельем, обувью¹⁹.

Для медицинского обслуживания военнопленных в каждом лагере имелся лазарет, а в лаготделении — санчасть, где помощь больным оказывалась штатным медицинским персоналом. Кроме того, в составе санчастей крупных лагерных отделений были организованы амбулатории и стационары с изоляторами. Например, 1-е лаготделение лагеря № 284 имело стационар на 300 коек²⁰. Центральные лазареты лагерей, как правило, имели терапевтическое, хирургическое и инфекционное отделения, куда больные из лагерных отделений поступали для более квалифицированной помощи. Помимо этого, военнопленных обслуживали спецгоспитали Министерства здравоохранения и 11 госпиталей НКВД–МВД СССР²¹, дислоцировавшихся на территории республики. Нумерация и места дислокации спецгоспиталей приведены в табл. 1.

Численность спецгоспиталей на территории республики не была постоянной. Уже в 1945 г. были расформированы речичские спецгоспитали № 5369 и № 4918²², другие же расформировывались по мере сокращения контингента военнопленных и интернированных в связи с репатриацией.

Следует отметить, что упомянутые лечебные учреждения, как правило, располагались в живописнейших уголках республики, нередко

Место дислокации	№ спецгоспиталя
г. Борисов	1673
г. Брест	5849
г. Орша	4660
ст. Летцы Витебской обл.	2813
г. Могилев	3161
г. Волковыск	3470
г. Мозырь	1735
ст. Ветрино Витебской обл.	3470
г. Речица	3903
г. Речица	5369
г. Речица	4918

в местах отдыха граждан (и не только Беларуси). В качестве примера можно привести спецгоспиталь в Летцах, который находился в сосновом бору, на берегу озера, на месте отдыха немецких офицеров вермахта во время оккупации²³. В не менее благоприятных для выздоровления местах находились и другие спецгоспитали. Лечение в них осуществлялось собственным медперсоналом, а соблюдение режима содержания и охрана военнопленных возлагались на УПВИ. Снабжение спецгоспиталей медицинским имуществом и лечебно-профилактическими средствами производилось по заявкам ГУПВИ медицинскими отделами соответствующих округов МВС (Министерства вооружённых сил СССР).

Однако реальная практика лагерей не всегда соответствовала нормам гуманности. Прием военнопленных порой производился в неподготовленные и не оборудованные надлежащим образом помещения, без соблюдения необходимых санитарных и материально-бытовых требований. В силу военных и послевоенных трудностей, а также сосредоточения больших масс военнопленных, халатного отношения персонала к своим обязанностям в некоторых лагерях имели место факты низкой организации санитарно-медицинского обслуживания, плохого бытового обеспечения, недостатка питания. Из воспоминаний бывшего военнопленного немецкой армии Эрнста Аугуста Ратье следует, что контингент волковысского лагеря № 281 располагался в переполненных людями землянках, спал на голых деревянных нарах без матрацев, покрывал и других постельных принадлежностей²⁴. Военнопленные часто не имели в необходимом количестве одежды, обуви, продуктов питания.

Как катастрофическое положение отмечают бывшие военнопленные свое пребывание в брестском спецгоспитале № 5849, где в помещениях для лечения тяжелобольных отсутствовали окна, пол, не хватало

медикаментов, перевязочного материала. В результате смертность в спецгоспиталях была очень высокой, особенно в зимние месяцы 1945 г. Улучшение наступило лишь к середине 1946 г.

С приведенными фактами трудно не согласиться, так как ряд приказов НКВД–МВД республики того времени также отмечал антисанитарное состояние жилых бараков, большую скученность людей, явное пренебрежение администрации и самих пленных к созданию надлежащих жилищно-бытовых условий в отдельных лагерях и лаг-отделениях. В частности, в приказе наркома внутренних дел БССР С. С. Бельченко от 11 ноября 1944 г., изданном по результатам проверки деятельности подведомственных лагерей, отмечалось, что командование лагеря военнопленных № 56, приняв контингенты людей из Новозыбкова и Бреста с большим количеством больных и ослабленных, недоучло всей серьезности обстановки и не обеспечило должной работы санитарных и хозяйственных служб. Вследствие этого заболеваемость и смертность военнопленных в лагере приняли угрожающий характер. За период с 4 сентября по 31 октября 1944 г. здесь умерло 52 человека, из них от воспаления легких — 34, дистрофии — 18. Только за третью декаду октября умерло 27 военнопленных. Лазарет лагеря, где на 27 октября 1944 г. содержалось 473 человека, располагался в непригодном помещении, прием больных был не упорядочен, в палатах царилы грязь, спертый воздух, зловоние. Содержащиеся в оздоровительной команде 604 военнопленных, в том числе 288 дистрофиков, не были обеспечены нарами, питание больных не соответствовало необходимым нормам²⁵.

Аналогичное положение отмечалось и в витебском лагере № 271, где за сентябрь 1944 г. смертность составила 143 случая, причем за последнюю декаду октября умерло 99 человек. Имевшаяся возможность направить тяжелобольных в госпиталь Наркомздрава, расположенный в 15 километрах от лагеря, не использовалась. Среди военнопленных была распространена вшивость, в бараках процветало воровство²⁶.

Мало чем отличалось положение и в других лагерях, дислоцированных на территории республики. Это требовало от администрации лагерей, Управления по делам военнопленных и интернированных, его органов на местах проведения ряда мероприятий по коренному улучшению содержания военнопленных. В своем приказе от 11 ноября 1944 г. нарком внутренних дел республики потребовал от командования лагерей наведения должного порядка в медико-санитарном обеспечении содержащегося в них контингента. Приказ требовал не оставлять без проверки и реагирования ни одного случая смертности, решительными мерами, вплоть до предания суду виновных, пресекать попытки хищения продовольствия для военнопленных²⁷.

Несмотря на столь категорические требования, позитивные изменения происходили крайне медленно, заболеваемость и смертность продолжали оставаться высокими в течение всего 1945 г. Обеспокоенный таким положением, НКВД СССР директивой от 23 октября и распоряжением от 26 декабря 1945 г. потребовал от территориальных органов внутренних дел незамедлительных действий, направленных на поддержание физического здоровья военнопленных. Во исполнение указанных документов приказом наркома внутренних дел республики С. С. Бельченко начальники УНКВД областей обязывались в начале 1946 г. провести проверку всех звеньев работы подведомственных им лагерей, выработать конкретные меры по снижению заболеваемости и смертности контингента. Для проведения этой работы были созданы комиссии в составе заместителей начальников областных управлений внутренних дел, начальников служб УНКВД и офицеров отделов по делам военнопленных и интернированных. Контроль за выполнением выработанных комиссиями мероприятий возлагался на начальников УНКВД²⁸.

Конкретную помощь, направленную на улучшение жизнедеятельности лагерей военнопленных, оказывали администрации этих учреждений НКВД СССР и БССР, ГУПВИ, УПВИ. Работники этих аппаратов индивидуально и в составе комиссий выезжали в лагеря с наиболее неблагоприятной обстановкой и на местах оказывали содействие в организации их работы. Так, в лагерях № 183 и № 168 в январе 1946 г. работала комиссия, возглавляемая командированным в республику начальником отделения ГУПВИ НКВД СССР майором Щербаковым. Немногом ранее комиссионной проверке группой из 9 человек во главе с заместителем наркома республики И. Я. Карповым подвергся лагерь № 168. Для оказания помощи администрации в обеспечении деятельности учреждения был командирован начальник УПВИ А. М. Черяк. В марте 1946 г. с таким же заданием в лагерь № 410 выезжал начальник оперативного отдела подполковник И. А. Тищенко, в лагерь № 243 — заместитель начальника 4-го отделения УПВИ капитан Войтович²⁹. В лагерь командировались и другие работники центрального аппарата. В дальнейшем эта практика была распространена в более широких масштабах и не только являлась действенной формой помощи в деле улучшения содержания военнопленных, но и содействовала повышению профессионального уровня кадров подразделений.

В результате проделанной работы положение в лагерях и спецгоспиталях постепенно улучшалось. Наладилось снабжение амбулаторий, лазаретов, спецгоспиталей медицинским имуществом и лечебно-профилактическими средствами. Улучшилась санитарная обработка жилых помещений и самих военнопленных. В итоге существовавший до осени 1945 г. массовый педикулез содержащегося в лагерях контингента

военнопленных, являвшийся причиной смертности от тифа, вскоре был полностью побежден. Амбулаторное обслуживание, которое в лагерях осуществлялось, в основном, вечером, было упорядочено таким образом, что давало возможность военнопленным обратиться за медпомощью даже после прихода с работы. В то же время проводился обход помещений и опрос контингента с целью выявления больных, не сумевших по каким-то причинам обратиться в амбулаторию. В случае необходимости больных из лагерных лазаретов направляли в спецгоспитали МВД и Минздрава СССР. К проведению профилактических мероприятий по предупреждению заболеваний, оказанию амбулаторной помощи больным и их лечению привлекались медицинские работники из числа военнопленных. Принятые меры способствовали снижению заболеваемости и смертности среди содержавшегося контингента.

Хотя уровень заболеваемости и смертности среди военнопленных в 1946 г. был достаточно высоким (особенно в первом полугодии), профилактическая работа, проводимая медицинским составом лагерей, способствовала дальнейшему его снижению. Если, например, за 1946 г. умерло 1139 человек, то в 1948 г. — 328. В спецгоспиталях за 1946 г. умерло 286 человек: от туберкулеза легких — 125, заболеваний сердечно-сосудистой системы — 39, хирургических заболеваний — 29, дистрофии — 36 и от иных причин — 57. Наблюдалось немалое количество случаев обморожений, особенно среди тех, кто находился в госпиталях в зимние месяцы 1946–1947 гг.³¹

Сокращение смертности и заболеваемости среди военнопленных стало возможным в результате улучшения условий их содержания, медицинского и материального обеспечения, питания. Кроме того, надо иметь в виду и постоянное сокращение контингента в связи с репатриацией на родину, перемещением в другие регионы страны.

Военнопленные, прибывшие в лагерь, подлежали учету. В лагерном отделении этим вопросом занимался специально выделенный сотрудник, а в управлении лагеря — учетный отдел. На каждого поступившего заполнялась карточка с необходимыми установочными данными: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание и другое. Помимо этого, заводилось личное дело военнопленного, в котором имелись подробный опросный лист и документация, отражающая его поведение и перемещения. Особые личные дела с более подробными анкетными данными заводились на военнопленных из числа офицеров и генералов. Кроме того, велся особый персональный учет специалистов. Статистические отчеты о наличии и движении контингента представлялись в Управление по делам военнопленных и интернированных республики, а затем, ежемесячно, — в ГУПВИ НКВД–МВД СССР³².

По учетам отдела по делам военнопленных и интернированных НКВД БССР, на территории Беларуси в 1945 г. дислоцировалось 9 лагерей и 7 спецгоспиталей. В них содержалось 83 159 человек, среди которых находились и 3734 офицера. По национальному составу контингент разделялся следующим образом: немцев было 70020, австрийцев — 6482, венгров — 5384, других национальностей (румын, итальянцев, французов, поляков, чехословаков, евреев, югославов, бельгийцев, люксембуржцев) — 1273³³.

Начиная с весны 1945 г. на территорию республики наряду с военнопленными стал поступать контингент интернированных немцев. Государственный комитет обороны в 1945 г. предписал мобилизовать на территории Германии, где дислоцировались войска 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, всех годных к физическому труду и ношению оружия немецких мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Лица, в отношении которых было установлено, что они служили в гитлеровской армии или частях «фольксштурма», считались военнопленными и направлялись в лагеря НКВД. Из остальных мобилизованных формировались отдельные рабочие батальоны (ОРБ) по 750–1200 человек для использования на работах в Советском Союзе (в первую очередь — на территории Украины и Беларуси). Уже к 1946 г. из них были сформированы четыре батальона общей численностью 3970 человек³⁴. Позднее количество батальонов возросло до девяти. Дислокация их определялась местом расположения хозяйственной организации или предприятия, получавших интернированных немцев для работ на стройках и предприятиях народного хозяйства Беларуси. Так, на территории Минской области находились рабочие батальоны под номерами 2031, 2032, 2033, 2035; на Гомельщине — № 1971 и № 1972; в Барановичской области — № 1962, в Полесской — № 1981³⁵.

После капитуляции Германии численность военнопленных, интернированных, а соответственно и количество специальных учреждений на территории Беларуси, возросли. На начало 1946 г. УПВИ имело в своем ведении 11 лагерей, 8 спецгоспиталей и батальонов интернированных. В них содержалось свыше 88 тыс. военнопленных и интернированных. По национальному составу контингент распределялся следующим образом: немцев содержалось свыше 77 тыс., венгров — 5 тыс., австрийцев — до 5 тыс., других национальностей — свыше 1 тыс. человек³⁶.

Кроме того, в отдельных рабочих батальонах системы МВС СССР, дислоцировавшихся на территории Беларуси, содержалось 14 019 военнопленных. В трех ОРБ Минской области, например, находилось 2897 человек, в том числе в батальоне № 472 — 621 человек, № 473 — 1131, № 474 — 1145. В Бобруйской области располагался ОРБ № 477,

насчитывавший 1178 человек. На территории Брестской области дислоцировалось 17 ОРБ с контингентом 9944 военнопленных, в том числе в батальоне № 352 содержалось 686 человек, № 338 — 413, № 386 — 569, № 355 — 737, № 391 — 314, № 475 — 638, № 383 — 803, № 388 — 465, № 349 — 727, № 335 — 504, № 350 — 721, № 351 — 355, № 348 — 651, № 357 — 278, № 385 — 945, № 356 — 380 и № 389 — 758 человек³⁷.

Таким образом, на территории Беларуси в 1946 г. находилось около 103 тыс. военнопленных и интернированных.

В связи с перемещением рабочей силы, обусловленным потребностями промышленности и строительства в СССР, численность военнопленных и интернированных на территории Беларуси не была постоянной. В связи с ее сокращением в первой половине 1946 г. Управление по делам военнопленных и интернированных проводило реорганизацию лагерей. Недоукомплектованные и не приспособленные для нормального содержания военнопленных лагеря и лагерные отделения были расформированы. Реорганизованным учреждениям были установлены новая лимитная численность, порядковые номера, определены пункты дислокации (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о месте дислокации и лимите наполнения лагерей

Номера лагерных отделений	Дислокация лагерей и лагерных отделений, наименование предприятий	Проектный лимит	Фактическое наличие
1	2	3	4
	В составе лагеря № 168 г. Минск (Для доукомплектования лагеря до проектного лимита планировалось завезти спецконтингент из лагерей № 56, 183, 189 и 284)	26 300	22 594
1	Минск, ВСО погранвойск МВД БССР	600	596
2	Минск, стройконтора МВД БССР	1200	882
3	Минск, стройконтора МГБ БССР	2000	1958
4	Минск, Белгоспромстройтрест и Мельстрой	2200	1405
5	Пос. Слепянка, овощекомбинат Министерства торговли БССР	400	30
6	Молодечно, УСВР Министерства путей сообщения и облстройтрест Министерства жилищно-гражданского строительства БССР	1000	685
7	Минск, вагоноремонтный завод — 19 и УСВР — 5 Министерства путей сообщения	500	555

1	2	3	4
8	Минск, Стройконтора Министерства лесной промышленности БССР	700	957
9	Минск, кирпичные заводы № 1, 2, 3 Министерства промышленности стройматериалов	800	537
10	Сельскохозяйственное отделение лагеря	500	500
11	Минск, Красное Урочище, зона лагеря — оздоровительное отделение	2000	2494
12	Управление по восстановлению Минска Министерства жилищно-гражданского строительства	5800	4250
13	Минск, СМУ-8 и автозавод Министерства автомобильной промышленности	3500	3862
14	Минск, станкостроительный завод имени С. М. Кирова Министерства станкостроения СССР	500	461
15	Минск, аэропорт ГВФ	900	954
16	Минск, строительство жилых домов ЦК КПБ и парткурсов	700	805
17	Минск, Управление строительства № 124	500	
	В составе лагеря № 56 г. Бобруйск (Из имеющейся в наличии численности военнопленных подлежало отправке на родину 200 человек, передаче в лагерь № 168 — 1300 человек. Л/о № 6 ст. Микашевичи передислоцировалось в распоряжение Витебского облстройтреста)	5000	7431
1	Ст. Березина Белорусской железной дороги	1000	2749
2	Пос. Каменка, оздоровительное л/о	1800	1802
3	Бобруйск, гидролизный завод № 4 Главлеспирта	500	862
4	Ст. Жлобин Белорусской железной дороги, УСВР-6 Министерства путей сообщения	600	535
5	Ст. Калинковичи Белорусской железной дороги, УСВР-4 Министерства путей сообщения	Ликв.	203
6	Ст. Микашевичи Белорусской железной дороги; фанерный завод Министерства лесной промышленности	Ликв.	334
7	Ст. Бобруйск, торфозавод «Туголица» Министерства местной топливной промышленности	500	446
8	Ст. Березина Белорусской железной дороги; сельхозотделение лагеря	600	500

1	2	3	4
	В составе лагеря № 189 г. Гомель (Из имеющейся численности военнопленных надлежало передать лиц венгерской национальности: лагерю № 168 — 400 человек и лагерю № 311 — 176 человек)	6600	6697
1	Ст. Гомель, УСВР-4 Белорусской железной дороги Министерства путей сообщения и Управления МВД и МГБ	1000	983
2	Ст. Гомель, УСВР-10; Гомсельмаш; Главвоенстрой при Совете Министров СССР; облстройтрест	700	779
3	Ст. Костюковка Белорусской железной дороги, стеклозавод имени И. В. Сталина Министерства промышленности стройматериалов	500	882
4	Ст. Костюковка Белорусской железной дороги, торфозавод «Большевик» Министерства промышленности стройматериалов	400	458
5	Ст. Гомель, УРВЗ-19 Белорусской железной дороги Министерства путей сообщения	500	380
6	Гомель, сельскохозяйственное отделение лагеря	500	641
7	Ст. Гомель, кирпичный завод № 13 Министерства промышленности стройматериалов	500	366
8	Ст. Речица Белорусской железной дороги, домостроительный комбинат Министерства лесной промышленности	500	343
9	Ново-Белица, обособстройкомбинат Министерства лесной промышленности	500	348
10	Ново-Белица, жиркомбинат Министерства мясной и молочной промышленности	500	338
11	Ст. Добруш Белорусской железной дороги, бумфабрика «Герой труда» Министерства целлюлозной и бумажной промышленности	500	769
12	Гомель, станкостроительный завод имени С. М. Кирова Министерства станкостроения	500	410
	В составе лагеря № 183 г. Борисов (Подлежало передать 1500 человек лагерю № 168)	5700	7217
1	г. Ново-Борисов, собственная зона	1000	1863
2	Ст. Бобр Западной железной дороги, Ивановский ЛПХ Министерства лесной промышленности	600	728

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
3	Борисов, Мельстрой Министерства пищевой промышленности	500	471
4	Ст. Борисов Западной железной дороги, спичечная фабрика имени С. М. Кирова Министерства лесной промышленности	500	471
5	Ново-Борисов, лесокомбинат «Коминтерн» Министерства лесной промышленности	500	502
6	Борисов, сельскохозяйственное отделение лагеря	600	628
7	Борисов, Зеленый городок, оздоровительное отделение лагеря	2000	2554
	В составе лагеря № 311 г. Могилев (Надлежало завезти 260 венгров из лагеря № 271 и 170 — из лагеря № 189)	3500	3096
1	Могилев, облстройтрест	700	1292
2	Могилев, фабрика «Волокно» и завод № 511	500	497
3	Могилев, кирпичный завод № 8 Министерства промышленности стройматериалов	500	136
4	Кричев, цементный завод	600	299
5	Ст. Могилев, УСВР Министерства путей сообщения	700	347
6	Могилев, сельхозотделение лагеря	500	525
	В составе лагеря № 284 г. Брест (Надлежало отправить 400 человек в лагерь № 168)	3800	4270
1	Брест, УСВР Брест-Литовской железной дороги Министерства путей сообщения	500	529
2	Пинск, фанерный завод Министерства лесной промышленности	800	647
3	Ст. Ивацевичи, ЛПХ Белвоенстройуправления	Ликв.	377
4	Брест, поселок Киевка, оздоровительное и сельскохозяйственное отделения	2000	2317
5	Ст. Луинец Брест-Литовской железной дороги, УСВР Министерства путей сообщения	500	400
	В составе лагеря № 281 г. Волковыск (Подлежали переводу 260 венгров в лагерь № 311. Лагерное отделение № 8 при Толочинской ЛПХ передислоцировано на строительство железнодорожной ветки Витебск–Верховье ³⁸)	5600	5781

1	2	3	4
1	Волковыск, оздоровительное и сельскохозяйственное отделения	1500	2226
2	Ст. Мосты Белостокской железной дороги, фанерный завод Министерства лесной промышленности	500	417
3	Ст. Рось Белостокской железной дороги, цементный завод «Победа» Министерства промышленности строительных материалов	500	449
4	Слоним, бумажная фабрика «Альбертин», УШОСДОР УМВД Гродненской области	500	505
5	Гродно, кирпично-известковый завод № 20 Министерства промышленности строительных материалов	500	344
6	Ст. Лида Белостокской железной дороги, УСВР Министерства путей сообщения	600	271
7	Ст. Гродно Белостокской железной дороги	500	500
8	Ст. Барановичи Брест-Литовской железной дороги, ВСО войск МВД БССР	500	452
9	Ст. Барановичи Брест-Литовской железной дороги, ВСО погранвойск МВД БССР	Ликв.	216
10	Ст. Волковыск, УСВР Белостокской железной дороги Министерства путей сообщения	500	401

В связи с превышением фактического наличия военнопленных над установленным лимитом предусматривалось 365 человек отправить на родину, а остальных содержать в резерве за счет оздоровительной команды в лагере № 56³⁹.

Как правило, дислокация лагерных отделений определялась исходя из места расположения хозоргана, которому, согласно договору о поставке рабочей силы, лагерь выделял военнопленных. Размещались они, как правило, не далее трех километров от места работы. Это обуславливалось тем, что время, потраченное на пешие переходы туда и обратно, засчитывалось как рабочее. Пешие переходы свыше пяти километров в один конец не допускались, военнопленные на них не выводились⁴⁰.

В начале 1947 г. во исполнение приказа МВД СССР от 26 декабря 1946 г. «О вывозе в Германию больных нетрудоспособных немцев» планировалось к 15 января 1947 г. из лагерей, спецгоспиталей и ОРБ, расположенных на территории Беларуси, отправить на родину через лагерь № 69, дислоцировавшийся во Франкфурте-на-Одере, 1500 военнопленных и интернированных. Для отбора указанного контингента были созданы комиссии во главе с заместителями начальников УМВД областей⁴¹.

Все отобранные к отправке военнопленные и интернированные подлежали тщательной санобработке, обеспечивались годной к носке зимней одеждой, обувью, парой запасного нательного белья, а также продовольствием по нормам, рассчитанным на 30 суток пути.

Перевозка военнопленных и интернированных осуществлялась эшелонами. Погрузка производилась в приспособленные и утепленные вагоны, для оборудования которых в помощь железнодорожной администрации привлекались силы и средства лагерей военнопленных. Эшелоны снабжались запасом топлива на весь путь следования, кухонными печами, необходимой посудой и инвентарем, дающим возможность двух- и трехразового приготовления пищи, кипятка.

Для обеспечения порядка в пути следования назначались команды сопровождения в составе начальника эшелона (из числа заместителей начальников лагерей и офицеров из отделов снабжения), оперативных и учетных работников, врача и двух медработников с необходимыми медикаментами и перевязочными средствами.

Отобранные к репатриации заносились в поименный список установленной формы, где указывались фамилии, имена, отчества, воинские звания, подробные диагнозы заболеваний, заключения о трудоспособности. Один экземпляр этого списка вручался начальнику эшелона, который по прибытии на пограничную станцию представлял его уполномоченному МВД СССР. Здесь проверялось физическое состояние каждого военнопленного и интернированного на предмет возможности пропуска за границу с соответствующей пометкой в поименном списке. Репатриации подлежали только те больные военнопленные и интернированные, которые по своему физическому состоянию могли перенести длительную дорогу. Нетранспортабельные же снимались с эшелонов и размещались в ближайших спецгоспиталях, лазаретах лагерей военнопленных, о чем также делались соответствующие пометки в списках.

После проверки эшелона и изъятия нетранспортабельных больных составлялся акт о проведенных мероприятиях и возможности следования эшелона в транзитный лагерь органов репатриации. Один экземпляр указанного документа вручался начальнику эшелона, а второй – направлялся в ГУПВИ. По случаям смерти репатрируемых в пути немедленно проводились расследования, материалы которых вместе с заключениями представлялись в ГУПВИ⁴².

Вывоз на родину нетрудоспособных военнопленных и интернированных положил начало репатриации из лагерей республики, которая стала осуществляться планомерно. Репатриация производилась согласно плану, принятому советским правительством во исполнение решения Московской сессии Совета министров иностранных дел в апреле 1947 г. о репатриации германских военнопленных. Завершить ее планировалось

в течение 1949 года⁴³. Отбор контингента, подлежащего возвращению на родину, возлагался на созданные при УМВД областей комиссии, в которые входили представители самых различных служб.

В каждом лагере на весь период подготовки к репатриации и ее осуществления были разработаны конкретные планы мероприятий. Отъезжающих не только обеспечивали исправной одеждой и обувью, но и выдавали им на руки личные вещи, ценности, документы, а также заработанные деньги за вычетом сумм, потраченных на содержание. С целью невывоза за границу советской валюты для отъезжающих была организована продажа в ларьках промтоваров и продуктов питания⁴⁴.

В связи с репатриацией, а также перемещением рабочей силы в другие регионы страны (только в октябре 1947 г. 15 тысяч военнопленных и интернированных было репатрировано на родину и такое же количество направлено на работу в Донбасс) количество учреждений системы УПВИ и численность содержащегося в них контингента стали сокращаться. К концу 1947 г. на территории республики осталось 8 лагерей (6 производственных, один транзитно-перевалочный и один оздоровительный), 7 отдельных рабочих батальонов и столько же спецгоспиталей. В них содержалось около 47 тыс. военнопленных и интернированных. Среди них немцев насчитывалось более 42 тыс., венгров — 1500, румын — 1900, австрийцев — 500, представителей других национальностей — более 1 тыс. человек⁴⁵.

За 1948 г. и три месяца 1949 г. на родину было репатрировано еще 24 777 военнопленных и 346 интернированных: более 23 тыс. немцев (в том числе 309 офицеров), венгров — 144 (офицеров — 13), австрийцев — 104 (офицеров — 2), румын — 20, евреев (венгерских подданных) — 7 и лиц других национальностей — более 1,5 тыс. человек⁴⁶.

Ко второй половине 1949 г. на территории Беларуси оставались 3 лагеря, 2 спецгоспиталей и 1 ОРБ, в которых содержались 9256 военнопленных и 671 интернированный, по национальному составу — 8868 немцев, 379 австрийцев, 3 венгра и 6 представителей других национальностей. Среди них находились 5 генералов, 306 старших и 978 младших офицеров, 7967 человек рядового и младшего командного состава⁴⁷.

Репатриация военнопленных и интернированных проводилась через транзитно-перевалочный лагерь № 284 г. Бреста, который состоял из трех лаготделений, двух пунктов перевалки и досмотра, спецгоспиталей № 5849, а также двух ОРБ — № 348 и № 385 (с 20 октября 1950 г. лагерь преобразован в транзитно-перевалочное лагерное отделение). Количество военнопленных в лагере колебалось от 500 до 1500 человек, в спецгоспитале — от 80 до 300, в ОРБ — от 800 до 1600 человек. Отдельные рабочие батальоны являлись транзитно-перевалочными формированиями системы МВС СССР⁴⁸. В этом направлении следовали немцы, поляки,

итальянцы, французы, датчане, люксембуржцы, норвежцы, голландцы, бельгийцы и представители других национальностей. Поляки в пути следования разгружались в г. Познани в лагере № 177⁴⁹.

Перевозка репатрируемых военнопленных и интернированных от ст. Брест до ст. Франкфурт-на-Одере (лагеря органов репатриации № 69) производились тринадцатью специально выделенными для этих целей эшелонами (вертушками), номера которых начинались с номера 24 101 и заканчивались номером 24 113⁵⁰. Для сопровождения эшелонов в августе 1949 г. в штат лагеря № 284 было введено 13 постоянных команд сопровождения, в состав которых входили начальник эшелона (вертушки), заместитель начальника по снабжению, врач, кладовщик и старший вахтер⁵¹. Введение постоянных групп сопровождения положительно сказалось на организации обслуживания эшелонов военнопленных в пути следования.

Военнопленные и интернированные граждане Венгрии, Румынии, Австрии, Чехословакии и Югославии репатриировались через лагерь № 62 г. Киева и далее — до лагеря № 136 на ст. Сигет, а также до лагеря № 176 в г. Фокшаны (Румыния)⁵².

Основной задачей лагеря № 284 (как транзитно-перевалочного) являлось обеспечение репатриации военнопленных и интернированных из лагерей не только БССР, но и других регионов страны. Так, в 1948 г. через Брест проследовало 434 эшелона, которые доставили на родину 304 073 военнопленных. В 1949 г. через перевалочный лагерь № 284 из спецучреждений системы ГУПВИ МВД СССР было передано органам репатриации свыше 402 тыс. военнопленных⁵³.

Кроме того, на лагерь № 284 возлагалась работа по репатриации польских граждан, следовавших по линии как ГУПВИ МВД СССР, так и 1-го спецотдела МВД СССР. Они были осуждены на разные сроки, однако мера наказания им была заменена выдворением за пределы нашей страны. В 1948 г. в лагерь № 284 для передачи польским властям поступило 7227 человек. Из них по линии ГУПВИ — 515, 1-го спецотдела — 6712. Убыло 7354 человека. В 1949 г. для репатриации поступил 351 гражданин польской национальности, передано польским властям — 416 человек⁵⁴.

Как видно из статистических данных, через брестский транзитно-перевалочный лагерь прошло значительное количество репатрируемых, что, естественно, добавило хлопот по их обеспечению, содержанию, оказанию медицинской помощи больным и ослабленным. Действенную помощь в организации работы лагеря оказывало УПВИ, которое держало репатриацию под постоянным пристальным контролем.

В дальнейшем работа УПВИ МВД БССР была направлена на выполнение решения правительства СССР о полном завершении репатриации к 1 января 1950 г. при одновременном выявлении и предании

суду военных преступников. В результате за 1949 г. из лагерей республики было отправлено на родину 14 164 военнопленных; 1528 человек за совершение различных преступлений в годы войны были преданы суду⁵⁵.

По состоянию на январь 1950 г. в лагерях и тюрьмах МВД БССР содержалось 1066 военнопленных, из них осужденных военным трибуналом — 785, находящихся под следствием — 281 человек⁵⁶.

В марте 1951 г. осужденные интернированные лица были сконцентрированы: женщины (239 человек) — в Брестском лагерном отделении; мужчины (515 человек) — в 11-м Минском лагерном отделении. Ранее они содержались вместе, со взрослыми находились и дети в возрасте до 14 лет (в Бресте — 37 детей, в Минске — 7)⁵⁷. Попав под действие приказа МВД СССР от 12 марта 1951 г. «Об освобождении из лагерей МВД СССР интернированных, взятых на территории Польши», эта категория лиц была репатрирована⁵⁸.

Контингент из числа подследственных военнопленных, имевших румынское и венгерское гражданство, в конце 1950 г. был отправлен в лагерь № 159 и № 82 для последующей отправки на родину⁵⁹.

Осужденные военнопленные были сконцентрированы в 11-м лаготделении в Минске и в течение 1951 г. вывезены за пределы республики в лагерь ГУПВИ для осужденных военнопленных. Однако незначительное количество военнопленных и интернированных содержалось в тюрьмах МВД БССР и в 1952 г.⁶⁰ Все учетные дела на военнопленных, осужденных военными трибуналами, вместе с копиями приговоров и отметкой в опросном листе о месте отбывания наказания были высланы в Особое справочное бюро МВД СССР⁶¹.

С уменьшением объема работы Управление по делам военнопленных и интернированных сокращается до группы ПВИ, а в январе 1952 г. приказом МВД БССР вместо группы вводится должность старшего оперуполномоченного по делам военнопленных и интернированных. Немногим ранее были ликвидированы областные отделы и группы ПВИ⁶².

С завершением репатриации, после ликвидации лагерей, спецгоспиталей и ОРБ на территории Беларуси осталось 77 кладбищ умерших военнопленных и интернированных с захоронениями на них свыше 13 тыс. граждан Германии и других стран⁶³.

В общем же более чем за полувековой срок после окончания войны почти все места погребения военнопленных и интернированных на территории Беларуси по различным причинам преданы забвению. В нашем стремлении к становлению цивилизованного европейского государства трудно налаживать доверительные отношения с новыми поколениями, ни в чем и ни перед кем не повинными, отказывая им в праве поклониться праху своих предков, дедов и отцов, волею судеб втянутых в круговерть страшной войны и ставших ее жертвами. Поэтому необходима серьезная работа

по восстановлению мест таких захоронений, установлению памятных знаков, предоставлению возможности родственникам периодически посещать могилы умерших. Поминование погибших — священный христианский долг, его выполнение ведет к примирению и добрососедству народов.

---

¹ См.: Всенародная борьба в Беларуси против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. — Мн.: Беларусь, 1985. — Т. 3. — С. 270.

² См.: *Людников И. И.* 39-я армия в боях за Витебск // Освобождение Белоруссии. — М.: Наука, 1974. — С. 541.

³ См.: *Рокоссовский К. К.* На направлении главного удара // Освобождение Белоруссии. — С. 149.

⁴ См.: *Жуков Г. К.* Разгром фашистских войск в Белоруссии // Освобождение Белоруссии. — С. 33.

⁵ С 26 марта 1946 г. в связи с преобразованием Совета Народных Комиссаров в Совет Министров БССР, а народных комиссариатов — в министерства УПВИ стало именоваться УПВИ МВД БССР.

⁶ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 50, оп.1, д. 38, л. 42; Приказы НКВД БССР за 1944 г., л. 33; Приказы МВД БССР за 1947 г., л. 68, 167.

⁷ См.: Архив МВД РБ. — Приказы МВД БССР по л/с за 1946 г., л. 27.

⁸ См.: Архив МВД РБ. — Приказы МВД БССР за 1947 г., л. 57.

⁹ Там же. — Л. 98.

¹⁰ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 1, д. 4, л. 11.

¹¹ Там же. — Ф. 50, оп. 1, д. 36, л. 91.

¹² Там же. — Л. 89.

¹³ Там же. — Ф. 45, оп. 1, д. 27, л. 96–97; ф. 50, оп. 1, д. 36, л. 137.

¹⁴ Там же. — Приказы НКВД БССР за 1944 г., л. 120.

¹⁵ Белорусский военный округ войск НКВД был образован в апреле 1944 г. в составе трех дивизий и полка НКВД.

¹⁶ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 4, д. 14, л. 64.

¹⁷ Там же. — Оп. 4, д. 14, л. 64; оп. 1, д. 6, л. 7.

¹⁸ Там же. — Ф. 45, оп. 4, д. 14, л. 64.

¹⁹ Там же. — Оп. 1, д. 5, л. 37.

²⁰ Там же. — Ф. 50, оп. 1, д. 35, л. 89.

²¹ Там же. — Ф. 45, оп. 4, д. 14, л. 126.

²² Там же. — Л. 227.

²³ В настоящее время там находится дом отдыха «Летцы», являющийся одним из лучших курортных мест Республики Беларусь.

²⁴ Немецкие военнопленные этого лагеря проживали в землянках бывшего лагеря для советских военнопленных, созданного немецкими оккупационными властями в годы войны.

²⁵ См.: Архив МВД РБ. — Приказы НКВД БССР за 1944 г., л. 140.

²⁶ Там же. — Л. 141.

²⁷ См.: Архив МВД РБ. — Приказы НКВД БССР за 1944 г., л. 140.

²⁸ См.: Архив МВД РБ. — Приказы МВД БССР за 1946 г., л. 22.

- ²⁹ См.: Архив МВД РБ. — Приказы НКВД БССР за 1946 г., л. 3, 49.
- ³⁰ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 1, д. 9, л. 7.
- ³¹ Там же. — Ф. 45, оп. 1, д. 27, л. 42; д. 13, л. 72.
- ³² Там же. — Д. 10, л. 28; д. 20, л. 14–15.
- ³³ Там же. — Д. 13, л. 1.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. — Оп. 4, д. 28, л. 70, 73.
- ³⁶ Там же. — Оп. 1, д. 34, л. 5.
- ³⁷ См.: Архив МВД РБ. — Приказы МВД БССР за 1946 г., л. 159.
- ³⁸ См.: ГА РБ. — Ф. 4, оп. 29, д. 331, л. 23–33.
- ³⁹ Там же. — Л. 34.
- ⁴⁰ См.: ГА РБ. — Ф. 781, оп. 1, д. 8, л. 27.
- ⁴¹ См.: Архив МВД РБ. — Приказы МВД БССР за 1947 г., л. 18.
- ⁴² Там же. — Л. 149.
- ⁴³ См.: Сообщение ТАСС // Правда. — 1949. — 4 января.
- ⁴⁴ Там же. — Д. 33, л. 27.
- ⁴⁵ Там же. — Д. 27, л. 102.
- ⁴⁶ Там же. — Л. 139.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 139.
- ⁴⁸ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 1, д. 33, л. 3; д. 27, л. 2; Приказы МВД БССР за 1947 г., л. 99.
- ⁴⁹ Там же. — Ф. 50, оп. 1, д. 25, л. 18.
- ⁵⁰ Там же. — Д. 38, л. 15, 61.
- ⁵¹ Там же. — Ф. 45, оп. 1, д. 27, л. 17.
- ⁵² Там же. — Оп. 4, д. 14, л. 120; д. 33, л. 64; Приказы МВД БССР за 1947 г., л. 43.
- ⁵³ Там же. — Д. 27, л. 187.
- ⁵⁴ Там же. — Л. 23; Приказы МВД БССР за 1946 г., л. 160.
- ⁵⁵ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 1, д. 34, л. 29.
- ⁵⁶ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 1, д. 27, л. 186.
- ⁵⁷ Там же. — Д. 33, л. 3.
- ⁵⁸ Там же. — Л. 27.
- ⁵⁹ Там же. — Л. 3.
- ⁶⁰ См.: Архив МВД РБ. — Ф. 45, оп. 4, д. 27, л. 88.
- ⁶¹ Там же. — Д. 14, л. 266.
- ⁶² Там же. — Оп. 1, д. 33, л. 96.
- ⁶³ Там же. — Д. 30, л. 2; д. 28, л. 70, 73.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ДЕЛУ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВЕРМАХТА В УКРАИНЕ

АНДРЕАС ХИЛЬГЕР

Гамбургский университет, ФРГ

Уважаемые дамы и господа!

Сперва хотелось бы от всей души поблагодарить учредителей и организаторов этой конференции за большой труд, проделанный ими в рамках подготовки и, конечно же, за приглашение.

Чуть больше года тому назад мы уже имели возможность обмениваться мнениями об открытых вопросах и пробелах в исследованиях по истории немецких военнопленных в Советском Союзе. С сегодняшней конференцией мы связываем надежды на восполнение существующих пробелов путем национального и интернационального научного сотрудничества.

Для этого, видимо, следовало бы устанавливать более тесную связь исследований по вопросам военного плена с другими современными тенденциями развития и вопросами. На один из них, на практику вынесения приговоров, хотелось бы особо обратить Ваше внимание в моем докладе. Речь идет об осуждении военнопленных, например, за кражу незначительного количества продуктов или за недостаточную производительность труда, которые являются выражением определенных проблем послевоенной экономики и общественного развития СССР. Советская юстиция против немцев, конечно, в основном была направлена на привлечение их к ответственности за военные преступления и зверства во время войны. Из 34 тыс. осужденных в СССР немцев около 21 тыс. лиц было приговорено именно за такие деяния. Но и в этой области следовало бы установить более тесную связь с исследованиями по немецкой оккупационной политике и холокосту. Точки соприкосновения бесспорные, например: В какой мере можно использовать материалы советских судебных процессов в качестве источника для исследования немецкой оккупационной политики? С другой стороны, из этого вытекает вопрос о качестве прежних приговоров и нынешних реабилитаций. Историки в этом плане не ограничиваются лишь вопросами о вине или невиновности того или иного конкретного военнопленного, а будут рассматривать роль открытых (а также закрытых) судебных процессов против военных преступников в сталинистской послевоенной политике. Ведь

иначе эти процессы останутся странным образом изолированными явлениями, которые как бы состоялись в полном отрыве от Нюрнберга или же независимо от внутреннего развития в СССР. В дальнейшем мне бы хотелось остановиться вкратце на точках соприкосновения с внутренней политикой. Судебные процессы послевоенного периода всесторонне отражают сталинистский подход к войне и к оккупации в тесной связи с восприятием послевоенной ситуации. Они являются частью процесса, получившего в исторической науке название ресталинизации.

Отмечу сразу: ограничиваться одними только украинскими судебными процессами сложно, поскольку решения об основах этой юрисдикции безусловно были приняты в Москве. Там, вероятно, приняли во внимание чрезвычайно длительный период оккупации во время войны и особую послевоенную ситуацию. Остается выяснить, в какой мере при этом учитывались региональные пожелания или предложения. Индикатором высокой значимости этого является протекание публичных процессов: первый публичный процесс состоялся в 1943 г. в г. Харькове, а в последующие годы (до 1947-го) — в других городах Украины (Киеве, Чернигове, Сталино и т. д.). Точное количество всех состоявшихся в Украине процессов мне, однако, неизвестно.

Исходя из этих установок, хотелось бы подробнее остановиться на двух комплексах процессов — Киевском и Харьковском.

29 и 30 сентября 1941г. особая команда 4а убила в Бабьем Яру более 33 тыс. еврейских жителей г. Киева. В команду тогда входили служащие полиции безопасности и службы безопасности (СД), батальон особого назначения войск СС, служащие полицейских батальонов, а также части украинской вспомогательной полиции. Причастен был также вермахт в лице 6-й армии под командой генерал-фельдмаршала Вальтера фон Райхенау и комендатура г. Киева под руководством генерал-майора Курта Эберхарда. Это их саперные отряды после завершения убийств с целью стирания следов взорвали края оврага.

Но скрыть преступление такого масштаба невозможно. Через партизан и оперативные службы вести дошли до Москвы. Советский Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) уже в начале января 1942 г. знал об этих массовых убийствах. После освобождения Киева в начале ноября 1943 г. советские органы расследования сразу начали разбираться в деталях происшедшего. НКГБ в январе 1944 г. сообщил в ЦК, что немцы «особо ужасно вели себя» в отношении евреев и уничтожили во время оккупации города все еврейское население. Похожие формулировки мы находим в проекте официального протокола расследования, проведенного Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК). Как тогда было принято, проект перед публикацией

в центральной печати был отредактирован партийным руководством во главе со Сталиным. При этом раздел, посвященный Бабьему Яру, оказался существенно изменен. Окончательная версия, опубликованная 29 февраля 1944 г. в «Известиях», гласит: «Гитлеровские бандиты 29 сентября 1941 г. [...] согноли и расстреляли *мирных советских граждан*». Далее говорится, что в общей сложности до 1943 г. в Бабьем Яру было убито «более 100 000 мужчин, женщин, детей и стариков». Преувеличение количества жертв и обобщенное название жертв соответствовали тенденциям прежних сообщений из Москвы. НКВД в своей ноте от 6 января 1942 г. писал: «За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тыс. мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность Советской власти».

Нота НКВД и протокол ЧГК на Нюрнбергском процессе были представлены советской стороной обвинения в качестве доказательства «массового уничтожения немцами мирных советских граждан». Кроме того, документ ЧГК, а также отдельные показания свидетелей тех событий были использованы в ходе послевоенного судебного процесса против немецких военнопленных, который «согласно указаниям тов. Сталина» состоялся в г. Киеве с 17 по 28 января 1946 г. Подготовку и контроль над этим и семью другими публичными процессами, состоявшимися с декабря 1945 по февраль 1946 гг., политбюро в начале ноября 1945 г. поручило межведомственной комиссии, в которую входили представители НКВД, НКГБ, СМЕРШ, Главной военной прокуратуры (Н. П. Афанасьев) и Верховного суда СССР (И. Т. Голяков). Из высших эшелонов власти за эти вопросы отвечали нарком внутренних дел Берия, нарком госбезопасности Меркулов, а также доверенный Сталина, нарком иностранных дел Молотов. Они приняли окончательное решение не только о составе подсудимых, но и о содержании обвинительного заключения и судебных приговоров. Поэтому надо исходить из того, что на Киевском процессе именно по политическим соображениям не подчеркивались особо жертвы среди евреев на оккупированных немцами советских территориях.

(Массовые убийства в Бабьем Яру, которые не удалось вменить в вину непосредственно ни одному из подсудимых на Киевском процессе, правда заняли сравнительно большое место в судебном разбирательстве с тем, чтобы характеризовать сущность немецкой оккупационной политики и, тем самым, подсудимых тоже. Но и в обвинительном заключении и в приговоре речь идет исключительно о «массовом уничтожении советских людей».)

О других советских судебных процессах и расследованиях против немцев в связи с убийствами 29/30 сентября 1941 г. пока ничего не

известно. Правда, осенью 1947 г. представители советского Министерства государственной безопасности (МГБ) в Германии ходатайствовали о выдаче двух немцев из западных зон оккупации (Шеер и Йеккельн), задолго до этого уже казненных в Советском Союзе.

По политическим соображениям холокост в органах печати и юстиции СССР особо не выделялся, и это вскоре стало характеризовать всю советскую культуру памяти. Причины были разнообразны, но одна из основных, видимо, заключалась в антисемитизме Сталина. Более значимым на вышестоящем уровне, однако, был тот факт, что официальное восприятие Второй мировой войны пока сосредоточилось на исходящей из этого опасности для советского государства и на его окончательном торжестве.

Таким образом, Бабий Яр стал символом как чудовищных преступлений, совершенных немцами на территории Советского Союза, так и множества причастных к этому различных организаций и лиц, включая вермахт.

(Итоги:

— до 9 млн убитых (гражданских лиц и военнопленных); в целом, до 27 млн погибших на войне; 3 млн насильственно угнанных и 22 млн занятых на принудительных работах в самом Советском Союзе;

— общий экономический ущерб 7 001 300 млрд рублей (ЧГК/Госплан), отставание из-за войны на две пятилетки).

С другой стороны, Бабий Яр стоит за сталинистскую интерпретацию немецкой войны и ее преступлений, которая ориентировалась прежде всего на масштабы и потребности советского государства. Указанная выше ресталинизация государства и общества действовала как внутри, так и во внешних отношениях: в глазах Сталина гитлеровская Германия как конкретный противник после 1945 г. быстро растворилась в традиционном образе врага «капитализма» или же «империализма». Собственная потребность в безопасности, таким образом, была преувеличена и рассмотрена в широких идеологических масштабах. Что касается внутренней политики, большевистские вожди с новой энергией взялись за реконструкцию своего идеального коммунистического общества, задачу, решение которой, с их точки зрения, давало право на тоталитарный контроль и руководство обществом, включая и в дальнейшем известные «чистки». В этом контексте следует рассматривать юстицию как инструмент и форму выражения сталинизма.

В преследовании военных и нацистских преступлений немцев в Советском Союзе, следовательно, большую роль играли не только действительно совершенные злодеяния, но и внутрисистемные аспекты, как, например, пронизанное сталинизмом правосудие. Эти две стороны можно рассматривать в противоположности «антифашизма» и «сталинизма».

Точное сопоставление этих двух сторон представляется сложным, тем более, что их соотношение с течением времени неоднократно менялось.

Бесспорным является тот факт, что одно только количество советских судебных процессов против военнопленных по обвинению в военных и нацистских преступлениях намного превышает количество процессов, прошедших на западе (примерно в 4 раза). Несмотря на то, что преследование военных преступлений и злодеяний немцев фактически с начала войны было объявленной целью союзников в целом, СССР с самого начала действовал довольно автономно. Это касается как создания ЧГК, так и принятия исконно советского закона о военных преступлениях (т. е. Указа № 43) или же полностью обособленной подготовки и проведения судебных процессов против военных преступников. С этой точки зрения Нюрнберг подтверждает, что СССР, несмотря на совместные с союзниками заявления, по сути дела придерживался иных правовых взглядов (Катынь как пункт обвинения, закулисные переговоры при требованиях о выдаче лиц и т. д.).

Советское правосознание находило выражение прежде всего в нормах, положенных в основу вынесенных против немцев за военные преступления и злодеяния приговоров. Тут советские суды нередко ссылались на статьи по защите государственности, заложенные в российском Уголовном кодексе 1926 г. (ст. 58 2 и 59 3), и, таким образом, квалифицировали и уголовные деяния против советских граждан как «контрреволюционное посягательство» на СССР. В целом же, по Сталину, «существующие в 1941 г. законодательные нормы для совершенных немцами злодеяний против мирного населения и пленных красноармейцев предусматривали меры наказания, совершенно очевидно не соответствующие масштабам совершенных преступлений». Эта аргументация, видимо, в глазах советской стороны оправдала и применение Указа № 43 к преступлениям, совершенным до его выхода в свет.

Указ № 43 в послевоенный период стал важнейшим инструментом правосудия в отношении военных преступлений и преступлений оккупантов, в то время как задуман был этот указ первоначально как ответ на случаи коллаборационизма советских граждан. Поэтому не случайно первый суд на основании Указа № 43 состоялся по обвинению советских граждан. И в последующем именно такие процессы составляли подавляющее большинство всех судов по Указу № 43. Из почти 82 тыс. приговоров, вынесенных советскими судами на этом основании до 1952 г., только 25 тыс. касались иностранцев.

Времени не хватает, чтобы здесь подробнее обсудить проблему так называемой «кооперации с врагом», но ее потенциальная взрывная сила для советского государства — налицо. Указ № 43 реагировал на этот многогранный феномен весьма упрощающе и тесно связывал наказание за

такие злодеяния с претворением в жизнь претензий на абсолютное руководство жизнью общества со стороны партии и государства. Для «предателей», так же как и для убийц, он в качестве меры наказания предусматривал публичную казнь через повешение. Это было задумано не только в целях устрашения, но и в интересах иметь регулируемый государством вентиль для удовлетворения желания большей части населения отомстить злодеям.

Политическая роль судов отражалась также и в сильной позиции следственных органов. Это были органы НКВД/МВД (а также НКГБ МГБ и/или контрразведки СМЕРШа), которые вели конкретные расследования в рамках заданных Москвой основных целей и задач и составляли обвинительные заключения с формальной санкции прокуратуры. На практике следственные органы составляли так называемые «оперативные списки» на военнопленных определенных воинских званий, частей или должностей. Эти списки были призваны задать направление будущим расследованиям, оперработники должны были последовательно наполнять их компрометирующим материалом. Для занесенных в эти списки военнопленных с конца 1945 г. репатриация была исключена. Для этой категории лиц плен стал уже не только средством репарационно-политического возмещения нанесенного Германией ущерба и средством перевоспитания людей, но и предварительным заключением. С течением времени знания о масштабах немецких преступлений в Советском Союзе постоянно росли. Количество «подозрительных» частей, которые определялись прежде всего по совпадению мест их дислокации с местами совершенных преступлений, неуклонно росло.

Но до сих пор можно лишь полагать, каким образом были получены решающие для советских судов признания виновных в каждом индивидуальном случае — ведь психологические и физические пытки были запрещены в Советском Союзе только в 1953 г. Вещественные доказательства и достоверные показания свидетелей в отличие от этого встречались крайне редко. Немецкие трофейные документы хотя и собирались весьма энергично, но лишь в редких случаях целенаправленно анализировались (ср. Особый архив, обвинения ЧГК, 1947 г.).

Более того, расследования в СССР опирались не только на широкий фронт молчания со стороны немцев, но, следуя «чекистским» традициям, в значительной степени и на доносительство и на сведения все более развитой агентурной сети в лагерях для военнопленных. Так, например, имеются данные о том, что в начале 1949 г. более половины контингента в лагерях Украины числилось в сотрудиниках МВД. Такие методы расследования не могли не привести к тому, что доносили не только на действительных преступников, но отчасти и на невиновных сотоварищей из корыстных целей.

Материалы ЧГК, которая после окончания войны в основном прекратила свою деятельность, в этом отношении тоже практически не помогали. Они, в свою очередь, страдали от отставания расследований, нехватки ресурсов и чрезмерных требований, которым свидетели не были в состоянии отвечать. Таким образом, ЧГК хотя и составила длинные, не всегда однозначные, списки имен потенциально подозрительных лиц, но, с другой стороны, мало что сделала для конкретной и действительной идентификации преступников. Принципиальная установка ЧГК на документацию злодеяний привела к тому, что на основе ее материалов вряд ли можно было установить связь между обвиняемыми и отдельными проступками.

За неимением конкретных попыток и, тем более, результатов расследований формальные критерии, как, например, принадлежность к «заподозренной в злодеяниях» воинской части, к определенной категории воинских званий или должностей, как бы сами по себе стали единственными или решающими критериями обвинения. Военные прокуроры, как правило, без проблем санкционировали обвинительные заключения, вынесенные на основе таких расследований. И судебные процессы, как правило перед судами военных трибуналов НКВД/МВД, тоже не ставили под сомнение результаты предварительных расследований.

Преимущество оперативных служб, в конце концов, нашло выражение в деятельности Особых совещаний НКВД/МВД и НКГБ/МГБ (ОСО). В них представители соответствующих наркоматов или министерств в Москве административным путем, т. е. на основе одних лишь дел и в отсутствие обвиняемых выносили приговоры вплоть до смертной казни.

Но принципы правового государства не только в ОСО, но также и во всей юридической и расследовательной практике эры Сталина пренебрегались, более того, они сознательно отвергались, обходились, как показывает хотя бы незначительная доля публичных судебных процессов.

Конкретные исследования подтвердили в отношении таких публичных мероприятий преобладание центральных элементов сталинских показательных судебных процессов (исключительное значение личного признания, подробная препарация, «демонстративный юридический формализм», нетипичность присутствия публики, допускание деяний в качестве доказательства, сквозной контроль и влияние на процессы со стороны политического руководства).

В отличие от «классиков» 30-х годов для процессов над немецкими военными преступниками не нужно было фабриковать значимые в уголовном праве составы преступлений. В этом смысле следовало бы говорить относительно публичных военных и послевоенных процессов против немцев, не о показательных, а о демонстративных судебных

процессах, которые наряду с их пользой для злободневной политики в любом случае должны были демонстрировать масштабы немецких преступлений.

Если при выборе подсудимых обращали большое внимание на то, что те по своему служебному положению, деятельности или ответственности вполне могли бы быть непосредственными виновниками в этой истребительной войне, то действительному доказательству их индивидуальной вины в ходе процесса придавалось лишь второстепенное значение. Также второстепенным была доказуемость объявленных представителями обвинения и перенятых судьями количественных данных о жертвах и ущербах. Таким образом, публичные процессы относительно их политической направленности, оперативных процедур и обобщений в вынесении приговора не отличались от непрерывно проходивших непубличных судов. Те проводились «упрощенным порядком» за закрытыми дверями, без защитника, без прокурора, зачастую без надлежащего перевода и за невероятно краткие сроки. Судьи в основном ожидали от подсудимых всех процессов лишь повторения признания, данного в рамках предварительных расследований. Историческая наука доказала, что моменты подозрения советской стороны могут быть вполне обоснованными. Но следственные органы и советская юстиция со своей стороны, однако, до сих пор не привели соответствующих доказательств этого. Они данному вопросу, видимо, даже не придавали особого значения. В качестве примера приводим юридическую разработку преступлений в дулаге № 205.

Из-за развития военных действий советские органы только в 1943 г. были в состоянии приступить к целенаправленным и основательным расследованиям. Так, например, СМЕРШ не позже чем с июля 1943 г. начал вести расследования по поводу массовой гибели советских военнопленных в сталинградском дулаге № 205 (с. Алексеевка, Сталинградская область). При этом он сосредоточился на непосредственно ответственных за состояние и условия жизни в лагере. Это были комендант лагеря полковник Рудольф Керперт, его адъютант старший лейтенант Отто Медер, подполковник Вернер фон Куновский, который исполнял обязанности квартирмейстера 6-й армии, а также офицер абвера Вернер Лангхельд. Все они 31 января 1943 г. под Сталинградом попали в плен. По мнению Абакумова, они признались в совершении преступлений в дулаге и, кроме того, были избиты показаниями других заключенных на Лубянке. Бывшие военнопленные, пережившие дулаг № 205, подтверждают нечеловеческие условия в этом лагере. По убеждению следственных органов, «по вине немцев» там погибло более 2 тыс. советских военнопленных.

В начале сентября 1943 г. Абакумов безуспешно предложил устроить по событиям в дулаге № 205 публичный процесс. Вместо этого с конца

сентября 1943 г. начал готовиться процесс в г. Харькове. Перемена места, видимо, была вызвана новыми результатами расследований. Тем временем, другие военнопленные уже показали о газовых автомобилях, при помощи которых были убиты «советские граждане» в Харькове и окрестностях. Среди свидетелей был переводчик военной комендатуры унтер-офицер Роберт Киршфельд, который попал в плен в апреле 1943 г. под Смоленском. В то время как Киршфельд признался в участии в карательных акциях против партизан — при каких бы то ни было обстоятельствах! — указанному выше пленному Сталинграда Лангхельду теперь вменялись в вину еще и преступления, совершенные в другом лагере для военнопленных под Харьковом.

После различных передиспозиций перед Харьковским судом, в конце концов, вместо запланированных двух человек, предстало три немца и один русский. Судебный процесс сосредоточился исключительно на истязаниях и массовых убийствах «советских граждан» и военнопленных в районе Харькова. Лангхельду было предъявлено обвинение в «бесчеловечном обращении с военнопленными» и в «режиме террора и провокаций», царившем в лагере. В качестве доказательства приводились события марта 1943 г., когда Лангхельд, как известно, уже давно сам находился в плену. Кроме того, судьи заставили его подробно рассказать о применении «душегубок» в Харькове, Полтаве и Киеве.

Лангхельда признали виновным в истязаниях военнопленных, а также в подделке судебных дел с целью убийства пленных и гражданских лиц. Эти преступления Лангхельд, по собственным показаниям, совершил и в Сталинграде, хотя дулаг № 205 на Харьковском процессе уже вообще никакой роли не играл. Как и остальные подсудимые этого процесса, Лангхельд по Указу № 43 был приговорен к смертной казни и казнен публично. Избранные Абакумовым военнопленные Керперт, Медер и Куновский в 1944 и 1947 гг. были приговорены к смертной казни. Киршфельд же, согласно планам Абакумова, должен был предстать перед судом в начале 1944 г. в рамках демонстративного процесса в Смоленске, в центре которого должны были стоять, в частности, медицинские опыты, проведенные на военнопленных. По неизвестным причинам суд против него и других обвиняемых был отложен и состоялся только с 16 по 19 декабря 1945 г.

За это время ЧГК составила собственный список высокопоставленных «организаторов преступлений» в регионе Сталинграда, в который, кроме Куновского, были включены, в частности, генерал-фельдмаршал фон Паулюс и генерал Вальтер фон Зайдлиц. Однако ввиду их роли в Национальном комитете «Свободная Германия» и в Союзе немецких офицеров последние пока не преследовались судом, несмотря на то, что на них среди пленных собирался компромат. В конце концов,

только Зайдлиц, который после 1945 г. стал все более критично относиться к советской политике, в 1950 г. был приговорен к 25 годам лишения свободы, а в 1955 г. освобожден из заключения и отправлен на родину. Приговор, вынесенный против него на основании Указа № 43, политбюро обосновало недвусмысленно его «реакционным и реваншистским» отношением к Советскому Союзу. А Паулюс в 1953 г. без приговора был репатриирован в ГДР.

Тем самым советское правосудие ничем не способствовало прояснению событий в дулаге № 205 или же ответственности за них. Действительный масштаб злодеяний, соотношение объективных условий, индивидуальных ошибок и преступных деяний остаются размытыми, а сами виновные без соответствующих контуров.

Эти примеры, в частности, показывают, что все процессы против военнопленных выполняли, кроме карательных, также и политические функции. Точное соответствие, конечно, можно определить лишь рассматривая конкретный отдельный случай, причем, на основе всех соответствующих документов. Но общее развитие приговоров, вынесенных против немцев, четко показывает, что расследования стали вестись более интенсивно только начиная с 1948 г. и особенно в 1949 г., когда грозило возвращение домой потенциальных преступников. Еще большую роль играло то обстоятельство, что Сталин в рамках холодной войны стал усматривать именно в этом контингенте пленных перманентную опасность для Советского Союза. Поскольку он исходил из прямолинейной последовательности от «гитлеровского фашизма» к «англо-американскому империализму», интенсивное преследование нацистских преступлений служило заодно и путем защиты СССР от будущих деяний Запада.

Поэтому массовые приговоры 1949/50 гг. одновременно были направлены совершенно конкретно против неизбежного, по мнению Сталина, нового вооружения Германии. Наряду с этим, МВД и МГБ всегда проявляли особый интерес к бывшей деятельности немецких разведывательных и контрразведывательных служб, причем, этот интерес относился, независимо от институциональной или личной ответственности за геноцид, военные преступления и преступления оккупации, прежде всего к их связям с советскими коллаборационистами. Совокупность интересов политики безопасности и карательной политики с сентября 1949 г. явно и с централизованным управлением определяло отношение к около 37 тыс. оставшихся в оперативных списках немецких военнопленных.

(Почти 13 тыс. офицеров и служащих рядового состава СС, 4500 членов СА, 4150 офицеров и служащих рядового состава «карательных органов», 10300 военнослужащих всех званий из заподозренных

в преступлениях воинских частей, и около 1300 человек, работавших в лагерях для военнопленных или в концлагерях, 1700 членов СД, гестапо или тайной полевой полиции (ГФП) представляли интерес лишь как потенциальные шпионы и контактные лица внутренних врагов советского государства.)

Среди этих 37 тыс. человек, по мнению решающих органов (МВД, МГБ, МИД), находилось около 3600 офицеров, офицеров штаба и генералов, которые «в случае репатриации могли бы использоваться в качестве кадров для заново создающейся англо-американскими оккупационными властями немецкой армии». Обвинение в военных преступлениях в этих судебных процессах, следовательно, было лишь средством: «Во всех случаях, где это только возможно, следует ссылаться на документы Чрезвычайной комиссии, которая установила преступления той воинской части, в которой в свое время состоял обвиняемый», — говорится по этому поводу в постановлении от 29 ноября 1949 г. «Конкретные материалы» о совершенных в СССР (а также на территории других «стран народных демократий») злодеяниях и преступлениях органы предъявляли лишь в отношении 4684 пленных, остальным же вменялась в вину служба в рядах СА, СС и т. д.

Окончательно судебные процессы против немцев по обвинению в совершении военных преступлений и преступлений оккупации заканчивались в 1951–1952 гг. (они проходили уже только в Москве). МГБ под руководством Абакумова до тех пор обращало огромное внимание на неограниченный доступ ко всем находившимся в его тюрьмах высокопоставленным немцам, отгораживая их от любых юридических разбирательств. Расследования военных преступлений при этом, однако, по словам заместителя министра госбезопасности, практически не велись. В центре внимания прежде всего стояло получение более точных сведений о деятельности немецких секретных служб или же об обстоятельствах смерти Гитлера. После свержения Абакумова в июле 1951 г. новые руководящие кадры по поручению Сталина взялись за осуждение последнего контингента еще не приговоренных немцев за военные преступления или преступления против мира и человечности в рамках быстрых непубличных процессов (например, против Шёрнера).

Подводя итоги сказанного, следует подчеркнуть, что массовые судебные процессы против военнопленных в 1949–1950 гг. представляли собой логическое завершение процесса, который развивался с 1941 г. во взаимодействии различных соображений карательной и внешней политики с политикой безопасности. Последней точкой отсчета сталинистского восприятия, оценки и анализа немецких военных преступлений и преступлений оккупации всегда оставались государство и его партийное руководство.

Это, разумеется, отнюдь не означает, что приговоренные советскими судами немцы были невиновными. И это относится также и к тем лицам, которые сегодня реабилитируются на основе законов о реабилитации жертв политических репрессий. Перед советскими судами предстали многочисленные пленные, которые действительно совершили или приказали совершить военные преступления и злодеяния. Но ответ на вопрос о законности этих советских судебных процессов нужно найти в них самих. Тот факт, что эта юридическая практика не ставила немцев вне действующего в свое время (советского) права, в конце концов указывает лишь на сталинистский характер этих процессов. Правосудие довольствовалось выявлением преступлений, оценкой их в соответствии с установками государства и коллективным наказанием противника за «несправедливую войну». Совершили ли обвиняемые на деле вменяемые им в вину преступления — этот вопрос казался второстепенным ввиду принципиально преступной оккупации или же новых политических задач.

Судебные дела, если они вообще стали известны очевидцам тех событий или последующим поколениям, представляли собой запутанный разнородный клубок частично доказанных, частично и манипулированных показаний о составах преступлений, сомнительных или, по крайней мере, полученных сомнительным путем сведений об обвиняемых и весьма размытых описаний их мнимых или действительно совершенных проступков. Таким образом можно было удовлетворить лишь потребности государства, которые определялись и преследовались без учета интересов собственных граждан, т. е. собственных жертв этих преступлений. Следовательно, жертвы немецких преступлений в лучшем случае получили короткое моральное удовлетворение от небольшого количества публичных процессов (и казней). Должной истинной справедливости же им никогда не отдавали.

ВЕНГЕРСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ. РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЙОЖЕФ ХОЛЛО, АНДОР БИРО

Военно-исторический институт и музей Министерства обороны
Венгерской Республики

К исследованию вопроса пребывания венгерских военнослужащих в советском плену нельзя приступать минуя оценки причин участия Венгрии во Второй мировой войне.

Авторитетный ученый, председатель Института истории Академии наук Венгрии Ференц Глатз в статье, опубликованной в одном из тематических номеров журнала «Histurgia», подчеркивает, что вступление Венгрии в войну 26 июня 1941 г. было грубой политической ошибкой. «Часть политической элиты произвела неправильную оценку международной ситуации, возможностей венгерского государства и национальных интересов. Право на ошибку имеет врач, выполняющий операцию, архитектор, биржевой игрок. Результатом таких ошибок будет единичная смерть, единичное разрушение, личное финансовое банкротство, а ошибка руководителей государства определяет будущее всего общества данной державы...»¹

Действительно, здравомыслящее большинство человечества считает, что самой грубой ошибкой государственных деятелей, их личным грехом является допущение военной ситуации, допущение вступления государства в военный конфликт. Совершенно верно пишет профессор Чайковский Анатолий Степанович во вступительном слове своей знаменитой монографии «Плен: За чужие и свои грехи», что «военные действия, начатые правителями, всей своей тяжестью ложатся на плечи простых людей, которые терпят при этом непомерные лишения, невзгоды, расплачиваются увечьями и смертью»².

Несмотря на невероятного масштаба страдания, несмотря на ужасные последствия, войны на планете до сих пор продолжают косить десятки, сотни тысяч, а часто даже миллионы жизней. По подсчетам сотрудницы телеканала ВВС Джессики Вильямс, даже в настоящее время третья часть населения земного шара воюет между собой. По ее сводкам, в одном только 2002 г. из-за 37 разных конфликтных ситуаций в мире

проходили войны разного масштаба среди тридцати государств, а это означает, что в вооруженных конфликтах участвовали 2,29 млрд человек³.

Все это еще раз доказывает то, что человечество до сих пор не уделяет достаточного внимания последствиям войн, не делает необходимых выводов из ошибок, допущенных своими предками.

Настоящая Международная научная конференция, организованная уже третий раз под эгидой Государственной межправительственной комиссии, является таким важным, значительным международным форумом, с помощью которого, помимо отдания чести погибшим миллионам, становится возможным обращать внимание людей на необходимость решения конфликтных ситуаций исключительно только мирным способом.

Большую часть выводов и итогов, связанных с многочисленными тяготами и угрозами войн, можно и необходимо извлечь из опыта Второй мировой войны. Она отличается от всех предшествующих и последующих вооруженных конфликтов не только своим масштабом, своей жестокостью, количеством жертв или разрушениями, но и количеством военнопленных.

При исследовании событий и последствий самой трагической в истории человечества войны читатель сталкивается с определением, что с подписанием актов капитуляции в мае и сентябре 1945 г. Вторая мировая война закончилась лишь формально. Действительно война заканчивается лишь тогда, когда похоронен последний солдат.

К сожалению, Венгрия, подобно большинству стран-участниц Второй мировой войны, во многих случаях до сегодняшнего дня не смогла определить судьбу и место захоронения своих погибших солдат и гражданского населения. Из-за большого количества пропавших без вести, а также из-за отсутствия достоверных данных в отношении жертв гражданского населения весьма трудно выразить количество жертв с помощью цифр.

Большинство венгерских историков соглашаются с тем, что за весь период войны всего погибло 830–950 тыс. человек. Среди них 340–360 тыс. военнослужащих (120–160 тыс. пали смертью храбрых).⁴ На первый взгляд может показаться, что на уровне таких крупных государств, как Советский Союз или Германия, эти цифры сравнительно небольшие. Однако в процентном соотношении Венгрия по количеству жертв во время Второй мировой войны занимает четвертое место после Польши, СССР и Германии. Из 13,7 млн населения Венгрия потеряла 6,49%⁵.

Уже в самом начале войны среди венгерских военнослужащих и солдат трудовой службы венгерской армии, направленных командующими на Восточный фронт, распространялись воспоминания об ужасах в лагерях военнопленных Сибири периода Первой мировой войны. Вопреки

всем стараниям для многих стало несбыточной мечтой избежать плена. Успехи Красной армии под Сталинградом и известные события в январе–феврале 1943 г. на Дону привели к массовому пленению немецких солдат и их союзников.

На восточном театре боевых действий, в районе Дона, а позже в Карпатах в советский плен попали 70 тыс. венгерских военнослужащих. После вступления Красной армии на территорию Венгрии число венгерских военнопленных резко возросло. Эта тенденция продолжалась и в послевоенные годы.

Военнослужащие 2-й венгерской королевской армии, арестованные в районе р. Дон, были направлены от сборного пункта под Давидовкой большей частью в лагеря, организованные в районах населенных пунктов Моршанск, Хреновое, Омск, Оранки, Тамбов⁶.

Необходимо сказать, что иногда условия содержания пленных были более оптимальными, чем в подавляющем большинстве случаев. Документы и воспоминания гласят, что в лагерях Красногорска, Нижнего Тагила, Шанок, Стрий были созданы лагеря с целью организации антифашистского воспитания размещенных. Венгерский историк Томаш Краус обращает внимание на то, что в отличие от немецкого плена в советском плену встречались и такие аномалии, когда одновременно с массовой гибелью пленных на территории данного лагеря функционировала библиотека⁷.

В начале войны советская власть не могла быть и не была подготовлена для размещения и содержания потоков подобного количества военнопленных. Поэтому многие умирали от истощения, голода или мороза, не доезжая до назначенного лагеря. Другие закончили свою жизнь в лагерях через несколько лет, а некоторым удалось пережить страдания и вернуться на родину.

По данным профессора Чайковского, «в советском плену в 1939–1956 гг. от ран, болезней, травм, вследствие судебных и внесудебных приговоров, старости, злоупотреблений, других причин умерло, казнено, погибло более 700 тыс. военнопленных и интернированных»⁸.

По подсчетам некоторых венгерских историков, за период с 1941 по 1946 г., в советский плен попало более 600 тыс. венгерских военнопленных, а всего в плен союзников — 1 млн человек⁹. Необходимо отметить, что даже в данных специалистов Венгрии наблюдаются существенные отличия о плененных и об умерших в плену венгерских военнослужащих, солдатах трудовой службы и интернированных. Основной причиной значительных расхождений является практически полное отсутствие соответствующих документов завершающего периода войны, т. е. периода массового пленения и интернирования советскими войсками вооруженных отрядов и мирного населения Венгрии, целью которого

в первую очередь было пополнение острого дефицита рабочей силы в советском тылу. Промышленность Советского Союза пополнилась рабочей силой среди военнопленных и заключённых лагерей ГУЛАГа. Различные виды ископаемых, необходимых для военного производства, добывались только на рудниках, где смертность была очень высока.

Благодаря урегулированному отношению Военно-исторического института и музея Министерства обороны Венгерской Республики с соответствующими российскими, украинскими, германскими, итальянскими организациями-партнерами (Ассоциация «Военные мемориалы», Межправительственная комиссия при Кабинете Министров Украины, Российский государственный военный архив и др.), за последние годы венгерским исследователям стали доступны ранее засекреченные документы. Уникальной статистической ведомостью является *«Справка о количестве военнопленных бывших Европейских армий, взятых в плен советскими войсками и учтенных бывшей ГУПВИ Министерства внутренних дел СССР за период 1941–1945 гг.»*.

В соответствии с рассекреченной сводкой, подписанной 28 апреля 1956 г. начальником тюремного отдела МВД СССР, полковником Булановым, за весь период Второй мировой войны по количеству военнопленных Венгрия занимает второе место после Германии. По этим данным, всего было учтено военнопленных-венгров 513 766, среди них: генералов — 49, старших и младших офицеров — 15 969. Из них умерло 54 753 человека¹⁰.

Существуют и другие источники. На основании архивных документов России была составлена электронная база данных, включающая данные 67 127 венгерских военнопленных. Эти люди никогда не вернулись домой, они умерли в одном из многочисленных лагерей военнопленных бывшего Советского Союза¹¹.

Благодаря успешному и плодотворному сотрудничеству Военно-исторического института и музея Министерства обороны Венгерской Республики и Российского государственного военного архива, в 2005 г. были переданы венгерской стороне копии *«Учетных дел»* военнопленных, в которых фигурируют подробные данные о плененных. В настоящее время сотрудниками Военно-исторического института проводится обработка и перевод на венгерский язык этого бесценного источника.

По всей вероятности, кроме выходящих за последние 10–15 лет многочисленных томов, изучающих особенности пребывания венгерских военнопленных в Советском Союзе,¹² большое значение имеет сотрудничество соответствующих организаций. Здесь в первую очередь необходимо назвать сотрудничество между Российским государственным военным архивом, Военно-историческим институтом и музеем Министерства обороны Венгерской Республики, Ассоциацией «Военные

мемориалы», Межправительственной комиссией при Кабинете Министров Украины и т. д.

Наиболее ярким результатом делового сотрудничества является совместная организация в 2005 г. выставки в Будапеште, посвящённой венгерским военнопленным периода Второй мировой войны. Помимо этой популярной временной выставки необходимо отметить важность составления сотрудниками РГВА вышеназванной электронной базы данных венгерских военнопленных на территории СССР. С помощью данного списка сотрудники Военно-исторического института и музея получили возможность дать ответ близким, интересующимся неизвестной судьбой своих родных. Списки составлены благодаря кропотливой работе сотрудников архива, на основании данных, содержащихся в «Учетных делах».

Не менее важным результатом плодотворного сотрудничества является электронная база данных, содержащая в себе 13 тыс. фамилий венгерских военнопленных, захороненных на территории Украины, которая была торжественно передана венгерской стороне во время заседания второй Международной научной конференции в 2004 г., организованной Межправительственной комиссией при Кабинете Министров Украины. Ценность этого судьбоносного источника состоит в том, что помимо архивных данных о погибших военнопленных, к данным о каждом месте захоронения прикреплена карта региона, схема кладбища и описание настоящей ситуации.

В силу определенных причин, судьба венгерских солдат и гражданских жертв, погибших во время Второй мировой войны и покоящихся на территории России, Украины или Молдавии, долгое время была неизвестной, возможность исследования — неурегулированной.

Из опыта Второй мировой войны нам стало известно, что в мире около пятидесяти миллионов сирот выросли в неполной семье и попали в неравные условия по отношению к своим более счастливым товарищам. Миллионам военных вдов приходилось нести тяжелое бремя воспитания детей, обработки земель и продолжения ремесла. Из тех, кто остался жив, многие стали инвалидами и несли до конца своих дней последствия своих болезней и ранений, полученных на полях боя. Это такая потеря, которая не может быть никогда забыта, которая навсегда должна оставаться в памяти будущих поколений. Наши потомки всегда должны помнить, защищать мир и предотвращать войны.

В заключение мне хотелось бы выразить надежду на то, что военнослужащие и гражданские жертвы, погибшие в годы Второй мировой войны, станут последними жертвами подобных войн в истории всего человечества. По словам философа Джордж Сантаяна:

*«Кто не способен помнить прошлое,
тот обречён на его повторение»*

¹ *Glatz Ferenc.* Világháborús szerepünk újragondolása. Mi történt 1944. oktyber 15-én? — *Histryria* 2004/9.

² *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи. Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг. — К.: Парламентское изд-во, 2002. — С. 7.

³ *Jassica Williams.* Merre tart a világ? 50 tény, amely megrengethetné a világot. HVG Kiadyi Zrt., 2006.

⁴ *Dr. Ravasz István.* Magyarország világháborús embervesztesége és a magyar katonasírok. In: Háború, hadsereg, összeomlás. Magyar politika, katonapolitika a második világháborúban. — Budapest: Zrínyi Kiady, 2005. — 169. old.

⁵ *Dr. Ravasz István.* Magyarország és a Magyar Királyi Honvédség a XX. századi világháborúban. 1914–1945. — Budapest: Püedlo Kiady, é.n. — 244. old.

⁶ *Dr. Szaby Péter.* Hadifogság a II. világháború alatt és után. In: ...és újfent hadiidők! (avagy: a boldog békeidők nem térnek vissza) 1939–1945. — Budapest: Petit Real Könyvkiady, 2005. — 384. old.

⁷ *Krausz Tamás.* Gulag és Auschwitz avagy: az összehasonlító elemzés értelme és funkciya.

⁸ *Чайковский А. С.* Назв. труд. — С. 175.

⁹ *Dr. Szaby Péter.* Op. cit., 384. old., *Dr. Ravasz István.* Magyarország és a Magyar Királyi Honvédség..., 244. old. и др.

¹⁰ *Dr. Szaby Péter.* Op. cit., 385. old.

¹¹ Электронная база данных была составлена сотрудниками Российского государственного военного архива при активном взаимодействии Ассоциации «Военные мемориалы».

¹² Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории XX века и др.; Под ред. М. М. Загоруйко. — М.: Логос, 2000.

Представлена научная публикация наиболее полного корпуса архивных документов и материалов, освещающих пребывание пленных военнослужащих иностранных армий на территории СССР в период 1939–1956 гг. На основании рассекреченных фондов Государственного архива Российской Федерации и Центра хранения историко-архивных коллекций воссозданы политика руководства страны в отношении военнопленных, условия их содержания и трудового использования, практика выявления и наказания военных преступников, организация репатриации военнопленных на родину. Наряду с документами нормативного характера в сборник включены докладные записки, сводки и другие информационно-аналитические материалы на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берии, Н. С. Хрущева и других, что позволяет полнее раскрыть политические и экономические мотивы решений, принимавшихся в отношении военнопленных, а также представить новые достоверные данные о многих аспектах их содержания, труда и быта. Из обширного свода документов более 350 публикуются впервые. Вошедшие в сборник материалы дополняются и поясняются в археографическом предисловии, историческом введении, притекстовых примечаниях и ряде приложений. Сборник содержит обширный научный и справочный аппарат: именной и географический указатели, карту размещения лагерей военнопленных и интернированных по территории страны и др.

НОРМАТИВНО–ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ АГЕНТУРНО–ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ (1939–1953 гг.)

СЕРГЕЙ ЧАЙКОВСКИЙ

Управление государственной охраны Украины

Раскрыть в военные и послевоенные годы с участием военнопленных и интернированных тайны, касающиеся как конкретных людей, так и гитлеровской Германии и ее сателлитов в целом пытались с использованием различных способов и методов, но главным из них оставался агентурно-оперативный, получивший в наши дни название — оперативно-розыскная работа.

Опираясь на богатый исторический опыт, ее применение в среде военнопленных осуществлялось еще в предвоенный период, когда в соответствии с «Положением о лагере НКВД для военнопленных», с целью «чекистско-оперативного обслуживания» плененных польских (финских) солдат и офицеров, в структуре каждого лагеря были созданы особые отделения. О значимости последних говорил правовой статус их руководителей: они подчинялись непосредственно начальникам особых отделов соответствующих военных округов, наркомам внутренних дел республик, в исключительных случаях — начальникам УНКВД краев и областей.

Параллельно в действие был введен и документ, регламентирующий учет военнопленных. «В целях организации единой системы оперативного учета военнопленных, — отмечалось в нем, — устанавливается следующий порядок: 1. На каждого военнопленного по прибытии в лагерь учетно-регистрационное отделение лагеря немедленно заполняет и представляет особому отделению НКВД опросный лист с фотокарточкой... 2. Особое отделение... с опросных листов заполняет две алфавитные карточки... и заводит учетное дело... В учетное дело вкладывается опросный лист и дактилокарточка». Регламентировалась и система заведения агентурных и следственных дел.

Следует отметить, что до весны 1943 г. «считали» военнопленных неудовлетворительно. Невзирая на существующие инструкции, форма

учета не прижилась. Часто поступающие из фронтовых органов, умершие или убитые в пути следования пленные не регистрировались. Вне внимания структурных подразделений УПВИ нередко оставались и находившиеся в спецгоспиталях. И уж совсем «терялись» те из них, в ком были заинтересованы НКГБ или СМЕРШ. По официальным данным германской стороны, немалое число ее военнослужащих якобы находились в советском плену, но сведения о них канули в Лету.

Общая перепись пленных началась только с апреля 1943 г. В лагерной практике утвердились учетные дела, в УПВИ создавалась центральная картотека. С октября 1943 г. в учетном деле особого внимания стали удостоиваться офицеры, лица, приравненные к ним, а особенно генералы, высшие чины СС, СД, полиции и т. д. В регистрационные карточки последней категории заносились практически все сведения, поступившие как по официальным каналам, так и из других источников, в т. ч. и от секретных агентов.

Невзирая на определенные сдвиги, кардинального улучшения по вопросам учета военнопленных и интернированных не наступило. Об этом, в частности, свидетельствует приказ № 00232 от 2 ноября 1947 г. заместителя министра внутренних дел Украины комиссара милиции 3 ранга Лобуренко «О результатах проверки состояния учета военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Сталинской и Ворошиловградской областей». «Произведенной проверкой состояния учета военнопленных, — отмечалось в нем, — ...выявлены большие недочеты...»

Учитывая особую важность документирования военнопленных, подчеркивалось в приказе, а также «в целях устранения выявленных недочетов и осуществления личных указаний Министра Внутренних дел Союза ССР тов. Круглова, неоднократно обращавшего внимание всех работников на упорядочение учета военнопленных», требовалось прекратить безобразия, а «все выявленные при проверке недостатки полностью устранить». В связи с этим в 13 приведенных пунктах предлагалось осуществить конкретные меры. Кроме того, ряду должностных лиц объявлялись дисциплинарные взыскания.

В октябре 1939 г. нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия утвердил директиву, регламентирующую оперативно-чеккистское обслуживание охраняемого контингента. Ею определялись порядок создания в среде военнопленных агентурно-осведомительной сети, ее задачи, оперативный учет и следствие по выявленным интересующим НКВД лицам. Директива легла в основу последующих документов, регламентирующих агентурно-оперативную работу среди военнопленных и интернированных в военное и послевоенное время.

В деле создания агентуры предлагалось использовать и регистрацию прибывших в лагеря военнопленных.

В условиях войны существующая структура по агентурно-оперативной разработке военнопленных оказалась малодейственной и с участием всех заинтересованных сторон подвергалась изменениям. В поисках более эффективных форм организации военной контрразведки, в том числе и с помощью плененных солдат и офицеров противника, была осуществлена очередная реорганизация контрразведывательных органов армии, флота и войск НКВД, существовавших до этого в виде 3-х управлений (НКО и НКВМФ) и 3-х отделов (НКВД). 17 июля 1941 г. структурные подразделения 3-го Управления, (начиная с отделений в дивизиях, отделов на фронтах и в военных округах), преобразовываются в особые отделы (ОО). Само же 3-е Управление вошло в состав НКВД, объединенного вскоре с НКГБ, получив название Управления особых отделов (УОО). Структуры УОО пронизывали войска, начиная с батальонного звена. На особистов, как их называли в обиходе, помимо борьбы со шпионажем и предательством в армии и на флоте, возлагались задачи ликвидации дезертирства, вопросы контроля за военной цензурой, морально-политическим состоянием частей и подразделений, многое другое.

Постановлением ГКО особым отделам придавались подразделения войск НКВД. В этом и многих других случаях особисты тесно взаимодействовали с фронтовыми начальниками охраны тыла действующей армии.

Важным направлением работы ОО стало осуществление оперативной разработки военнопленных уже на первом этапе нахождения их в плену, т. е. во фронтовых условиях. Ее особенностью в 1941–1942 гг. было ограниченное количество источников информации, в первую очередь из числа офицерского состава; стремление получить разведывательные данные прежде всего с целью решения боевых задач, стоящих перед той или иной частью (соединением); концентрация внимания на изучении морально-психологического состояния войск противника, наличия резервов, вооружения, средств связи, нахождения складов с горючим, боеприпасами и т. д. Тем самым с участием разведки НКВД в этот период предусматривалось решение не стратегических, а только тактических задач.

Поставленные цели достигались путем первичных и повторных допросов военнопленных, изучением их опросных листов, личных и штабных трофейных документов, писем и др.

Полученные сведения анализировались, обобщались, а затем в виде докладных записок (спецсообщений, сводок, протоколов, рапортов и др.) адресовались заинтересованным вышестоящим штабам, политорганам, а также непосредственному руководству. Так, только в октябре–декабре 1941 г., январе–марте 1942 г. ОО НКВД Западного фронта направил

несколько десятков подобных документов. Среди них: «О настроениях в войсках противника», «Об отношении противника к населению оккупированных районов», «О моральном состоянии немецкой армии», «Трофейный немецкий отчет «Зимние бои за Ржев в 1941–1942 гг.», «Спецсообщение генералу армии Жукову Г. К.» и др. Опираясь на них, НКВД готовил информацию для ГКО, а также в Генштаб и Глав ПУ КА.

Свой вклад в получение информации о противнике вносили и разведывательные органы действующей армии. Как и особые отделы, на основании допросов и показаний военнопленных они также готовили соответствующие документы. Чаще всего это были обзоры и донесения. Среди них, например, «Обзор опроса немецких военнопленных, составленный разведотделом штаба 3-й армии», «Агентурная сводка разведотдела штаба 3-й армии за первую половину декабря 1941 г.» и др. Широкое применение нашли также военнополитические характеристики — формуляры вражеских частей и соединений, противостоящие советским войскам. Основываясь на принципе накопления из различных источников информации, собирались сведения об их командном составе, потерях и пополнении, вооружении, фронтовом быте, дисциплине, моральном состоянии личного состава и многом другом.

Не оставались безучастными к данному вопросу и политорганы. Необходимость сбора ими различных данных диктовалась потребностью учета, а главное — использования в контрпропагандистских целях. В директиве Глав ПУ КА № 267 от 1940 г. отмечалось: «В условиях войны (Второй мировой. — *Авт.*) газеты, письма и документы врага, подобранные на поле боя, материалы допросов и письма пленных солдат, радиоперехваты иностранных станций, информация ТАСС, статьи центральной советской печати и, наконец, материалы разведорганов и оперативных отделов штабов служат важным источником для газет и листовок, предназначенных для войск противника».

Сведения о политико-моральном состоянии армий противника рекомендовалось группировать по следующим основным разделам: идеологическая подготовка вермахта к войне, отношение личного состава к агрессии против СССР, положение в тылу, влияние советских листовок на моральное состояние войск.

По мере накопления политорганами опыта работы по изучению противника круг этих направлений расширился. Так, в октябре 1941 г. был выработан подробный перечень сведений, подлежащих выяснению. В него входило около 100 различных вопросов, распределенных по трем разделам: I — состояние германской армии; II — положение в германском тылу; III — политические настроения солдат и офицеров противника. Каждый из них, в свою очередь, состоял из нескольких подразделов. В частности, при изучении и анализе данных о состоянии армии

предполагалось сосредотачивать внимание на выяснении таких сведений: быт и идеологическая работа с личным составом; взаимоотношения между солдатами, солдатами и офицерами; состояние дисциплины; деятельность в армии тайной полевой полиции и агентуры и др.

При анализе ситуаций в германском тылу требовалось изучать: материальное положение солдат и их семей до призыва в армию; их положение в условиях войны; политическую обстановку в стране и т. д.

Аналогичные сведения подлежали выяснению и в отношении армий стран-союзниц Германии.

Для изучения политико-морального состояния вражеских войск, положения в их тылу и в Германии, использовались различные способы и приемы: показания местных жителей, сведения, получаемые от разведчиков, партизан и подпольщиков, исследование трофейных документов, писем, данные агентурной разведки, радиоперехваты и др. Но главным источником оставались допросы военнопленных и перебежчиков, получившие название политдопросов.

Их первые результаты были использованы Глав ПУ уже в июле 1941 г. как в пропаганде среди личного состава Красной армии, населения Советского Союза, так и за линией фронта. Подготовленные на их основании материалы, как показали события, были малоубедительными, примитивными, а во многих случаях даже политически вредными. Обобщив опыт первых месяцев войны, в октябре 1941 г. руководитель Глав ПУ Л. Мехлис утвердил специальную инструкцию по ведению политических допросов. Последняя требовала: допрос проводится политработниками дивизий, армий и фронтов, знающими соответствующий иностранный язык и допущенными к этой работе распоряжениями начальников политотделов дивизий, армий и начальниками политических управлений фронтов. В случае необходимости в помощь лицу, производящему допрос, привлекались квалифицированные переводчики. Устанавливалось, что допрос осуществляется исключительно индивидуально, путем устного собеседования. Письменные объяснения у военнопленных могли быть затребованы лишь после окончания устного допроса. При наличии группы пленных рекомендовалось отделять офицеров от солдат и допрашивать сначала солдат, далее — младших командиров, последними — офицеров.

Большое значение для упорядочения допроса пленных, максимального использования источника в интересах пополнения сведений о противнике имела примерная схема разговора «по душам».

Прилагался и подробный допросник. По инструкции схема допроса была рассчитана на рядового немецкого солдата и младших командиров (до фельдфебеля включительно), происходящих из рабочих и крестьян. При допросе выходцев из других социальных слоев допрашивающий

должен был соответственно видоизменять программу «общения». При допросе членов СС и полевой жандармерии предполагались дополнительные вопросы.

Немаловажное значение имела и техника составления протокола. Инструкция указывала, что все собственные имена, наименования географических пунктов и предприятий записываются как на русском, так и на языке военнопленного. Аргументацию пленного по коренным политическим вопросам (преимущественно против фашистского режима и войны) рекомендовалось записывать особенно тщательно, а при проведении допроса солдат избегать общих констатаций и оценок. Требования инструкции выполнялись далеко не всегда.

Из-за недостатка технических возможностей, особенно в случае большого количества пленнх, не удавалось их фотографировать.

В период войны политический допрос военнопленных занял особое место в работе аппарата спецпропаганды политорганов. Полученные во время допросов сведения имели большое значение для командования Красной армии, нужд армейской, внутрисоюзной и международной советской пропаганды, а некоторые составляли даже общегосударственное значение.

В последний период войны внимание акцентировалось на необходимости наиболее глубоко и полно выявлять конкретные настроения солдат и офицеров противника, их моральное состояние. В этом случае широкое применение нашел групповой допрос. Проводился он следующим образом: ставился вопрос, например, о подготовке фольксштурма. Допрашивающий предлагал одному из пленнх ответить на него, а другим — дополнить рассказ. В течение короткого времени удавалось получить достаточно полную картину, отражавшую суть рассматриваемой проблемы.

Применялся в этот период метод раздачи пленным подписных и анонимных анкет, при составлении которых политорганы следовали основному правилу: исключить односложные ответы («да», «нет»). Например, вопрос о том или ином происшествии ставился так, чтобы принудить пленнх ответить: когда они случились, где, с кем, какие имели последствия, как на них реагировали солдаты и офицеры и др. Это позволяло получить достаточно точные выводы о событиях, оценить их значение и использовать в пропаганде.

Применялись также анонимные анкеты и для выяснения мнения военнопленных о распространявшихся в войсках противника советских листовках. Каждому участнику анкеты вручался комплект пронумерованных листовок (10–12 названий) и анкета, в которой он должен был изложить свое мнение о каждой из них (понравилась ли она, чем именно, мнение о ее оформлении, каковы ее недостатки, пожелания и т. д.).

Этот метод обследования позволял судить о настроениях широкого круга солдат действующей армии врага, свидетельствовал, какого отклика следует ожидать с их стороны на те или иные аргументы советской пропаганды.

Не оставалось в стороне от данных вопросов и НКВД. В августе 1941 г. руководство оперативным обслуживанием военнопленных (в первую очередь офицерского состава) было возложено на Контрразведывательное управление (КРУ) НКВД, которое возглавлял комиссар госбезопасности 3-го ранга П. В. Федотов. Увеличение численности контингента и, как следствие, числа различного типа лагерей, вынуждало вновь пересмотреть как организацию, так и подходы к этому направлению деятельности. «Анализ работы оперативно-чекистских отделов (отделений) лагерей НКВД для военнопленных, а также оперативных отделов НКВД–УНКВД показывает, — подчеркивал в директиве НКВД от 7 октября 1943 г. С. Круглов, — что агентурная работа среди военнопленных организована и проводится крайне неудовлетворительно... В организации и направлении агентурной работы отсутствует целеустремленность. Имеющиеся неограниченные возможности для проведения большой работы по агентурно-политическим организациям и приобретению ценной агентуры для серьезной агентурно-разведывательной работы на много лет вперед в послевоенное время не используются...»

В зависимости от вида и типа лагеря, определялись и особенности оперативной работы. Так, главной задачей во фронтовых приемно-пересыльных лагерях было тщательное изучение состава военнопленных и получение от них сведений войскового разведывательного характера, а также вербовка агентов «для проработки вновь поступающих контингентов». Не менее важным было выявление лиц, представляющих оперативный интерес (штабные офицеры, сотрудники спецслужб, различные спецагенты и т. п.). О последних необходимо было немедленно телеграфом докладывать в УПВИ «для принятия срочных мер к организации переброски их в Москву или оперативный лагерь», для проведения с ними, при непосредственном участии работников отдела УПВИ, соответствующей работы.

Более масштабные задачи в агентурно-оперативной работе предусматривались в стационарных (производственных) лагерях и рабочих батальонах. Их можно разделить на несколько направлений: а) выявление и предание суду лиц из числа военных преступников; выявление и разоблачение сотрудников карательных, разведывательных и контрразведывательных служб противника; сбор данных об оставленной на советской территории (и в других странах) немецко-фашистской агентуре с целью ее поиска и ликвидации (или, при необходимости, перерывки); б) поиск и выявление среди военнопленных граждан СССР,

перешедших на сторону врага; борьба с саботажем, хищениями, возможными диверсиями с участием военнопленных; выявление и ликвидация в лагерях (рабочих батальонах) антисоветского подполья; предотвращение побегов военнопленных (интернированных); в) вербовка агентуры для внутренних потребностей и работы за границей; г) принятие мер для борьбы со злоупотреблениями личного состава НКВД (МВД), военнослужащих, вольнонаемных, проходящих службу (работающих) в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах и других режимных объектах с участием военнопленных; д) осуществление военной цензуры и технической разведки; изобличение уголовных преступников из числа содержащихся в лагерях; анализ политических настроений военнопленных и т. д.

В январе 1945 г., после получения УПВИ НКВД статуса Главного управления по делам военнопленных и интернированных, организация и осуществление агентурно-оперативной работы приобрели более логичное структурное завершение и, как следствие, получили определенную активность и целеустремленность. В составе ГУПВИ появилось два управления: 1-е — с функциями по трудовому использованию военнопленных и интернированных, их медицинскому и санитарному обслуживанию, организации охраны и режима содержания и прочее, 2-е — оперативное. Структурно оно состояло из двух отделов (соответственно, в составе четырех и шести отделений), а также бюро переводчиков. Подразделения первого отдела осуществляли агентурно-следственную разработку военнопленных немцев и их союзников из числа генералов, старших офицеров, главных военных преступников, руководящего состава спецслужб и др., а также занимались вопросами технической разведки (4-е отделение). На подразделения второго отдела возлагались функции организации агентурно-оперативной работы и контроля за ее осуществлением со всеми другими категориями военнопленных и интернированных (с учетом их национальности), а также оперативной разработки участников военных преступлений (из числа младших офицеров, унтер-офицеров и рядовых), розыска лиц, проходящих по оперативно-следственным материалам, агентурно-оперативного обслуживания личного состава и вольнонаемных лагерей, спецгоспиталей, РБ и ОРБ. Штат оперативного управления состоял из 91 сотрудника. Аналогичные подразделения, за исключением функций первого отдела, имелись в структуре УПВИ–ОПВИ НКВД (МВД)–УНКВД (УМВД) союзных республик, краев и областей. В частности, в составе УПВИ МВД Украины оперативный отдел был в составе 1-го (агентурного) и 2-го (следственного) отделений общей численностью 10 человек, а ОПВИ УМВД областей — оперативные отделения (5–7 человек). В лагерях (лагерных отделениях), спецгоспиталях, рабочих батальонах (в зависимости

от типового штата) оперативное управление ГУПВИ было представлено оперативными отделами, отделениями, группами или оперсоставом (1–2 сотрудника). Вертикальная структура построения и подчиненности оперативных подразделений системы ГУПВИ в целом сыграла положительную роль в решении стоящих перед ними задач.

На всех лиц, представлявших интерес для НКВД, велась соответствующая «документация». 1 декабря 1944 г. была введена в действие «Инструкция по агентурно-оперативному учету военнопленных». Главное внимание в ней уделялось «оперативному учету агентуры, подотчетного элемента и агентурно-следственных дел на военнопленных». На основании учетных материалов, представленных оперативными отделами ОПВИ НКВД–УНКВД, в ОЧО УПВИ НКВД СССР на эти категории военнопленных и интернированных заводился пофамильный централизованный учет. Ему подлежали: а) агентурные дела на разрабатываемые группы военнопленных; б) дела-формуляры на военнопленных, представляющих оперативный интерес и требующих активной агентурной разработки; в) дела-формуляры на агентуру, завербованную среди военнопленных; г) связи агентуры и подотчетного элемента из военнопленных, представляющих оперативный интерес; д) следственные дела; е) литерные дела на объекты.

Во всех случаях основным методом получения необходимой информации служили агентурно-оперативная и агентурно-следственная работа.

Как показало время, агентурно-оперативная работа среди военнопленных и интернированных таила в себе ряд особенностей и сложностей. Одной из них было отсутствие квалифицированных сотрудников. Разрешить данную проблему пытались в декабре 1944 г., когда заместитель наркома по кадрам генерал-лейтенант Б. П. Обручников ввел в действие приказ «О подготовке оперативных работников для оперативных отделов и отделений лагерей НКВД для военнопленных и интернированных». «Голод» на кадры предполагалось удовлетворить за счет резерва практикантов численностью 230 человек (из числа работников неоперативных управлений, служб, армейских офицеров и т. д.) путем прохождения ими в течение трех месяцев стажировки в оперативных отделах (отделениях) лагерей и лаготделений. Во многих случаях проблема решилась только фактом заполнения штатных должностей, но не качеством работы. Несколько лучше обстояло дело с руководящим оперативным составом. Его подготовка, в частности, осуществлялась в Московской высшей офицерской школе НКВД.

Ситуация с качественным состоянием кадров оперработников в послевоенные годы изменилась мало.

Вторая и основная сложность заключалась в том, что слабо подготовленным и малоопытным оперативным кадрам противостояла огромная,

появившаяся практически одновременно, масса военнопленных. Сконцентрированные на ограниченной территории, пребывая в режимных условиях, многие ее члены, особенно враждебно настроенные, сначала затаились, но со временем стали искать если не выход из создавшегося положения, то хотя бы пути его улучшения. В этих целях они применяли все допустимые и возможные формы и методы противодействия. Последнему способствовало также нахождение среди военнопленных немалого числа представителей различных спецслужб и военных специалистов. Не меньшей проблемой в практике агентурно-оперативной работы стало и то, что ее приходилось осуществлять в условиях замкнутого пространства — лагеря. Как следствие, деятельность агентуры и особенно ее конспирация, как главная составляющая, подвергалась в этих условиях невиданной проверке и опасности.

Оставалась и проблема языкового барьера. Одно дело вести с участием переводчика общий разговор, другое — вербовать агента, тем более на длительную перспективу, инструктировать его или получать интересующую оперативную информацию. В общении был важен каждый незначительный нюанс или недомолвка. Квалифицированных же переводчиков не хватало. Из-за этих причин в отдельных лагерных отделениях агентурно-оперативная работа не раз приостанавливалась. К тому же, как показали события, немало военнопленных, пытаясь скрыть свое прошлое, выдавали себя за других людей, меняли послужной список, национальность, подданство и др. Как свидетельствуют факты, тех, кто остерегался разоблачения и заранее запасся фальшивыми документами на случай пленения, было немало. Сделать это стремились в первую очередь бывшие сотрудники абвера, гестапо, тайной полевой полиции и полиции безопасности, члены СС, СА, государственные, дипломатические и партийные чиновники, крупные специалисты различных отраслей науки и техники и т. д., а также те, кто принимал участие в карательных и других операциях по «умиротворению» оккупированных районов. Последнее угрожало более суровыми последствиями, вплоть до признания их военными преступниками. Не питали иллюзий в этом случае и бывшие союзники из румынской армейской спецслужбы «Сервикул секрет информация» — «ССИ», политической полиции «Сигуранца», венгерских отделов «1 Б» оккупационных войск, вторых отделов Генерального штаба и Министерства внутренних дел, сотрудники японских исследовательских бюро и институтов, руководящий состав партии «Кио-вай-кай», офицерский состав полиции и жандармерии Квантунской армии и многие другие, кому угрожало возмездие за содеянное во время войны.

При выявлении таких лиц незамедлительно следовали изнуряющие допросы о структуре, формах и методах работы их ведомств, а главное —

об агентуре. Последнее становилось определяющим фактором как в цели допросов, так и в дальнейшей судьбе допрашиваемого.

Что же касается лиц, служивших в войсках СС, то в сентябре 1946 г. МВД направило на места директиву, в которой, в частности, говорилось: «...Возникает необходимость выявлять среди военнопленных бывшей германской армии солдат и офицеров, служивших в дивизиях СС «Мертвая голова», и вести расследование о конкретных фактах совершенных зверств... Учитывая, что большинство служивших в частях СС это скрывают, одновременно с проверкой личных дел необходимо организовать агентурную работу по выявлению военнопленных, служивших в указанных дивизиях, а также использовать результаты проведенных медицинских осмотров, в процессе которых ССовцы выявляются по имеющимся у них татуировкам. После обнаружения военнопленных (эсэсовцев. — *Авт.*)... приступать к их допросам. Во время допросов выяснить, где и когда находились части дивизии, какие зверства они совершили, кто является соучастником зверств. На всех проходящих по показаниям военных преступников... необходимо объявлять розыск по лагерям НКВД республики — области, а при отсутствии их в местных лагерях запрашивать об их местонахождении 2-й отдел 1-го управления ГУПВИ МВД СССР».

В достижении поставленной цели по выявлению в массе военнопленных и интернированных, интересующих НКВД выше перечисленных и других категорий, сотрудников оперативных отделов (отделений) лагерей обучали работе с учетом использования трех основных способов: а) изучения документов; б) личного изучения военнопленных и интернированных; в) использования агентуры. Каждый из них рекомендовалось рассматривать в тесной взаимосвязи один с другим. Особое внимание следовало уделять солдатской (офицерской) книжке (зольдбуху), которая при пленении изымалась и хранилась в личном (учетном) деле военнопленного. Ценность этого документа заключалась в том, что в нем прослеживался весь послужной список прохождения службы его хозяина. Внешний вид книжки, расхождение в датах, длительное нахождение в запасных батальонах, военно-строительных, хозяйственных и подобных им тыловых командах, другие специфические особенности (например, осуществление всех записей одной рукой), должны были вызвать у оперативников повышенный интерес к этим военнопленным. Не менее важными документами в этом случае считались анкеты и опросные листы, которые военнопленные заполняли во фронтовых приемно-пересыльных и стационарных лагерях. Их рекомендовалось тщательно сопоставлять, изучать и поддавать логическому анализу имеющиеся данные, обращать внимание на все кажущиеся мелочи. Знание иностранного языка было косвенным подтверждением высокого общеобразовательного

уровня военнопленного (в сравнении с анкетными данными), одновременно — свидетельством возможной работы в предвоенные и военные годы за границей или в оккупированных районах, с определенного характера целями. Особо рекомендовалось обращать внимание на тех, кто свободно владел русским языком. Считалось, и не без оснований, что эти люди имели связь с агентурой, работали переводчиками, принимали участие в подготовке шпионско-диверсионных кадров или в военно-хозяйственных операциях на захваченной территории. Не менее важным фактором считалось место работы до призыва в армию. Тщательного изучения заслуживали лица, работавшие на оптическом заводе «Цейса», радиофирмах «Телефункен», «Лоренц», электрофирме «Сименс», специальных химических, военных и других предприятиях. Второстепенными, но вместе с тем важными, считались материалы личного характера — письма, фотографии, записные книжки и т. д. Так, например, в последних оперативники нередко находили записи о выданных агентуре суммах вознаграждений, адреса явок, русские фамилии и т. д.

Вторым важным способом получения информации было личное общение. Его чаще всего осуществляли под видом сотрудников учетных аппаратов лагерей после детального знакомства с документальными источниками и заранее заготовленными вопросами. Опытным оперативникам не раз удавалось (по внешнему виду, манере поведения и разговору, ответам на внезапно поставленные вопросы и т. д.) разоблачать скрывающихся военных преступников, выявлять иных лиц, интересующих НКВД, в том числе выдающих себя за других людей.

Основная надежда по оперативной разработке различных контингентов подучетного элемента возлагалась на старый как мир способ — агентуру. На допросах, поучали своих молодых коллег опытные оперативники, военнопленный может не раскрыться, обмануть или утаить нужную информацию, особенно если он хорошо для этого подготовлен. Его документы будут безупречными, однако редко кто, находясь длительное время в замкнутом лагерном пространстве, может обойтись без доверительного общения, не излить «душу» товарищу по плену, а особенно тому, кого он считает близким по своим убеждениям, земляку или бывшему сослуживцу. В этом случае для получения результата требовалось одно: наличие «глаз» и особенно «ушей». Ими в лагерях и рабочих батальонах становились сами же интернированные и военнопленные. «Военнопленные, — гласил п. 14 раздела III «Инструкции по агентурно-оперативному учету военнопленных», — привлеченные к секретному сотрудничеству с органами НКВД, именуются агентами».

Вербовка и деятельность агентов (осведомителей), как свидетельствует исторический опыт, сопряжена с различными аспектами и гранями человеческого бытия: политическими, идеологическими, материальными,

морально-психологическими и т. д. Преступить эту грань могли далеко не все. Однако, если на подобную категорию людей возникает спрос (как, например, в нашем случае), появляются и предложения. Иное дело, насколько совпали потребности одних и возможности других. Первопричины, послужившие основой для сотрудничества определенной части военнопленных (интернированных) с оперативными отделами (отделениями) лагерей, ОРБ и РБ, были различны: антифашистские настроения, желание выжить и быстрее возвратиться домой, малодушие, стремление получить приварок к скудному лагерному питанию и др.

По мотивации сотрудничества, а также по активности действий агентов (осведомителей) из числа военнопленных и интернированных условно можно разделить на три группы: «активисты», «середняки», «балласт». Первые — в основном антифашисты, которые по своим политическим убеждениям были близки к коммунистическим идеям или же являлись их носителями, а также те, кто использовал появившуюся возможность отомстить нацистам за нанесенные им в свое время потери, обиды и огорчения. Неудивительно, что среди них встречались виртуозы, которым удавалось добиваться ощутимых результатов по поиску, выявлению и «раскрутке» интересующего оперативников контингента. Им, в первую очередь, НКВД–МВД обязано имевшимися в этом случае успехами и результатами. Благодаря поступившей от «активистов» информации удалось найти и разоблачить ряд известных или довольно известных в гитлеровском рейхе политических, военных и экономических фигур. За «ударный» труд, само собой разумеется, им предоставлялись материальные и другие блага.

Мотивация поступков «середняков» во многом объяснялась интересом улучшить, насколько это было возможно, режим содержания (питание, медицинское обслуживание и т. д.), а также материальное положение (с учетом денежных вливаний); избежать тяжелого и сверхтяжелого физического труда; ускорить процесс репатриации и др. Естественно, все действия (как со стороны оперативников, так и самих агентов) во всех случаях осуществлялись максимально скрытно. Поступающие от «середняков» данные в преобладающем большинстве имели информационный характер и относились больше к проступкам личного состава лагерей, ОРБ, РБ, спецгоспиталей, чем собственно к военнопленным и интернированным. Получив те или иные оперативные сведения, нередко они пытались подать их в ограниченном виде или даже скрыть. Объяснялось это пониманием факта, что по перспективной информации необходимо будет усилить работу, подвергнуть себя реальной опасности быть «расшифрованным» или даже лишиться жизни. Среди осведомительной сети «середняки» представляли основную массу.

Интерес (выгода) был основным побудительным мотивом к сотрудничеству с НКВД–МВД и третьей группы агентов — «балласта». В отличие от «средняков», последние во многих случаях раздваивались и, как следствие, возникли две основные подгруппы: «балласт-1» (преследовала цель, не принося практически никакой пользы, получение выгоды только за пребывание в списках агентуры) и «балласт-контрразведчики». Эта подгруппа для оперативников и контингента представляла существенную угрозу. Опасность заключалась в том, что в число «доверенных лиц» НКВД нередко пытались вступить ранее работавшие в различных разведывательных, контрразведывательных и других секретных службах и органах противника лица. По недомыслию оперативников и по другим причинам, это удавалось осуществить им не раз. Имея опыт сыскной работы, не отказываясь от предусмотренных в этом случае для осведомителей льгот, главную свою задачу они видели в контрразведывательной деятельности, прежде всего по расшифровке действующей в среде военнопленных агентуры, выявлению форм и методов работы оперативных отделов, обеспечению безопасности тех лиц, над которыми нависла угроза разоблачения, а также сбору секретных и других сведений для передачи их за границу, выявлению и учету антифашистского актива, организации и проведении диверсионных актов и многое другое. В своей деятельности они опирались на собственно созданную агентурную сеть. В «донесениях» шефам они в основном сообщали общие, малозначительные факты, слухи, домыслы или же материалы по компрометации неугодных им военнопленных. Формы и способы работы варьировались прежде всего от наблюдения за оперативным составом (с целью засечь его встречи с агентами) до попыток расставить надежных людей на предусмотренные в штатной структуре лагерей (РБ, ОРБ) административные и другие должности за счет военнопленных. Это особенно стало заметно после начала массовой кампании по замене одних другими.

Среди последней категории агентов немало было и таких, кто, соскучившись по своей бывшей профессии, работал в осведомительной сети ради «спортивного интереса», шлифуя свое ремесло в оптимальных условиях. Но их было относительно мало. Результаты своего труда они пытались использовать в зависимости от складывающейся ситуации с наибольшей для себя выгодой.

Что касается подгруппы «балласт-1», то ее «работу» в определенной степени характеризует информация, содержащаяся в докладной записке заместителя начальника антифашистского отдела ГУПВИ подполковника Н. Воробьева (ноябрь 1947 г.) о положении дел в лагере № 100 (Запорожье): «Оперативные работники, — писал он, — ведут работу методами 1941–1945 гг. При объяснении им, что обстановка изменилась,

начинают бить себя в грудь, приговаривая: «они над нами издевались, все у нас разбили и разрушили, а мы будем с ними по-человечески обращаться?» (капитан Федулов). Глубокой повседневной работы по изучению контингента не ведется, берутся недостаточно обоснованные данные, и по ним, без необходимой перепроверки, пишется заключение с выводами, что он участник зверств или грабежей и т. п., а так как «обвиняемые» категорически отказываются признать себя виновными, то их сажают в карцер, а затем в режимный барак, содержат там без определенных сроков, добиваясь признания. Имеются случаи, когда давшие показания от них отказываются. Примером может служить дело военнопленного Вайзера, которому было предъявлено обвинение как участнику зверств. Все обвинение построено на донесении военнопленного Шауба, но и он в последнее время отказывается от своих показаний и также посажен в карцер...

Военнопленные из актива (антифашисты. — *Авт.*) характеризуют Шауба как человека, который за тарелку супа продаст своих отца и мать. Во время беседы по этому вопросу со старшим следователем управления лагеря младшим лейтенантом Морозовым, последний заплакал и заявил: «Если нет данных что он (Вайзер) участник зверств, то как участника грабежей я его все же посажу». Присутствовавший при этом заместитель начальника управления лагеря по оперативной работе подполковник т. Вашлевич назвал Морозова мальчиком, причем сказал, что на такое количество содержащегося в лагере контингента (в одном 3-м лагерном отделении в это время находилось более 7 тыс. человек. — *Авт.*) дел (оперативной разработки. — *Авт.*) мало., и есть опасение, что оперативный аппарат несерьезно подходит к данным вопросам».

Расшифровка агентуры происходила по различным причинам: нарушению конспирации агентами, по вине оперативников, выявлению ее «контрразведкой» и др. Практически во всех случаях от услуг разоблаченных осведомителей отказывались. «Право на дальнейшую жизнь» имели лишь наиболее ценные из них, которых переводили в иные лагеря, нередко дислоцирующиеся на территории других республик. Широко практиковался такой вид деятельности агентуры, как «подсадные утки». Их чаще всего использовали в тюрьмах, карцерах, штрафных изоляторах и т. д. При этом осуществлялся усиленный индивидуальный инструктаж.

Исключение военнопленных из числа агентов и осведомителей в целом было незначительным — 5–7 % их общего числа. Так, например, в справке УПВИ МВД Украины отмечалось, что за 1948 г. «за дезинформацию, двурушничество, расшифровавшихся, неработоспособных и в связи с арестом исключено из агентурной сети 239 человек».

Что же касается отбора, вербовки и учета агентуры, методики работы с ними, то в 1945 г. ГУПВИ совместно с первым спецотделом НКВД

разработало на сей счет детальную (состоящую из 62 параграфов) инструкцию. «Взятию на учет подлежат все агенты, завербованные из числа указанного контингента (военнопленных. — *Авт.*), — отмечалось в § 5. — Агенты, в соответствии с их данными и возможностями оперативного использования, могут подразделяться на две категории:

а) агентов, используемых в лагерях для внутрилагерного обслуживания с целью вскрытия вражеской деятельности среди одиночек или групп военнопленных и интернированных;

б) агентов, предназначенных для использования после репатриации за границей».

Порядок работы со второй категорией и ее дальнейшее применение Москва оставляла за собой, как и вопрос вербовки агентов из числа генералов и приравненных к ним государственных и партийных чиновников, а также старших офицеров, которые содержались, особенно после 1946 г., в подавляющем большинстве в специальных лагерях, подчиненных непосредственно ГУПВИ.

При положительных результатах и принятии окончательного решения на каждого агента заводились дело-формуляр и рабочее дело. В первом хранились: рапорт оперативника с санкцией должностного лица на вербовку; опросные листы; автобиография на родном языке и ее перевод; подписка о сотрудничестве с органами НКВД—МВД (оригинал, написанный чернилами собственноручно) и ее перевод; фотография; другие материалы, закрепляющие вербовку (рапорт о проведенной вербовке, справки о проверке по учетам, протоколы допросов и др.), а также компрометирующие агента материалы (например, расписки о получении денег за оказанные услуги). Через пять — шесть месяцев в личном деле появлялись характеристики об успехах и недочетах, а при возможности — все тот же компрометирующий материал. Рабочее дело было попроще. В нем хранились подлинники личных донесений агента с отметками, когда и кем принято донесение, какое по нему он получил задание и т. д. Знакомить «доверенных лиц» с хранящимися в личном и рабочем деле документами категорически запрещалось.

После вербовки осуществлялось нечто подобное «учебе». Отрабатывались каналы связи, давались советы по конспирации и сбору материалов, ориентировок на обнаружение в среде военнопленных определенных категорий и т. д. Внимание агентов в их работе акцентировалось на выявлении возможных нарушений среди личного состава (вольнонаемных) лагерей и рабочих батальонов. Как уже отмечалось, немало из них с удовольствием «специализировались» прежде всего на этом.

Если для решения «внутренних проблем» использовались практически все осведомители, которые давали искомую информацию, то для работы на перспективу, кроме тщательного изучения, проверки

и идеологической обработки, отбирались интеллектуалы, лица, имеющие связи в высших кругах общества, или перспективная в этом плане молодежь.

Вся без исключения агентура после вербовки получала оперативные псевдонимы (клички). Как правило, при этом учитывались ее национальность, особенности характера, гражданская профессия и т. д. Немало завербованных имели клички под собственные имена, города, населенные пункты или местность. В одном лагере (рабочем батальоне) они не повторялись, и даже после убытия осведомителя (репатриация, перевод, болезнь, смерть) к предыдущему псевдониму не возвращались. Так, например, в оперативном отделе управления лагеря № 417 по состоянию на 1 мая 1947 г. на учете находилось 223 агента, в том числе 4 австрийца, 2 венгра, 1 румын и 1 бельгиец, остальные — немцы. Последние имели клички: Анна, Аккерман, Адель, Адлер, Альфа, Барбара, Берлин, Блюше, Вагнер, Вена, Гофман, Генис, Гамбург, Карл-Май, Курт, Кульбах, Фридрих, Фогт, Шварцберг, Якобсон и т. д.; австрийцы — Густав, Мур, Франц, Цайхнер; румын — Дунай; бельгиец — Жагитте; венгры — Ковач и Люш и т. д.

Численность агентов в лагерях (рабочих батальонах) была непостоянной и менялась нередко несколько раз в месяц. Процесс миграции «доверенных лиц» можно проследить на примере Южного лагеря № 417 и Днепропетровского № 315. В соответствии с данными заместителя начальника управления лагеря № 417 по оперативной работе майора Селихова, в период с 25 мая по 1 июля 1947 г. по различным причинам убыло 10 агентов, в том числе три по «профессиональной непригодности» (среди них упоминаемый выше агент Люш), 5 — в связи с репатриацией (Бертрам, Юзеф, Гольцман, Юпитер, Тышлер), 2 — по болезни (направлены в спецгоспиталь). Численность же агентуры возросла на 35 человек. Все они, кроме австрийца, были немецкой национальности, в своем большинстве вновь завербованы, а также переведены из других лагерей. По состоянию на 1 октября 1947 г., 5635 военнопленных «обслуживали» более 200 агентов.

В свою очередь, начальник УМВД по Днепропетровской области полковник Л. Ф. Шлихта, информируя ГУПВИ «О проделанной агентурно-оперативной и следственной работе за 1948 г. и 1-й квартал 1949 г.» в лагере № 315 писал: «На 1 мая 1949 г. в лагере содержится 6791 военнопленных, из них: немцев — 6334, австрийцев — 262, венгров — 116, румын — 70, др. национальностей — 9... По воинским званиям: полковников — 2, подполковников — 3, майоров — 12, мл. офицеров — 445, унтер офицеров и рядовых — 6329. Общее число военнопленных, находящихся на излечении в спецгоспитале № 5807, составляет 233 человека... В период 1948 г. было проведено 12 целевых вербовок. Прибыло

агентуры за это же время из других лагерей — 98 агентов. Кроме того, за этот период было исключено из агентурной сети 198 агентов, из них: убыло на родину — 146, исключено как балласт — 34, передано в другие лагеря — 7, умерло — 6, арестовано — 3 агента. На 1 января 1949 г. в агентурной сети лагеря и спецгоспиталя состояло 272 агента, или 1 агент на 24 военнопленных, в том числе: немцев — 254 чел., венгров — 7, румын — 5, австрийцев — 6. В первом квартале 1949 г. проведена целевая вербовка 8 агентов. За это же время исключено из агентурной сети 24 агента, в том числе: неработоспособных — 21 агент, передано в другие лагеря — 2, умер — 1. Таким образом, по состоянию на 1 мая 1949 г... имеется 251 агент... По разработке военных преступников, состоящих на оперативном учете, используется 157 агентов. Из них добросовестно относятся к порученным заданиям 72 агента... 68 агентов дали материалы по выявлению и разоблачению военнопленных, служивших в войсках СС, жандармерии, других карательных органах и разведке. От 26 агентов были получены агентурные данные информационного характера на военнопленных, занимающихся членовредительством, саботажем, хищением и промотанием обмундирования... К числу квалифицированной агентуры относятся такие агенты, как: «Линде», «Фреш», «Райнгольд», «Эрна» и др., по материалам которых в 1948 г. были вскрыты и ликвидированы три профашистские группы, состоящие из 13 военнопленных бывших офицеров германской армии и ставивших своей целью: сбор шпионских сведений, саботаж, вредительство на производстве, распространение среди военнопленных антисоветской пропаганды».

За работу агенты получали вознаграждение, но далеко не все, а только наиболее отличившиеся. Суммы, как правило, были невелики — от 50 до 200 рублей. Последнее вызывалось и необходимостью конспирации. Ибо появление у военнопленного (интернированного) значительной суммы могло вызвать подозрение. Расчет осуществлялся наличными, с составлением необходимых в таких случаях документов.

Если верить словам одного из главных героев фильма «Место встречи изменить нельзя» капитана МУРа Глеба Жеглова, что в послевоенный период в ресторане на 100 рублей можно было купить «бокал сухого вина, чашку кофе, может, что-нибудь еще», то «трудовые свершения на секретном фронте» известной категории лиц ценились более чем скромно. По ресторанам, естественно, они не ходили, но и в лагерной лавке их возможности в этом случае были также весьма ограничены.

В июне 1945 г. на основании директивных указаний Москвы УПВИ НКВД Украины разработало схему ежемесячного отчетного «Доклада об агентурно-оперативной работе среди военнопленных». Он состоял из четырех разделов (позже их число увеличилось) и включал в себя сведения о наличии военнопленных (в том числе офицерского и рядового

состава); их физическом состоянии и трудовом использовании; материально-бытовых условиях содержания и т. д. Главное же внимание уделялось освещению агентурно-оперативной работы: общее число агентуры; обеспечение агентами производственных бригад; намеченное число встреч с агентурой и фактическое положение; получение донесений и их характер; причины срыва явок; случаи и причины расшифровок агентов; число агентов, завербованных за месяц и т. д. В оперативной работе акцент ставился на наличии и качестве агентурных разработок и дел-формуляров на подотчетный элемент из числа военнопленных и интернированных.

Для более качественной работы по поиску и оперативной разработке интересующих НКВД (МВД) лиц, подготовке и насаждению агентуры и т. д., оперативные отделы (управления) УПВИ (ГУПВИ) союзного и республиканских наркоматов (министерств) на основании собственных разведывательных и контрразведывательных материалов, а также обобщения и анализа оперативных данных, полученных от различных специальных ведомств и служб (СМЕРШа, 1-го, 2-го спецотделов, а также отделов «А», «В», «С», «Ф» НКВД, Центрального и республиканского штабов партизанского движения, РУ генштаба Красной армии и т. д., и т. п.), касающихся их разведывательных и контрразведывательных материалов, практически ежемесячно, а в некоторых случаях и чаще, готовили и направляли на места в этом случае всевозможные распоряжения, обзоры, указания и пояснения. В 1944–1947 гг. только оперативный отдел (управление) УПВИ (ГУПВИ) НКВД (МВД) СССР направил их несколько десятков. По своему содержанию большинство из них, наряду с информационными, имели приказной или директивный характер. Кроме цитируемых выше, необходимо указать на директивы «Об усилении агентурно-оперативной работы по выявлению и ликвидации фашистских организаций и групп среди военнопленных и интернированных» (№ 163 от 20 июня 1946 г.); «О порядке отбытия срока наказания военнопленными, осужденными за преступления, совершенные на территории СССР» (№ 219 от 31 августа 1946 г.); «О выявлении среди военнопленных лиц, служивших в войсках СС и принимавших участие в массовых зверствах на оккупированной территории СССР» (№ 230 от 20 сентября 1946 г.); «О выявлении военных преступников среди военнопленных и интернированных немцев» (№ 285 от 3 декабря 1946 г.); распоряжения «О предотвращении случаев самоубийств военнопленных» (№ 371 от 10 июня 1949 г.); «Об оперативно-следственных группах по делам о военных преступниках из числа военнопленных» (№ 382 от 14 июня 1949 г.) и многие другие.

С целью дальнейшего улучшения агентурно-оперативной работы и, как следствие, получения желаемых результатов, регулярно проводились

(на различных уровнях) специальные совещания, инструктажи, а также занятия в системе «чекистской учебы», на которых рассматривались разнообразные вопросы, связанные с дальнейшим усилением оперативной разработки военнопленных и интернированных.

О том, как на практике организовывалась и проводилась агентурно-оперативная работа в среде военнопленных и интернированных, в определенной степени можно проследить на примере деятельности оперативных отделов (отделений) некоторых лагерей, спецгоспиталей, а также РБ и ОРБ. Так, стационарный лагерь № 41744 (его лаготделения дислоцировались на территории Днепропетровской, Запорожской, Харьковской и Крымской областей) начал функционировать в июле 1945 г. В распоряжении оперативников было 12 агентов. Но и позже, когда их число удвоилось, поиск и обнаружение военных преступников особой активностью не отличался. Успехи в этом направлении были во многом случайными. «В январе месяце (1946 г. — *Авт.*), — писал в адрес УПВИ МВД Украины заместитель начальника лагеря по оперработке майор Захаров, — через источник «Карл» выявлено 2 эсэсовца из дивизии «Мертвая голова» — Виехен Альфонс и Дерфлер Роберт, и дополнительно из дивизии «Принц Евгений» — Мюллер Андриас и Цангер Иоган. Из предварительного допроса Мюллера, произведенного нами, известно, что дивизия «Принц Евгений», в которой он служил, вела активную борьбу с югославскими партизанами. Сам Мюллер принимал участие в этих операциях. Партизан ловили и передавали жандармерии, их семьи расстреливали, а дома сжигали... Цангер также допрошен и показал, что служил в 7-й добровольческой горнострелковой дивизии СС «Принц Евгений», но о своей личной роли в борьбе с югославскими партизанами пока умалчивает... По данным агента «Рейбань» стало известно, что в 1-м лагерьном отделении в Новомосковске содержится военнопленный Блотенберг, который служил в дивизии СС «Викинг»... Нами была изъята его военная книжка, в которой имелись признаки подделки фамилии. Для проверки его личности... он был допрошен вторично и показал, что действительно подделал фамилию потому, что в его книжке, которую он сжег, указывалась служба в эсэсовских дивизиях. Другую книжку он взял в лагере немецких солдат, где имелась фамилия Бляу или Брау, которую он стер резинкой и вписал вместо нее свою фамилию. О своем личном участии в расстреле советских граждан и военнопленных он умалчивает. Агенту «Рейбань» дано задание установить причастность и практическую деятельность военнопленного Блотенберга в частях СС... В разрезе выполнения директивы замнаркома внутренних дел УССР № 2 от 09.01.1946 г., в феврале (1946 г. — *Авт.*) выявлены четыре немца — Штайнгард, Пантель, Кригер и Финдт, которые служили в дивизии «Бранденбург». Источник «Фроезе»

09.02.1946 г. донес: «...Кригер мне часто рассказывал, что во время его службы ему приходилось допрашивать военнопленных и применять различные методы допроса. Об этом хорошо знают военнопленные Кляйн и Али Меленгоф... Финдт и Кригер заявили оберфельдфебелю Кляйну Эриху, что они принадлежат к одной дивизии и производили большое число допросов русских. Мне Кригер часто хвалился тем, что им при допросах без колебания применялись все средства»... Состоящий на оперативном учете военнопленный Классен Абрам Абрамович, 1914 г. р., уроженец Запорожской области, Большо-Токмакского района, с. Ладекоп, по национальности немец, гражданин СССР, в июне 1940 г. был призван в ряды Красной Армии. 29 июля 1941 г. попал в плен и был направлен в лагерь военнопленных в Белую Церковь, где пробыл до 1943 г. Осенью 1943 г. изъявил добровольное желание служить и работать в пользу немцев, дал присягу на верность германской армии, носил немецкую форму. За хорошую службу был направлен в полицейский батальон... На основании следственных материалов, которые характеризуют Классена как изменника Родины, последний взят на оперативный учет. Через агента «Музюк» нами выявлен военнопленный Брузе Пауль Отто, 1905 г. р. ...В разговоре с источником Брузе рассказал: «...В октябре и ноябре 1941 г. в г. Вильно я участвовал при аресте евреев и забрал 30 000 рублей и 8 золотых вещей, которые отослал домой». Дальше он говорил, что очень жалеет, что мало их грабил... Дано задание источнику установить лиц, знающих о зверствах и злодеяниях Брузе. Агент «Ленцигер» сообщает, что военнопленный Шустер, 1905 г. р., немец, капитан, в городах Броды и Тернополь был военным комендантом. Дано задание источнику войти в доверие к Шустеру и установить, сколько времени он был комендантом и конкретную его деятельность...»

В целом же весной–летом 1946 г., благодаря прежде всего агентуре, среди военнопленных оперативникам удалось обнаружить несколько «интересных» фигур. В том числе капитана Франца Эртеля, бывшего командира роты охранной полиции. Находясь на оккупированной территории Белоруссии в подчинении бригаденфюрера СС Геффа, он отличился особой жестокостью. Его «подвиги» рейхсфюрер Гиммлер отметил серебряной шпагой, а военнопленные называли между собой «кровоавой собакой Белостока». В июньском сообщении агент «Гедлиц» информировал о военнопленных Шульце, Франце Штедте и Рюд Эрвине. Второй к этому времени уже находился в лагере № 299 (Симферополь). О его эсэсовском послужном списке в концентрационных лагерях Дахау, Торгау, а также в Польше, где он лично расстрелял 57 мирных жителей, агенту доверительно рассказал брат Франца, также бывший член СС — Ганс. Последнему, а также другим эсэсовцам врач Шульц удалил татуировку, обозначающую группу крови и одновременно

принадлежность к СС. Вина Рюда Эрвина была «не столь значительной». Работая младшим врачом в лазарете для военнопленных, он проявлял удивительную профессиональную лень, уделяя главное внимание антисоветской агитации.

Одной из характерных особенностей оперативной работы в 1946 г. соответствующих звеньев ГУПВИ стало «добровольно-принудительное» участие в ней некоторой части высших офицеров бывшего вермахта и армий союзников. В виде письменных заявлений приурочивалось оно, как правило, к важным мировым политическим событиям, затрагивающим интересы СССР. Последние связывались с формированием системы послевоенных международных отношений, установлением границ в Европе, в частности Германии, Польши, Югославии, Австрии, а главное, с усилившимся соперничеством и противостоянием между вчерашними союзниками за сферы влияния. «Добровольность» многих показаний подписантами объяснялась соответствующей обработкой, а также боязнью ответственности за реальные и мнимые грехи, за которые в большинстве случаев, как свидетельствовала практика, предполагались тюрьма и даже смертная казнь. «Сезон охоты» открыли генералы Еннеке и Бемме, давшие информацию по вопросам участия нацистов в гражданской войне в Испании, о намерениях вступления последней во Вторую мировую войну на стороне Германии. Затем последовало заявление генерал-лейтенанта Э. Райтера с убедительной просьбой использовать его знания и опыт против «старого врага Германии» — Англии. Откликнулись и другие. Ряд таких материалов печатались в центральных газетах — «Правде», «Известиях», «Красной Звезде» и др. Как, например, начальника третьего (контрразведывательного) отдела абвера генерал-лейтенанта Р. Бамлера, его коллеги — начальника разведывательного управления венгерского генерального штаба генерала И. Уйсаси и т. д. Первый признал Франко агентом немецкой военной разведки, второй, в связи с готовящимся в Югославии судебным процессом, генерала Михайловича. Тогда же (май 1946 г.) свои заявления опубликовали генерал-майор Крапп и полковник Реммер. Авторы касались военных планов фашистской Испании, называли имена наиболее рьяных франкистов и др. Их «откровения» вызывали в среде военнопленных глупое раздражение и осуждение. Находясь в местах не столь отдаленных, генерал Бушенгаген, в частности, был категоричен: «Точно так же я должен был написать в своем заявлении о Финляндии. Интересно, понимают ли на Западе, что подобные признания выходят из недр НКВД? Их, наверное, сначала привезли на Лубянку, а затем они уже написали».

Невзирая на отдельные успехи, неудовлетворенность агентурно-оперативной разработкой военнопленных в 1946 г. ощущалась повсеместно.

В 1947–1949 гг. в условиях массовой репатриации процессу расформирования подверглись многие лагеря, в том числе и в Украине. Оставшиеся укрупнялись, видоизменялись или перепрофилировались для содержания особой категории военнопленных (подотчетного элемента), военных преступников, старших офицеров, осужденных Военным трибуналом и судами и т. д. В Украине к таким режимным объектам относились лагеря № 62 (Киевский), № 144 (Кадиевский), № 159 (Одесский), № 280 (Рутченковский), № 460 (Днепропетровский) и № 474 (Алчевский). Хотя в них и содержались различные категории военнопленных, общим для них, кроме усиленной охраны, режима содержания и т. д., была достаточно активная, с применением всех доступных методов, а также четко определенной целью агентурно-оперативная работа.

В этот же период Москва отдала распоряжение и в отношении участи осужденных, с точки зрения выдачи о них тех или иных информационных материалов. «В соответствии с указанием МВД СССР от 2 января 1951 г. за № 1005 «О порядке выполнения запросов других органов относительно осужденных военных преступников бывших военнопленных и разъяснением ГУПВИ МВД СССР за № 8/ОУ/137 от 10.01.1951 г., — писал начальник ОПВИ МВД Украины подполковник Попов в адрес руководства УМВД Сталинской, Ворошиловградской, Днепропетровской областей, а также заместителей начальников лагерей по оперработе № 144, № 280 и № 460, — предлагаю: Все поступающие запросы из других органов о допросе и разработке осужденных военных преступников, а также разного рода материалы и справки по существу дела, вместе с запросами направлять через УМВД областей в ГУПВИ МВД СССР».

С целью же быстрого ориентирования ГУПВИ по той или иной возникшей проблеме, одновременно с запросами предлагалось направлять и личные дела осужденных «со всеми имеющимися агентурными и следственными материалами, а также другими характеризующими данными... В тех же случаях, когда осужденный..., о котором запрашивается, в лагере не содержится или он умер, в сопроводительном письме обязательно указывать куда он выбыл, дату убытия или смерти».

К этому времени изменился и характер агентурно-оперативной разработки. На смену поиску военных преступников и подотчетного элемента основное внимание стало уделяться «выявлению лиц, склонных к побегу, разоблачению саботажников, подстрекателей и профашистски настроенных заключенных». Поменялись и сроки подачи и содержание докладных записок «Об агентурно-оперативной работе среди контингента заключенных». Теперь они готовились еженедельно и, кроме общеизвестных данных о численности военнопленных и агентуры, оперативных разработках, их результатах и других, в них стали включать детальные характеристики содержащегося под охраной контингента, как:

о склонных к побегам; обнаружении и вскрытии нелегальных связей осужденных с гражданским населением; мероприятиях по вербовке агентуры и осведомителей; политические и морально-психологические настроения военнопленных и т. д.

Настроения, в соответствии с указаниями УПВИ МВД Украины, оперативные отделы сохранившихся лагерей вынуждены были освещать раз в пять дней в спецсообщениях «О настроениях осужденных военнопленных, содержащихся в лагере №.....», которые затем направлялись непосредственно в Министерство внутренних дел. В одном из них (от 24 июня 1950 г.) на имя заместителя министра генерал-майора Булыги отмечалось: «По состоянию на 25 июня... в лагере № 460 и спецгоспитале № 5807 содержится 935 военнопленных и интернированных, в том числе 896 осужденных. Агентурная сеть среди контингента состоит из 44 человек. В течение отчетной пятидневки по вопросам, волновавшим военнопленных, было распоряжение об отмене офицерского пайка офицерам из числа осужденных. Это распоряжение вызвало у большинства офицеров недовольство и разные отрицательные толкования».

Возникли трудности и в организации собственно агентурной работы. Осужденные «плохо или совершенно отказывались идти на вербовку», а ранее завербованная агентура, по какой-либо причине поддавшаяся судебному преследованию, «категорически отказывалась работать на НКВД». Озлобленность, более того, во многих случаях ненависть и подозрительность осужденных к возможным актам в своей среде и, как следствие, всеобщая слежка серьезно осложняли возможности конспирации, а угрозы физической расправы вели к отказам агентов «работать».

Ситуация с агентурно-оперативной работой в среде осужденных военнопленных со временем не улучшилась, а еще больше обострилась.

Численность военнопленных в спецгоспитале и лагере (с момента переформирования) к концу 1950 г. еще больше возросла. К октябрю их насчитывалось 2252 человека. Пополнение произошло за счет других лагерей, а также тюрем. Более 95 % содержащегося контингента подверглось суду, дела остальных подлежали судебному разбирательству, а некоторые ожидали репатриации. Отсутствие достаточного фронта работ, необеспеченность строительными материалами и инструментом, саботаж, откровенное нежелание работать, а также болезни и другие причины привели к тому, что «лагерь из месяца в месяц не выполнял производственных планов и вследствие этого являлся нерентабельным для государства».

По национальным признакам содержащийся контингент был интернациональным: кроме немцев, венгров, румын, австрийцев и других общеизвестных представителей немецко-фашистских армий, здесь содержались (в ограниченной численности) чехи, словаки, датчане, шведы,

бельгийцы, швейцарцы, голландцы, итальянцы, даже один японец. Таким же разношерстным был контингент по бывшему служебному положению и воинским званиям: 19 генералов, 19 полковников, 36 подполковников, 101 майор, 437 младших офицеров, остальные — унтер-офицерский состав и рядовые. Агенты — 63 человека, как и прежде, были нацелены на разработку неразоблаченных официальных сотрудников разведки и контрразведки, на выявление склонных к побегу, на вскрытие каналов нелегальной связи военнопленных с гражданским населением, а также на разоблачение осужденных, занимающихся саботажем на производстве и хищением государственного имущества в лагере.

Главным направлением в работе оперативников лагерей на заключительном этапе их существования стал поиск и выявление сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов и служб бывшего противника. Более того, устремление на обнаружение тайных кадров с каждым днем приобретало все более приоритетный и перспективный характер. Объяснялось это не самим фактом их выявления, а, прежде всего, получением различных сведений, в первую очередь, об оставшейся в той или иной стране, в том числе и на территории СССР, агентуре. Как результат, массовая репатриация и фактор времени стали в агентурно-оперативной и следственной работе определяющими.

По данным ГУПВИ, только на протяжении 1946 г. и первого квартала 1947 г. оперативными отделами (отделениями) лагерей с участием МВД Украины было выявлено 386 бывших сотрудников подрывных органов врага, которые в свою очередь дали сведения о 507 агентах, а также указали на 428 своих пособников во время оккупации республики.

Оперативные подразделения, прежде всего Оперативное управление ГУПВИ, старались добиться сведений о возможностях абвера и СД за пределами СССР. Главной целью при этом была попытка, а при определенном везении и возможность заполучить готовую агентурную сеть за границей. В частности, в ориентировке приводились данные об успехах абвера в Шанхае, некоторых центральных районах Китая, Маньчжурии, Румынии, Скандинавии, Турции и т. д. Только от военнопленного Бриста, бывшего сотрудника Министерства иностранных дел Германии, ГУПВИ удалось получить сведения о 53 резидентах и агентах личной разведслужбы Риббентропа в 24 государствах мира. Незамедлительно они были переданы в МГБ. Другой бывший германский дипломат — первый помощник военного атташе в Турции генерала Роде барон фон Вангенгейк вынужден был признать, что в 1942–1943 гг. он лично руководил группой агентов. Среди его информаторов находились депутат меджлиса, полковник турецкой армии, крупный промышленник, жена одного из политических деятелей, другие лица. Кроме этого, он рассказал о 17 агентах, находившихся непосредственно на связи

с генералом Роде, а также начальником отдела абвер-3 (контрразведка) гауптманом Леверкюном.

В ориентировке делался вывод: «...вышеприведенные факты свидетельствуют, что оперативные отделы МВД СССР при наличии хорошей агентуры и правильной организации следственной работы могут выявлять среди военнопленных личный состав разведывательных и карательных органов противника и путем активной агентурно-следственной работы над ними разоблачать вражескую агентуру в СССР и других странах». Однако тут же следовало, что «ряд органов МВД—УМВД до сих пор недооценивают эту работу» и, как следствие, «агентурно-оперативные мероприятия по выявлению среди военнопленных и интернированных разведчиков и их разработка в ряде мест организованы плохо и не дают должных результатов».

Серьезный упрек ставился по розыску и задержанию лиц из числа советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, на которых от представителей немецко-фашистских спецслужб были получены сведения и установочные данные. Подчеркивалось, что «в ряде случаев при получении ориентировок они (МВД—УМВД. — *Авт.*) ограничиваются формальной проверкой по адресному столу, не используя всех оперативных возможностей и, прежде всего, агентуры для успешного розыска вражеских агентов». Среди отстающих значилось и МВД УССР. Из числа 935 пособников врага, на которых были получены сведения об их коллаборационистских действиях во время оккупации Украины, установлено было только 204, арестовано 72 человека. Но это уже был недочет местных территориальных органов МВД. Оперативники лагерей в этом случае свою задачу выполнили.

В июле 1950 г. в свет вышла очередная директива МВД Украины, в которой во многом суммировалось сложившееся к этому времени положение дел. «Осужденные военнопленные бывшие сотрудники разведывательных и контрразведывательных органов противника, — отмечалось в ней, — разрабатываются недостаточно. Не устанавливается их практическая деятельность, не выявляются известная им агентура, предатели и пособники из числа граждан СССР и стран народной демократии. Агентуры среди осужденного контингента мало, проводятся медленно, а осведомления среди гражданских лиц, соприкасающихся с военнопленными на производстве, вовсе нет... Состоящие на оперативном учете военнопленные агентурно-оперативной разработке не подвергаются. Заслуживающих оперативного внимания материалов, вскрытых агентурой, не поступает».

Рассматривая организацию и осуществление агентурно-оперативной работы в лагерях, спецгоспиталях, рабочих и отдельных рабочих батальонах, дислоцировавшихся на территории Украины, следует сказать,

что в сравнении с другими регионами СССР, большинство вопросов в этом направлении решалось на более качественном уровне. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет прежде всего о поиске, выявлении и предании суду из среды военнопленных и интернированных в первую очередь военных преступников, вражеской агентуры (как из числа собственно противника, так и советских граждан), профашистски настроенных лиц и тех, кто совершил уголовные преступления во время пребывания в плену. Определенным подтверждением тому являются материалы состоявшегося в марте 1946 г. в Москве совещания руководящего состава МВД. «Оперативное управление ГУПВИ и его местный аппарат проделали большую работу, — подчеркнул заместитель начальника ГУПВИ генерал-лейтенант Кобулов. — Об этом свидетельствуют проведенные процессы над бывшими военнослужащими немецкой армии — участниками зверств. В этой связи хорошо поработали оперативные аппараты МВД Украины, Белоруссии, Ленинграда, Латвии, Татарии, УМВД Брянской, Великолукской и Ивановской областей. В 1945 году выявлено до 1500 немецких агентов-предателей Родины. Разоблачено свыше 2000 гласных разведчиков противника.»

Положительно оценивалась деятельность оперативных подразделений МВД республики и позже. В приказе МВД СССР «О докладных записках по агентурно-оперативной работе в лагерях МВД для военнопленных и интернированных» от 5 августа 1948 г., а также в приложении к нему в виде обзора Оперативного управления ГУПВИ значилось: «МВД Украинской ССР в докладной записке осветило движение военнопленных, взятых на оперативный учет; анализ преступности среди военнопленных и интернированных; характерные методы агентурно-оперативной работы и мероприятия по улучшению работы в лагерях; контакт оперативных и политических отделов лагерей; дана также краткая оценка деятельности оперативных отделов лагерей. Причем все эти вопросы... подкреплены примерами». В разделе «Характерные методы агентурно-оперативной работы» сообщается, например, что многие военнопленные на допросах рассказывая о зверствах и злодеяниях, чинившихся на временно оккупированной территории составом немецких частей, в которых они служили, свое личное участие в этих зверствах отрицают, ссылаясь при этом на то, что они якобы являлись шоферами, парикмахерами, поварами и т. д. Для проверки правдоподобности этих данных в лагерях МВД УССР практикуется проверка показаний таких военнопленных с целью установления, действительно ли они владеют указанными специальностями. В результате проведения этого мероприятия были разоблачены военнопленные-участники зверств, которые таким путем старались скрыть свою преступную деятельность. В разделе «Контакт оперативных и политических отделов лагерей» показывается,

что оперативные отделы принимали активное участие в проводившихся политаппаратами лагерей выборах в антифашистские комитеты и отборе антифашистского актива на курсы и в школы, вследствие чего было предупреждено несколько случаев проникновения фашистов в антифашистский актив и на курсы».

В лагерях военнопленных, РБ и ОРБ Украины достаточно успешно осуществлялся и поиск лиц, совершивших злодеяния и преступления. Только в 1948 — первой половине 1949 г. таких было выявлено 1498 человек, 1071 из них были осуждены судами военных трибуналов (70% — к 20–25 годам ИТЛ, остальные — от 5 до 15 лет каждый), а 96 военных преступников переданы для суда в европейские страны, пребывавшие в свое время под оккупацией нацистской Германии. Кроме того, по состоянию на 1 июня 1949 г. в производстве находились следственные дела еще на 1597 человек.

Не меньшее внимание было сосредоточено и на выявлении среди военнопленных и интернированных тех, кто, согласно директиве № 38 Контрольного совета в Германии стран антигитлеровской коалиции, относился к представителям преступных организаций и органов гитлеровского режима (СС, СД, гестапо, РСХА, нацистской партии, высшим государственным чиновникам и др.) и считался главными военными, а также военными преступниками. Таких лиц только в первом полугодии 1949 г. в УМВД–МВД Украины было взято на оперативный учет 5530 человек, в том числе по агентурным делам — 33, по делам-формулярам — 215, по учетным делам — 5282. Своей дальнейшей участи ожидали 15 883 военнопленных-подучетников.

13 сентября 1949 г. МВД подвело предварительные итоги. В справке, направленной в тот же день С. Н. Кругловым в адрес правительства СССР, отмечалось, что компрометирующие материалы для привлечения к уголовной ответственности собраны в отношении примерно 37 тыс. военнопленных, из которых более 13 тыс. уже осуждены военными трибуналами войск МВД.

Не остались вне поля зрения оперативников и сотрудники разведывательно-контрразведывательных органов армий бывшего противника. Заинтересованность в этом случае, как уже отмечалось, была двойственной: выявление представителя спецслужб в своем большинстве автоматически означало обнаружение их агентурно-осведомительной сети. Как свидетельствуют факты, в основном это было местное население, советские военнопленные или же лица, прибывшие в обозы оккупантов. За указанный период первых в лагерях военнопленных и рабочих батальонах Украины удалось обнаружить 239 человек. Из них 109, как наиболее перспективных для советской контрразведки, передали в органы МГБ. В ходе агентурно-оперативной работы, а также допросов

от них удалось получить сведения о 534 агентах, оставленных на освобожденной советской территории, 105 из которых в короткий срок были установлены, в том числе 13 арестовано и осуждено.

Среди военнопленных и интернированных скрывалась еще одна, представляющая для НКВД (МВД) и НКГБ (МГБ) интерес категория людей — бывшие граждане СССР, перешедшие в свое время на сторону врага и проходившие службу в вермахте, СС, полиции, других оккупационных органах. Только на протяжении полутора лет (1948–1949 гг.) таких удалось обнаружить 108 человек. Большая часть из них после судебного разбирательства «уехала» на поселение (до 25 лет), меньшая — сидела в тюрьмах МГБ.

Полностью оправданным в условиях послевоенной разрухи было выявление различных специалистов — как военных, так и гражданских, способных своим трудом хоть частично возместить огромные материально-технические, культурные, научные и другие потери, понесенные Советским Союзом, в том числе и Украиной, в развязанной государствами немецко-фашистской коалиции войне.

«Проводившаяся органами МВД среди военнопленных и интернированных оперативная работа, — отмечалось в итоговой записке МВД в адрес правительства СССР (май 1950 г.) «Об итогах работы МВД с военнопленными и интернированными», — была направлена на предотвращение враждебных выступлений в лагерях военнопленных со стороны фашистских элементов, на пресечение попыток совершения ими диверсионных вредительских актов на предприятиях, разоблачение участников зверств и злодеяний на территории Советского Союза и стран народной демократии, а также выявление лиц, располагающих по своей прошлой работе важными военными, политическими и экономическими сведениями, в целях использования их в интересах СССР».

Как следует из документа, в результате агентурно-следственных мероприятий в лагерях, спецгоспиталях, РБ и ОРБ обнаружили 6138 агентов и секретных осведомителей из числа граждан СССР, из которых к этому времени 1554 человека были установлены и материалы на них переданы в органы Министерства государственной безопасности. Поиск остальных продолжился. Среди военнопленных выявили 983 изменника и предателя, выдававших себя после пленения за граждан Германии, других стран гитлеровской коалиции. Бывшие сотрудники спецслужб дали сведения о 819 агентах из числа граждан ряда европейских государств. «Об этой агентуре, — отмечалось в докладной записке, — через Министерство иностранных дел СССР информировались власти заинтересованных стран народной демократии». По этим же сведениям, на советской территории, прежде всего Западной Украины, обнаружили 38 тайных складов с оружием, боеприпасами, военным имуществом,

предназначенных для поддержки фашиствующих организаций и групп. Из них изъяли сотни стволов автоматического и обычного оружия, в том числе пулеметы, минометы, автоматы, винтовки, пистолеты, а также гранаты, мины, патроны и пр.

Не менее значимым был и другой успех МВД. «Получены также данные, — писал с гордостью Круглов, — о 553 крупных немецких закордонных агентах». Базировались они в США, Англии, Франции, Югославии, Турции, Испании, Бельгии и десятках других стран мира.

В целом результаты поиска в огромной массе военнопленных и интернированных различных категорий лиц, пытавшихся по тем или иным причинам скрыть свою прошлую деятельность, были удовлетворительными. Однако, как свидетельствуют факты, в силу различных причин они оказались гораздо беднее, чем могли быть при других обстоятельствах. Во многих случаях сказались недостаточный профессионализм оперативных работников, особенно низового звена, нежелание определенной части из них каждодневно заниматься рутинной поисковой и следственной работой, уловки и ухищрения разыскиваемых, запутанность оперативных учетов подучетников, их разбросанность по лагерям, неуккомплектованность оперативных отделов, в том числе и квалифицированными переводчиками и т. д. и т. п.

Несомненно и то, что основная роль в достижении позитивных результатов в решении указанных выше задач принадлежала агентам и тайным осведомителям. В этом случае особо упрекать в чем-либо НКВД—МВД за их использование не представляется возможным. На практике нашло применение лишь то (хорошо или плохо — другой вопрос), что было наработано опытом спецслужб различных стран и государств в ходе их тысячелетнего исторического развития, в том числе и отечественного ведомства, которое, изменяя в ретроспективе названия, не меняло при этом своей сущности. Шло непримиримое, открытое и тайное противостояние с врагом, а для достижения победы, как считалось, все средства хороши. Победителя, как известно, не судят.

И все же, знакомясь с документами той поры, не покидает ощущение, что во многих случаях переступалась черта допустимого. Это чувство усиливается, когда становится очевидно: такая же широко разветвленная агентурно-осведомительная сеть не менее упорно трудилась среди своих, пытаясь найти среди них явных и мнимых «врагов народа». Возмездие за их «грехи» в этом случае было настолько оправданным и адекватным, насколько это было выгодно (или удобно) существующему режиму.

Представим некоторые факты. На 1 января 1949 г. из 11 642 военнопленных, содержащихся в 13 лагерях Украины, 6079 в той или иной мере были осведомителями. В 1943—1950 гг., с учетом численности лагерей,

спецгоспиталей, рабочих и отдельных рабочих батальонов, тайная сеть в среде военнопленных и интернированных, по нашим подсчетам, составляла более 15 тыс. человек. Естественно, эта цифра не оставалась постоянной. Значительная часть «доверенных лиц» подверглась репатриации, некоторые умерли или погибли, другие по разным причинам исключались из агентурной сети. На смену им приходили новые «кадры». Только в первом полугодии 1949 г. тех, кто согласился регулярно «стучать» НКВД, оказалось 389 человек, среди них 18 готовились для работы за границей. На родину в это время репатриировалось 1757 агентов и осведомителей, из них в советскую оккупационную зону — 722, американскую — 153, английскую — 245, французскую — 61, остальные уехали в другие страны. Естественно, что немало из них оказались в поле зрения советских разведывательных органов за границей.

Учитывая общее число военнопленных и интернированных, побывавших в 1939–1956 гг. на территории Советского Союза, есть все основания сказать: по самым скромным подсчетам, «тайная армия» НКВД–МВД среди них насчитывала около 60 тыс. человек.

Использованы источники и литература Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины; Государственного архива МВД Украины; Государственного архива СБ Украины; архивов ГУ МВД Украины в Киевской, Днепропетровской, Харьковской областях Украины; Государственного архива Российской Федерации; Российского Центра хранения историко-документальных коллекций; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Док. и материалы / Под ред. проф. М. М. Загоруйко. — М.: Логос, 2000; Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД–КГБ. Справочник / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. — М.: Россия — XX век, 1997; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док.: В 2-х кн. — М.: Книги и бизнес. 1995; Политическая работа среди войск и поселения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник. / Руков. авт. коллектива М. И. Бурцев. — М.: Воениздат, 1971; *Чайковский А. С.* Плен: за чужие и свои грехи. Военнопленные и интернированные в Украине. 1939–1953 гг. — К.: Парламентское изд-во, 2005 и др.

ОРГАНІЗАЦІЯ РОБОТИ Й УТРИМАННЯ ВІЙСЬКОВОПОЛОНЕНИХ ТА ІНТЕРНОВАНИХ НА ВІДБУДОВІ ОБ'ЄКТІВ СТОЛИЦІ УКРАЇНИ (1945–1950 рр.)

ДІАНА АЛЕКСЕЄВА-ПРОЦЮК

Київський національний університет внутрішніх справ, Україна

Питання військового полону в СРСР почали порушуватися вітчизняними та зарубіжними істориками лише в 90-х рр. ХХ ст., коли відбулося розсекречення архівних фондів стосовно іноземних військовополонених. Розробляли цю проблему українські вчені В. Карпов, О. Потильчак, В. Сергійчук, А. Чайковський та ін., а також зарубіжні дослідники Є. Бондаренко, І. Безбородова, В. Галицький, В. Гуркіна, А. Єпіфанова, М. Загорулько, А. Конасонова, К. Бернс, Д. Картельєрі, С. Карнер, Г. Кох, М. Ланг, А. Лемман, Е. Машке, В. Ратц, Х. Флейшхаккер та ін.

Однак і донині багато дискусійних питань залишаються відкритими, і, зокрема, щодо працевикористання військовополонених та інтернованих в Україні у 1939–1954 рр.

Мета даної статті — здійснити комплексний історично-правовий аналіз, виявити та оприлюднити нові факти працевикористання та умов утримання іноземних військовополонених та інтернованих у відбудові міста Києва. На думку автора, цей аспект слід розглянути і вивчити більш повно і всебічно, оскільки він не знайшов достатньої наукової розробки.

Тому головним завданням цієї публікації є визначення основних етапів працевикористання військовополонених та інтернованих в місті Києві.

Так, важливою сферою трудового використання військовополонених в Українській РСР у 1943–1944 рр. було відновлення житлового фонду, енергетичних об'єктів підприємств й інфраструктури великих промислових центрів. Провідне місце у цьому ряду належало столиці, визволеній 6 листопада 1943 р. від німецько-фашистських загарбників¹, куди республіканський уряд просив Народний комісаріат внутрішніх справ СРСР доправити посилений контингент, який у 1944 р. стабільним потоком надходив із ФППТ для подальшого розміщення в таборі № 62.

Усього у Києві та Київській області за весь час відбудовчих робіт із залученням іноземних військовополонених та інтернованих існувало два табори: Сирецький (з 1945 р. перейменовано на Київський) № 62,

розташований у передмісті Сирець м. Києва, створений 1944 р. й ліквідований 1950 р., та Український (Запорізький) № 414, розміщений на ст. Березань Київської області, відповідно створений 1946 р. та ліквідований 1949 р.²

Процес залучення військовополонених до роботи в місті та області здійснювався поступово, і, як правило, це були епізодичні роботи.

Масове залучення військовополонених й інтернованих до відбудови обумовлювалося, по-перше, тим, що утримувати чисельну армію полонених для держави було великим тягарем, а по-друге, в країні вкрай гостро відчувалася потреба у робочій силі, необхідній для відновлення зруйнованого війною господарства³.

У зв'язку із поширенням практики працевикористання військовополонених та інтернованих відповідно розширювалась і мережа табірних відділень табору № 62. Так, 21 липня 1944 р., наказом Народного комісаріату внутрішніх справ СРСР № 00877, його центральне управління переводили з передмістя (Сирець) до Києва, лімітна чисельність контингенту збільшувалася до 18 500 військовополонених, а кількість табірних відділень — на 8 режимних об'єктів (№ 4-11) загальною лімітною наповнюваністю 14 500 бранців⁴. Про конкретні підстави організаційної діяльності НКВС йдеться у постанові Ради народних комісарів УРСР № 1102/0039сс від 29 серпня 1944 р. Зокрема, йшлося про необхідність залучення до відбудовчих робіт у Києві 7 тис. німецьких військовополонених. За рішенням уряду полонені надходили у розпорядження Наркомату житлового цивільного будівництва УРСР. Розподіл контингенту відбувався таким чином: 2 тис. з них мали бути використані на відновленні урядових об'єктів, готелів та Київського університету ім. Т. Г. Шевченка; 4500 осіб — на відбудові Хрещатика, а 500 — для реконструкції промислових об'єктів, зокрема Інституту електрозварювання та машинопрокатної бази⁵.

Масштабні відбудовчі плани господарських інстанцій ґрунтувалися на реальних можливостях Народного комісаріату внутрішніх справ задовольнити виниклу потребу в робочій силі. Напередодні 16 серпня 1944 р. до Києва ешелонами з фронтів доправили близько 37 тис. військовополонених. Наступного дня їх провели містом, влаштувавши акцію, подібну тій, що відбулася у Москві за півтора місяці до цього. Потім бранців завантажили в потяги та відправили до стаціонарних таборів Донбасу, Запоріжжя, Чернігова й Миколаєва, а 7500 військовополонених залишили на відбудовчих роботах у Києві⁶. Саме цей трудовий контингент і мали розмістити у новостворюваних табірних відділеннях. Організацією роботи військовополонених на об'єктах Києва разом з Народним комісаріатом внутрішніх справ опікувалися й партійно-господарські органи. Зокрема, бранці, які працювали на реконструкції Хрещатика,

знаходились у розпорядженні тресту Хрещатикбуд. Ті, хто відбудовував урядові споруди, університет, готелі, промислові об'єкти, надходили у спеціально створені особливі будівельно-монтажні частини (ОБМЧ). Для виконання робіт бранців об'єднували в робочі команди, а на робочих місцях — у бригади. Кількість полонених у робочих командах складала 25–30 осіб. За кожною з таких груп і бригад закріплювався один конвоїр. Тривалість робочого дня не була сталою і часто залежала виключно від виробничих потреб і планів керівних інстанцій. Наприклад, восени 1944 р. полонених, які відбудовували Хрещатик, виводили на роботи у нічний час. Щодо цього існувала таємна постанова Ради народних комісарів СРСР⁷.

Однак продуктивність праці бранців була низькою. Так, на 22 вересня 1944 р. із підпорядкованих Наркомжитлоцивільбуду УРСР 1100 полонених на роботу фактично виходили лише 700 осіб⁸. Із 4500 бранців, яких було заплановано використовувати на реконструкції головної вулиці Києва на 4 листопада 1944 р. працювало лише 550 осіб. Середня продуктивність праці (за оцінками радянського господарського керівництва) становила близько 78%⁹.

22 вересня 1944 р. нарком житлово-цивільного будівництва УРСР Ф. Садовський надіслав листа голові РНК республіки М. Хрущову. Дописувач повідомляв про низький рівень продуктивності праці полонених, що працювали на об'єктах міста. Нарком вважав такий стан з використанням трудових ресурсів наслідком «відсутності стимулу до підвищення продуктивності праці, а також поганої організації робочого місця і незадовільного інструктажу з боку інженерно-технічних працівників будівництва»¹⁰. 5 листопада 1944 р. РНК Української РСР затвердила таємну постанову № 1475/052 «Про використання військово-полонених на роботах з реконструкції вулиці Хрещатик». У документі зверталась увага на незадовільне використання наявних трудових ресурсів. Серед основних причин, які, на думку урядовців, гальмували ефективне застосування робочої сили бранців, називалися: брак технічного персоналу, недостатнє забезпечення працюючих необхідним інструментом, інвентарем і технікою, погана організація щоденного виробничого інструктажу, недостатня кількість конвою для організації охорони під час робіт, неповне використання робочого дня, а також саботаж і масова симуляція хвороб полоненими¹¹. Пропонувалася низка заходів, спрямованих на покращання ефективності працевикористання полонених. Передбачалося поліпшити технічне керівництво роботами шляхом виділення на кожні дві бригади (60 осіб) по одному майстру та на кожні чотири бригади (120 осіб) по одному виконробу; закріпити за майстрами та виконробами постійний склад бригад, запровадити їхню фахову спеціалізацію, а також забезпечити полонених необхідним

інструментом та інвентарем. Урядова постанова вимагала налагодити суворий облік робіт. Для цього щоденно мали складатися так звані «Акти про щоденний виробіток військовополонених», що по закінченні робочого дня передавалися адміністрації таборів. Бранців, які не виконували виробничих норм, мали карати зменшенням продовольчого пайка, погіршенням житлових умов, «суворим арештом» тощо. Було вирішено зобов'язати керівництво тресту Хрещатикбуд організувати роботу полонених у нічний час, збільшити штати конвоїрів (до одного охоронця на 20 полонених), а також завершити облаштування таборів. Останнім був пункт, у якому суворо заборонялися спільні роботи військовополонених і цивільного населення Києва. Висувалася вимога повної їхньої ізоляції від громадян¹².

З 1945 р. ефективність працевикористання військовополонених та інтернованих, зокрема німців, на промислових підприємствах поступово зростала. Так, за даними довідки начальника Головного управління у справах військовополонених та інтернованих Народного комісаріату внутрішніх справ СРСР генерал-лейтенанта М. С. Кривенка на ім'я Л. П. Берії щодо кількості робочої сили із числа німецьких військовополонених, розподілених по підприємствах промислових наркоматів на 17 травня 1945 р., військовополонені та інтерновані використовувались у Києві на таких об'єктах: «Наркомавіапром: завод № 473 в м. Києві – 800 осіб, Головоєнпромбуд при РНК СРСР: в м. Києві – до 500 осіб, Наркомнафта: Нафтаспецбуд в м. Києві – 800 осіб, Наркомтекстильпром: завод № 512 в м. Києві – 500 осіб, Наркомат цивільного державного житлового будівництва УРСР: Хрещатикбуд – 4400 осіб, Наркомхарчпром: М'ясохолодпром в м. Києві – 500 осіб»¹³.

У повоєнні роки відбудова Києва військовополоненими та інтернованими мала більш організований та масовий характер. Пік їхнього працевикористання припадав на 1947 р.

Також слід зазначити, що протягом 1947 р. відбулося найбільше за обсягом залучення вказаної категорії до відновлення зруйнованої війною. Про це свідчать дані довідки з грифом «таємно» про наявність, закріплення і виведення військовополонених госпорганами із таборів МВС УРСР станом на 10 серпня 1947 р. за підписом міністра внутрішніх справ УРСР генерал-лейтенанта Т. А. Строкача, в якій підсумовувались результати праці військовополонених табору № 62 у м. Києві на 99-ти стратегічних об'єктах міста. На роботах у київських таборах № 62 і № 414 в 1947 р. використовувалось близько 75% військовополонених та інтернованих від загальної кількості контингенту цих установ. Чисельність військовополонених та інтернованих у цих двох таборах на той час становила 37 117 осіб, а саме: в таборі № 62 – 28 717 осіб, у таборі № 414 – 8400 осіб¹⁴.

Отже, основний період найбільш ефективного працевикористання військовополонених та інтернованих припадає на повоєнні роки. Залучення військовополонених до робіт на території м. Києва було, насамперед, зумовлено браком робочої сили. Також варто зазначити, що стан здоров'я та інші фактори не дозволяли використовувати контингент повною мірою. Потреба у робочій силі набагато перевищувала кількість військовополонених та інтернованих, які на той час перебували у таборах м. Києва та області. Тому були непоодинокими випадки відмови на прохання керівників підприємств та відомств до адміністрації таборів у наданні в їхнє розпорядження робочої сили.

Необхідно зазначити, що військовополонені та інтерновані працювали на великій кількості будівельних майданчиків та цехів підприємств. Ними було відбудовано заводи та мости, житлові будинки та заклади освіти. Але, характеризуючи їхній внесок у відбудову м. Києва як суттєвий, наголошуємо, що головний тягар відбудовчого періоду лягав на плечі радянських громадян.

---

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. — Т. 3. — М.: Воен. изд. Министерства обороны Союза ССР, 1964. — С. 335.

² Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; Под ред. М. М. Загорюлько. — М.: Логос, 2000. — С. 1030–1032.

³ Чайковский А. С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). — К.: Парламент. изд-во, 2005. — С. 642.

⁴ Державний архів Міністерства внутрішніх справ України. — Ф. 45, оп. 1, спр. 121, прим. 116, арк. 1–13в.

⁵ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). — Ф. 2, оп. 7, спр. 839, арк. 46–47.

⁶ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). — Ф. 1, оп. 16, спр. 940, арк. 12, 18.

⁷ Там само. — Арк. 7, 9.

⁸ ЦДАВО України. — Ф. 2, оп. 7, спр. 839, арк. 46.

⁹ ЦДАГО України. — Ф. 1, оп. 16, спр. 981, арк. 7.

¹⁰ ЦДАВО України. — Ф. 2, оп. 7, спр. 839, арк. 47.

¹¹ ЦДАГО України. — Ф. 1, оп. 16, спр. 981, арк. 7.

¹² Там само. — Арк. 8–10.

¹³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. — С. 603–609.

¹⁴ ЦДАГО України. — Ф. 1, оп. 23, спр. 4716, арк. 168–205.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕБЫВАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР (1945–1956 гг.)

ВИКТОР КАРПОВ

Центральный музей Вооруженных Сил Украины

С момента знакомства двух стран — России и Японии их отношения не стали дружелюбными. В XX веке для достижения своих целей эти страны дважды прибегали к наиболее воинственному способу их разрешения. Война, которая состоялась в августе 1945 г., не уладила их отношений, а наоборот — создала новые проблемы. Одной из них стала проблема пленения и использования японских солдат и офицеров на работах в СССР.

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией был решен на Ялтинской конференции. Здесь Сталин заявил о своей готовности через три месяца после окончания войны в Европе начать войну на востоке. Перед отъездом Сталина на Потсдамскую конференцию Япония предложила Советскому Союзу выступить посредником в вопросе о прекращении войны.

Однако Советский Союз резко активизировал свою деятельность в области подготовки войны с Японией. В период марта–мая 1945 г. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) принял 14 постановлений, решения которых были направлены на подготовку и приведение в состояние военного времени всех структур Дальнего Востока.

Завершающим в цепи этих постановлений стало совершенно секретное особой важности постановление ГКО за номером 8916сс/ов от 3 июня 1945 г., в котором решался вопрос стратегического развертывания войск на Дальнем Востоке.

Постановлением ГКО, которое именовалось «Вопросы Дальнего Востока», был утвержден перечень войсковых соединений и частей, подлежащих перевозке и включению в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск. Закончить переброску войск предлагалось к 1 августа 1945 г.

В войне на Дальнем Востоке главной целью являлось прекращение Тихоокеанской войны посредством разгрома Японии объединенными усилиями союзных войск. Эта цель сопровождалась рядом сопутствующих — это послевоенное устройство политической, экономической и общественной жизни Японии и региона в целом.

Политической целью военной кампании Советского Союза против Японии, как определяла советская историография, являлась ликвидация последнего очага второй мировой войны, устранение постоянной угрозы дальневосточным границам СССР, освобождение Манчжурии и Кореи, возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, Курильских островов и содействие восстановлению всеобщего мира.

Теперь уже известно, что советское командование, планируя достичь основную военно-стратегическую цель кампании в результате проведения одной стратегической наступательной операции, в то же время предусмотрело перенесение боевых действий советских войск на территорию собственно Японии путем организации десантных действий в метрополии.

Можно утвердительно сказать, что уже после того как японские войска в Манчжурии начали вести переговоры о капитуляции и сдаче оружия войска 1-го Дальневосточного фронта получили задачу двумя стрелковыми дивизиями оккупировать северную часть острова Хоккайдо. По «категоричному требованию США эти дивизии уже в ходе их переброски на Хоккайдо были повернуты и высажены на Южном Сахалине и частью сил на южных островах Курильской гряды. Именно это решение США, изменение американской политики в отношении союзного управления Японией после войны стало определяющим при принятии решения советским руководством в деле судеб японской армии.

Во всей войне можно выделить два главных процесса. Первый — это боевые действия, которые преобладали в период с начала войны и до 18 августа.

В это время Красная армия взяла в плен 41 199 человек и уничтожила 8674 солдат и офицеров японской армии. В дальнейшем с 19 августа по 23 августа боевые действия утихают. Однако Красная армия продолжает занимать заранее спланированные зоны оккупации, что сопровождалось отдельными стычками.

Второй процесс — это стремление Японии к быстрейшему прекращению военных действий. Уже на второй день войны император заявил о готовности принять условия Потсдамской декларации, а 14 августа своим рескриптом объявил о капитуляции японских войск. 18 августа японские войска получили приказ, в котором говорилось о том, что военнослужащие и гражданские лица, прикомандированные к армии, попадая под контроль войск противника после обнародования императорского рескрипта, не будут считаться военнопленными. Сдача оружия и другие действия, направленные на выполнение директив противника, сообщенных через японское командование, не будут считаться капитуляцией. Поэтому при опросах японские солдаты и офицеры всегда заявляли, что они не являются военнопленными и оружие сложили

не в знак капитуляции, а прекратили военные действия по приказу императора. Это является одной из особенностей пленения японской армии.

«Военнопленные японо-манчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Лагеря военнопленных необходимо организовать по возможности в местах разоружения японских войск. Лагеря организовать распоряжением командующих фронтов, выделив для их охраны и конвоирования военнопленных необходимое количество войск. Питание военнопленных производить применительно к нормам, существующим в японской армии, находящейся в Манчжурии, за счет местных ресурсов», — указания Берии были в точности повторены и развиты в распоряжении командующего 1-м Дальневосточным фронтом № 00100 от 17 августа 1945 г.

К 18 августа 1945 г. японская и советская стороны завершили разработку организационных мер по проведению капитуляции и приступили к практической их реализации.

Прием пленных в основном был завершен к 10 сентября на всех фронтах. К декабрю 1945 г. было учтено 641 253 человека, в то время как на 7 ноября этого же года военнопленных насчитывалось 640 094 человека. По состоянию на 15 февраля 1946 г. было учтено 650 194 военнопленных, а по данным штаба тыла Красной армии на 29 декабря 1945 г. — 656 871 военнопленный. Это свидетельствует об отсутствии четкости в системе учета военнопленных, что может говорить о приблизительности числа взятых в плен.

Если вернуться к вопросу о пленении, то можно сказать, что Красная армия непосредственно в ходе боевых действий захватила в плен 41 199 человек и пленила после прекращения боевых действий 600 тыс. солдат и офицеров японской армии. Советская сторона особых различий в положении солдат и офицеров японской армии не делала и считала их военнопленными.

Особо важным документом в истории вопроса о сибирском интернировании японской армии является постановление Государственного комитета обороны СССР от 23 августа 1945 г. № 9898сс «О приеме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии».

В соответствии с постановлением Действующая армия в лице военных советов 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов, совместно с представителями Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР во фронтах должна была отобрать «до 500 000 военнопленных японской армии». Так как в японской армии служили и корейцы, то постановление четко указывало на необходимость отобрать именно японцев «из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири».

Предполагалось организовать из военнопленных, перед отправкой их в СССР, строительные батальоны по 1 тыс. человек в каждом. Во главе батальонов и рот было приказано ставить младших офицеров или унтер-офицеров и в первую очередь командный состав инженерных войск.

География «расселения» военнопленных весьма обширна. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, Приморский, Хабаровский, Красноярский, Алтайский края, Читинская и Иркутская области, Бурят-Монгольская АССР, Казахская ССР, Узбекская ССР, позже Грузинская ССР и Украинская ССР.

В программе использования труда пленных японских солдат и офицеров было задействовано 15 наркоматов.

Если рассмотреть направленность использования военнопленных, то можно увидеть, что наибольшее их количество было задействовано на добыче сырья. Особенно много пленных было занято на добыче угля, немногим меньше — на лесозаготовках и на добыче различных руд. В общей сложности на добыче сырья было занято 198 тыс. военнопленных.

Следующее направление — это строительство новых заводов, портов и военно-морских баз. В этой области было занято 69 тыс. человек. Еще одно из направлений — военное. В общей сложности здесь было занято 88 тыс. человек, из них прямо на военные нужды работали 40 тыс. пленных. Это строительство казарм, работа на военных заводах, строительство новых военных заводов и объектов. И совершенно особое направление — развитие транспортной инфраструктуры. Кроме БАМа на различных железных дорогах работало еще 27 тыс. человек.

Общая направленность в первую очередь на Дальний Восток очевидна. Все же это первый стратегический эшелон обороны на востоке. В нем было занято 340 тыс. человек, вместе с теми кто строил БАМ. Во втором стратегическом эшелоне, охватывающем Иркутскую область, Красноярский и Алтайский края, а также Бурятию было занято 100 тыс. человек. Укрепление Дальнего Востока предусматривалось не только экономическое, но и военное — пятая часть от всего количества пленных была занята в этой сфере.

Руководствуясь требованиями постановления ГКО 4 сентября 1945 г., после приказа о формировании строительных батальонов из числа военнопленных, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский отдает приказ фронтам и Тихоокеанскому флоту о немедленной отправке сформированных батальонов в тыловые лагеря НКВД СССР. В общей сложности армия запланировала к отправке на территорию СССР 531 тыс. человек. Военнопленные, которые находились на Квантунском полуострове, оставались там и использовались на работах фронта.

К декабрю 1945 г. основная масса солдат и офицеров японской армии была вывезена в лагеря НКВД СССР. Всего же по состоянию на 15 февраля 1946 г. советскими войсками было вывезено в тыловые лагеря НКВД СССР 539 335 человек, 23 762 солдат и офицеров японской армии возвращены на родину и «убыло по разным причинам». Еще 82 097 человек находились в лагерях для военнопленных на территории Манчжурии, на Ляодунском полуострове, временно отошедшем к СССР по договору с Китаем, и в Северной Корее и стали фактически резервом для замены погибших в первую зиму пленных.

Для проведения политической работы с военнопленными в дальневосточных военных округах создавались специальные отделы по работе среди военнопленных.

Первое общение политорганов с пленными показало, что японская армия — это не деморализованная солдатская масса, сознание которой легко можно было бы изменить. Скорее наоборот, армия осталась как по структуре, так и по ее национальным воинским традициям динамическим, остро реагирующим на попытки советского политического проникновения организмом, целостность которого определяется воинским укладом, выработанным многовековой японской историей.

Проведение массовых политических опросов пленных дало возможность советским офицерам сделать некоторые выводы. Первый опрос показал политическую незрелость большинства опрошенных. Определив антиамериканскую направленность пленных, они вместе с тем подчеркивали, что «значительная часть солдат настроена враждебно против СССР». То, что это не находило своего подтверждения в анкетах, политработники объясняли чувством страха пленных перед репрессиями при установлении фамилии автора анкеты. Проанализировав многочисленные протокольные записи допросов и анкеты опросов японских солдат и офицеров, можно отметить, что весь генеральский и офицерский состав, за незначительным исключением, и большинство солдат остались на своих старых позициях. Они не признавали факта поражения Японии в войне и объясняли свое разоружение только тем, что выполняли приказ императора, которому армия обязана была беспрекословно повиноваться. Исходя из этого, большинство пленных не считало себя такими, а лишь интернированными. И это также является отличительной чертой вопроса пленения японской армии.

Опираясь на результаты проведенных опросов, органы специальной пропаганды делают окончательный вывод: «японские самураи разоружены материально, но не духовно. Армия живет старыми империалистическими идеями и большая часть армии отдана этим старым идеям». Они также отмечают, что «большая часть пленённой солдатской массы политически неграмотна и стоит в стороне политической жизни».

Отсюда они делают немного неожиданный вывод — «перед нами открывается широкое поле деятельности для пропаганды всепобеждающих идей. Плоды умело поставленной пропаганды не заставят себя долго ждать и сторицею окупят нашу работу».

Результатом начального периода развертывания политической кампании было то, что «политработники руками самых же военнопленных из числа прогрессивно настроенных элементов начали политико-воспитательную работу среди основной массы военнопленных японцев». Однако недостаточное количество знатоков японского языка среди офицеров-пропагандистов, отсутствие систематической, последовательной и целенаправленной постоянной работы не позволяли достичь высокой результативности пропаганды.

Для усиления пропаганды была создана газета для японских военнопленных «Нихон Симбун». В обращении к военнопленным, опубликованном в мае 1946 г., политработники призывали членов созданных кружков друзей газеты «Нихон симбун» широко развернуть просветительскую деятельность в лагерях для популяризации демократических идей и вместе с тем бороться с любыми проявлениями милитаристской идеологии и подступами реакционных элементов.

Одновременно был инициирован процесс расслоения всей массы военнопленных, суть которого состояла в обособлении рядовых солдат от офицеров, ликвидации традиционных воинских порядков и установлении «демократической дисциплины». Такое движение называлось борьбой «демократично настроенных элементов в лагерях с офицерами-реакционерами».

Направленность пропаганды понимали и японские офицеры. Они стремились сохранить среди солдат «милитаристическую идеологию», то есть верность воинской присяге, высокий уровень воинской дисциплины, пользуясь советским высказыванием тех лет, — их рабскую покорность офицерам, как это было в японской армии до ее капитуляции».

Японских военнопленных чрезвычайно поразило решение советского правительства, принятое в конце 1946 г., об их репатриации. С началом репатриации стало ясно, что для политработников открывается еще одно направление деятельности — политическое обеспечение всей репатриационной кампании и включение ее в систему политического давления на пленных. В связи с этим в повестке дня стал вопрос о радикальном усилении политической работы среди военнопленных.

Во многом положение советского общества и японских военнопленных было похожим — те и те находились в замкнутой среде, свободный поток информации отсутствовал, новости отмерялись идеологической ложкой цензуры, не допускалась ни одна возможность проявления

собственной мысли. Если же она возникала, то сразу преследовалась, подавлялась, а ее носители подлежали репрессиям.

Репрессии были составной частью внутренней политики советского государства. Большой частью они имели характер превентивного террора и были средством поддержания в обществе всеобщего страха и «революционной» бдительности. Система репрессивных мер распространила свое действие и на лагеря японских военнопленных. Фильтрация пленных на предмет поиска военных преступников проводилась с самых первых дней плена. По настоянию политорганов, репрессии по политическим мотивам начали применяться с 1947 г. как эффективное средство борьбы с сопротивлением пленных, в первую очередь офицеров, проводимой политической индокринации.

Во всех режимных лагерях к последнему дню плена находилось около 10 тыс. военнопленных, на которых было собрано «достаточное» количество компрометирующих материалов и которые ожидали суда военного трибунала. Для более чем 7 тыс. военнопленных особой категории август 1950-го оказался счастливым — собранные на них материалы были недостаточно компрометирующими. Остальных «реакционеров» осудил военный трибунал МВД СССР.

Вследствие политической работы, после массивной идеологической обработки в течение всего периода пребывания в плену, а также созданной обстановки политического и морального террора, многие военнопленные поддались советской пропаганде и поверили в истинность своих новых убеждений, в их политическом сознании состоялся, по мнению политработников, решительный перелом.

Процесс политической индокринации — это собственно процесс, который отражает противостояние японских национальных идеалов, чувств и традиций искусственно насаждаемым идеям советской демократии, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Проблема возвращения военнопленных в Японию возникла сразу же по окончании войны и вывоза их на территорию СССР. Это объяснялось настойчивостью США, которые требовали соблюдения Потсдамских договоренностей и скорого возвращения пленных в Японию, а также тяжёлым положением в лагерях и высокой смертностью пленных зимой 1945–1946 гг.

Несомненно, для советского правительства было также важной задачей налаживание новых отношений с Японией. Исходя из этого, советское правительство 4 октября 1946 г. приняло постановление «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц».

Осуществление репатриации из СССР японских военнопленных было возложено не на МВД СССР, а на Уполномоченного Совета министров

СССР по делам репатриации. Управление Уполномоченного должно было осуществлять сбор, учет, размещение и содержание в лагерях репатриации японских солдат и офицеров, которые отправлялись на родину. Эта работа должна была проводиться вместе с военными советами Дальневосточного, Приморского, Забайкало-Амурского, Восточносибирского военных округов и начальником тыла Вооруженных сил СССР. Выполнение этой задачи было возложено также еще на восемь министерств. С целью координации действий министерств с центром и лагерями в округах создавались отделы репатриации.

Основную роль в осуществлении процесса репатриации играли транзитные лагеря, где военнопленные проходили подготовку к отправке на родину и, соответственно, режим и охрана в этих лагерях не были подобны режиму содержания в лагерях МВД. На территории СССР это был лагерь в районе порта Маока (ныне Холмск) на Сахалине и лагерь в районе порта Находка в Приморском крае.

Советская администрация за короткий период репатриации 1946 г. сумела создать систему ее работы, а также выработать политику ее осуществления, которую надлежало реализовать в последующие годы. Тем не менее дальнейшая репатриация японских военнопленных в 1947 г. была фактически приостановлена. Главной причиной этого была необходимость использования японцев в качестве рабочей силы. К началу репатриации военнопленные японцы были задействованы почти во всех экономических структурах Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. И изъятие их из народного хозяйства могло иметь отрицательные последствия для экономики указанных регионов. Например, репатриация японцев, занятых в рыбной промышленности на Курильских островах и Сахалине, угрожала остановкой этих предприятий на 1–2 года.

Одновременно с репатриацией японских военнопленных с территории Советского Союза, в 1947 г. была осуществлена репатриация японских солдат и офицеров из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова. В этих, контролируемых СССР районах, кроме военнопленных японцев находилось и японское гражданское население. Советское правительство стремилось в первую очередь репатриировать японцев именно из этих районов, чтобы подольше задержать тех военнопленных, которые работали на разных предприятиях на территории СССР. Репатриационная кампания из этих районов была непродолжительной и была закончена до 1 апреля 1947 г. В итоге было репатриировано 245 480 человек, из них 210 621 гражданских лиц и 34 859 военнопленных.

Период 1948–1949 гг. можно назвать периодом массовой репатриации. Репатриация в 1950 г. преследовала цель окончательного определения судьбы военнопленных, которые оставались в лагерях для того, чтобы с окончанием репатриации там не осталось ни одного пленного,

«кроме осужденных и разоблаченных следственными материалами в воинских преступлениях, которые совершили преступления против китайского народа».

Окончательная проверка пленных МВД СССР была закончена в августе 1950 г. После этого в СССР остались лишь «осужденные» и те, что были обвинены в преступлениях и ожидали решения суда. Всего в 1950 г. было отправлено в Японию 5584 военнопленных.

Таким образом, репатриация военнопленных и интернированных японских граждан, а также гражданского населения была закончена. Продолжалась она почти четыре года. Тем не менее еще шесть лет после этого длился период возвращения домой осужденных военнослужащих японской армии.

В октябре 1956 г., в результате переговоров на высшем уровне в Москве, была достигнута договоренность о нормализации отношений между СССР и Японией. Одна из статей Декларации предусматривала согласие Советского Союза освободить и репатриировать на родину всех японских граждан, осужденных как военных преступников. Подводя итог урегулированию этой проблемы, президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1956 г. подписал указ, которым, предлагалось освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан и разрешить всем уволенным из мест заключения японским гражданам возвратиться на родину. Последние 1040 японских граждан 24 декабря 1956 г. были репатриированы.

Таким образом, внешнеполитические и внутренние обстоятельства побудили советское правительство в 1946–1956 гг., в течение 10 лет, осуществлять репатриацию в Японию военнопленных. В итоге было возвращено на родину 514591 японских солдат и офицеров. Продолжительный срок репатриации был обусловлен как военно-политическим, так и экономическим и идеологическим фактором. Репатриация японских военнопленных стала важной предпосылкой для нормализации отношений между СССР и Японией. Особенностью репатриации военнопленных японцев есть то, что она проводилась одновременно с репатриацией японского гражданского населения.

Проблема плена многогранна и не раз была предметом межгосударственных переговоров. Наибольшую остроту приобрел вопрос о количестве погибших за время плена японских граждан. Советская сторона не стремилась к открытости в этом вопросе и долгое время манипулировала цифрами, удовлетворяя нужды своей дипломатии. Любые попытки вывезти, передать или получить информацию об умерших в плену солдатах и офицерах японской армии пресекались советской стороной. Стремление скрыть подлинные данные на умерших было очевидным.

В 1956 г. по требованию японской стороны СССР представил списки на 3 тыс. умерших. Однако, вскоре после того как Япония подписала

с США договор о безопасности, сезон откровений закончился. Советская сторона не желала раскрывать в полном объеме информацию об этой проблеме и скрывала истинные масштабы потерь в лагерях.

В ходе подготовки визита Горбачева в Японию в открытой печати началась полемика о количестве погибших, которая закончилась официальным сообщением о том, что в советском плену умерло 62098 японских солдат и офицеров, что в общем-то верно.

Однако установить точную цифру погибших военнопленных затруднительно, так как по мере восстановления их трудоспособности решением военного командования Приморского военного округа пленных вновь ввозили в СССР для работ в военных округах без внесения изменений в учетные данные.

Сопоставив многочисленные данные, можно установить, что во время плена в советских лагерях погибло 92 153 человека. На территории Советского Союза умерло 60 770 человек и на территориях, контролируемых СССР, умерло 31 383 человека.

Смертность японских военнопленных в советском плену имела место через болезни, отсутствие достаточного количества продовольствия, соответствующего японскому рациону, трудные климатические и бытовые условия, непосильную физическую работу. Вместе с тем, следует отметить, что советское руководство уделяло много внимания вопросу поддержания элементарных условий жизни и работы этих людей.

На основе анализа имеющейся историографии, значительного массива архивных документов можно утвердительно сказать, что история пленения японских солдат и офицеров Советским Союзом является важной страницей в истории Второй мировой войны, и всестороннее изучение этого вопроса еще не приобрело соответствующего ему значения в военно-исторической науке.

Можно сделать вывод относительно действий Советского Союза, нарушения им Потсдамской декларации, чем стало интернирование и отправку японских военнопленных (которые добровольно сложили оружие, рассчитывая на обещанное немедленное возвращение домой) на принудительные работы в СССР, как ответ Сталина на изменение внешнеполитической обстановки, что выразилось в отказе Трумэна в высадке советских войск на японский остров Хоккайдо и изменении роли СССР в послевоенном обустройстве Японии.

Главной целью ввоза Советским Союзом японских военнопленных на свою территорию было то, что их предполагалось использовать в качестве рабочей силы, которая должна была восполнить нехватку рабочих рук, порожденную потерями в войне и сокращением численности заключенных в системе ГУЛАГа, для восстановления подорванной войной экономики. Подразумевалось также, что труд японских военнопленных

должен был в какой-то мере компенсировать ущерб, нанесенный Японией СССР в годы войны. К тому же Советский Союз отказался от выдвижения Японии требований выплаты репараций, учитывая тяжелое положение, в котором она оказалась после войны.

Суть идеологического фактора определяется проведением политики советизации. По взглядам советского руководства, обработанные в течение нескольких лет в политическом и психологическом плане военнопленные были призваны стать пропагандистами советского строя в Японии и составить костяк левых сил.

Находясь в плену, японские военнопленные использовались в разных областях народного хозяйства и их взнос в экономику страны был значительный. Тем не менее важной задачей советского руководства была политическая обработка японских солдат и офицеров, воспитание их в духе коммунистической идеологии, привитие ценностей советского образа жизни, формирование из числа пленников стойких антифашистов, способных после возвращения в Японию вести борьбу за демократические преобразования и искоренение остатков милитаризма.

Традиции обращения с военнопленными, задачи экономического восстановления СССР и стремление советского руководства играть первую скрипку в мировых делах и, конкретизируя, влиять на судьбу послевоенной Японии стали основой для принятия решения о вывозе японских солдат и офицеров в СССР для работ в Сибири и на Дальнем Востоке.

ПРАВОВІ ЗАСАДИ ОРГАНІЗАЦІЇ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ КОНВОЙНИХ ВІЙСЬК НКВС (МВС) У 1945–1953 рр.

ОЛЕКСІЙ КАЛЮК

Київський національний університет
внутрішніх справ, Україна

Історична пам'ять — невід'ємна складова поступу у майбутнє. Лише на ґрунті історичної правди можлива консолідація суспільства, а відтак і поступ до кращого прийдешнього. Наукове з'ясування історико-правових аспектів функціонування структурних підрозділів військ НКВС (МВС) в Україні у 1945–1953 рр., зокрема конвойних військ, політико-правові наслідки їх діяльності послугують збереженню пам'яті про минулу війну та тяжкі перші повоєнні роки, напрацюванню відповідних пропозицій, спрямованих на подальше підвищення ролі й місця внутрішніх військ МВС та органів охорони державного кордону у справі забезпечення правопорядку, боротьби зі злочинністю, захисту суверенних прав України.

Історія діяльності спеціальних військових формувань, зокрема конвойних військ, з одного боку, підтверджує їх важливу роль у забезпеченні зміцнення суверенітету держави, правопорядку, боротьби зі злочинністю, а з другого — свідчить про недопустимість, навіть під гаслом захисту суспільно-державних інтересів, їх будівництва та діяльності на ідеологічно-класових та партійних засадах. Як й інші силові структури, вони мають діяти у правовому полі.

Велика Вітчизняна війна, що стала найважчим випробуванням для народу нашої країни, призвела до найбільших втрат за всю її історію, скалічила мільйони доль. Необхідність опору військовій агресії з боку фашистської Німеччини вимагала масштабної мобілізації та надзвичайної концентрації людських і матеріальних ресурсів. Ціною героїчних зусиль вся територія України у жовтні 1944 р. була звільнена від загарбників та їх злочинного окупаційного режиму. Звичайно, найбільшу роль при цьому відіграли Збройні сили держави та інші військові формування, серед яких чільне місце посідали й військові підрозділи Наркомату внутрішніх справ.

Закінчення війни вимагало вжити невідкладних заходів не тільки щодо відновлення довоєнного рівня промисловості та сільського господарства,

але й реорганізації радянських Збройних сил, передусім у напрямі зменшення їхньої чисельності. У результаті демобілізації 33 призовних віків протягом двох повоєнних років з лав армії було звільнено близько 8,5 млн осіб, і на початок 1948 р. загальна чисельність Збройних сил становила 2 млн 874 тис. осіб¹.

Скорочення відбувалося й за рахунок військ Наркомату внутрішніх справ. Зменшення чисельності військових підрозділів НКВС йшло у двох напрямках: за рахунок демобілізації 13 старших призовних віків і жінок-військовослужбовців та зняття військової охорони з важливих підприємств промисловості. Штатна оптимізація військ НКВС зумовила й реорганізацію центрального апарату союзного наркомату, до складу якого у квітні 1945 р. входили такі військові управління: прикордонних військ, внутрішніх військ, військ по охороні тилу Червоної армії, по охороні залізниць, по охороні підприємств, конвойних військ, військ урядового зв'язку, військового постачання, навчальних закладів².

Плани скорочення військ НКВС, надані уряду в серпні 1945 р., передбачали демобілізацію однієї шостої частини та доведення їхньої штатної чисельності до 763 914 осіб, з яких прикордонні війська — 198 375, внутрішні війська — 157 852, війська по охороні тилу Червоної армії — 48 189, війська по охороні залізниць — 94 913, війська по охороні важливих підприємств промисловості — 53 807, конвойні війська — 124 950, війська урядового зв'язку — 48 293 осіб³. Фактичне скорочення військ НКВС було здійснено в значно більших розмірах, що пояснювалося істотним скороченням обсягу їхніх завдань у зв'язку зі зміною міжнародної та внутрішньої обстановки після Великої Вітчизняної війни. На 1 січня 1946 р. штати військ НКВС СРСР становили 680 280 осіб (фактично було укомплектовано 655 370)⁴. У 1946 р. було демобілізовано ще близько 200 тис. військовослужбовців. Як результат, відповідно до загального плану скорочення Збройних сил протягом перших післявоєнних років кількість військ НКВС (МВС) зменшилася в два рази.

У березні 1946 р. відповідно до закону, прийнятого Верховною Радою СРСР, «Про перетворення Ради Народних Комісарів СРСР на Раду Міністрів і Народних комісаріатів на Міністерства» НКВС СРСР було перетворено на Міністерство внутрішніх справ СРСР, а Наркомат внутрішніх справ України — на МВС УРСР.

Зменшення штатної чисельності військ НКВС (МВС) неодмінно викликало необхідність пошуку шляхів удосконалення їхньої організаційно-структурної будови, що призводило до численних реорганізацій як самих військових підрозділів, так і центральних органів управління ними.

Поряд із прикордонними та внутрішніми військами важливе місце в системі військових підрозділів НКВС (МВС) у повоєнні роки посідали

конвойні частини. Зростання кількості таборів для військовополонених та відновлення місць ув'язнення на території УРСР потребувало забезпечення їх належної охорони. Однак на початку 1946 р. необґрунтоване скорочення конвойних військ призвело до диспропорції між їхньою чисельністю та кількістю ув'язнених (у т. ч. військовополонених) в Україні. Через відсутність особового складу охорони НКВС УРСР, маючи можливість використовувати на будівництві та виробництві до 18 тис. ув'язнених, клопотав перед ЦК КП(б)У «про мобілізацію в охорону таборів та колоній 1 тис. чоловік, що дасть можливість вивести робочу силу на будівництва державних організацій, у тому числі й ряду будівництв Донбасу»⁵.

Збільшивши штатну чисельність, конвойні війська на 1 січня 1948 р. здійснювали охорону 1497 таборів (табірних відділень), спецпиталів військовополонених, у тому числі й 30% з них, що дислокувалися на території України. Щодооби на роботи виводилося 500 тис. військовополонених. У подальшому кількісний склад військ у зв'язку з репатріацією став поступово зменшуватись і на початку 1951 р. становив близько 92 тис. осіб (загальна кількість з'єднань та частин — 97)⁶. У розглядуваний період конвойними військами командували генерал-майор В. М. Бочков (листопад 1944 — квітень 1951) та генерал-лейтенант А. С. Сироткін (травень 1951—1954).

У структурі центрального апарату МВС СРСР до травня 1951 р. залишалися три військові управління: конвойних військ, військ по охороні особливо важливих об'єктів промисловості й залізниць та Головне управління місцевої протиповітряної оборони.

Наказом МВС СРСР № 00260 від 18 травня 1951 р. конвойні війська були скорочені вдвічі та реорганізовані в конвойну охорону МВС СРСР (дивізії переформовувалися у відділи, полки — в загони, батальйони — в дивізії, роти — в команди, взводи — в групи конвойної охорони). У структурі центрального апарату міністерства утворювалося відповідне управління (начальник генерал-лейтенант А. С. Сироткін). Однак вже 1 червня (наказом МВС № 00308) конвойні війська, що охороняли особливі табори і тюрми МВС СРСР і табори військовополонених для військових злочинців, були розформовані. Охорона цих об'єктів була передана воєнізованій охороні ГУЛАГу МВС СРСР, куди передавався для подальшого проходження служби особовий склад розформованих частин⁷. За конвойною охороною залишалося виконання завдань з ешелонного, планового й міського конвоювання засуджених.

Порядок комплектування і проходження служби особовим складом військ МВС, зокрема конвойних військ, залишався колишнім, із збереженням існуючих і встановлених заново рішеннями уряду для Радянської армії прав і пільг, а також тарифів грошового забезпечення,

норм постачання обмундируванням та іншими видами матеріально-технічного забезпечення.

На спільному засіданні пленуму ЦК КПРС, Ради міністрів та президії Верховної Ради СРСР, що відбулося 5 березня 1953 р. відразу після смерті І. В. Сталіна, було прийнято рішення про об'єднання міністерств внутрішніх справ та державної безпеки в єдине МВС СРСР.

Виходячи зі змін обсягів завдань і чисельності військових підрозділів Міністерства внутрішніх справ, а також у зв'язку з організаційними заходами, пов'язаними з перепідпорядкуванням МДБ СРСР майже всіх видів військ, протягом 1945–1953 рр. уточнювалася нормативно-правова база, що регламентувала їх місце в системі силових структур держави, їх функції та принципи використання в умовах загострення суспільно-політичної та криміногенної ситуації, зокрема в Україні.

Іншим аспектом правової регламентації функціонування військ були вимоги щодо вдосконалення якості служби та підвищення бойової готовності. Видані 6 травня 1951 р. постанови уряду «Питання МДБ СРСР» і «Питання МВС ССРСР», що реорганізували внутрішні та конвойні війська у відповідні види охорони, покладали на внутрішню охорону МДБ СРСР завдання із забезпечення боротьби з націоналістичними «банд-формуваннями», підтримання режиму і нагляду в місцях поселення спецпереселенців, охорони особливо важливих державних об'єктів та ін. Конвойна охорона МВС СРСР продовжувала виконувати функції з етапування ув'язнених залізничними і водними маршрутами, конвоювання арештованих на судові засідання, забезпечення охорони й нагляду за засудженими в житлових зонах і на виробничих об'єктах. Зазначені постанови змінили не тільки структуру, а й правовий статус особового складу внутрішньої і конвойної охорони (почали втрачатися загальновійськові начала в побудові та службі частин і підрозділів).

Правові основи функціонування конвойних військ НКВС у повоєнний період визначалися наказом союзного наркомату № 0313 від 7 серпня 1943 р. «Про заходи щодо поліпшення служби в конвойних військах НКВС СРСР» та затвердженою у зв'язку з цим Інструкцією. Підрозділи отримували назву «гарнізон», особовий склад якого розташовувався у військовому містечку (казармі) поблизу об'єкта, що ним охоронявся. Час служби кожного солдата і сержанта становив 10–12 годин на добу. Залежно від ліміту наповнювання табору гарнізони поділялися на п'ять типів (з особовим складом від 25 до 135 осіб). Основними видами службової діяльності були: чатовий, дозор, секрет, засідка, оперативна група, конвой.

На роботи військовополонени виводилися під конвоем (один конвоїр на 15 військовополонених, але не менше ніж на двох), зазвичай у денний час. Уночі чисельність конвою збільшувалася. «Ставлення конвою до

конвойованих, — підкреслювалося в Інструкції, — повинно бути вимогливим, але доброзичливим»⁸. Заборонялися образи і приниження. Застосовувати зброю без попередження дозволялося у разі нападу, втечі чи проникнення на лінію охорони. Інструкція передбачала також обов'язки посадових осіб гарнізону, питання організації конвоювання військовополонених, режим їх утримання тощо.

Усього таборів для військовополонених з числа солдатів і офіцерів німецько-фашистських армій у травні 1945 р. було 206. Найбільша їх кількість (після Російської Федерації) дислокувалася в Україні — 27. У подальшому динаміка загального числа таборів на території СРСР має такий вигляд: 1946 р. — 267, 1947 — 213, 1948 — 172, 1949 — 85, 1950 — 10⁹. В Україні у 1944–1953 рр. в цілому дислокувалося 43 табори. Їхня кількість, наповнювання та місце дислокації постійно змінювалися через виробничу необхідність, відсутність умов тощо. Деякі табори, змінюючи місцезнаходження управління та контингент, що утримувався, існували один або два роки. Найдовше діяли табори Кадіївський (№ 144), Одеський (№ 159), Горлівський (№ 242), Донбаський (№ 280 — це був найбільший табір в Україні, розрахований на 36 тис. чоловік.), Київський, Запорізький, Дніпропетровський, Миколаївський (понад три роки)¹⁰. Ці регіони, що найбільше постраждали від наслідків війни, потребували значної кількості робочої сили для відбудови підприємств промисловості. Тому праця військовополонених активно використовувалася.

Найбільше число військовополонених та інтернованих на території УРСР перебувало у 1946 р. (близько 450 тис.). У подальшому з різних причин (репатріація — тільки в 1947–1948 рр. було репатрійовано близько 250 тис. осіб; смертність; переведення в табори інших республік) їхня чисельність стала скорочуватися. Якщо в січні 1948 р. в Україні дислокувалося 26 таборів, то за рік їх кількість зменшилася до 13, де утримувалася 113891 особа¹¹. Крім того, у 160 виправно-трудовах таборах МВС Української РСР перебувало 153 238 ув'язнених¹².

Різновидом місць утримання військовополонених, що знаходилися під охороною конвойних військ, стали режимні (каторжні) табори НКВС, утворені згідно з Указом президії Верховної Ради СРСР від 19 квітня 1943 р. (У 1947 р. наказом МВС № 00662 з метою поліпшення охорони й режиму утримання військовополонених всі табори було поділено на чотири групи: 1) табори прикордонної зони із суворим режимом; 2) тилові табори із загальним режимом, де утримувалися військовополонені німці; 3) табори з полегшеним режимом для військовополонених угорців, румунів і австрійців; 4) особливо режимні табори, де утримувалися співробітники СС, СД, гестапо, що охоронялися спеціальним конвоем. Йдеться саме про останню групу таборів). В Україні це були табори № 159, 280, 460, 471 та ін. У них відбували покарання військові

злочинці, колишні співробітники каральних, диверсійно-розвідувальних та інших спецслужб. Виходячи з цього, від начальника конвойних військ генерал-лейтенанта В. М. Бочкова вимагалось збільшити чисельність гарнізонів, посилити охорону та конвоювання контингенту «на 50 % у відношенні норм, встановлених відповідно до параграфу 19 Інструкції, оголошеної наказом НКВС СРСР № 0313 — 1943 року». В цілому «режим і охорона у вказаних таборах, — підкреслювалося в наказі, — повинні забезпечити надійну ізоляцію військовополонених, які в них утримуються, від навколишнього населення й створення умов, що виключають всіляку можливість втечі»¹³. Як наслідок, режим утримання став максимально жорстким. Достатньо зауважити, що весь час, крім перебування на роботах, військовополонені були закриті в бараках (землянках), листування заборонялося, тривалість робочого дня становила 12 годин, за порушення дисципліни передбачався арешт (карцер) до 30 діб. Для каторжників вводився одяг спеціального зразка з нашитим особистим номером.

По війні спільний наказ НКВС, НКДБ, НКО СРСР від 8 вересня 1945 р. «Про організацію перевірки репатрійованих колишніх військовослужбовців Червоної Армії і осіб призовних віків, переданих для роботи в промисловість» передбачав проведення фільтрації радянських громадян, що повертаються в країну. В перевірконо-фільтраційних таборах діяв суворий режим ізоляції: спецконтингент перебував під озброєною охороною, міг покинути табір тільки під конвоем, не мав права на листування. Норми охорони, побутових умов і правила внутрішнього розпорядку були запозичені з практики ГУЛАГу. Одночасно з фільтрацією спецконтингент залучався до праці на промислових об'єктах. Все це покладало нові завдання на конвойні війська НКВС (МВС).

На початку 50-х рр. значно поліпшилась якість охорони ув'язнених, що утримувалися на території України. Якщо в 1947 р. було здійснено 394 втечі (ці дані стосуються лише таборів МВС УРСР. За період 1943–1949 рр. з тюрем в Україні було здійснено 353 втечі), то, як зазначив міністр внутрішніх справ УРСР Т. А. Строкач, у 1952 р. з таборів МВС, що дислокувались на території України, здійснили втечі 23 засуджених, з них затримано — 21. У 1951 р. втечі скоїли 50 в'язнів, з них 49 затримано¹⁴.

Головною метою функціонування конвойних військ НКВС, зокрема й дислокованих на Україні, було забезпечення надійної охорони, режиму утримання та трудового використання колишніх військовослужбовців противника та інтернованих. В умовах наслідків агресії німецько-фашистських загарбників це був виправданий крок, який не суперечив нормам міжнародного права (Женевську конвенцію 1929 р. «Про утримання військовополонених» радянське керівництво не визнало, мотивуючи тим, що вона суперечить «духу» соціалістичної держави». Правове

становище військовополонених регулювалося постановою уряду СРСР № 1798-800 від 1 липня 1941 р. Відповідно до неї полоненим солдатам і офіцерам армії противника гарантувалися життя, безпека, нормальне харчування й медична допомога. Військовополонені носили військову форму, у них зберігалися знаки розрізнення, особисті речі й цінності. Офіцери та особи, прирівняні до них, утримувалися окремо від інших військовополонених.

Водночас в основу створення таборів, налагодження режиму утримання, охорони та трудового використання контингенту нерідко покладалися не загальновизнані міжнародно-правові норми, а ідеологічні чинники.

Розглянувши в історико-правовому аспекті питання, що стосуються еволюції та функціонування конвойних військ (конвойної охорони НКВС (МВС) в Україні в 1945–1953 рр., — нормативно-правового регулювання їх діяльності, структури, складу, форм і методів діяльності, ми можемо зробити висновок, що скорочення у 1945–1947 рр. чисельності конвойних військ НКВС (МВС) пояснювалось об'єктивними обставинами, насамперед закінченням війни. Водночас здійснювалось воно без належного обґрунтування й підготовки. Це призвело до невідповідності кількості об'єктів, що охоронялися, реальним умовам забезпечення їх надійності та безпеки, диспропорції між наявністю конвойних військ і кількістю ув'язнених тощо. У цілому це серйозно впливало на якість виконання покладених на них завдань.

Зменшення чисельності особового складу конвойних військ вимагало пошуку нових шляхів удосконалення їх організаційно-структурної побудови. У свою чергу, останній фактор викликав численні реорганізації частин і з'єднань, органів управління ними, що негативно позначалося на якості керівництва. Порушувалася стабільність та сповільнювався розвиток військ, недостатньо вирішувалися нагальні питання, пов'язані з нормативною регламентацією їх діяльності, матеріально-технічного та побутового забезпечення. Поступове виправлення зроблених помилок у розбудові конвойних військ призвело до якісних змін в їх організації та діяльності. Згодом, а саме у травні 1951 р., внаслідок репатріації військовополонених, що призвело до значного зменшення їх чисельності в Україні, конвойні війська були скорочені вдвічі та реорганізовані в конвойну охорону.

---

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР — М.: Воениздат, 1968. — С. 479.

² Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ: Справочник / Под общей ред. А. Н. Яковлева. — М.: МФД, 1997. — С. 43.

³ Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917–1977 / Академия МВД СССР. — М., 1980. — С. 157.

⁴ Довідка про штатну та списочну чисельність військ НКВС. 21 лютого 1946 р. // Архів внутрішніх військ МВС України. — Ф. 20, оп. 4, спр. 27, арк. 102.

⁵ Клопотання НКВС УРСР перед ЦК КП(б)У. 18 березня 1946 р. // Архів МВС України. — Ф. 48, оп. 21, спр. 125, арк. 311.

⁶ *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). — К.: Парламентское изд-во, 2002. — С. 66.

⁷ Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. — С. 67.

⁸ Про заходи щодо поліпшення несення гарнізонної служби конвойними військами НКВС СРСР: Наказ НКВС СРСР від 7 серпня 1943 р. // Архів МВС України. — Ф. 49, оп. 2, спр. 11, арк. 113.

⁹ *Чайковский А. С.* Цит. праця. — С. 52, 64.

¹⁰ Там само. — С. 67.

¹¹ Там само. — С. 53.

¹² Донесення МВС УРСР Міністру внутрішніх справ Союзу РСР. 3 березня 1949 р. // Архів МВС України. — Ф. 47, оп. 1, спр. 10, арк. 151–165.

¹³ Інструкція по організації гарнізонної служби конвойних військ у режимних таборах НКВС. 29 квітня 1943 р. // Архів МВС України. — Ф. 49, оп. 2, спр. 15, арк. 127–131.

¹⁴ Донесення МВС УРСР Міністру внутрішніх справ Союзу РСР. 13 грудня 1952 р. // Архів МВС України. — Ф. 48, оп. 23, спр. 76, арк. 180–181.

ПРАВОВИЙ СТАТУС ІНОЗЕМНИХ ВІЙСЬКОВОПОЛОНЕНИХ НА ТЕРИТОРІЇ УКРАЇНИ (1917— КВІТЕНЬ 1918 рр.)

ВАЛЕНТИНА КУРИЛО

Національний педагогічний університет ім. М. Драгоманова,
Україна

Війна — це завжди страшне лихо для всього людства, яке тягне за собою чорний шлейф горя. Гинуть мільйони людей, залишаються каліками, сиротами, а деякі змушені миритися з ворожим полонем. Сотні тисяч військовополонених залишаються на чужині під владою ворожої держави. Їхня доля та правове становище досьгодні ще належним чином у науковій літературі не висвітлені. На жаль, це питання актуалізується не лише з точки зору наукового пізнання. Воно виходить на сучасну практику, коли всі здобутки демократії, в плані захисту прав і свобод людини, починають різнитися з реаліями численних «малих воєн». Військові умови завжди вирізняються своєю жорстокістю «законів воєнного часу». І в таких надзвичайних ситуаціях військовополонені належать до найменш захищених і найбільш безправних категорій людей. Військовополонені, як правило, в основній своїй масі іноземці, і цей фактор по-своєму впливає на напруження ситуації, в якій чітко простежуються найбрутальніші порушення невід'ємних прав людини.

Перелік публікацій, що висвітлюють питання перебування військовополонених на території України, охоплює, здебільшого, період Російської імперії та радянські часи. Зокрема: «Про права іноземців у Росії» І. Є. Андреевського (1859); «Про іноземців у Росії» М. І. Миш (1911); «Війна і право» А. М. Горовцева (1915); «Правовий статус іноземців у Росії» (др. пол. XVII — поч. XX ст.) А. М. Тесленка (1915); «Російська держава та міжнародне право» Ф. І. Кожевникова, Ю. Я. Баскіна, Д. І. Фельдмана (1947); «Права особистості в Росії до жовтня 1917 р.» Е. А. Скрипильова (1991); «Чехословацьке військо в Україні під час Першої світової війни» Іржі Гофмана (2002); «Німецьке шпигунство у царській Росії» О. Нікітського (1977); «Українсько-німецькі відносини» П. І. Барвінської (2001); «Зовнішньо-політична діяльність уряду Української Держави» Д. І. Донцова (1990); «До історії нашої

закритості» Юрія Фельштинського (1990); «Міжнародне гуманітарне право» В. П. Базова (2000); дотично це питання розглядають Ігор Срібняк — «Українці на чужині» (2000) та В. В. Коваль — «Брест-Литовська конференція 1918 р.» (2000).

Співпраця країн з питань прав людини, де активну участь брала і Українська Народна Республіка, наклала свій відбиток на закони та звичаї війни, які в ХІХ — на поч. ХХ ст., були згодом кодифіковані та отримали свій подальший розвиток в різноманітних конвенціях, таких як Паризька декларація про морську війну (1856), Женевська конвенція про поліпшення стану поранених та хворих у діючих арміях (1864), Гаазькі конвенції про закони та звичаї війни (1899 і 1907). Робота була продовжена вже після закінчення Першої світової війни прийняттям Конвенції про режим військового полону (1920).

У 1917–1920 рр. питання про перебування військовополонених-іноземців на території ворожої країни регулювалося положеннями вищезгаданих конвенцій. Також їхнє положення регулювалося правом Червоного Хреста, яке мала майже кожна країна, що створювала організацію допомоги жертвам війни — Червоний Хрест. Право Червоного Хреста фактично повторювало суть права, закріпленого в Женевських конвенціях. У навчальному посібнику «Міжнародне гуманітарне право» (1996) за авторством Гассер Ханс Петтера, дається визначення поняття «беззахисні». Під цим поняттям слід розуміти осіб, котрі припинили боротьбу у зв'язку з пораненням, чи зазнали корабельної аварії, або добровільно склали зброю. Часто вживаним є поняття «беззахисні», що об'єднує полонених військовослужбовців, цивільних осіб, та не цивільних осіб, котрі знаходяться під владою противника, особливо під його військовою окупацією¹. Ст. 6 Женевської конвенції 1864 р. зазначає: поранених та хворих комбатантів, до якої б країни вони не належали, слід підбирати та надавати їм допомогу². 18 квітня 1918 р. ще за доби Центральної Ради, започаткував свою діяльність Український Червоний Хрест в Києві, завданням якого була допомога біженцям та військовополоненим, турбота про інвалідів та дітей-сиріт.

Документом міжнародного права, що встановив правила ведення бойових дій незадовго до Першої світової війни, стала Гаазька конвенція від 5 жовтня 1907 р. «Про закони і звичаї війни на суші», підписана 42 державами³. Цей акт залишився чинним і в роки Першої світової війни 1914–1918 рр. Другий розділ конвенції мав назву «Про військовополонених». У ст. 5 визначалося, що військовополонені перебувають під владою ворожого уряду, а не окремих осіб чи загонів, які захопили їх. Говорилося також про те, що військовополонені могли бути поселені в окремі міста, фортеці, табори або в будь-які інші місця. При цьому їм заборонялося перетинання означених кордонів таких місць.

У положенні конвенції зазначалося, що поводження з військовополоненими має бути гуманним, їх мають доглядати без будь-якої дискримінації. Наголошувалося на недоторканності їхнього майна. При захопленні в полон, як виняток, у військових офіційно забирали їхню зброю, всі військові документи та коней. Такими були законодавчі приписи. Звичайно, без неофіційного також не обходилось. Військовополонені розміщувались у спеціально обладнаних для цього місцях. Положення Конвенції містило пункт, що і сьогодні не повністю виконується: «...ув'язнення може бути застосоване... лише як необхідний захід безпеки і винятково доки існують обставини, що спричиняють цей захід...»⁴ У ст. 75 «І Додаткового протоколу» перелічено ці зобов'язання та заборони.

Проте в реальному житті на більшу частину всіх вимог взагалі не зверталася увага. Наслідком чого ставало виявлення у полонених особливого виду душевного розладу, що кваліфікувався як «психологія колючого дроту».

Рішенням Гаазької конвенції від 5 жовтня 1907 р. у кожній з воюючих сторін, зокрема на території України, було створено довідкові бюро військовополонених, де зберігалася найнеобхідніша інформація про них.

Документи Гаазької конвенції залишалися чинними і в роки Першої світової війни, та через те, що механізм спілкування ворогуючих країн не був належним чином налагоджений, порушувалось гарантоване право військовополонених на спілкування з батьківщиною, а в окремих випадках таке спілкування було майже неможливим.

Військовополонених дозволялось відвідувати і контролювати умови, в яких вони перебувають, з метою їх покращання, та, на жаль, це було дуже рідко. Для відвідування потрібно було отримати спеціальний дозвіл у вигляді посвідчення. Таке посвідчення, наприклад, отримав датський консул Григорій Євгенович Гуревич 19 грудня 1917 р. для вільного відвідування місць на Київщині, де знаходилися військовополонені — піддані австрійської держави. Документально зафіксовано, що консул звертався до Секретарства національних справ УНР за таким посвідченням вдруге, аргументуючи це тим, що перше посвідчення в нього було викрадено. Не виключено, що, можливо, його було викрадено навмисно, щоб не надати можливості консулу побачити реальні умови життя полонених⁵.

Із приходом до влади в Україні Центральної Ради можна було очікувати найрізноманітніших змін абсолютно в усьому, в тому числі у зміні статусу і умов утримування військовополонених. Право на відвідування військовополонених представниками їхніх держав залишилося в силі. Проте у перші місяці перебування при владі Центральна Рада ніяких

змін у зазначеному напрямі не здійснювала. УНР продовжувала дотримуватися міжнародних нормативно-правових актів, які були підписані до початку Першої світової війни. І, як свідчать архівні документи, дотримувалась їх не на папері, а реально. Про це говорить практика доступу до місць перебування військовополонених на території УНР представниками іноземних держав, піддані яких там знаходилися. Це право поширювалося навіть на осіб нижчого за консула рангу. 25 листопада 1917 р. Секретарство національних справ УНР видало датському інженеру Карлу Нільсену посвідчення, у якому зазначалося, що «з боку Секретарства не зустрінеться перешкод до відвідування ним полонених, котрі перебувають у межах Київської, Полтавської, Чернігівської і Харківської губерній»⁶.

У гуманітарному праві вказано, що військовополонених потрібно оберігати та поводитися з ними гуманно за будь-яких обставин. Забороняється направляти або утримувати військовополонених у районах, де їхнє життя може піддаватися небезпеці із зони бойових дій⁷. Такі ж вимоги міжнародного права діяли і у 1917–1920 рр.

Положення Гаазької конвенції від 5 жовтня 1907 р. говорить про актуальну проблему — використання праці військовополонених на користь держави, що їх захопила. Згідно зі статтею 6 положення звільнялися від неї тільки офіцери. Демонструючи принципи гуманізму, стаття 6 Конвенції від 5 жовтня 1907 р. стверджує: «Роботи ці не повинні бути занадто обтяжливими». Утім невизначеність надавала статті декларативного характеру, адже межі обтяжливості положення не визначало. Таким чином, відкривався широкий простір для суб'єктивізму, навіть прямої сваволі з боку держави — утримувача бранців — використання полонених фактично на каторжних роботах⁸. Так, ще в 1917 р. наказом Головного управління генерального штабу російської армії було направлено у розпорядження власників шахт Донбасу всіх військовополонених, котрі не були зайняті на сільськогосподарських роботах. І вже у другій половині 1917 р. близько 27 % всіх робітників Донецького вугільного басейну складала військовополонені⁹. Враховуючи значення економічного потенціалу для перемоги у війні, держави не могли встати перед невикористанням дешевої робочої сили, якою стали військовополонені.

Масово порушувалися постанови Гаазької конвенції про те, що роботи військовополонених не повинні мати жодного відношення до воєнних дій. Але існували винятки, коли на це був спеціальний дозвіл. Так, під впливом переможної для Російської армії битви біля Зборова було дозволено формувати нові добровольчі чехословацькі підрозділи з полонених чехів і словаків, а 26 вересня 1917 р. вийшов наказ про формування Чехословацького армійського корпусу. Окремі полки приймали

назви історичних осіб або регіонів поневоленої батьківщини, як, наприклад, Яна Гуса, Яна Жишки з Гроцнова, Прокопа Голого, Іржи з Подебрад, Карела Гавліченка Боровського, Томаса Гарріса Масарика, Ганацький, Татронський, Силезький тощо. Вони приймали присягу¹⁰. Солдати страждали від страшенно важкої роботи, а офіцери утримувалися практично в тюремних умовах, що суперечило нормам міжнародного гуманітарного права. Так, із 184 полонених офіцерів російської армії німецького табору Торидорф до осені 1918 р. не було жодного здорового та психічно урівноваженого полоненого¹¹.

У 1917 р. восени була скликана Копенгагенська конференція, в якій взяли участь представники Росії та центральних держав. Результатом її роботи протягом двох місяців стала розробка кодексу докладних правил утримання військовополонених та запровадження контролю над втіленням у життя прийнятих на конференції постанов¹². Однак цього було недостатньо для радикальної зміни становища військовополонених, їх кількість зростала, і утримувати їх у таких же умовах, як і власних солдат, чого вимагали положення Гаазької й Женевської конвенцій, було неможливим.

У випадку кримінального переслідування військовополонених, виконувався цілий ряд вимог процесуального характеру¹³.

Свідченням змін у ставленні до полонених були угоди, укладені восени 1917 р. Росією та Австро-Угорщиною: «Про обмін малолітніх добровольців та доброволець на санітарний персонал» (параграф 4 відділу II, Копенгагенського протоколу), між Росією та Німеччиною «Про обмін виведеного зі Східної Пруссії цивільного населення непризовного віку» на полонених чоловіків та жінок віком молодше 16-ти та старше 50-ти років (відділ 10 Протоколу Копенгагенської конференції)¹⁴.

У лютому 1918 р. було підписано Австро-Угорсько-Український Додатковий договір до Мирowego договору між Австро-Угорщиною, Німеччиною, Болгарією і Туреччиною, з одного, а УНР — з іншого боку. Цей договір містив окремий розділ, який мав назву «Про військовополонених». У ньому говорилося про те, що обмін службово нездатних військовополонених має бути прискорений. Кошти на відправлення військовополонених до перетинання ними кордону виділяє українська сторона. Ст. 9 цього договору звільняла військовополонених від покарань, які їм було присуджено за вчинені злочини під час інтернування чи заслання¹⁵.

До Народного міністерства внутрішніх справ (Департамент адміністративно-політичний) УНР, згідно з наказом управляючого Народним міністерством закордонних справ від 18 березня 1918 р. було переслано 797 прохань військовополонених і військовозобов'язаних центральних держав про наділення їх правом проживання на території України

з наступним прийняттям їх у громадянство України. Цим питанням займалося Міністерство внутрішніх справ¹⁶.

Проте, отримавши право і нагоду повернутися додому, не всі військовополонені країн Четверного союзу поспішали скористатися ним. Причин на це було багато. У кожного вони були свої. На нашу думку, однією з головних причин було те, що їхні країни продовжували перебувати у стані війни з Антантою, тому повернення додому не виключало, поперше, відповідальності за здачу в полон, по-друге, можливості знову бути відправленим на фронт тощо. Тому не дивно, що до відповідних органів УНР посилалися звернення військовополонених про можливість залишення їх в Україні.

Для того, щоб військово- або цивільнополонений одержав право проживання на території України, достатньою була «цілковито його воля у відповідний спосіб виявлена»¹⁷.

1917–1918 рр. видалися нелегкими для іноземних військовополонених, які опинилися на території УНР. Цей період відзначився масовим порушенням їхніх прав та свобод, закріплених положеннями Гаазької та Женевської конвенцій, міжнародними угодами, постановами Міністерства в національних справах УНР. Військовополонених солдат використовували у сільському господарстві, у донецьких шахтах. Вони часто були задіяні у складі військових частин армії, що їх утримувала. Офіцери знаходились, фактично, в постійних тюремних умовах за колючим дротом, внаслідок чого мало хто залишився психічно здоровим, хоч такі умови утримання дозволялися лише в окремих та необхідних на те випадках.

Порушувалося право військовополонених на спілкування з батьківщиною, що аргументувалось як недостатньо налагоджений механізм спілкування. Частково це було так. Але в основі таких дій, на наш погляд, лежало все-таки навмисне блокування потоку інформації з таборів.

Після підписання Брест-Литовського мирного договору правове становище військовополонених змінилося. Вони могли або повернутися додому, або залишитися з дозволу влади УНР на постійне проживання в Україні. Хоча, як показує практична реалізація зазначених умов, на долю військовополонених та й цивільнополонених почав впливати такий новий фактор, як військова присутність на території України австро-німецьких військ.

---

¹ *Гассер Ханс Петтер*. Міжнародне гуманітарне право. — М.: МККК, 1995. — С. 37.

² *Кальсховен Фрицц*. Обмеження методів та засобів ведення війни. — М.: МККК, 1994. — С. 10.

³ *Горовцев А. М.* Війна і право. — СПб., 1910. — С. 53.

⁴ *Горовцев А. М.* Назв. праця. — С. 54.

⁵ Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (далі — ЦДАВО України). — Ф. 2592, оп. 1, спр. 46, арк. 23, 24.

⁶ Там само. — Арк. 8.

⁷ Міжнародне гуманітарне право. Навчальний посібник під ред. В. П. Базова. — К., Варта, 2000. — С. 114.

⁸ Державний архів Харківської області. — Ф. 19, оп. 1, спр. 296, арк. 12.

⁹ *Кливанський А. Х.* З історії Чехословацьких політичних організацій в Росії // Вчені записки Інституту слов'янознавства. — М., 1962. — Т. XXV. — С. 80.

¹⁰ Чехословацьке військо в Україні під час Першої світової війни. Короткий історичний нарис: Чехословацька громада легіонерів / Упоряд. І. Гофман. — Прага, 2002. — С. 29.

¹¹ Праці військово-історичної комісії. — М., 1920. — С. 223.

¹² Збірник міжнародних конвенцій та урядових розпоряджень / Упоряд. Альбах Г. П., — М.: 1917. — С. 143.

¹³ Міжнародне гуманітарне право. — С. 115.

¹⁴ Праці військово-історичної комісії. — С. 239.

¹⁵ ЦДАВО України. — Ф. 2592, оп. 1, спр. 89, арк. 8.

¹⁶ Там само. — Спр. 47, арк. 29.

¹⁷ Там само.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ НАРОДНОГО СОЮЗА ГЕРМАНИИ В УКРАИНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 ЛЕТ

ХАНС-УЛЬРИХ ШРАДЕР

директор Представительства Народного союза Германии
по уходу за военными могилами в Украине

Законодательные основы

- Начало работ в 1993 г. на основании разрешений местных органов власти
- С 1996 г. работа Народного союза в Украине основывается на Соглашении об уходе за могилами погибших воинов между Правительствами ФРГ и Украины
- С 2000 г. — организация работ Народного союза в соответствии с указаниями/предписаниями Государственной межведомственной комиссии, которые конкретизируют вышеупомянутое Соглашение и адаптируют его к условиям в Украине — Народный союз получает разрешения от Комиссии.
- С 2006 г. работы Народного союза должны согласовываться также и с органами охраны культурного наследия Украины. Согласование разрешений с данными органами осуществляется через Государственную межведомственную комиссию.

Результаты эксгумационных работ

- Согласно различным оценкам в Украине погибло приблизительно 300 000 немецких военнослужащих. К этому следует добавить еще примерно 100 000 умерших немецких военнопленных и неизвестное количество пропавших без вести.
- Таблица № 1 — обзор количества эксгумаций с 1993 по 2005 г.
- Выполнение эксгумаций поручено 4 украинским предприятиям.
- Эксгумировано 1010 захоронений с приблизительно 93 500 погибшими. В среднем примерно 90 умерших на одно захоронение. Захоронения от 1 до 4300 погибших (Харьков — Парк Горького).
- Среднее количество эксгумаций в последние годы сократилось, эксгумируемые кладбища становятся меньше. В 2006 г. среднее количество эксгумаций на одно кладбище составило 50 человек, если не учитывать Крым. Расходы на эксгумационные работы растут.
- Доля идентифицируемых останков составляет приблизительно 40%. Основная проблема — осквернение могил и мародерство, прежде всего, в Восточной Украине, со стороны так называемых поисковиков.

Обзор эксгумаций в Украине с 1993 по 2005 гг.

Год	Центральная Украина	Западная Украина	Восточная Украина	Крым	Итого
1993	722			491	1213
1994	200		3000	1501	4701
1995	4353		3881	873	9107
1996	1523		3133	1291	5947
1997	1777		3141		4918
1998	2757		3160		5917
1999	1576	1974	2872		6422
2000	3717	991	3057		7765
2001	1940	68	2249	1759	6016
2002	5777	440	3514	1290	11 021
2003	3814	1121	3134	3928	11 997
2004	2449	2106	2177	2971	9703
2005	2447	1354	2434	2484	8719
Итого	33052	8054	35752	16588	93446

Бесстыдное использование в корыстных целях информации, которую они получают от Немецкого ведомства (WASSt) с целью разыскать личные данные родственников и таким образом вымогать деньги. Доля идентифицируемых останков на полностью размародёранных кладбищах составляет 5–10%. Трагизм для родственников, которые не связываются с мародерами.

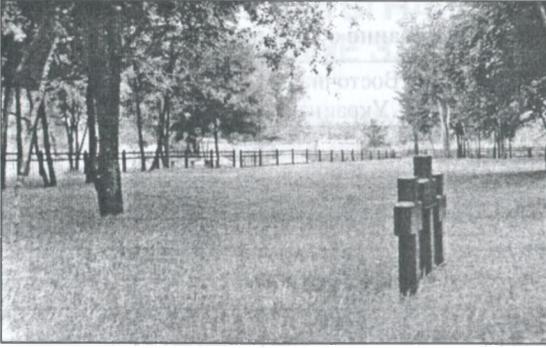
Принцип сборных кладбищ

- Восстановление примерно 3000 бывших захоронений Вермахта исключено, перевозка останков в Германию также невозможна.
- Поэтому 5 сборных кладбищ, каждое примерно на 40 000 человек (в сумме – 200 000). Этого достаточно. Нет необходимости в дальнейших кладбищах в Украине.
- Количество похороненных на сборных кладбищах на сегодняшний день (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество погребённых на кладбищах, на которых проводятся захоронения, в Украине (по состоянию 25.05.2006 г.)

Сборное кладбище	Количество погребенных
Гончарное	16 588
Харьков	33 260
Кировоград	13 737
Киев	19 159
Потелич	7 593
Донецк	1 717
Итого по всем кладбищам	92 054

Перспектива

• Из 300 000 погибших на войне военнослужащих вермахта приблизительно 50 % уже невозможно перезахоронить (кладбища застроены, на некоторых проводились повторные захоронения, также другие виды разрушения или невозможности перезахоронения). Это оставляет приблизительно 5-летнюю перспективу для окончания работ.

Кладбища военнопленных

• В Украине по данным Комиссии существует 526 кладбищ военнопленных, на которых погребены 70–100 тыс. немецких военнослужащих. Поименная информация есть приблизительно для 72 000 человек. По приблизительным оценкам около 30 000 умерших военнопленных не были зарегистрированы.

• Народный союз принципиально не проводит различия между погибшими служащими вермахта и умершими в плену немецкими солдатами. И те, и другие — жертвы войны, заслуживающие достойного места погребения.

• Народным союзом установлено месторасположение 385 кладбищ военнопленных в Украине, а их состояние задокументировано.

• Количество похороненных на кладбищах военнопленных: от менее 100 до более 2000.

• Восстановленные Народным союзом кладбища военнопленных, за которыми ухаживает Народный союз: 12.

Полтава	500 человек
Запорожье	7000 человек
Самбор	700 человек
Одесса	800 человек
Львов	300 человек
Кировск	1300 человек
Киев-Сырец	300 человек
Горловка	700 человек
Донецк	2000 человек (из них 1700 — дозахоронены)
Херсон	300 человек
Бердичев	1200 человек
Антрацит	1700 человек

Итого приблизительно 18 000 умерших немецких военнопленных (около 20 %) согласно Женевской Конвенции.

Проблема:

- Большие затраты (фото Запорожье)
- Вандализм (Антрацит, Киев, Донецк) (фото Полтава)
- Причины для восстановления
  - угроза разрушения кладбища

- по причине величины и состояния (количество погребенных более 500)
- месторасположение (в большом городе, хорошая досягаемость (расположение возле дороги))
- сильная заинтересованность родственников, немецких меньшинств и пожелание гражданских инициатив
- возможность финансирования восстановления и ухода
- возможность расширения
- Причины для перезахоронения
  - небольшие кладбища с неблагоприятным месторасположением
  - неизбежная угроза разрушения
  - пожелание централизации или перезахоронения со стороны города
  - наличие кладбища для перезахоронения (Донецк, Запорожье)
  - перезахоронение на немецкие сборные кладбища возможно, но проблематично, т. к. на кладбищах военнопленных покоятся военнопленные различных национальностей (необходимо согласование с другими странами)
- Перспектива
  - восстановление всех кладбищ военнопленных невозможно из политических и финансовых соображений. Восстановление при простом методе строительства превысило бы сумму в 7 млн евро
  - при наличии финансирования — восстановление и расширение еще нескольких кладбищ военнопленных с возможностью дозахоронения и установкой памятников для кладбищ военнопленных, которые нельзя восстановить
  - перезахоронение находящихся под угрозой кладбищ военнопленных на кладбища военнопленных с возможностью дозахоронения
  - перспектива зависит от финансирования. В настоящее время невозможно
  - в настоящее время возможно лишь перезахоронение находящихся под угрозой захоронений на другие кладбища военнопленных (восстановление уже было проведено, никаких дополнительных затрат на уход).

II.
ДОКУМЕНТАЛЬНІ СТАТТІ
ТА НАРИСИ

ТРАГЕДІЯ ПОЛОНУ

Однією з найбільш драматичних сторінок Другої світової війни став полон. Свідчення колишніх військовополонених та вчених, що сьогодні досліджують цю тему, просто вражаючі. Німецький історик Крістіна Штрайт зазначає, що на перший погляд у долях військовополонених ворогуючих сторін було багато спільного, оскільки «в обох випадках десятки тисяч полонених загинули вже під час виснажливого шляху до таборів, з обох сторін мільйонна маса зменшувалась за рахунок померлих в тяжких муках від голоду і епідемій». Але це лише на перший погляд. Навіть поверховий аналіз утримання військовослужбовців Червоної армії в нацистських таборах, солдатів і офіцерів вермахту та його союзників — у радянських, дає можливість побачити суттєву різницю, головна з яких полягає у тому, що у радянському полоні не було масового знищення людей. Поводження ж з радянськими військовополоненими в гітлерівських катівнях за своєю жорстокістю не має світових аналогів.

На території Радянського Союзу померло понад 700 тисяч військовополонених вермахту (18 відсотків від їх кількості), з них — 100 тисяч в Україні. У таборах Третього рейху загинуло, за різними даними, від 3,3 до 4,2 мільйона (тобто 50–70 відсотків) радянських воїнів. Приміром, у таборі Нойхаммер (Нижня Сілезія) лише протягом листопада–грудня 1941 року щотижня помирало майже тисяча осіб; у таборі Берген-Бельзен вже 24 січня 1942 року був зареєстрований одинадцятитисячний смертний випадок; у 1941–1945 роках у шталазі (солдатський табір) 326 (УІК) Зенне (Вестфалія) загинули понад 65 тисяч радянських воїнів. Основними причинами смерті були висипний тиф і загальне виснаження організму від недоїдання. Це, зауважте, були звичайні, так звані виправні табори, якими опікувався вермахт. Що коїлось у концентраційних таборах, де діяло СС, — достеменно знає один Бог...

Після закінчення найкривавішої в історії людства війни минуло 60 років. Багато що змінилося у світі відтоді, зокрема і в ставленні світової спільноти до деяких подій Другої світової війни. Підтвердженням цьому стала наукова конференція на тему «1941–1955 рр. Полон та по-

вернення на батьківщину радянських і німецьких військовополонених», яка відбулася у Вольте-Штрукенброк (земля Північний Рейн — Вестфалія, Німеччина). Її організували і провели Центр зібрання інформації табору 326 Зенне, Центр політичної освіти землі Нижня Саксонія, Фонд «Саксонські меморіали», університет міста Білефельд. Учасниками цієї конференції стали вчені-історики з Австрії, Німеччини, України, Росії, Білорусі, Норвегії та Фінляндії.

Упродовж трьох днів під час наукових доповідей і дискусій обговорювались різні аспекти військового полону й інтернування. Серед них — «Використання на примусових роботах радянських військовополонених у промисловості й сільському господарстві України» (повідомлення Сергія Богунова); «Радянські військовополонені в Норвегії» (Маріана Соллайм); «Радянські військовополонені в історичній пам'яті європейських народів» (Йене Нагель); «Репатріація й інтеграція радянських полонених» (Ульріка Гекен); «Міжнародний проект: радянські військовополонені — і його можливості наукового дослідження» (Райнхард Отто). Про перебування німецьких військовополонених на території СРСР доповідали історики Андреас Хільгер (Німеччина), Гаральд Кноль (Австрія), Михайло Єрін і Олександр Харитонов (Росія). Автор цих рядків поінформував присутніх про питання «Працевикористання німецьких військовополонених й інтернованих в Україні у 1944–1953 рр.».

Напевно, центральною подією в роботі конференції стало відвідання її учасниками колишнього табору радянських полонених 326 Зенне і музею на його території.

Шталаг 326 на території Третього рейху з'явився у липні 1941 року. За свідченнями очевидців, це була територія розміром 1000×400 метрів колишнього військового полігона, у кілька рядів обнесена колючим дротом. У цьому таборі побувало щонайменше 300 тисяч радянських полонених.

Військовополонені, що прибули сюди влітку 1941 року, побачили лише оточену високим колючим парканом пустку. Документи, що зберігаються у музеї колишнього табору, розповідають, що, рятуючись від дощу й холоду, люди залазили у земляні нори. Лише згодом розпочалося будівництво дерев'яних бараків. Сьогодні колишній шталаг 326, можливо, єдиний у Німеччині «російський» табір для військовополонених, що майже повністю зберігся.

Працювали полонені в шахтах, у промисловому будівництві і на інших найтяжчих роботах. Як свідчать документи, 17 липня 1941 року відділення обліку шталагу 326 зареєструвало серед полонених перший смертний випадок: від вогнестрільного поранення помер рядовий Георгій Олексійович Одахен. З того часу смерть стала постійною супутницею бранців. Зважаючи на це, на початку вересня місцева влада подбала про власний

табірний цвинтар. Протягом 1941–1945 років на ньому з'явилося 36 загальних могил довжиною 110 метрів кожна. Після звільнення американцями 2 квітня 1945 року ті, хто залишився в живих (близько 9 тисяч осіб), облаштували місце поховання своїх товаришів.

На початку кожного ряду було встановлено камені заввишки метр. На них російською, англійською і німецькою мовами зробили написи, які нагадували про страждання і мученицьку смерть полонених. Наприкінці 40-х років сюди почали переносити й останки інших радянських бранців, що знаходилися на території адміністративної округи Детмольд.

Сьогодні цвинтар — це 22 тисячі квадратних метрів зеленого газону з посадженими деревами. Рівними рядами стоять невеликі надмогильні пам'ятники. На багатьох з них слова: «Невідомий солдат», «Невідомий». У центрі встановлено монумент. Хрести, переплетені залізними решітками, що символізують глибину людських страждань, горе полону і смерть далеко від Батьківщини. Поруч — пам'ятні знаки з написами російською і німецькою мовами: «Вас подвергли мучениям — голоду, холоду и побоям. Вы умерли, но не стали рабами», а неподалік: «Живые! Берегите мир, мир между людьми, мир между народами!» Оформлював кладовище скульптор Йозеф Рінкс.

З іншого боку кладовища височіє зроблений у 1945 році руками колишніх полонених шестиметровий обеліск. У центрі композиції тристороння стела із зірками по сторонах, зверху червоний прапор, внизу пам'ятна дошка: «Здесь покоятся русские солдаты, замученные в фашистском плену. Спите спокойно, товарищи! 1941–1945 гг.»

...У серпні 1941 року військовий кореспондент нацистського часопису «Фелькишер Беобахтер», розповідаючи про цей табір, писав: «Нашому погляду відкрилась ні з чим не порівнювана картина змішання народів...: справжній людський звіринець небаченої строкатості, лише не такий явний, як дійсний звіринець з добре доглянутими тваринами. Це був мовби шматок життя, вихоплений з гігантської більшовицької імперії і її дивної суміші народів і рас, зібрання підлих і найбільш негідних представників роду людського, дійсних нелюдів... Насторожено, зі страхом і недовірою дивляться вони на нас, повністю відчуваючи свою злочинну провину. Що з ними буде!»

Так думав не лише невідомий нам німецький кореспондент. Спершу і населення Вестфалії сприймало радянських військовополонених за звірів, з острахом приходили дивитися на них. З часом ставлення деяких місцевих мешканців, насамперед глибоко віруючих людей, почало змінюватись. Так, один чоловік на Великдень перекинув полоненим через огорожу засмаженого гусака. Того ж дня його схопило гестапо. Доля цієї людини невідома. А мешканка сільської общини, що поблизу

Ганновера, після смерті радянського юнака-солдата, який примусово працював у їхньому селі і був похований на місцевому кладовищі, почала доглядати за його могилою. Служба безпеки вкрай вороже поставилась до цього, але жінка на це не зважала. «На величезних просторах Радянського Союзу, де загинув і мій син, можливо, російська мати робить те саме», — говорила вона. Доглядала вона за тією могилою до останніх своїх днів...

Довелося почути і ще про одну трагічну сторінку минулої війни. Весною 1943 року королівські військово-повітряні сили Великобританії отримали наказ бомбувати греблі гідроелектричних станцій, що забезпечували електроенергією Рурську область. Найважливішою бойовою ціллю вважалася гребля на озері Мьон. Для її знищення застосували надпотужні бомби. Чотири спроби успіху не принесли, і лише п'ята, в ніч з 16 на 17 травня 1943 року, видалася вдалою. Величезна десятиметрова хвиля за лічені хвилини заповнила водою долину поблизу озера. Загинуло щонайменше 200 жителів міста Нехаймер (земля Північний Рейн-Вестфалія) і майже 700 військовополонених. Трагічною була доля і вивезених на примусові роботи з різних країн, у тому числі з України, шести тисяч молодих хлопців і дівчат. Документи архіву міста Нехайм-Хюстен свідчать, що під час повені майже ніхто з них не врятувався лише тому, що «табори, загороджені колючим дротом, були дуже пізно евакуйовані...»

Під час роботи конференції доповідачі наголошували, що висвітлення військового полону в усіх його проявах має послугувати попередженням нового воєнного зіткнення подібних масштабів, стати підґрунтям формування й поширення миру, зміцнення взаємоповаги й взаєморозуміння між народами, у тому числі й між вчорашніми супротивниками.

З іншого боку, не менш важливим завданням конференції, як і інших подібних заходів у майбутньому, є розв'язання певним чином морально-етичної проблеми. Потрібно надавати сім'ям і родинам загиблих військовополонених й інтернованих будь-яку, навіть незначну, інформацію, яка змогла б пролити світло на нелегку долю їхніх рідних і близьких. І щодо цього вже зроблено певні кроки.

Завдяки пану Райнхарду Отто, одному із організаторів конференції, та місцевому священику Української греко-католицької церкви отцю Миرونу Мольчко вдалося отримати архівні документи на щонайменше 8 тисяч осіб, здебільшого українського походження, які загинули у таборах, а також внаслідок зазначеної вище трагедії на озері Мьон. Частина цих прізвищ у перекладі з німецької оприлюднюється. Близькі полонених й інтернованих, які знайдуть своїх рідних у списку, мають можливість отримати про них детальнішу інформацію після письмового звернення до автора публікації через «Сільські вісті».

Анатолій Чайковський
«Сільські вісті», 19 травня 2005 р.

У КОЖНОГО ПОЛЕГЛОГО Є ІМ'Я

Конференція відбулась у Києві з 2 по 4 червня 2006 року. Організували її Державна міжвідомча комісія у справах увічнення пам'яті жертв війни та політичних репресій при Кабінеті Міністрів України, Об'єднання «Саксонські меморіали» в пам'ять жертв політичного терору (ФРН), Академія управління Міністерства внутрішніх справ України, Служба розшуку Німецького Червоного Хреста, Державний комітет архівів України, Служба безпеки України, Німецька народна спілка догляду за військовими похованнями.

На урочистому відкритті конференції, що відбувалося в Академії управління МВС, зокрема, виступили: Надзвичайний і Повноважний Посол Федеративної Республіки Німеччина в Україні Дітмар Штюдеманн; другий секретар Посольства Фінляндської Республіки в Україні Юкка Пая-Рінен; президент Німецької народної спілки догляду за військовими похованнями Райнхард Фюрер; представник Уповноваженого з культури і засобів масової інформації Федерального уряду Німеччини Райнхард Вайгерт; голова Державного комітету архівів України Геннадій Боряк; керуючий справами Об'єднання «Саксонські меморіали» Норберт Хаазе; народний депутат України, голова редакційної ради газети «Сільські вісті» Іван Сподаренко; відповідальний секретар Державної міжвідомчої комісії у справах жертв війни та політичних репресій при Кабінеті Міністрів України Віталій Казакевич; представник генерального секретаріату Німецького Червоного Хреста Ульріх Аустермюлле; генерал-майор міліції, ректор Академії управління МВС Гвоздецький; голова Комітету Міжнародної української спілки учасників війни Володимир Воронцов; заступник начальника Воєнно-меморіального центру Збройних Сил Російської Федерації Андрій Таранов; керівник меморіального комплексу «Зенне» Вернер Буш; старший науковий співробітник Документаційного центру Об'єднання «Саксонські меморіали» Александр Харитонов.

В урочистому відкритті взяли участь також Надзвичайний і Повноважний Посол Угорської Республіки в Україні Янош Тот; радник-посланник

Посольства Російської Федерації в Україні Євген Пантелєєв; голова Комісії у справах колишніх партизанів Великої Вітчизняної війни 1941–45 років при Верховній Раді України Василь Коньков.

В обговоренні проблем взяли участь дослідники теми військового полону з Польщі, Росії, Білорусі, Фінляндії, Угорщини.

Навесні минулого року, коли світ відзначав 60-річчя Перемоги у Другій світовій війні, до редакції «Сільських вістей» завітав знаний в Україні історик, проректор Академії управління МВС Анатолій Чайковський. «Цю інформацію повинні знати тут, в Україні, — мовив тоді професор і поклав на стіл голові редакційної ради газети Івану Васильовичу Сподаренку дві теки. — Тут прізвища наших людей, радянських солдатів, які під час війни потрапили в полон і загинули там, на чужій землі. Це списки лише з одного фашистського табору шталаг 326. Рідні цих людей досі не мають про них ніякої інформації». А їх імена відомі. Якщо зможете, надрукуйте. Вирішили одностайно — друкувати.

Цей момент, який став початком ще однієї нової сторінки в історії нашої газети, пригадав Іван Васильович Сподаренко, виступаючи на міжнародній конференції. «На той час ми стояли перед вибором: варто чи ні газеті, яка виходить лише тричі на тиждень, розпочинати цю справу, адже списки займатимуть чимало газетної площі. Мені приємно, що всі журналісти без винятку погодилися віддати велику площу на публікацію цих прізвищ. Це свідчить, що вони не байдужі до долі рідних тих людей, які постраждали від війни».

Зрештою, це і не випадково. Тема війни для працівників «Сільських вістей» дуже близька. Ми систематично публікуємо добірки листів людей, які шукають своїх бойових побратимів, а також рідних, що пропали безвісти під час війни. Це рубрика «Відгукнися, товаришу!». 60 років минуло після війни, але і досі надходять до неї листи. Друкуємо листи і тих, хто загубив свою родину у воєнному вирі чи в мирний час і не може знайти. Так, минулого року завдяки «Сільським вістям» та А. С. Чайковському Олена Душка з Калуша, що на Івано-Франківщині, через шість десятиліть по війні нарешті знайшла свою родину, вперше в житті побачила фото мами, яка загинула в неволі. Коли на початку 90-х розпочалися виплати колишнім примусовим працівникам, так званим «остарбайтерам», ми активно взялися допомагати цим людям. Нині серйозно опікуємося темою: діти війни.

Справилися власними силами

Робота над списками, які ми отримали на німецькій мові, вимагала багато часу і зусиль. Столичні бюро перекладу, в які зверталися за допомогою, виставили звичайну таксу, залежно від кількості знаків... Сума виявилася чималою. Тож вирішили справлятися власними силами. До

того ж потрібно було зробити не лише суто технічний переклад. Завдали клопоту розбіжності та особливості слов'янського і романо-германського алфавітів та слововживань, особливості написання та звучання українських прізвищ, географічний чинник тощо. Велике спасибі за підтримку і допомогу моєї вчительці німецької мови Тамарі Іванівні Руденко. Полишала недополеним город і бралася за роботу, аби встигнути до здачі чергової полоси звірити прізвища.

З травня по грудень 2005 року було опубліковано 3521 прізвище військовополонених табору шталаг 326. На ці публікації до редакції надійшло майже чотириста листів-відгуків.

Всі листи від людей, які знайшли рідне прізвище у списках, було систематизовано. Складним і забарним був процес опрацювання, аби встановити істину. Адже в наданих нам списках містилося вкрай мало інформації про загиблого — прізвище, ім'я, дата та місце народження (найчастіше останнє було зазначено лише як область). Тож були непоодинокі випадки, коли на одне прізвище відгукувалося кілька зовсім незнайомих між собою осіб, які розшукували різних людей, котрі мали одне й те ж ім'я, прізвище і навіть (був і такий випадок) — рік народження. Єдина визначальна розбіжність — це здебільшого по батькові загиблого. Рідше — село. Саме ця уточнююча інформація зазначалася у спеціально розроблених у редакції таблицях, які ми й передавали до Німеччини. Ми свідомо додали собі чимало роботи, бо ж добре розуміли, скільки переживань зазнали люди відтоді, як прочитали рідне прізвище на сторінках «Сільських вістей». У нашій дослідницькій роботі нас самовіддано підтримував Александр Харитонов, старший науковий співробітник Документаційного центру Об'єднання «Саксонські меморіали».

Більшість копій документів уже в Києві. Невдовзі рідні військовополонених їх отримають. Інші — ще потребують доопрацювання і перевірки.

Водночас було введено у комп'ютерну базу повну інформацію про рідних загиблих, які відгукнулися на публікацію, аби при надходженні документів з Німеччини люди якнайшвидше змогли отримати потрібну інформацію.

Згасла надія, воскресла істина

Перший список ми опублікували 19 травня 2005 року. Невдовзі надійшов лист від Григорія Шаповаловського із Черкащини. Чоловік розповів, що він теж був невільником шталагу 326. Йому пощастило вижити. А ось його фронтний побратим Ілля Гудзь навічно залишився там, у чужій землі.

Невдовзі була опублікована друга добірка списків, третя. Перший лист отримали наприкінці червня від родини Бровченків із Сумської області. «До глибини душі були схвильовані, коли в статті «Загинули в неволі»

Зустріч у редакції. Голова редакційної ради газети «Сільські вісті»
І. В. Сподаренко розповідає гостям редакції про нашу газету

прочитали знайоме прізвище: Бровченко Кузьма, 12.10.1903. Сумнівів не було — це наш батько і дідусь, якого вважали таким, що пропав без-вісти 1941 року».

Із майже 400 листів, викликаних публікацією списків, — 173 від людей, які знайшли рідне прізвище. Кожен такий лист сповнений болу, тривоги, вдячності.

«Навесні 1940 року ми всім селом проводжали брата Василя в армію, — читаємо в листі від Павла Івановича Яцкова із Вінниччини. — Я, малий, здавалося, літав від радості, що мій брат — червоноармієць. До початку війни Василь надіслав нам кілька листів. Розповідав, що служить недалеко від польського кордону, в артилерійській частині. Обіцяв, що скоро приїде у відпустку... Але рідні Василя так і не дочекалися. Відколи розпочалася війна, про нього жодної звістки. Після Перемоги ми писали листи в різні військові інстанції, хотіли хоча б щось дізнатися про долю брата. Звідти лише одне: «даних немає»... Всі ці роки хотілося вірити і вірили, що незрадлива доля десь на планеті прихистила нашого брата і він колись озветься. З надією в серці померла мама. Все життя сподівався на це і я. Згасла моя надія, коли з газети дізнався страшну правду: мій брат загинув у полоні... Тяжко. Неймовірно тяжко. Але водночас дуже вдячний вам за цю інформацію. Тепер знаю, де знайшов останній прихисток мій брат, де спочиває вічним сном».

Григорій Миколайович Компанієць із Дніпропетровщини, коли відкрив один із номерів нашої газети, де було опубліковано списки

військовополонених, не повірив очам. Рідню покликав, бо від хвилювання розпливлися всі літери. Адже там, поруч, стояло два рідних прізвища — Компанієць Микола та Компанієць Олексій. «Моя бабуся, — дізналися з листа, — провела на війну в один день відразу ж двох синів і чоловіка. Повернувся лише наш батько, Микола Миколайович Компанієць. Від чоловіка, нашого дідуся, і старшого сина Олексія бабуся не отримала з фронту жодної звістки». Із особових архівних справ на батька і сина Компанійців, що їх отримали на конференції, Григорій Миколайович дізнався про такий дивовижний збіг. Обоє Компанійців — і батько, й син — потрапили в полон майже в один і той же час, у травні 1942: Микола — під Харковом, а Олексій — у Криму. І потрібно ж було так скластися долі, що батько і син в один і той же день «прибули» в шталаг 326. Напевно, там і зустрілися, адже їх реєстраційні табірні номери йдуть один за одним. Того ж таки 1942 року Микола та Олексій Компанійці померли від виснаження. Спершу, у листопаді, батько. А рівно через місяць і один день — син. Нині спочивають вічним сном рідні люди майже поруч... Тільки земля чужа. І небо не таке сонячне, високе, чисте, як на рідній Дніпропетровщині.

Страхіття війни забути неможливо

Робота конференції розпочалася 2 червня, а напередодні деякі з її учасників — дослідники військового полону з Німеччини, Росії, Фінляндії, України — побували у «Сільських вістях». Поміж наших гостей — і Ульріх Аустермюлле та Хансйорг Кальцик із Німецького Червоного Хреста, Клаус-Дітер Мюллер, керівник Об'єднання «Саксонські меморіали» та його колега Александр Харитонов, Райнхард Вайгерт, представник Уповноваженого з культури і засобів масової інформації Федерального уряду Німеччини, яких сфотографував наш фотокор у день приїзду в Україну (фото вміщено на першій сторінці газети 1 червня).

Про що говорили? Голова редакційної ради Іван Васильович Сподаренко розповів про газету. Про те, що «Сільські вісті» мають найбільший в Україні тираж, а читають газету ще більше. Через скруту, в якій нині перебуває українське село, люди часом передплачують один примірник на 5, а то й 12 дворів. Передають газету із рук в руки. Така інформація здивувала і зацікавила гостей. Історик з невеликої Фінляндії відразу ж розгорнув газету на незрозумілій для нього мові: у «Сільських вістей» читачів майже стільки, як жителів у його країні.

Говорили про війну та про людей на війні. Іван Васильович пригадав своє воєнне дитинство. Під час окупації села йому було десять років. Його рідне село, велике і заможне, німці не знищили, але в кожному дворі були окопи, де люди рятувалися від бомбардувань. Пригадав і дві

зустрічі з людьми у фашистській формі, які залишили у його серці світлі спогади. Перша — із молодим солдатом, який дозволив йому, сільському хлопчаківі, прокататися верхи на своєму коні. Та ще й у сідлі. Інший — з літнім німцем, який носив обіди у госпіталь, де лікувалися поранені радянські військовополонені і де лікувався сам Іванко від травми, отриманої від молотарки. До малого хлопця той чоловік був дуже добрим. Побачивши, що той малює гральні карти для старших товаришів, носив йому обгортки з-під цигарок, аби карти були міцніші. «Напевно, той німець, дивлячись на мене, — говорив Іван Васильович — пригадував свою родину, дітей. У нього на очах часто були сльози».

У Володимира Васильовича Біленка, заступника головного редактора газети, інші спогади, пов'язані з війною. Коли фашисти ввійшли в село, то відразу ж у центрі села на найвищому дереві повісили трьох радянських активістів. Коли в село зайшли радянські солдати, то на цьому ж дереві вони повісили трьох фашистських вояків. «Особисто я переконаний, — говорив Володимир Васильович, — що такі картини для дитячої психіки не потрібні. Але, кому таке випало, пам'ятати це слід».

Дослідники з-за кордону розповіли про особливості пошукової роботи, її проблеми і труднощі.

«Хочеться, щоб благородна справа, яку ми разом розпочали, — сказав на закінчення І. Сподаренко, — мала своє логічне продовження. Потрібно вирішити, як максимально спростити процедуру оформлення документів для людей, що їдуть до Німеччини не на розваги, не на заробітки, а відвідати могилу близької людини». І зачитав гіркого листа з Луганщини від Олексія Миколайовича Авраменка, який ще в 1991 році дізнався, що його батько помер у таборі шталаг 326, а публікація в нашій газеті лише підтвердила це. Проте через бюрократичну тяганину та грошові нестатки чоловік не може поїхати до Німеччини. «Скажіть, — з гіркотою пише луганчанин, — чому діти солдатів, які загинули в неволі, в Німеччині, не можуть без перешкод відвідати могилу рідної людини? Моя спроба закінчилася невдало. І від цього так тяжко на душі. Адже довкола всі тільки й говорять, що про примирення та відкриті кордони».

Водночас представники Німеччини зазначили таке. «Ми розуміємо, що велика кількість людей досі не знають, де поховані їхні родичі. І тим більше розуміємо їхні прагнення поїхати на могилу рідної людини, коли нарешті, через багато десятиліть, така інформація стала відома. Проте ми можемо запросити лише кількох, фінансувати їм поїздку, але не всіх. Тому і передаємо документи. Ми не можемо повернути загиблих, але ми можемо повернути імена полеглих. Ми щиро дякуємо «Сільським вістям» за те, що надрукували ці списки...»

Затівали війни політики, розплачувались — народи

Конференція розпочалася так, як зазвичай починаються такі представницькі заходи. Звучали привітання від високих посадових осіб України і Німеччини, вітальні слова членів конференції з різних країн... Всіх їх аудиторія зустрічала тепло і щиро. Якою б мовою не говорили промовці, всі виступи об'єднувало одне: страхіття минулої війни не повинні повторитися. Нам, українському і німецькому народам, немає що ділити. Володимир Воронцов, голова Комітету Міжнародної української спілки учасників війни, сказав: «У світі загинули мільйони людей від цієї війни. Воювали не народи, воювали політики. Радянський народ воював не з німецьким народом, він воював із фашизмом. Говорити словами цієї конференції про примирення народів необхідно не лише нам, але й майбутнім поколінням для того, щоб у XXII столітті знову не збиратися на конференцію, аби примиритися від якоїсь жорстокої війни XXI століття. Війна завершиться тоді, коли буде похований останній солдат».

Попри це, в залі відчувалася напруга чекання. Та й аудиторія була трохи незвична як для таких академічних заходів. Поміж поважних наукових мужів були селяни. Їх легко відрізнити від інших — натруджені руки, засмагли, обвітрені обличчя. То рідні деяких із військовополонених табору шталаг 326, котрі знайшли прізвища у списках, що їх публікувала наша газета, прибули на зібрання.

Кульмінацією конференції, безсумнівно, було вручення копій особових документів рідним військовополонених. Із 38 сімей, яким редакція надіслала запрошення, приїхали лише 14. Я не раз розмовляла по телефону з цими людьми перед тим, як вони збиралися в дорогу. Я бачила, як хвилюються вони перед початком конференції...

Вручали документи Райнхард Фюрер, Клаус-Дітер Мюллер та Вернер Буш. Першою, так співпало і водночас це так символічно, документи отримала десятирічна киянка Аня Крініцина, правнучка солдата Антона Алексеєнка. Заблискали фотоапарати, застрекотіли камери. А погляд дитини не на них, а на заповітний документ. Скільки разів вона чула розповідь і від дідуся, і від мами про прадіда Антона, який пропав безвісти...

Валентина Володимирівна Яланська із Чернігова, внучка солдата Івана Слесаря, не може стримати сліз: у документі, що їй передала німецька сторона, є і фото її дідуся. Змарнілого, виснаженого. «Не знаю, як мамі це показати... Скільки себе пам'ятаю, у нас дома, на стіні, — портрет дідуся, ще довоєнний. На ньому він усміхнений, круглолидий, вітер кучері розвіває... Що ж війна з людьми робила... Добре, що мама не приїхала, могла б не витримати».

Аня Крініцина отримала довгождану в сім'ї інформацію з Німеччини. Документи вручають Райнхард Фюрер, Вернер Буш та Клаус-Дітер Мюллер

Діти, внуки, племінники військовополонених, які в роки війни загинули у фашистському таборі шталаг 326 (зліва направо): Ткаченко Р. О., Костенко Н. О., Широкоступ М. Ф., Кічко О. М., Гапей Г. І., Ткаченко О. В., Корба М. П., Маяковська І. В., Гарнік В. Д., Стадник О. С., Бровченко Б. К., Яланська В. В., Бровченко С. Б.

Шталаг 326, або «Зенне»

Що ж це за табір такий, шталаг 326, інформацію про військовополонених якого ми публікували? Із доповіді Вернера Буша, керівника меморіального комплексу «Зенне», ми дізналися таке. 13 червня 1989 року стало днем примирення у Штукенброке-Зенне: цвинтар відвідала Раїса Горбачова. Її супроводжували дружини високопоставлених осіб Німеччини.

...Перші два ешелони із чотирма тисячами полонених червоноармійців прибули в Зенне 7 липня 1941 року. Ніяких приміщень для проживання не було. До пізньої осені 1941 року військовополонені жили у примітивних норах. Потім привезли окремі частини бараків, які полонені самі збирали. Гігієнічні умови були жахливими. Голод і хвороби визначали життя цих людей. На момент звільнення американцями шталагу 326, 2 квітня 1945 року, через цей табір пройшло понад 280 тисяч радянських військовополонених. Близько 16 тисяч невольників загинуло там. Нині на місці поховань — 36 доглянутих братських могил, кожна довжиною понад 100 метрів. Біля кожної — пам'ятники. Та спільний 10-метровий обеліск при вході, який нагадує про муки і смерть невольників.

З липня 1996 року діє центр збору і зберігання інформації шталагу 326...

«Пам'ять світу». Табір «Цайтхайн»

Наступного дня роботи конференції директор Державного архіву міста Київ Віра Купченко передала німецькій стороні копії документів табору «Цайтхайн», які зберігалися в цьому архіві. То не адміністративні документи, то задокументовані результати роботи патологоанатомічної судової експертизи спеціальної комісії із розслідування злочинів, вчинених фашистами в таборі для військовополонених у місті Цайтхайн. Дослідження проводили майор медичної служби, професор Іскра, як армійський патологоанатом і судмедексперт, та начальник санітарно-епідеміологічного загону, капітан медичної служби Губар. Хронологічні межі документів: серпень 1946 — жовтень 1948 років. Документи об'єднано в 13 справ, в яких є протоколи ексгумації, схеми цвинтарів, фотознімки розкопаних захоронень. Загальний обсяг — 359 сторінок. Ці документи шістнадцять років тому передала держархіву дружина професора.

Голова Державного комітету архівів України Геннадій Боряк вважає, що передані документи близькі за змістом і такі ж важливі для вивчення історії, як і «Архів Варшавського гетто». Останній, до речі, включено ЮНЕСКО до світового реєстру найцінніших документів під назвою «Пам'ять світу» поряд із автографами Шопена та Коперніка. Цінність

Уявляєте? Весь цей час документи на наших людей, які загинули в неволі, перебували на території Радянського Союзу, а їхні рідні страждали від невідомості, писали запити в архіви і не отримували ніякої інформації. Як же треба було зневажати власний народ, щоб зважитися на таке! Відібрати найсвятіше — право знати правду про долю рідної людини. В цьому антинародна, антигуманна суть сталінського режиму.

Нині німецькі історики спільно із російськими, українськими та білоруськими колегами опрацьовують ці документи в архівах на території колишнього СРСР. Дослідники із об'єднання «Саксонські меморіали» вірять, що з часом за цими та іншими документами, пошук яких триває, можна буде встановити точну кількість військовополонених, що перебували на території рейху. І лише тоді більш детально можна буде говорити і про долю кожної конкретної людини з 400 тисяч військовополонених. Проте значна кількість радянських військовополонених не потрапили до рейху, а загинули в дорозі чи на окупованій території, так і не пройшовши реєстрації. Інформації про цих людей сьогодні майже немає. Їхня доля залишається невідомою.

* * *

Четвертого червня Третя міжнародна конференція з проблем військового полону закінчила роботу. У понеділок гості української столиці відбули у свої країни. А відстані між учасниками-дослідниками скоротилися, як і відстані між нашими народами, між тяжкою невідомістю і хоч і гіркою, та все ж істиною.

Людмила Шмиг

*Фото Олександра Литвиненка.
«Сільські вісті», 8 червня 2006 р.*

НЕ ПРОПАВ БЕЗВІСТИ, А ЗАГИНУВ

Мільйони родин у колишньому СРСР у грізні роки війни одержали позначені тривожною невідомістю повідомлення: ваш чоловік (син, батько, брат) пропав безвісти. А той, насправді, міг потонути при форсуванні ріки, загинути, потрапивши в оточення, сконати в болоті чи в лісі від ран, померти у ворожому концтаборі як військовополонений. У 2005–2006 рр. з волі голови редакційної ради, народного депутата України І. В. Сподаренка редакція «Сільських вістей» провела велику за масштабами роботу з пошуку тих, хто помер у німецькому полоні. Тисячі прізвищ загиблих лише у шталазі 326 і похованих на місцевому цвинтарі було опубліковано на сторінках газети, опрацьовано понад півтисячі листів-відгуків, проведено численні робочі консультації з німецькою стороною, систематизовано й скрупульозно проаналізовано всі, до найменших подробиць, відомості про кожного, згаданого у списках... Зрештою, у червні 2006 року у Києві відбулася Міжнародна наукова конференція «Військовий полон та інтернування: 1939–1956. Погляд через 60 років» з активною участю «Сільських вістей». Одне із засідань конференції відбулося в редакції нашої газети. Особливо хвилюючим було вручення рідним загиблих військовополонених копій особистих документів, виготовлених у Німеччині. Тоді їх одержали 14 українських родин...

Ця трудомістка, але благородна робота триває досі. Аби полегшити одержання документів, редакція вирішила наблизити процедуру до людей — вручати документи за місцем проживання родичів. Цю місію доручено власним кореспондентам газети в областях. Сьогодні починаємо публікацію їхніх розповідей про пам'ятні події.

«У кожного полеглого є своє ім'я!» — такий наш девіз у пошуковій роботі. Дбаймо про це всі.

У сиріт жевріла надія...

— Мені, єдиній у сім'ї дитині, було лише два рочки, як батько пішов на фронт. Тому не запам'ятався, знаю його лише зі старенького вицвілого

фото. Часто дивилася на той знімок, який донині бережу, і все запитувала у мами: коли ж прийде тато? Не відала вона, що й відповісти. Хоч оте «Пропав безвісти» усе ж вселяло нам обом якусь крихту надії. Та не судилося матері на її вдовиному віку дізнатися, що за тією безвістю. Я ж, спасибі «Сільським вістям», дочекалася останньої вісточки від батька...

Євгена Олександрівна Будзінська не стримує сліз, притискаючи до себе отриманий від редакції нашої газети документ — ніби він здатен зігріти її, на жаль, самотню старість. Зволожуються очі в селян, в учнів і вчителів Михайлівської школи Дунаєвського району, у краєзнавчому музеї якої відбувалася та незвичайна, уявна зустріч дочки та батька — Олександра Федоровича Ляшука. Надто скупі відомості про нього зберіг листок особової справи, заведеної у фашистському концтаборі: хлібороб, далі — фронтовик, військовополонений, котрий загинув у неволі «від виснаження». І дата та місце поховання. Навряд чи зможе добратися до далекого німецького містечка Євгена Олександрівна, щоб вклонитися батьковому праху, посадити кущ української калини і зросити його гіркою сирітською сльозою. Але сьогодні наче трохи полегшало їй на душі — вже не обтяжує невідомість. До того ж по-особливому відчула людську чуйність і розраду.

— Глибоко розумію ваше хвилювання, — звернувся до Євгени Олександрівни земляк, професор історії Кам'янець-Подільського університету Віктор Прокопчук, якого ця подія зацікавила не лише як знаного краєзнавця. — Як і ви, я усе своє дитяче і навіть значну частину дорослого життя чекав повернення батька. І досі почуваюся обділеним, бо мені завжди його не вистачало. Передусім, що не пізнав духовної його підтримки, не відчув надійного плеча, об яке можна обпертись. Лише через багато літ я відвідав місце його останнього спочинку в братській солдатській могилі у Польщі та схилив свою голову. Тож повернення із небуття батька, в якому б віці це не сталося, таки свято. Хоча й сумне. Тому теж хочу подякувати газеті «Сільські вісті», котра робить цю добру справу. Власне, завдячуючи пошуковій роботі редакції нині стала відомою доля ще одного — 117-го нашого односельця, життя якого забрала та страшна війна.

— У Шебутинцях сусіднього Новоушицького району на таку ж незвичайну зустріч із батьком — Сергієм Дем'яновичем Ялковським чекали троє дітей. На жаль, тільки троє, бо двох уже не стало. Разом із Віталієм Сергійовичем, сином загиблого у фашистському концтаборі фронтовика, виглядали останньої звісточки від батька дочки Тамара і Ганна, а також численна рідня.

— Якось перестрів мене Микола Михайлович Гайдук, колишній директор школи і мій вчитель: «У газеті «Сільські вісті», яка публікує списки військовополонених українців, згадується ваше прізвище. Чи не про

батька йдеться?» — повертається спомином у недалеке минуле Віталій Ялковський.

Новина швидко облетіла село. Вчителька місцевої школи Неоніла Татаїшин, яка доводиться родичкою Віталієві Сергійовичу, допомогла йому написати листа до «Сільських вістей», де висловлювалася переконаність: Сергій Дем'янович Ялковський — саме той, кого багато літ з надією виглядали у Шебутинцях дружина і п'ятеро дітей. Це згодом підтвердив і документ, який редакція отримала з Німеччини та недавно передала нащадкам загиблого воїна. Куці відомості, зафіксовані на пожовклому листку з концтабірного архіву, свідчать: фашистські поневолювачі живили зі світу полонених нелюдськими умовами утримання і каторжною працею.

Важко жилося осиротілій сім'ї у повоєнні роки. Ой, як же не вистачало батька! Був він добрим столяром, руки якого уміли геть усе. Скільки ж користі міг принести для рідні й села!..

Зайшла наша розмова із представниками чи не найбільшого у Шебутинцях роду Ялковських (на зустріч із кореспондентом, як хтось напівжартома зауважив, прибула лише «надводна частина того «айсберга») і про нинішнє життя-буття. Рідшає, нарікають, його колись могутнє генеалогічне дерево. Та й узагалі переводиться селянський рід. Скажімо, у перший клас уже заледве набирається четверо-п'ятеро діточок. Безробіття змушує молодь покидати рідні місця. Підупалому тутешньому господарству вкрай потрібна інвестиційна підтримка. Усе дужче беруть село в лещата ізоляції розбиті дороги: «Автобус пробивається до нас тільки у п'ятницю, неділю і в понеділок. Спробуй, доберися, скажімо, до лікарні в Нову Ушицю».

І знаєте, про що подумалося? Про кричущу несправедливість: село, яке зазнало стільки втрат — від колективізації, голодоморів, війни, і нарешті мало б зажити по-людськи, тепер ніби навмисно втоптується у болото безпросвітку, позбувається майбутнього. За які ж провини такі тяжкі жертви?

Зенон Михлик,
Хмельницька область.
«Сільські вісті», 15 грудня 2006 р.

ЯКБИ Ж НЕ ВІЙНА

На жовто-червоному прапорі села Красносілка, що в Олександрівському районі на Кіровоградщині, зображено вітровий млин як символ вічного буття і труда. А два кольори символізують стиглий лан пшениці й мирне життя, за яке в роки Великої Вітчизняної війни селяни гірко заплатили власною кров'ю. З території Красносілківської сільради на фронт пішло 795 чоловік, а повернулося 373. У братській могилі села вічним сном покояться 705 солдатів, молоді життя яких покладені на оltар Великої Перемоги.

«Ми ні на день не забуваємо про це, як і не забуваємо й про ветеранів війни та їх родини», — наголошує сільський голова Іван Олександрович Богаченко.

Матеріали про фронтовиків-односільчан зібрані у сільському музеї та в кімнаті бойової слави місцевої школи. Віднині до музейних експонатів додасться іще один — облікова картка на військовополоненого Олексія Коляду, уродженця села Бандурове цієї ж територіальної громади, який загинув у фашистському концтаборі «stalag 326» в Німеччині. Цю реліквію редакція «Сільських вістей» передала племінниці загиблого Галині Панасівні Кулинич.

З цієї нагоди чимало жителів зібралось у сільраді. Найбільше хвилювалися Галина Панасівна та її двоюрідний брат Михайло Семенович Коляда, які прийшли одержувати документ — єдине, що залишилося від їхнього рідного дядька Олексія Гнатовича Коляди, який загинув у фашистській неволі.

Не приховуючи сліз і хвилювання, жінка щиро дякувала редакції «Сільських вістей» і зокрема Людмилі Шмиг за проведену пошукову роботу, а селяни так і казали: «Передаємо подяку нашій дорогій газеті-сільськовістянчці — від Красносілки аж до Києва!»

Ми розговорилися з Галиною Панасівною та Михайлом Семеновичем. Вони повідали, що їхня родина велика. У Марфи та Гната Коляди було шість синів: Семен, Свиридін, Іван, Олекса, Панас, Прокіп. Майже всіх забрала війна. Тільки не всі брати встигли залишити по собі

Галина Панасівна Кулинич та Михайло Семенович Коляда.
Не приховати хвилювання...

цвіт — дітей. А в кого народилися, то вже давно вирости, мають своїх дітей та онуків. Якби ж то не війна, яка б рідня була потужна та щаслива! Та, на жаль, і досі невідома доля Івана й Прокопа. Щоправда, колись далекий знайомий, що приїздив з Баку у гості в Красносілку, повідав, що нібито там десь читав у газеті, що його землякові Прокопу Гнатовичу Коляді присвоєно звання Героя Радянського Союзу, посмертно.

— Куди ми тільки не писали, — каже Галина Панасівна, — але відповіді так і не діждалися, так нічого й не знаємо про долю нашого дядька Прокопа. Донині не знали і про долю дядька Олекси. У День Перемоги завжди приходимо до пам'ятника загиблим воїнам, що у селі, постоїмо, посумуємо, та й ідемо. А тепер завдяки нашій улюбленій газеті, яку я передплачую майже сорок років, ми знаємо іще про одного нашого родича. Відчуваю тривогу і біль в душі, яких мук він зазнав у полоні, як йому тяжко було... А вдома ж залишилось троє діточок...

Того ж дня ми побували і в сусідньому селі Трилісі цього ж Олександрівського району, і вручили родичам документи на військовополоненого Филімона Павловича Дему, який також загинув у фашистському концтаборі «stalag 326».

В організації вручення документів велику допомогу надав заступник голови Кіровоградської обласної ради, член Соцпартії Яків Андрійович Бондар. А місцеві журналісти, спасибі їм, подбали, щоб акція набула широкого розголосу.

Катерина Ковальчук,
Кіровоградська область.
«Сільські вісті», 15 грудня 2006 р.

«А ВИ НЕ БАЧИЛИ НАШОГО БАТЬКА?»

Валентина Тур працює листоношею у Маломихайлівці Покровського району. Поміж газет, які розносить, — і «Сільські вісті». З якимось незбагненим передчуттям перечитувала вона торік у нашій газеті списки військовополонених гітлерівського табору шталаг 326. І пам'ятає, як угледіла у них прізвище свого дідуся — Загреби Юхима Свиридовича.

— Давно померли і бабуся моя, Векла Василівна Загреба, і моя мама, Олена Юхимівна Павлюк, — говорить Валентина Володимирівна, — але обидві до скону пам'ятали і згадували Юхима Свиридовича. Адже лише у 1946-му прийшла на нього похоронка. Вірніше, повідомлення, що пропав безвісти. І більше ні слова, ні півслова. Ні де пропав, ні коли пропав. Оскільки з'явилася можливість, я вирішила узнати, що ж насправді сталося з моїм дідусем.

За участю голови ради ветеранів Покровського району Анатолія Курноса та голови сільської ради Івана Драного, а також колег-листонош поштового відділення Маломихайлівки, ми і вручили жінці довідку, підготовлену за архівами гітлерівського табору полонених. У ній говориться, що її дідусь, потрапивши в неволю, не витримав злої долі і 30 червня 1944 року помер. Похований на території Німеччини, у містечку Далюме, район Меппен. Там, на кладовищі, його могила під номером 1331/13.

На цьому ж кладовищі, майже поруч, — могила № 1325/16 — поховано і Платона Овсійовича Юденка. Ось як воно сталося, ось де зустрілися земляки: на війну Платона Юденка мобілізували з сусіднього, через кряж, села Гаврилівка. Звідки у «Сільські вісті» написали дочка і син Платона Овсійовича — Ніна Платонівна і Олексій Платонович Юденки.

— Якби тільки знали ви, — скупою чоловічою сльозою заплакав, приймаючи документи, Олексій Платонович, — що нам довелося зазнати. Батька як забрали, від нього ж ніякої звісточки не надійшло. У селі розцінили так, що це він першим з гаврилян і загинув. То мама, Марія Пантелеймонівна, від горя упала у смуток і занедужала. Та так, що навесні 1942-го й померла. Зосталося нас троє самотніх дітей — найменшому, Миколці, й двох рочків не було. Утръох і виживали, вчилися і хазяйнували. І все

життя я та Ніна, що були старшими, перед своїми очима матір і батька бачили, як живих. Розмовляли з ними, радилися, ділилися і бідою, і радістю. Від цього, може, і сили черпали, які допомогли не розгубити одне одного і стати людьми...

Ще одна копія реєстраційної картки військовополоненого довгожданою, але ж печальною за своєю суттю звісткою надійшла у домівку Галини Тимофіївни Келембет, яка мешкає у селі Червоногригорівка Нікопольського району. Її батько, Тимофій Лукич Малий, також загинув у фашистській неволі.

— А ми ж, як тільки село звільнили, і почали вертатися демобілізовані, з сестрою Раєю і по двічі та тричі на день ходили на залізничну станцію, перестрівали кожного і питали: «А ви не бачили нашого татка? Може, знаєте, де він і коли прийде?» — читаючи отриманий документ, тремтячим голосом промовляє Галина Тимофіївна. — Так і вирости, нікого не називаючи батьком. Мама заради нас вдруге виходити заміж не захотіла. Казала, що тато нас дуже любив...

Далі Галина Келембет, відповідаючи уже на запитання журналістів районної газети «Південна зоря», повідала таке: коли у Дніпровських плавнях, котрі буяли на місці нинішнього Каховського моря, появилися партизани, її та Раїна мама, Агафія Павлівна Мала, допомагала їм. Як? Пекла хліб. «Напече було, — згадує жінка, — на нас гримне: «Цитуйте, сидіть тихо, як мишенята», а сама хліб у пелену — і в плавні. Одного разу навідалася тітка-сусідка і давай маму вчитувати: «Навіщо це ти робиш, навіщо собою і дітьми ризикуєш?» — «Якщо я нося партизанам, — сказала мати, — то і моєму чоловіку хтось дасть кусок хліба. Та й чи впаде підозра на таку маленьку, як я?»

Але впала. Якось дівчатка сиділи зачиненими, поки мама подалася у плавні. Раптом у шибку грюкнув поліцей з місцевих. «Де мати?» — закричав. «Ми не знаємо», — злякалися сестрички. Та тільки тут і мама у двір. Чомусь з телям, яке залигала мотузкою.

— Слухай, Гапко, — накинувся поліцей, — дійшли до мене чутки, що ти партизан у плавнях годуєш. Оце зараз звідки забрюханою вертаєшся?

— Хіба не бачиш? — не розгубилася мати. — Теля відірвалося і забігло у плавні. Ледве його там знайшла та спіймала.

Теля, виходить, врятувало. Випадково чи навмисне «забігло» воно тоді у плавні, Галина Тимофіївна зараз і не знає. Та тільки коли Агафія Мала отримала повідомлення, що її чоловік пропав безвісти, то дітям сказала: «Може ж, і там, де пропав, є плавні або ліс, і наш татко зараз у нетрях переховується».

З особливим же хвилюванням ми їхали у село Могилів Царичанського району. Хто не знає про неймовірний подвиг вихідця з цього села Михайла Панікахи? У Сталінграді, обійнятий полум'ям, він живим

факелом кинувся під ворожий танк і знищив його. Загинув, та його подвиг назвали безсмертним.

— Але не тільки Михайло Панікаха прославив Могилів. Героєм Радянського Союзу став і Ілля Шишкань, котрий також родом з нашого села, — лунає голос вчительки історії Тетяни Назаренко, яка для своїх учнів проводить урок у шкільному музеї.

І повинно було, мабуть, так співпасти, що «Сільські вісті» завітали у Могилів, коли у тутешній середній школі проводився Тиждень історії, а в його рамках і День відкритих дверей у музеї. На всю стіну там — дошки з іменами тих, хто поліг у боях і не вернувся з минулої війни. До цих пір на ній значилося 897 імен загиблих — вихідців з Могилева. Тепер же внесено ще одне ім'я — Тимофія Івановича Кайстро. Жахлива війна розпорядилася жорстоко: у Сталінграді, де здійснив свій подвиг Михайло Панікаха, його земляк Тимофій Кайстро потрапив у полон. І незабаром, у кінці листопада 1942 року, помер у лазареті все того ж табору шталаг від виснаження. Документ, який це підтверджує, розшукано на прохання сина Тимофія Івановича — Анатолія Тимофійовича Кайстро.

— Весь вік свій я, як міг, жив і трудився за себе і за батька, — говорить схвильований Анатолій Тимофійович.

— Це правда, — в один голос підхоплюють голова ради ветеранів села Володимир Гречка і голова Могилівської сільради Валерій Дружко. — Чудовим механізатором і комбайнером був син солдата. Один лише факт. Комбайн КСК знаєте? У нас його назву розшифровували тільки так: Кайстро сам косить!

Про трагічну долю свого дідуся Пилипа Аврамовича Гури завдяки «Сільським вістям» дізнався і Валерій Гура, який мешкає у Дніпродзержинську. Документ з дідової неволі нагадав онуку і те, що йому було відомо, і те, чого ні він, ні його уже, на жаль, покійний батько, Михайло Пилипович Гура, не знали. Пилип Аврамович на війну пішов з села Бородаївка Верхньодніпровського району. Служив у санітарному батальйоні. В боях за Харків потрапив у полон. Фашистські медики визнали його «пригодним для важких фізичних робіт». А помер солдат на чужині «в результаті бомбардування».

Схожа зла доля спіткала і колгоспного конюха з села Радевичеве Широківського району Івана Григоровича Денисенка. Документ стосовно нього передано одній з його дочок Лідії Іванівні Викнянщук, яка з молодих літ живе у Кривому Розі.

— Нас у батька з матір'ю четверо дочок-сестер, — розповідає Лідія Іванівна. — То лише найстарша, Люба, ще трохи пам'ятає, яким був батько. Коли його забирали на фронт, Любі якраз виповнилося десять років. Нам же, меншим, пам'ятне інше: як після війни матуся самотужки росила і ставила на ноги нас, дівчат.

Тільки згодом, як уже подорослішають та повиходять заміж, усі четверо зрозуміють, яких душевних і фізичних сил та мук, труднощів матері це коштувало. У кожної потім склалося своє життя. І гірке, і важке, і радісне та солодке — всяке. Ось лиш на ньеньку вони не обижаються. Інша річ, що на війну обида є і залишиться назавжди. Удовині матусині страждання печуть до цих пір. Та й перед приїздом посланців «Сільських вістей» Лідії Іванівні наснилося старе пшеничне зерно. На сльози. А сліз старих не буває...

Але якби піднявся зараз зі своєї далекої могили в неволі батько! У солдата Великої Вітчизняної Івана Денисенка нині ж бо великий рід. Семеро внуків, тринадцятеро правнуків і уже двійко праправнученят.

Микола Нечипоренко,
Дніпропетровська область.
«Сільські вісті», 19 грудня 2006 р.

«ЦЕ Ж МІЙ РІД, МОЄ ПРАВИКОВЕ КОРИННЯ»

Коли в редакції «Сільських вістей» читали листа від 78-річного Олександра Марковича Іванченка, в якому той просив повідомити про долю свого загиблого у полоні батька, не могли не звернути увагу на ідеальну каліграфію, витриманість стилю, глибоку продуманість змісту. Як розповів він нам пізніше, писали того листа втрьох. Вірніше, писала внучка Юля, формулювати текст допомагала донька Світлана, ну, а вже суть справи викладав сам дідусь.

А суть така. На початку Великої Вітчизняної разом з іншими односельцями першої мобілізації пішов батько Олександра Марковича на фронт. Сашкові тоді було тринадцять років. Як нині, він пам'ятає той пором, що віз батька з Вітольдowego Броду на інший берег Південного Бугу, — пором між життям і смертю, бо більше ніхто й ніколи живим Марка Іванченка так і не побачив.

Кілька листів з фронту таки надійшло, а потім сільський поштар до Іванченків навідуватися перестав. Зажурилася важко дружина солдата Любов Давидівна, але надії не втрачала — похоронки ж не було. Сашко став у сім'ї за старшого, всю чоловічу роботу на свої ще незміцнілі плечі взяв. Так і вижили, Перемоги дочекали. Почали в село демобілізовані повертатися — а Іванченкового Марка нема. Із прибулих з війни земляків нікому про нього не відомо. Куди не писала Любов Давидівна, так відповіді й не отримала. Померла в 2000-му.

Донька згадує, що була тільки одна офіційна відповідь з військового архіву: «В лавах Червоної Армії не числиться»... І ось у 2005 році приносять добрі люди Іванченкам газету «Сільські вісті», а там серед багатьох інших — і прізвище рідне! Одрозу ж сіли писати до редакції.

Дуже раді були, коли за завданням газети приїхав до них кореспондент з офіційними документами про останній період життя Марка Терентійовича Іванченка. Як виявилось, під час виконання бойового завдання розвідник Іванченко потрапив до полону. Два роки поневірявся по різних таборах. Як правило, табірних лідерів, осіб, схильних до підбування та організації непослуху чи втеч, намагалися на одному місці

Син Марка Іванченка Олександр та правнучка Юля з листом від «Сільських вістей»

довго не тримати. За два роки неволі — з сорок другого по сорок четвертий — побував Марко Іванченко у чотирьох таборах. Але ні важка праця, ні звірячі умови утримання не зломали його козацького духу. До Перемоги залишалося якихось півроку. Протримався ж більше. Міг би, мабуть, і ще кілька місяців перечекати, перетерпіти. Але повертатися з війни приниженим солдат, очевидно, не міг.

У повідомленні, що тепер ось отримане з архівів концтабору шталаг 326, останнім є по-німецьки сухе й стисле речення: «Вбитий при спробі до втечі». Отже, тепер, через 65 років, син Олек-

сандр, внучка Світлана, правнучка Юля, інші численні родичі та земляки нарешті знають правду. Кожен з них по-своєму переживає цю звістку. Для представників старшого покоління важливо знати, де упокоївся батько та дідусь, а ось студентка Первомайського політехнічного інституту Юлія рада тим, що дізналася ще про одну важливу гілку свого генеалогічного дерева. Скоріше це не так гілка, як важлива частина кореневої системи роду. «Уявіть собі мій стан, — каже дівчина, — коли ми всією школою відзначали щороку День Перемоги. У того — дід орденоносець, у іншого — прадідове прізвище викарбуване на могилі геройски загиблих на фронті, а на мене всі поглядають скоса... Доводилося з усім цим миритися, але ж як хотілося знати правду! Це ж мій рід, моє правікове коріння!».

Просьять Іванченки передати свою безмежну вдячність усьому колективу газети, а особливо тим її працівникам, які безпосередньо доклали зусиль до не такої вже й простої пошукової роботи. А ще вдячні вони людям з Первомайщини, які допомогли донести цю довгождану вісточку до мешканців району, а також жителів двох областей, адже раніше Вітольдів Брід належав до Одеської області. На прохання «Сільських вістей», завдяки працівникам райдержадміністрації та керівництву районної ради ветеранів, про цю новину повідомлено на всерайонному пленумі ветеранів. Ефірна телекомпанія «Олта» показала подію по місцевому телебаченню. Надруковано відповідний матеріал у райгазеті «Прибузький вісник». Завдяки керівнику кабельного каналу

ТРК «Твій всесвіт» Наталії Григорівні Клименко телепередачу про повернення з небуття Марка Іванченка спочатку побачили глядачі Первомайська, а потім цей зворушливий відеоматеріал передали Миколаївська та Одеська обласні телекомпанії.

Заради одного тільки такого випадку всім нам варто працювати. Але ж подібних доль сотні! Передплатники і непередплатники, але вдячні читачі газети підходили й просили: «Не припиняйте важливої справи. Це дуже потрібно людям...»

Олександр Небогатов,
с. Вітольдів Брід, Первомайського району
Миколаївської області.
«Сільські вісті», 19 грудня 2006 р.

ДОЛІ, ОБПАЛЕНІ ВІЙНОЮ

Пісня «Біленька хатина» про вдовину долю у виконанні сільського жіночого вокального ансамблю «Калина» не залишила байдужим нікого з присутніх в актовій залі навчально-виховного комплексу села Степівка Монастирищенського району. Разом із подругами співала й багатолітня учасниця колективу Марія Самсонівна Іщук. Не могла стримати сліз, адже піснею вшанували її батька — рядового Самсона Ісаковича Іщука, що загинув у фашистській неволі.

Спасибі сільському голові Степівки Наталії Горбатюк, директору навчально-виховного комплексу Тетяні Кравчук, що процедуру передачі «Сільськими вістями» облікової картки в'язня шталагу 326 його доньці перетворили на хвилююче свято Пам'яті. Відбулось урочисте зібрання, вихованці школи зачитали прізвища усіх степівчан, які не повернулися з фронтів тієї страшної війни, вшанували їхній подвиг хвилиною мовчання, поклали квіти до обеліска у центрі села. Повернення з небуття солдата-земляка з Марією Самсонівною та її односельцями розділив також заступник голови Монастирищенської райдержадміністрації Сергій Шолудько. Він, зокрема, зауважив, що пошукову роботу «Сільських вістей» люди неабияк цінують, адже газета робить святу справу. Подякував за це редакції від імені районної влади.

— Ми з вами тепер як рідні, — просила переказати усім сільськовістям Марія Самсонівна. Вона також не з пісні знає, що таке бути вминою вдовиними сльозами. Як же бідували, коли у матері на руках їх п'ятеро залишилось. Та ще хату, де червоноармійці свій штаб розмістили, німці розбомбили. А батька, хоч, коли його забирали на клятву війну, їй ледве виповнилося чотири роки, пам'ятає. Яким добрим був, ласкавим, як любив їх, малечу, як часто приходив додому з гостинцями.

Пригадує Марія Самсонівна, як картала себе усе життя мати, що не змогла вирятувати батька з полону. А така можливість була. Тоді, в 1942 році, багато хто з жінок ходив до Умані шукати рідних у знаменитому жахах тамтешньому концтаборі. Пішла й Фросина Іщук зі старшим сином. Серед тисяч знайшли-таки. Просили відпустити, а їх запитали,

ким до війни був. Мати візьми та й скажи, що працював чоловік у сільському клубі. «Ага — комсомол...» — розмову було закінчено. «Що ж ти наробила? — бідкався Самсон Ісакович, — мене ж розстріляють». «Треба довідку від старости сільського, що ніяк не причетний до органів радянської влади», — підказав хтось. Пішла мати по ту довідку, а староста й поліцаї написали, що культпрацівник, комсомолом опікувався. «Сховай її, нікому не показуй, дітей бережи», — тільки й мовив при наступній зустрічі чоловік.

— Як же просила тих «щуцманів», — згадує матеріні розповіді Марія Самсонівна. — Аж-таки один з них, на прізвище Федоренко, заступився, каже до старости: змилуйся, у нього ж купа діток. Обдумалися, виправили документ. Побігли мама, а батька в Умані уже нема — відправили далі етапом. Там і зомліла під колючим дротом, добрі люди ледь відходили. А старший брат Степан усе тому старості казав: ніколи тобі не прощу, що батька згубив. Але, видко, Господь його покарав за сльози людські — поліз колишній староста на хату щось там підлатати, зірвався, впав і вбився.

Не пам'ятає Марія Самсонівна прізвища того чоловіка. Не пам'ятають, а може, й згадувати не хочуть й інші її ровесники-односельці. Зате у сільській Книзі Пам'яті зберігається фото Самсона Іщука, його прізвище згадують на сільських урочистостях біля обеліска Слави.

...Довгі роки шукав батька Віктор Якимович Малюк. А разом з тим шукав і дорогу на Батьківщину. Так склалося, що Яким і Ївга Малюки з двома малими дітьми змушені були у далекому 1937 році полишити рідні краї, і зі Старого Коврая, що на Чорнобаївщині, доля закинула їх аж у Таджикистан. Чи то вислали, чи втікали від репресій, Віктор Якимович не знає — мати ніколи не розповідала. Знає, що тяжко лютувала там епідемія малярії, братик і сестричка захворіли, батько відправив їх з матір'ю назад в Україну. Але хвороба таки забрала дітей, померли. Повернулась мати до Душанбе, де батько працював на залізниці, сама. На фронт Якіма Малюка спершу не забрали, бо мав як залізничник, бронь. Однак узимку 1942 року повістку отримав. Пішов на війну у лютому, а вагітній дружині наказав: як народиться син — назвати Віктором. На честь перемоги. Через місяць, у березні, і народився син. Так що батька свого Віктор бачив тільки на єдиній, що збереглась у сімейному архіві, фотографії. Та й тільки того архіву — повідомлення, що пропав її чоловік безвісти, мати знищила, як тільки отримала. Боялась за себе, за сина, адже тих, хто пропав безвісти, як і полонених, таврували тоді зрадниками. Принаймні у тих краях, де жили після війни. А це — знаний на весь колишній Союз своєрідний острівок ГУЛАГу — Вахшська долина, куди з усієї країни вислали розкуркулених, звозили «неблагонадійних» німців, болгар, греків, прибалтів.

У Таджикистані Віктор Малюк здобув освіту, працював, як батько, на залізниці, був учасником Афганської війни.

— Ніколи не втрачав надії, що знайду батька, куди лишень не звертався, — розповідає він, — а коли прочитав у «Сільських вістях»: Малюк Акім Семенович, 1903 р. н., народився у Полтавській області — серце підказало: він.

Помер Яким Малюк у шталазі 326 24 грудня 1942 року. Поховано його на кладовищі Хемер-1, поле 42, наділ 18, ряд 10, у могилі під номером 172. Через кілька днів Віктор Малюк за давнім українським звичаєм пом'яне батька у родинному колі у рідному тепер для обох Старому Ковраї. Переїхав з дружиною та дітьми в Україну 1992 року, як вийшов на пенсію. Каже, все життя мріяв тут доживати віку. Пришвидшили переїзд тодішні заворушення в Таджикистані, що переросли в громадянську війну. А можливо, сама доля розпорядилась, щоб вирване лихоліттям родинне дерево Малюків знову пустило коріння у рідну землю. Якби ж то знав солдат Яким Малюк, коли помирав на чужині, що матиме трьох онуків, шість правнуків. Хоча, напевне, віра у продовження роду й скрасила його останні хвилини.

Віктор Якимович мріє побувати на батьковій могилі. Не просто це буде зробити пенсіонерові, але сподівається, що допоможе рідна Спілка воїнів-інтернаціоналістів, а можливо, посприє в оформленні документів Соцпартія, членом якої є, чи хто з її депутатів, за яких самовіддано агітував на виборах.

...Життя трьох братів багатодітної родини Демчуків з села Шубині Стави Лисянського району Черкащини теж забрала війна. Один, неповнолітнім, трагічно загинув під час окупації в рідному селі. Найстарший — Іван — поліг смертю хоробрих під час визволення села Чапаєвка, що в Пологівському районі Запорізької області. Дем'ян Мусійович і Василь Мусійович Демчуки їздили на братову могилу, вклонились його світлій пам'яті. А от ще одного брата-фронтовика розшукували, аж поки не знайшли у списках в'язнів шталагу 326, опублікованому у «Сільських вістях» у червні 2005 року. І хоч у обліковій картці військовополоненого табірні писарі неправильно записали назву села — «Шустави», у рідних сумнівів не виникло: наш... Михайло! Одразу ж звернулись до редакції. Ох і довгим був для них цей рік чекання, але не згасала надія. І ось у приміщенні сільської ради зібралась численна рідня. Скупі чоловічі сльози заважають Дем'янові Мусійовичу і Василеві Мусійовичу: «Вибачте, говорити, як по-писаному, не вміємо, але ви вже перекажіть Анатолію Степановичу Чайковському, Іванові Васильовичу Сподаренкові, усім в Україні та Німеччині, хто причетний до цієї благородної справи... перекажіть, що ми ж дуже вдячні... Уже, мабуть, не поїдемо, і вік, і часи не ті, але хоч знаємо, що є в нашого Міші могилка... Спасибі, і ще раз спасибі...»

Чудовий репортаж про цю подію зробили журналісти Черкаської обласної державної телерадіокомпанії «Рось» — головний редактор відділу Катерина Таран, оператор Олександр Таран. Спасибі, що долучились до сільськовістянської акції «У кожного полеглого є своє ім'я». Вони ж підготували сюжет для програми «Україна: день за днем», що її транслює УТ-1. На одному з кадрів видно, як хвилюється сільський голова Іван Олексійович Плахтійенко, коли знімає для сільського музею копію з переданого редакцією документа, якимось аж надто обережно тримає в руках. А й справді, для Демчуків це тепер сімейна реліквія, як та старенька, поживкла, ще довоєнна фотографія, де їхній Михайло з матір'ю і братами. Таким він і залишився у їхній пам'яті — назавжди 18-літнім. Самі ж постаріли, дістають болячки. Он Дем'ян взагалі було втратив зір. Так австрійці, спасибі фондові «Взаєморозуміння та примирення», профінансували операцію з видалення катаракти. Тепер і без окулярів читати може. Таку ось компенсацію за поневіряння в таборі для оstarбайтерів отримав. Забрали в неволю у 1943 році, будував там на альпійських крутосхилах електростанцію, лупав скелі, тягав каміння, замурував у тунелі гірські потоки, а годували, немов худобу, порубаними на шматки недозрілими гарбузами. Коли дізнався, що помер Михайло в таборі від туберкульозу, тільки голову схилив: «Знаю, як йому там було. Ми хоч цивільні, а як же над ними, військовополоненими, знущались...».

Помер Михайло Демчук 30 травня 1944 року у дочірньому таборі шталагу 326 Вітмаршені. До родинного мартирологу Демчуків відтепер вписано ще одну сумну дату. Але поминальний обід за Михайлом вони влаштували у день вручення їм «Сільськими вістями» облікової картки брата-мученика. І журналістів покликали: «Не цурайтеся, ми по-сільському». Родичі, сусіди, запрошені, як годиться, помолились, згадали померлих і невинно убієнних. А там зайшло і про тяжкі роки окупації, кровопролитні бої за визволення села, яке опинилось близько до епіцентру Корсунь-Шевченківської битви. Згадали, як чоловіків їхнього та сусідніх щойно визволених сіл, неомундированих, з однією гвинтівкою на двох-трьох кидали на передову. Не оминули й теми Голодомору 32–33 років, згадали, що й узимку 47-го у навколишніх селах траплялись випадки канібалізму.

— Як же той Симоненко сміє казати, що Голодомору не було, — не стримала обурення котрась із жіночок.

— А Герасимов?.. — це вже хтось із чоловіків, та й махнув спересердя рукою.

А вже коли прощались, сільський голова спохопився, що мало не забув розповісти про недавню знахідку у Шубиних Ставах, коли під час оранки на одному з городів трактор видобув останки німецького

солдата. Зберігся й жетон з особистим номером. Попросив Іван Олексійович допомогти зв'язатися з котроюсь із організацій, що займаються пошуком загиблих вояків вермахту.

— Це ж, напевне, в Німеччині хтось, як наші Демчуки, брата свого розшукує, — і додав, — от би вдалось ім'я його встановити, це ми б громадою віддячили.

Випадок і справді видається символічним. Ніби сама українська земля прагне урівняти в правах перед Всевишнім колишніх ворогів, по смертно помирити тих, що наклали головами у страшній бійні, розв'язаній не двома народами, а двома тоталітарними режимами.

Володимир Журавель,

Черкаська область.

«Сільські вісті», 21 грудня 2006 р.

ОСТАННЯ ФОТОКАРТКА З ВІЙНИ

Шістдесят п'ять років минуло відтоді, як родичі Никифора Лабуді отримали від нього останнього фронтового листа. Від того далекого 1942-го ніхто у Йосипівці Савранського району на Одещині не знав, що сталося з 44-річним солдатом під час тієї тепер уже далекої війни. Ані вісточки, ані свідчень однополчан, ані похоронки... Пропав чоловік, як кажуть, безвісти.

Куди б не зверталася дружина, а потім діти, звідусіль надходила одна відповідь: відомостей немає. Аж у травні 2005 року внучка Никифора Івановича — Світлана Войтенко — у газеті «Сільські вісті» натрапила на список військовополонених, які загинули в неволі. Було в ньому і прізвище її дідуся. Одразу ж звернулася до редакції з проханням надати детальнішу інформацію про його долю.

На ту публікацію з усієї України надійшли сотні відгуків. Знадобився рік, аби опрацювати їх і передати до Німеччини. На початку червня минулого року у Києві відбулася міжнародна конференція, присвячена темі полону в Другій світовій війні. На конференцію були запрошені й родичі загиблих військовополонених. Однак не всі змогли прибути. Не змогла й Світлана Войтенко, мати чотирьох дітей, працівниця місцевого сільгосп підприємства. Редакція

Остання фотокартка з концтабору,
1942 р.

Танкіст Микола Штельмах (праворуч)
з товаришем у 1940 р.

«Сільських вістей» взяла на себе всі проблеми з доставкою на місце та врученням особисто в руки родичам військовополонених, які загинули в концтаборах, документів-свідчень про їхні долі. У завершальний акорд цієї важливої справи свою лепту внесли й представники Савранської районної ради, місцевої сільської громади та загальноосвітньої школи. Передача документів відбулася в урочистій обстановці. Цю подію на своїх сторінках вже висвітлили районна газета «Сільські новини» та єдиний на всю Одещину обласний україномовний часопис «Чорноморські новини». Тепер і внучка Світлана, і правнуки Никифора Лабуді, і вся громадськість знатимуть про драматичну долю свого земляка, що стала такою через ту клятву війну.

Інша доля — в іншому селі. Так само понад 65 років нічого не було відомо про Миколу Штельмаха з Новомиколаївки Новобузького району Миколаївської області. Серед своїх п'яти братів та двох сестер він був найстаршим. Народився 1919 року. В юнацькому віці у нього виявились неабиякі механізаторські здібності. На той час це шанувалося. Трактористам навіть відстрочку від армії давали. В 1939-ому Миколу все ж таки призвали, потрапив до танкових військ. Служив разом із земляком — Іваном Наточієм. Той був водієм заправника, обслуговував танк Миколи. У травні 1940-го друзі сфотографувалися на пам'ять. На тому знімку Микола Штельмах праворуч. Рівно через два роки перед важким боєм під Харковом товариші бачилися востаннє. Коли Іван Павлович Наточій повернувся з фронту, то розповів родичам Штельмаха таке. «Наші відступали. Залишаючи поле бою за наказом командування», — Наточій здаля бачив, як горить танк Штельмаха. Більше нічого не знає.

Пролетіли літа, сьогодні серед живих лише менший брат Миколи Леонід та сестра Надія. Надія Сергіївна проживає у Новому Бузі. Там же змолоду інструктором з водіння при місцевому технікумі працював і Леонід. Коли поєднав свою долю з молододу спеціалісткою сільського

господарства Валентиною, поїхав разом з нею на Херсонщину. Туди її направили за розподілом по закінченні технікуму. У радгоспі «Долинський», що у Чаплинському районі, молодим людям виділили будинок. Валентина Мойсеївна працювала ветфельдшером, Леонід Сергійович — водієм. Підняли на крила п'ятьох синів-соколів, уже й онуків аж десятеро мають. Життя у Леоніда Сергійовича, як кажуть, вдалося. А ось за брата — завжди душа боліла. Хоч би знати, де ж могила його...

І ось я в селі Долинське Чаплинського району. Газету «Сільські вісті» Штельмахи передплачують давно. Розгорнули якось черговий номер — а там повідомлення про Миколу! Згодом і кореспондент зателефонував, що має приїхати, привезти особову справу полоненого. У тій анкеті записано, коли Микола Штельмах потрапив до полону, в якій робочій команді працював. Зафіксовано дату смерті — 17 січня 1943 року та її місце — Хохфельд під Дуйсбургом. Хохфельд по-нашому — Високе Поле. На тому високому і чужому полі розпрощалася із землею душа простого сільського хлопця. Не судилося йому повернутися до рідних ланів, які встиг щиро полюбити.

На його честь нині покійна сестра Ганна ще 1948 року назвала свого сина, а теж уже покійний брат Іван в 1955-ому дав ім'я Микола своєму нащадку. Вєсь великий та дружний рід Штельмахів вдячний газеті за допомогу, за останню Миколину фотокарточку з війни, що є на табірній анкеті.

Олександр Небогатов,
Одеська–Миколаївська–Херсонська області.
«Сільські вісті», 23 січня 2007 р.

ТАЄМНИЦЯ ДВОХ ФОТОКАРТОК

Ця неймовірна історія, яка розворушила минуле, почалася тоді, коли «Сільські вісті» у 2005 році опублікували списки військовополонених фашистського табору шталаг 326, серед яких було й ім'я Івана Копієвського. Невдовзі з Голованівська Кіровоградської області надійшов до редакції лист від рідних Івана Копієвського, але не Івана Аврамовича, якого було згадано в опублікованому списку, а Івана Гавриловича, який також родом із Голованівського району — з села Грузьке. Це спонукало до продовження розшуку.

Секретар Грузької сільської ради Любов Борисівна Капелюшна оперативно повідала, що Іван Аврамович Копієвський дійсно жив у їхньому селі. Родина його одержала похоронку, але він повернувся з війни живим. Працював до глибокої старості у місцевому колгоспі. Помер у 2001 році.

Любов Борисівна допомогла зв'язатися з дочкою Івана Аврамовича Марією, яка проживає у Миколаївській області.

Іван Гаврилович
Копієвський,
доля якого невідома

Напередодні поїздки до неї я довго вдивлялася у фото на документі з німецьких архівів, який мені належало їй вручити. Облікова картка військовополоненого містить скупі деталі, але не зрозуміло чому аж дві фотокартки. Тим паче, що на них різні люди. Один чоловік із зализинами, з видовженим обличчям, другий — із розкішним чубом, повнолиций.

Телефоную у Голованівськ до Копієвських, які розшукували Івана Гавриловича. Розповідаю про ситуацію з двома фото на документі. Федір Карпович Копієвський, двоюрідний брат Івана Гавриловича, погоджується на зустріч. І відразу ж упізнав у високочолому чорнявому солдатві свого родича.

— Схожий на нашу рідню, дуже схожий... — розхвилювався Федір Карпович. — Поїду до

сестри, покажу це фото і порівняю з тим, що в неї. І вам повідомлю.

Невдовзі надійшла звістка: на знімку — справді Іван Гаврилович Копієвський.

...Дорогою до Грузького я весь час думала: а кого ж із солдатів, що на двох окремих фото, впізнають близькі люди іншого Копієвського — Івана Аврамовича?

Зібралася чимала родина. Марія Іванівна Кравчук (Копієвська) приїхала з Первомайська Миколаївської області до дядька Олександра. Вона дуже хвилювалася і дякувала редакції, що не забули її батька, привезли вісточку про його життя у німецькому полоні.

— Ось документи, які залишилися від тата, — каже Марія Іванівна, розкладаючи старі фотокартки. — А ось і похоронка, яку моя бабуся одержала на свого сина, а мого тата у 1944 році.

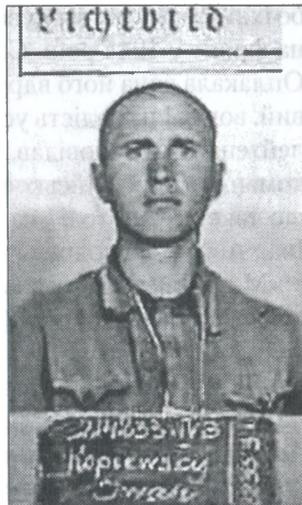
Вдруге в своєму житті я тримаю звістку з фронту. Маленький папірець, на якому вмістилося ціле людське життя, подвиги і мить смерті... Вказано, що загинув у березні 1943-го. Надіслано документ у 1944-му.

Марія Іванівна уважно вдивляється у щойно одержаний документ із німецьких архівів з двома фото. Олександр Аврамович Копієвський, брат Івана, відразу ж вказує на одного:

— Це мій брат.

Мить мовчання. Потім:

— Як пішов Іван на фронт, жодної вісточки не було. Мама плакала. Батька нашого у 1933 році арештували як куркуля і вивезли у тайгу. Мама дуже побивалася за ним та за сином. Я не пам'ятаю точно, коли саме переказали матері, щоб вона побігла у сусіднє село, там один солдат може розказати дещо про Івана. Від нього й дізналася мати, що під час атаки її сина поранило в голову і він помер. Той солдат вночі й похоронив його. Оплакали ми брата. А тут додалося ще одне горе. Найстарша сестра Галя, в якій було п'ятеро дітей, як тільки провела чоловіка на фронт, захворіла і померла. Ми росли цих дітей,

Іван Аврамович
Копієвський
в концтаборі

Іван Аврамович
Копієвський
в післявоєнні роки

бо їхній батько не вернувся з війни. Мама важко все переживала. Я пішов на фронт у 1944 році. Саме тоді матері похоронку на Івана прислали. Оплакала вона його вдруге, та раптом — лист від Івана. Писав, що живий, воює. І на радість усім повернувся-таки додому, в званні старшого лейтенанта. Розповідав, що після того, як вирвався з полону, його друг, командир іншої військової частини, дав йому направлення на фронт, бо що таке полон, тоді знали всі — це десять років таборів. Після війни Іван Аврамович одружився, в 1947 році народилася Марія.

Марія Іванівна розкладає фото на столі, на них — її батько в дитинстві, юності та в зрілому віці. Старі фотографії. Літопис родини у кількох поколіннях.

А в історії пошуку відомостей про Івана Гавриловича Копієвського не ставимо крапку. Як фото могло опинитися на обліковій картці Івана Аврамовича? Яка таємниця криється за цим?

У цих Копієвських теж була велика рідня... Гаврило, Секлета, Явдоха, Євтихій, Карпо, Марія мали по трое-п'ятеро дітей, життя багатьох із них поламала війна. Гаврилів син Іван до війни закінчив льотну школу в Запоріжжі. Були відомості, що воював під Сталінградом.

Кіровоградська обласна рада, зокрема заступник її голови Яків Андрійович Бондар, надали велику допомогу в організації зустрічі з родичами Івана Аврамовича Копієвського та Івана Гавриловича Копієвського, солдата з невідомою долею. А журналісти обласного радіо про пошукову роботу «Сільських вістей» та про зустріч у Грузькому розповіли в спеціальному радіорепортажі, за що їм щиро дякуємо.

*Катерина Ковальчук,
Кіровоградська область.
«Сільські вісті», 2 березня 2007 р.*

ПІСЛЯМОВА

Третя київська міжнародна наукова конференція, що відбулася 1–5 червня 2006 р., була черговою спробою обговорення у загальноєвропейському контексті науково-дослідницьких та меморіальних заходів, втілюваних різними країнами задля повернення з небуття імен радянських громадян, зокрема українців, які загинули в нацистських таборах, а також іноземців, які перебували на території СРСР у військовому полоні або були інтернованими. Вона стала логічним продовженням попередньої конференції, проведеної у Києві у травні 2004 р., в ході якої представникам 28 дипломатичних місій урядом України було передано архівні документи щодо 102 597 померлих у таборах НКВС та 583 місць їх поховання.

Завдяки плідній меморіально-пошуковій роботі Державної міжвідомчої комісії у справах увічнення пам'яті жертв війни та політичних репресій влітку 2007 р. було оприлюднено нову гуманітарну загальноєвропейську ініціативу під гаслом «Спільна Європа — спільна пам'ять». Упродовж року під час офіційних візитів до Франції, Угорщини, Словаччини та Румунії Президент України В. А. Ющенко закликав приєднатися до відповідної загальноєвропейської Декларації. Практичним підґрунтям цієї ініціативи є меморіальний проект зі створення в Україні збірних інтернаціональних поховань жертв Другої світової війни. Концептуальні засади проекту (надаються в додатку) було схвалено на засіданні Державної міжвідомчої комісії 12 липня 2007 р.

Разом з тим, сьогодні існує очевидна потреба у відповідному науковому супроводі даного меморіального проекту, про що було наголошено під час традиційної XII зустрічі істориків, проведеної 22–24 жовтня 2007 р. в м. Берліні під патронатом Німецької служби (WASSt). Обговорення результатів поглибленого науково-історичного співробітництва у загальноєвропейському форматі маємо продовжити у Києві під час IV Міжнародної конференції «XXI сторіччя: пошук шляхів примирення біля могил полеглих», проведення якої передбачається на 28–31 травня 2008 р.

Тим більш, що практичну реалізацію міжнародного проекту було вже розпочато 2 вересня 2007 р. в м. Славути Хмельницької обл. (в день 62-ї річниці завершення Другої світової війни). Того дня на території новоутвореного Меморіального комплексу «Поле Пам'яті» у присутності іноземних дипломатичних представництв відбувся міжнародний Церемоніал вшанування пам'яті жертв Другої світової війни, під час якого було проведено одночасне перепоховання останків 122 радянських

громадян, що загинули в неволі у 1941–1944 рр., та 123 іноземців. Із зазначеної кількості других, останки яких у серпні цього року було ексгумовано на Вінничині та Хмельниччині зусиллями спільної українсько-німецької експедиції, наразі ідентифіковано 122 особи, з яких 96 виявилися німцями, 20 — угорцями, 5 — австрійцями та 1 — словаком.

Під час підготовки Церемоніалу було актуалізовано потребу фахової співпраці з профільними архівними установами Російської Федерації та ФРН у справі встановлення (персоніфікації) імен сотень тисяч наших колишніх співвітчизників, які загинули в німецькому військовому полоні на окупованій території України впродовж 1941–1944 рр. Зокрема, належні звернення Україною направлено дипломатичними каналами до Урядів Російської Федерації та ФРН. Перспективи такої співпраці обговорювалися під час низки робочих консультацій, проведених апаратом Державної міжвідомчої комісії з німецькими колегами, зокрема з Німецькою службою (WASt), керівник якої п. Урс Файт засвідчив наявність в архівних фондах цієї установи інформації щодо жертв нацистських концтаборів, переважна частина якої влітку 1945 р. стала військовим трофеєм антигітлерівської коаліції та перебуває у фондах Центрального архіву Міністерства оборони РФ у м. Подольську. Залучення Німецької служби (WASt) до персоніфікації жертв нацистських таборів полонених відбуватиметься на підставі двостороннього Протоколу, укладеного 2 листопада 2006 р. між Німецькою службою (WASt) та Департаментом інформаційних технологій МВС України про інформаційне співробітництво у сфері увічнення пам'яті жертв Другої світової війни.

Упродовж останніх років українсько-німецька пошуково-меморіальна співпраця сягнула позитивного рівня, про що було наголошено 19 листопада 2006 р. у Бундестазі на День Скорботи Німеччини у промові Райнхарда Фюрера, президента Німецької народної спілки догляду за військовими похованнями — уповноваженої з німецької сторони установи на реалізацію Угоди між урядом України та урядом ФРН про догляд за могилами загиблих воїнів в Україні та Федеративній Республіці Німеччині від 29 травня 1996 р.

25 жовтня 2007 р. під час зустрічі в м. Берліні пан Фюрер засвідчив цілковиту підтримку німецькою стороною перспективного високогуманного проекту зі створення в Україні збірних інтернаціональних поховань жертв Другої світової війни.

В. Казакевич,

Відповідальний секретар Державної міжвідомчої комісії у справах увічнення пам'яті жертв війни та політичних репресій

Схвалено 12 липня 2007 р. на засіданні
Державної міжвідомчої комісії
у справах увічнення пам'яті
жертв війни та політичних репресій
при Кабінеті Міністрів України

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ
меморіального проекту зі створення в Україні
збірних інтернаціональних поховань жертв Другої світової війни

Перший (національний) етап проекту, який започатковано в межах загальнодержавних заходів Комплексної програми пошуку і впорядкування поховань жертв війни та політичних репресій, затверджених Урядом України на 2006–2010 роки, передбачає створення за рахунок державних коштів збірних кладовищ для гідного перепоховання розшуканих в Україні останків радянських військовослужбовців та цивільних осіб, які загинули впродовж окупаційного періоду 1941–1944 років.

На цьому етапі проекту мова йде про повернення з небуття сотень тисяч імен наших співвітчизників, які понад шістдесят років вважалися безвісти пропалими. Вочевидь, у багатонаціональному складі жертв нацистського режиму, до яких належать мешканці всіх республік колишнього СРСР, переважну більшість складають росіяни. Це є першою очевидною причиною для залучення урядових інституцій РФ до практичної реалізації проекту на його першому етапі. В даному випадку мова йде про перспективну співпрацю з Центральним архівом Міністерства оборони та Воєнно-меморіальним центром Збройних Сил РФ з метою опрацювання персональних карток радянських військовополонених (складених німецькою мовою), які до 1945 року зберігалися обліковою службою Вермахту. Наявні джерела фінансування очікуваного українсько-російського проекту носитимуть комплексний характер з урахуванням вагомого внеску російської сторони.

Водночас слід наголосити, що термін започаткування зазначеної українсько-російської співпраці на міжвідомчому рівні не залежить від дати підписання Угоди між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про поховання жертв війн та політичних репресій на території обох країн, проект якої опрацьовується в рамках роботи

Підкомітету з питань гуманітарного співробітництва Українсько-Російської міждержавної комісії.

Другий (міжнародний) етап проекту (де-факто) започатковано внаслідок оприлюднення Президентом України В. А. Ющенком під час його офіційного візиту до Угорської Республіки (10–11 липня 2007 р.) гуманітарної ініціативи під гаслом «Спільна Європа — спільна пам'ять». На сьогодні свої наміри долучитися до неї на робочому рівні засвідчено компетентними установами ФРН, Угорщини, Італії, Польщі та Румунії.

Другий етап проекту передбачає гідне перепоховання розшуканих та ідентифікованих останків іноземців, які померли або загинули впродовж 1945–1954 років внаслідок перебування у таборах для військовополонених та інтернованих осіб, розташованих на території України.

Належними договірно-правовими підставами щодо запровадження другого етапу проекту виступають чинні міжнародні договори України, укладені з:

- Урядом ФРН про догляд за могилами загиблих воїнів в Україні та Федеративній Республіці Німеччина від 29 травня 1996 року;
- Урядом Республіки Польща про збереження місць пам'яті і поховання жертв війни та політичних репресій від 21 березня 1994 року;
- Урядом Угорської Республіки про збереження та увічнення місць пам'яті загиблих військовослужбовців та цивільних жертв воєн та про статус поховань від 16 листопада 1996 року;
- Урядом Італійської Республіки про догляд за військовими похованнями від 31 липня 1998 року.

Слід зважати і на очікувані міжнародні договори України щодо пошуково-меморіальної співпраці, які укладатимуться найближчим часом з Румунією, Чехією та Словаччиною.

Засадничою інформаційною підставою для практичної реалізації цього етапу проекту є архівна інформація щодо 102597 померлих у таборах НКВС іноземців та 583 місць їх поховання в Україні, яку було передано Урядом України наприкінці травня 2004 року дипломатам 28 іноземних держав.

Практична реалізація етапу проекту передбачає наступні взаємопов'язані заходи:

1. Оприлюднення зацікавленими іноземними державами своїх намірів щодо приєднання до української міжнародної ініціативи «Спільна Європа — спільна пам'ять» та фахове опрацювання Державною міжвідомчою комісією спільно з компетентними іноземними інституціями інформації щодо місць поховань в Україні, на яких може бути здійснено результативну ексгумацію та ідентифікацію останків іноземних громадян.

2. Оприлюднення та узгодження з Державною міжвідомчою комісією намірів зацікавлених іноземних держав щодо здійснення ексгумації

та ідентифікації останків з метою їх перепоховання на окремих земельних ділянках у територіальних межах збірних кладовищ, утворених в Україні під час першого (національного) етапу. Запровадження другого етапу доцільно обмежити територією двох збірних кладовищ жертв нацистського режиму, які набуватимуть міжрегіонального характеру та міжнародного статусу на Хмельниччині (захід) та Луганщині (схід).

3. У першому півріччі 2008 року, під час проведення в Україні IV Міжнародної науково-практичної конференції «XXI сторіччя: пошук шляхів примирення біля могил полеглих», уповноважені установи тих держав, які стануть фундаторами другого етапу проекту, мають узгодити нормативно-правові та фінансові механізми його реалізації, зокрема уніфіковану архітектурну концепцію збірних інтернаціональних поховань жертв Другої світової війни з урахуванням їх специфічної інфраструктури. Разом з тим, є очевидним, що виконання заходів з ексгумації та перепоховання останків іноземних громадян має фінансуватися за рахунок коштів зацікавлених європейських держав.

В. Казакевич
Відповідальний секретар
Державної міжвідомчої комісії

XXI століття:
Пошук шляхів примирення біля могил полеглих

**ВІЙСЬКОВИЙ ПОЛОН
ТА ІНТЕРНУВАННЯ
1939–1956
ПОГЛЯД ЧЕРЕЗ 60 РОКІВ**

*Матеріали міжнародної наукової конференції
2–4 червня 2006 року*

Видповідальний науковий редактор
доктор історичних наук, професор
заслужений працівник освіти України
Анатолій ЧАЙКОВСЬКИЙ

Друкується в редакції авторів

Коректор *О. Серьогіна*

Комп'ютерна верстка *О. Хлопової*

Обкладинка художника *Є. Ільницького*

Підписано до друку 25.12.2007. Формат 60×90/16. Папір офсетний.
Гарнітура PetersburgC. Ум. друк. арк. 21,0. Обл.-вид. арк. 22,0.
Тираж 500 пр. Вид. № 750.

Парламентське видавництво
04053, м. Київ, пров. Несторівський, 4.
Тел.: 272-12-61, факс: 272-10-18
E-mail: editorial@parliamentpublish.kiev.ua

Свідоцтво Держкомінформу України № 69
від 29.05.2000 р.

Віддруковано у Парламентському видавництві

Знайдені помилки

Редакційна колегія видання “Військовий полон та інтернування. 1939-1956. Погляд через 60 років” приносить вибачення за редакційну помилку. Замість Євген Лисенко, с. 86, рядок 4 та у змісті відповідно слід читати **Олександр Лисенко**.

